Учредители:
Министерство науки и высшего образования РФ

АНО Редакция журнала "Социально-гуманитарные знания"

Лицензия на издательскую деятельность редакции выдана Госкомитетом по печати РФ ЛР № 040588 от 22.06.1998 г.

Свидетельство о регистрации журнала выдано Госкомитетом по печати РФ № 01262 от 20.11.1998 г.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ № 2 – 2019 г.

Российское ежемесячное научно-образовательное издание

Издается с 1973 года

Прежние названия: **«Научный коммунизм» (1973-1990 гг.); «Социально-политические науки» (1990-1993 гг.); Социально-политический журнал» (1993-1998 гг.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999 г.)**

С момента создания Перечня ведущих рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в этот перечень согласно решению Президиума ВАК

E-mail редакции: **soc-gum-zhurnal@yandex.ru**

Сайт в Интернете: **http://socgum-zhurnal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке **elibrary.ru** и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

Адрес редакции: **109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16-18, к. 15**

Телефоны редакции: **8(499) 713-61-95; 8(901) 183-61-95**

© «Социально-гуманитарные знания», 2019

Редакционная коллегия:

Миронов Анатолий Васильевич – главный редактор, доктор социологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция) и др., член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

Андреев Эдуард Михайлович – зам. главного редактора, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Бабинов Юрий Александрович – доктор философских наук, профессор Севастопольского технического университета (Севастополь, Крым)

Балбеко Анатолий Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва)

Владимирова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва)

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Иванов Вилен Николаевич – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва)

Editorial board:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section) etc., member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Avanesova Galina Alekseevna − Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow)

Andreev Eduard Mikhailovich − Deputy Chief Editor, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Cief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Babinov Yuriy Alexandrovich - Dr. Sci. (Phil.), Professor of the Technical University (Sevastopol, Crimea)

Balbeko Anatoliy Mihailovich − Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow)

Vladimirova Tatyana Nikolaevna – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow)

VolkovYuriy Grigorievich − Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don**)**

IvanovVilen Nikolaevich − Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow)

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Kapicyn Vladimir Mikhailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Кара-Мурза Сергей Георгиевич – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Kara-Murza Sergey Georgievich – Dr. Sci (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Карпухин Олег Иванович – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ

Karpukhin Oleg Ivanovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow)

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург)

Kefeli Igor Fedorovich – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg)

Козлова Оксана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша)

Kozlova Oksana Nikolaevna – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland)

Лазарева Юлия Васильевна – ответственный секретарь (Москва)

Lazareva Yulia Vasilievna – Executive Secretary (Moscow)

Макаров Анатолий Васильевич – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск)

Makarov Anatoliy Vasilievich – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk)

Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва)

Matyukhin Andrey Victorovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow)

Михайленок Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

Mihajlenok Oleg Michailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Orehovskaya Natalya Anatolievna – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Павленок Петр Денисович – доктор философских наук, профессор Российского государственного социального университета (Москва)

Панферова Валентина Васильевна – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва)

Пуляев Вячеслав Тихонович – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Субочев Николай Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград)

Хазиев Валерий Семенович – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Pavlenok Petr Denisovich − Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Russian State social university (Moscow)

Panferova Valentyna Vasilievna − Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University University (Moscow)

Pulyaev Vyacheslav Tihonovich − Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Skvortsov Nikolay Genrikhovich − Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Subochev Nikolay Sergeevich − Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPA, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd)

Haziev Valeriy Semenovich − Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Ответственный редактор – **Алифанова Ирина Андреевна**

Зав. редакцией, компьютерная верстка − **Миронова Елена Витальевна**

Executive editor – **Alifanova Irina Andreevna**

Secretary of the editorial staff, computer layout – **Mironova Elena Vitalievna**

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Научно-образовательное издание **2019** **2**

СОДЕРЖАНИЕ

• Общество вчера, сегодня, завтра

А.В. Перов, И.В. Юшков – Россия в мировом тренде климатической политики..... 7

А.Ю. Яковлев – Выборы в России в 2018-2019 гг.: тенденции и перспективы..... 20

• Наука, культура и образование на грани тысячелетий

В.Ю. Бельский, Д.Н. Боровинская – Актуальные модели развития образования: подходы и принципы их реализации..... 27

Н.В. Асонов – Современная политическая культура России как элемент гражданского и религиозного типов общества..... 39

Ю.С. Черняховская – Космический проект и научно-технический романтизм в политическом сознании современного россиянина..... 48

• Преподавателю социально-гуманитарных дисциплин

В.А. Васильев – Рациональный диалог и его практическое использование..... 59

А.В. Шишкова – Цифровая этика в современном образовательном процессе..... 68

Е.А. Попов, С.А. Воронина, А.Н. Домашев, О.Н. Замятина – Образовательная проблематика в диссертациях по социологии (2016-2017 гг.)..... 78

И.В. Королева, Н.Ю. Чугунова – Свобода и ответственность как ценности современной молодежи..... 87

А.Д. Вислова – Особенности адаптации региональной молодежи в условиях трансформирующегося общества..... 96

• Россия в динамике глобализирующегося мира

К.А. Феофанов, М.В. Музанков – Взаимодействие России и Германии в контексте трансформации системы европейской региональной безопасности..... 104

Е.С. Васецова – Противодействие Российской Федерации исламистским террористическим организациям..... 121

• Человек и общество

М.Н. Реутова, И.В. Шавырина – Практики взаимопомощи в профессиональной среде..... 132

Т.И. Бармашова – Язык внешнего облика человека в контексте взаимосвязи сознательного и бессознательного..... 138

Д.Б. Жаркимбаева – О роли семьи в формировании гендерного сознания..... 147

Д.Г. Передня, А.Е. Лёвкин – Новый подход к исследованию общественного мнения о деятельности полиции..... 158

• Дискуссионная трибуна

С.Г. Кара-Мурза - Политэкономия Маркса – инструмент политики..... 167

• Научные сообщения

Т.Е. Арсанова – Ближний Восток в политике ЮНЕСКО..... 183

П.Я. Циткилов – Ответственность Константинополя за провоцирование раскола в православии..... 190

В.Е. Шинкевич, Т.В. Куприянчик, М.А. Арская, Н.А. Ермякина – Основные направления в программе реабилитации наркозависимых: отечественный и зарубежный опыт..... 204

К.А. Дубинкина – "Группа семи" и ее роль в мировой финансовой системе..... 218

М.М. Симонова – Лингвистические основы коммуникации..... 225

А.В. Попова, К.В. Хомутовская – Анализ внутренней структуры крауд-проектов и эффективности их реализации в городе Москве..... 234

Н.А. Кормин, В.В. Мартыненко – Социально-философская и экзистенциальная архитектоника Санкт-Петербурга..... 247

Т.А. Рассадина – Тенденции амелиоризма в послереволюционной России..... 262

И.Н. Бережная – Социально-этические и гуманистические тенденции в развитии современной науки и техники..... 272

И.А. Монастырская, Л.А. Артюхова – К идее герменевтики в философии и литературе йенских романтиков..... 279

Л.А. Емельянова – Основные факторы повышения конкурентоспособности коллективных субъектов профессиональной деятельности..... 286

М.А. Маммаева, З.Н. Лобачёва, З.С. Бигаева – К вопросу о социально-экономических проблемах сельской молодёжи на современном этапе..... 295

• Слово – молодым ученым

Го Чанчао – Современные подходы к исследованию глобальной безопасности..... 302

Г.Р. Байтурина – Новый класс как главный участник управленческого процесса..... 310

И.В. Корнута – Постмодернистская парадигма как составляющая современной эпистемологии политической науки..... 316

Сун Ифань – Современная политическая система и БРИКС..... 326

Н.С. Лупачева – Современные исследования молодежной политики..... 333

Ж.В. Ахмадуллина – Культура коренных народов в контексте культурной политики Австралии (социально-философский анализ)..... 338

Сунь Юэхуацю – Глобальная безопасность и китайский подход..... 347

В.О. Купаев – Трансформация современной мир-системы: проблема единых наций, стран, государств..... 352

В.А. Красильников – Древнегреческие софисты о проблеме небытия... 357

А.В. ПЕРОВ
кандидат политических наук,
руководитель Отдела специальных проектов
Фонда национальной энергетической безопасности

И.В. ЮШКОВ
старший преподаватель Департамента
политологии и массовых коммуникаций
ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»*

Россия в мировом тренде климатической политики

Научный базис мировой климатической политики

Опасное влияние антропогенного фактора на климатические изменения принято называть практически доказанным научным фактом, который получает лишь все больше подтверждений. Наиболее авторитетной организацией, оценивающей воздействие человека на климат, является учрежденная в 1988 г. по инициативе ООН Межправительственная группа экспертов по проблеме изменения климата (МГЭИК). Считается, что официальные лица должны стремиться придерживаться выводов и оценок МГЭИК[1]. Соответственно ее можно назвать тем институтом, который формирует своего рода общепризнанный научный и идеологический базис современной климатической политики в мире.

Как отмечается в вышедшем в 2014 г. «Пятом оценочном докладе» МГЭИК, количество доказательств антропогенного влияния на климатическую систему за время, прошедшее с момента публикации предыдущего оценочного

* Перов Александр Валентинович, e-mail: perov@energystate.ru; Юшков Игорь Валерьевич, e-mail: ushkovigor@gmail

[1] *Кокорин А.О.* Изменение климата: обзор Пятого оценочного доклада МГЭИК. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2014, с. 5.

доклада (2007 г.), увеличилось[1]. В свою очередь, вызванные антропогенной эмиссией климатические изменения «повышают вероятность тяжелых, всеобъемлющих и необратимых воздействий на людей и экосистемы». Отсюда для того, чтобы избежать грозящих планете и человечеству бедствий, «потребуются существенные и устойчивые сокращения выбросов парниковых газов, которые в сочетании с адаптацией могут ограничить риски изменения климата[2]. При этом в докладах МГИЭК говорится и о существование природных факторов, способных оказывать влияние на климат. Однако их роль в наблюдаемых климатических изменениях признается незначительной по сравнению с антропогенным воздействием[3].

Антропогенная теория сформировала господствующий подход к проблемам изменения климата на глобальном и на национальных уровнях. Она послужила научным обоснованием важнейших международных правовых актов. Прежде всего, здесь можно назвать подписанную в 1992 г. Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (РКИК), а также принятые в рамках РКИК такие международные соглашения, регулирующие меры по снижению выбросов парниковых газов, как Киотский протокол (1997 г.) и Парижское соглашение по климату (2015 г.).

Таким образом, климатический фактор к настоящему времени окончательно занял прочное место в мировой политике. Показательным стал 2007 год, когда лауреатами Нобелевской премии мира стали бывший вице-президент США А. Гор и члены МГЭИК. Они были удостоены этой награды за изучение последствий глобальных климатических изменений, вызванных деятельностью человека, и выработку мер по их возможному предотвращению.

В России официальный подход к проблеме климатических изменений зафиксирован, в частности, в утвержденной в 2009 г. Климатической доктрине Российской Федерации. В ней признается, что хозяйственная деятельность человека оказывает заметное влияние на изменения климата и это

---

[1] МГЭИК, 2014: Изменение климата: Обобщающий доклад. Вклад Рабочих групп I, II и III в Пятый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата [основная группа авторов, Р.К. Пачаури и Л.А. Мейер (ред.)]. Женева, 2014, с. 50.

[2] Там же, с. 62.

[3] Там же, с. 45-53.

приводит к тому, что в некоторые регионах планеты они «станут ощутимой угрозой для благополучия населения и устойчивого развития». Сама же проблема глобальных климатических изменений в её национальном и международном измерениях выдвигается в число приоритетов политики РФ[1].

Сегодня вопросы климатических изменений и, сооветственно, необходимости решительных действий по сокращению выбросов плотно вошли в современную политическую и экономическую повестку дня. Прежде всего это характерно для западных стран, однако и развивающиеся страны также все активнее подключаются к глобальному «анти-парниковому тренду»[2]. Судя по данным социологических опросов, тема глобального потепления, хотя и с определенными оговорками, оказалась актуализированной и в сознании россиян[3].

Особо отметим, что ключевым драйвером для продвижения идеи необходимости сокращения выбросов выступает постоянное напоминание о росте числа природных аномалий и угрозе связанных с ними негативных последствий, таких как войны, голод, дефицит питьевой воды, массовая миграция, болезни и т.д. Это следует назвать важной характеристикой информационного сопровождения климатической проблематики. Пугающие данные о грядущих или уже происходящих катастрофах и бедствиях позволяют ей постоянно приковывать к себе пристальное внимание общества.

Широкому общественному резонансу способствует и обязательное использование авторитета науки в процессе популяризации климатической проблематики. Происходит это следующим образом. Регулярно проводится множество научных исследований, в которых доказывается наличие опасных изменений климата, ведущих к появлению новых вызовов для человечества и обострению уже имеющихся проблем. К примеру, в 2017 г. был озвучен научный прогноз, согласно которому к концу XXI в. в Южной Азии, где проживает около одной пятой населения планеты, динамика происходящих по вине парниковых выбросов климатических изменений может превысить критическое значение. В итоге

---

[1] Распоряжение Президента Российской Федерации от 17.12.2009 г. № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации».

[2] *Бирюлин Е.В.* Политика Китая по проблемам изменения климата // Проблемы Дальнего Востока, 2011, № 5, с. 116-127.

[3] Климатические колебания: тепло ли, холодно ли..? ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3425. 24.07.2017. https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116325

здесь сложатся непригодные для жизни человека природные условия[1]. Согласно же другому исследованию глобальное потепление в скором времени грозит сделать большинство крупных городов нашей планеты неподходящими для нормального проведения летних Олимпийских игр[2].

Выдержки и выводы из подобных исследований, а также мнения занимающихся проблемами климата ученых затем широко используются СМИ или распространяются по каналам общественных организаций[3]. Кроме того, климатическую тематику активно используют в своей публичной деятельности влиятельные политики. К примеру, в сентябре 2015 г. председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер в своей официальной речи предупредил о том, что климатические изменения войдут в число основных причин миграции и появления такого нового вызова для человечества, как «климатические беженцы»[4].

Критика теории глобального потепления

Несмотря на доминирование теории об антропогенных причинах климатических изменений с ее выводами о необходимости сокращения выбросов парниковых газов, существуют и альтернативные подходы к объяснению того, что происходит с климатом планеты. Сторонники жестких мер по ограничению выбросов парниковых газов порой обозначают данный противоположный лагерь термином «климатические скептики» (или, как вариант, «климатические отрицатели»), который зачастую носит уничижительную окраску[5].

Наиболее распространенные альтернативные теории, объясняющие происходящие на планете климатические из-

---

[1] *E.S. Im, J.S. Pal, E.A.B. Eltahir*. Deadly heat waves projected in the densely populated agricultural regions of South Asia // Science Advances, 2017, 3 (8). http://advances.sciencemag.org/content/3/8/e1603322/tab-pdf

[2] *Smith K.R. et al.* The last Summer Olympics? Climate change, health, and work outdoors. Lancet, 2016, 388 (10045), p. 642-644.

[3] См., к примеру: Климатический альбом «100 месяцев». М.: ОМНИО “Совет Гринпис”, Greenpeace, 2009. http://www.greenpeace.org/russia/Global/russia/report/2009/11/100-2.pdf\; *Андреев С.* В Европе могут появиться опасные вирусы и патогены // LIFE.ru, 02.08.2017.https:// life.ru/1032049

[4] European Commission – Speech - State of the Union 2015: Time for Honesty, Unity and Solidarity. Strasbourg, 9 September 2015.

[5] См., к примеру, *Каркина П.* Климатический скептицизм: ненаучно и опасно. Гринпис России. 03.12.2014. http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/blogs/green-planet/blog/51572/

менения, связывают их прежде всего с влиянием Солнца. К примеру, существует гипотеза, согласно которой климат Земли под действием солнечных циклов начинает испытывать тенденцию не к глобальному потеплению, а, напротив, к глобальному похолоданию, в то время как антропогенный парниковый эффект оказывает незначительное воздействие на климатические изменения. Утверждается, что «согласно анализу наблюдательных данных максимум глобальных температур уже пройден»[1]. Более того, по прогнозу зав. сектором космических исследований Солнца Пулковской обсерватории РАН Х.И. Абдусаматова, в ближайшие десятилетия Земля может столкнуться с наступлением малого ледникового периода. По его словам, «двухвековой цикл светимости и активности Солнца достигнет своего минимума ориентировочно в 2041±11 году, что приведет к очередному малому ледниковому периоду ориентировочно в 2055-2060 (±11) годах»[2].

Таким образом, в научном сообществе не все разделяют точку зрения о том, что именно деятельность человечества стала основной причиной повышения средней температуры на планете и роста климатических аномалий за последнее столетие. Отмечается, в частности, что влияния парниковых газов явно недостаточно для объяснения причин климатических изменений, а модели, которые построены на данной взаимосвязи, оказываются неспособными давать адекватные прогнозы[3].

Одним из наиболее известных критиков господствующей теории о причинах климатических изменений был авторитетный американский ученый-метеоролог У. Грей, который неоднократно подчеркивал, что человечество не несет ответственности за глобальное потепление. Он публично называл теорию об антропогенной причине потепления смешной, отмечая, что она является продуктом деятель-

---

[1] *Башкирцев В.С., Машнич Г.П.* Солнце определяет климат Земли // Солнечная активность и природа глобальных и региональных климатических изменений. Тезисы докладов. Издательский отдел ИСЗФ СО РАН. М., 2012, с. 31.

[2] *Абдусаматов Х.И.* Наступление фазы спада двухвекового цикла – признак грядущего малого ледникового периода // Известия Крымской астрофизической обсерватории, 2008, т. 104, № 3-4-2, с. 199.

[3] См., к примеру: Predictions by climate models are flawed, says invited speaker at Sandia // Sandia Labs News Releases July 25, 2012. https://sharing.sandia.gov/news/resources/news_releases/warming_skeptic/#.WkY5g9Jl8dW

ности «людей, которые не понимают, как работает атмосфера». По его словам, его коллеги-ученые не высказываются против этой теории, даже если считают ее ошибочной, поскольку в таком случае они лишатся грантов[1]. В июне 2011 г. У. Грей выступил с обращением к Американскому метеорологическому обществу, в котором, помимо прочего, обвинил сторонников антропогенной теории в нежелании идти на открытую научную дискуссию и в том, что они преследуют не научные, а иные интересы[2].

Заметный удар по теории антропогенного потепления нанес скандал, получивший название Климатгейт. Он разгорелся в самый канун 15-й конференции ООН по климату в Копенгагене, состоявшейся в декабре 2009 г. Незадолго до нее хакеры получили доступ к базе данных отдела климатических исследований Университета Восточной Англии и выложили в Интернете для свободного доступа электронную переписку ученых, занимавшихся климатическими исследованиями. Информация в этих письмах дала повод для скандальных обвинений климатологов в том, что они манипулировали данными, делали недостоверные публичные заявления, преувеличивали масштабы потепления и т.д.[3]. В частности, якобы благодаря подобным манипуляциям появился известный график под названием «хоккейная клюшка», согласно которому в конце XX столетия был зафиксирован резкий и оттого особенно пугающий рост средней температуры на планете[4].

Тем не менее звучащая в адрес антропогенной теории критика пока не может поколебать ее господствующих позиций. Напротив, важной составляющей в позиционировании проблемы климата в современном мире является усиленная дискредитация тех, кто отрицает ключевую роль парниковых газов в процессе глобального потепления. Точке зрения

---

[1] *Lyttle S.* Gore gets a cold shoulder // The Sydney Morning Herald, October 14, 2007. http://www.smh.com.au/articles/2007/10/13/1191696238792.html

[2] *William M. Gray.* On The Hijacking of the American Meteorological Society (AMS). June 2011. http://meteo.lcd.lu/globalwarming/Gray/AMS_Hijacking_paper_Gray_2011.pdf

[3] *Costella J.* The Climategate Emails. The Lavoisier Group. March 2010. http://www.lavoisier.com.au/articles/greenhouse-science/climate-change/climategate-emails.pdf

[4] Скандал привел к тому, что были инициированы официальные расследования деятельности затронутых в скандале ученых и по итогу они были оправданы.

оппонентов усиленно пытаются придать имидж чего-то ненаучного или даже безграмотного[1]. В глазах общественного мнения противников теории глобального потепления стараются выставить как далеких от науки псевдоученых и политически ангажированных деятелей. Утверждается, что они игнорируют базовые научные факты, ведут свою дискредитирующую науку деятельность на деньги тех, кто противится сокращению вредных выбросов, и т.д.[2] и тем самым с помощью «откровенной лжи» подрывают усилия по спасению климата планеты[3]. (Аналогично, кстати, и критику возобновляемой энергетики часто преподносят как отсталый, безответственный и близорукий подход, идущий в разрез с прогрессивными тенденциями развития человечества).

Вместе с тем сомнения в антропогенных причинах потепления приводят к закономерному выводу о том, что для решения экологических и климатических проблем дорогостоящие усилия по сокращению эмиссии парниковых газов могут оказаться малоэффективным занятием[4]. Соответственно нет никакого смысла в международных договоренностях по климату, таких как Киотский протокол и Парижское соглашение. Более того, возможное подтверждение правоты климатических скептиков приведет к обрушению всей «антипарниковой» политической и экономической доминанты, которая старательно выстраивалась в мире более четверти века.

Одним из итогов такого краха станет дискредитация целого ряда влиятельных в настоящее время персон и «групп влияния», продвигающих на глобальном и национальных

---

[1] См., к примеру: *Дронин Н.* Наука отрицания: в чем заблуждаются климатические скептики // Forbes.ru. 02.11.2015. http://www.forbes.ru/mneniya-column/idei/304463-nauka-otritsaniya-v-chem-zabluzhdayutsya-klimaticheskie-skeptiki; *Гулев С.* «Латынина слышала звон, да не знает, где он». Климатолог ответил на статью Латыниной о глобальном потеплении // Газета.ru, 10.07.2017; https://www.gazeta.ru/science/2017/07/10_a_10777604.shtml

[2] Новый доклад Гринпис разоблачает псевдоклиматологов.. Гринпис России. 12.09.2013. http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2013/12-09-climate-denial/

[3] *Gleick P.H., Adams R.M., Amasino R.M. et al.* Open letter: Climate Change and the Integrity of Science // Science, 07 May 2010, v. 328, p. 689-690.

[4] Показательно, что даже такую формулировку, как «неантропогенные теории изменения климата», нельзя формально считать корректной. Согласно ст. 1 «Рамочной конвенции ООН об изменении климата» само определение «изменение климата» раскрывается как «изменение климата, которое прямо или косвенно обусловлено деятельностью человека, вызывающей изменения в составе глобальной атмосферы».

уровнях идеи «низкоуглеродной экономики», борьбы с вредными выбросами, развития зеленой энергетики[1] и т.д. Важно, что помимо серьезных репутационных потерь, речь здесь идет и об утрате возможности осваивать значительные финансовые ресурсы, выделяемые по различным каналам в рамках действий по сокращению выбросов. К примеру, согласно Парижскому соглашению только ежегодный бюджет Зеленого климатического фонда будет равняться 100 млрд. долл. Причем, по заявлениям руководства фонда, после 2020 г. требуемые ежегодные общие потребности в финансировании составят уже 450 млрд. долл. в год[2].

Россия в современной климатической политике

Позиция сторонников присоединения России к Киотскому протоколу, а позже к Парижскому соглашению в значительной мере аргументировалась следующим образом: отказ от политики сокращения выбросов «может привести к катастрофическим последствиям для сотен миллионов людей»[3]. В подобной парадигме возможные экономические издержки воспринимаются уже как нечто малосущественное, поскольку на кону стоит необходимость спасти планету от грядущих катаклизмов. Напротив, сомнения в правильности доминирующей версии причин климатических изменений закономерно сразу заставляют, как уже отмечалось, более пристально и беспристрастно оценивать экономическую целесообразность усилий по ограничению парниковой эмиссии.

Особенно актуально данный вопрос стоит для нашей страны. Как известно, Россия выступает одним из ведущих мировых импортеров ископаемого топлива – нефти, газа и угля. Одновременно она сама является его крупным потре-

---

[1] К примеру, в начале 2017 г. на поддержку в России возобновляемой энергетики компании Роснано и «РусГидро» просили Правительство РФ выделить на срок до 2034 г. до 1,5 трлн. руб. См.: *Дятел Т.* Энергетики делят недобытые инвестиции // КоммерсантЪ, 12.02.2018. https://www.kommersant.ru/doc/3546743

[2] *Doyle A.* New UN climate fund to take risks to promote green tech. // REUTERS, June 5, 2015. https://www.reuters.com/article/climatechange-funds/new-un-climate-fund-to-take-risks-to-promote-green-tech-idUSL5N0YR23F20150605

[3] *Тулохонов А.К., Пунцукова С.Д., Зомонова Э.М.* Киотский протокол: проблемы и решения: аналитический обзор. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН (Сер. Экология. Вып. 89), 2009, с. 13.

бителем, в результате чего входит в число главных эмитентов парниковых газов на планете. Согласно данным РКИК ООН доля России в общем объеме глобальных выбросов составляет 7,53%, что делает нашу страну третьей в мире по объемам парниковой эмиссии после Китая и США[1]. В такой ситуации, очевидно, что политика сокращения выбросов может лечь тяжелым социальным и экономическим бременем для России.

Тем не менее часто можно встретить утверждения о выгодности низкоуглеродного пути развития. Он якобы позволит запустить процессы модернизации, внедрения новых технологий и т.д., что, в конечном счете, будет способствовать переводу российской экономики на инновационные рельсы[2]. Все это должно дать мощный позитивный экономический эффект и компенсирует затраты на меры по сокращению выбросов. В результате введение ограничений по эмиссии парниковых газов не создает препятствий для экономического роста[3].

Однако приводимые расчеты положительного влияния на экономику России активной политики по сокращению выбросов имеют сугубо теоретический характер и, кроме того, содержат некоторые спорные допущения. К примеру, говорится о возможности направлять энергоресурсы, сэкономленные в результате деятельности по энергосбережению, для продажи на экспорт по мировым ценам. Кроме того, предполагается большая капиталоотдача от внедрения низкоуглеродных технологий по сравнению с вложениями в нефтегазовый сектор[4].

Многие представители ученого сообщества нашей страны часто высказывали сомнения в доказанности антропо-

---

[1] Сайт РКИК ООН. http://unfccc.int/ghg_data/items/9354.php

[2] См., к примеру: *Юлкин М.А., Дьячков В.А., Самородов А.В., Кокорин А.О.* Добровольные системы и стандарты снижения выбросов парниковых газов. М., Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2013, с. 8. https://new.wwf.ru/upload/iblock/e9e/uglerod_rynok_web_1.pdf

[3] Затраты и выгоды низкоуглеродной экономики и трансформации общества в России. Перспективы до и после 2050 г. / Под ред. И.А. Башмакова, Центр по эффективному использованию энергии (ЦЭНЭФ). М., март 2014, с. 173. http://ccgs.ru/system/system/archives/Novosti/Otchet-PG-2014.pdf

[4] Там же

генного характера климатических изменений[1]. Аргументы о слабости научной базы теории глобального потепления и прежде всего об отсутствии убедительных доказательств связи между увеличением выбросов парниковых газов и последующим потеплением активно используются противниками участия России в мировых договоренностях по климату[2]. Так, в официальном Суждении Совета-семинара РАН, которое было подготовлено по просьбе Президента РФ В. Путина в 2004 г., прямо говорилось, что «Киотский протокол не имеет научного обоснования», а сам он «имеет по отношению к России дискриминационный характер»[3].

Очевидно, что точку зрения противников присоединения России к международным соглашениям по климату определяла не научная сторона вопроса, а возможные негативные последствия этого шага для экономики страны. В частности, в период ратификации нашей страной Киотского протокола утверждалось, что участие России в подобных договоренностях накладывает существенные ограничения на рост промышленности. В результате это может иметь пагубные последствия для развития экономики, при том, что с научной точки зрения связь между потеплением и антропогенными выбросами не доказана[4].

Аналогичные сомнения и опасения по поводу негативного влияния на экономику часто высказываются и в связи с присоединением России к Парижскому соглашению. К примеру, большой резонанс в экспертной среде в 2016 г. вызвал доклад Института проблем естественных монополий (ИПЕМ), посвященный рискам, которые сопровождают

---

[1] См., к примеру: Академик РАН высказался против ратификации Киотского протокол // РИА «Новости». 01.10.2003. https://ria.ru/economy/20031001/442364.html

[2] См. публикации в Бюллетене «Использование и охрана природных ресурсов в России», 2004, № 1. Национальное информационное агентство «Природные ресурсы». http://www.priroda.ru/lib/detail.php?ID=4872

[3] Суждение Совета-семинара РАН о возможном антропогенном изменении климата и проблеме Киотского протокола. (Обсуждено и принято на заседании Совета-семинара 14.05.2004 г.). // Возможности предотвращения изменения климата и его негативных последствий. Проблема Киотского протокола. М.: Наука, 2006.

[4] *Илларионов А., Пивоварова Н.* Экономические последствия ратификации Российской Федерацией Киотского протокола // Вопросы экономики, 2004, № 11, с. 34-59.

принятие Россией обязательств в рамках нового климатического договора[1].

Дополнительный толчок к активизации дискуссий о целесообразности участия России в международных договоренностях по климату вызвал выход США в июне 2017 г. из Парижского соглашения. Свой шаг американский президент Д. Трамп обосновал, в частности, несправедливостью этого глобального договора по отношению к США, желанием не попадать под «кабальные ограничения в энергетике» и необходимостью избежать серьезнейших экономических проблем для страны, которые могли бы нанести ущерб интересам американских граждан[2].

«Климатический демарш» Д. Трампа, в свою очередь, вдохновил российских противников Парижского соглашения. Они получили возможность сослаться на пример США, чтобы еще раз заявить об отсутствии научных оснований под политикой сокращения парниковых выбросов и нежелательности для России принятия обязательств по выбросам[3]. Правда, стоит подчеркнуть, что сам Д. Трамп официально никогда не высказывал прямые сомнения в отношении правильности научных выводов о связи потепления с выбросами парниковых газов.

Выводы

Зачастую дискуссии в нашей стране вокруг темы климатической политики фокусируются на том, есть ли потепление или нет, насколько велика здесь роль антропогенного фактора и т.д. На первый взгляд, повышенный интерес к подобным вопросам вполне оправдан. От ответов на них напрямую зависит то, насколько вообще оправданна деятельность по ограничению эмиссии парниковых газов. Однако в результате наблюдается уход от более важной темы, которой следует заниматься в первую очередь. Это – необходимость

[1] Аналитический доклад «Риски реализации Парижского климатического соглашения для экономики и национальной безопасности России». Институт проблем естественных монополий. М., 2016.

[2] Statement by President Trump on the Paris Climate Accord. The White House. Office of the Press Secretary. June 01, 2017.

[3] См., к примеру: *Никифоров О.* Насколько опасен для России Парижский договор? // Независимая газета, Приложение НГ-экология, 06.04.2017. http://www.ng.ru/economics/2017-07-06/100_ecoparis.html

разработки эффективной климатической политики, обязательно базирующейся на национальных интересах.

В данной связи перед Россией стоит непростая задача. Во-первых, нужно учитывать климатические особенности и характерные для нашей страны экономические условия (большая доля энергоемкой продукции, использование устаревшего и неэффективного оборудования и т.д.), которые приводят к повышенной энергоемкости российской экономики, и, соответственно, к высоким объемам эмиссии парниковых газов[1]. Кроме того, базовой отраслью российской экономики является топливно-энергетический комплекс и, в частности, добыча и продажа углеводородов. В такой ситуации непродуманные и поспешные меры по сокращению выбросов создают серьезные угрозы для экономической и социальной сферы.

Во-вторых, следует принимать во внимание то огромное значение, которое проблеме климата уделяется в международной повестке дня. Попытки оспорить научные положения антропогенной теории глобального потепления сами по себе не сумеют остановить набирающий скорость локомотив глобального низкоуглеродного тренда. Они будут восприниматься в качестве надуманного предлога, чтобы остаться в стороне от необходимости реализации политики по сокращению парниковых выбросов. В результате наша страна на мировой арене может оказаться в неприглядной роли «климатического изгоя», который, как будет считаться, игнорирует стоящую перед человечеством угрозу глобального потепления. Однако подобный статус в будущем чреват серьезными последствиями в свете звучащих предложений по введению санкций в отношении государств, нарушающих международные климатические соглашения[2].

В таких условиях России необходимо найти взвешенный и компромиссный подход в области выработки и проведения климатической политики. С одной стороны, целесо-

[1] Энергоэффективная Россия. Пути снижения энергоемкости и выбросов парниковых газов. Основные выводы. McKinsey & Company, декабрь, 2009, с. 6.

[2] Сюда относится, к примеру, инициатива президента Франции Э. Макрона по принятию «Глобального пакта по окружающей среде». См.: 23-24 June 2017: Global Pact for the Environment Introduced to the World, International Union for Conservation of Nature. https://www.iucn.org/commissions/world-commission-environmental-law/events/23-24-june-2017-global-pact-environment-introduced-world

образно всячески демонстрировать свою приверженность общемировому курсу на ограничение парниковых выбросов и развития низкоуглеродных технологий. С другой стороны, следует одновременно неявно и осторожно выдвигать в качестве приоритетов своей климатической политики факторы экономической и политической целесообразности.

Перов А.В., Юшков И.В. Россия в мировом тренде климатической политики. В статье рассматриваются особенности климатической политики России. Авторы указывают, что возможное устранение России от участия в мировой климатической политике является неразумным шагом. Для России целесообразно сосредоточиться на выработке рациональной и эффективной системы мер, связанной с климатической проблематикой и основанной на национальных интересах.

Ключевые слова: климатическая политика, климатические изменения, глобальное потепление, парниковые газы, низкоуглеродная экономика, Парижское соглашение, Киотский протокол, климатические скептики.

Perov A.V., Ushkov I.V. Russia in the global trend of climate policy. The features of the climate policy of Russia are considered in the article. The authors point out that the possible elimination of Russia from participation in international climate policy is imprudent. For Russia, it is necessary to focus on the development of rational and effective policy related to climate issues and based on own national interests.

Keywords: climate policy, climate changes, global warming, greenhouse gases, low-carbon economy, Paris agreement, Kyoto Protocol, climate skeptics.

А.Ю. ЯКОВЛЕВ
доктор политических наук, профессор кафедры международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России*

Выборы в России в 2018-2019 гг.: тенденции и перспективы

В России, в отличие от многих западных стран, население достаточно высоко политизировано. Политика в жизни рядового россиянина порой занимает более важное место, нежели вопросы, непосредственно связанные с ним и качеством его жизни. Это сильно отличает граждан Российской Федерации от североамериканцев, западных европейцев, австралийцев, которые в основном обеспокоены вопросами личного благополучия и комфорта.

Довольно интересной особенностью российского политического сознания является преимущественное концентрирование внимания на внешнеполитических вопросах.

Иными словами, сознание значительной части граждан Российской Федерации занято проблемами, мало затрагивающими их лично. В частности, сложно понять, каким образом касаются рядовых россиян, составляющих большинство жителей страны, конфликты в государствах Ближнего Востока и Африки или выборы президента США.

Одновременно с этим, несмотря на превалирование геополитических пристрастий у жителей России, имеются некоторые области внутренней политики, которым придается важное значение – выборы. Центральное место занимают выборы должностных лиц федерального уровня.

Если кратко остановиться на том, какие выборы вообще есть в России, то их можно классифицировать следующим образом. Во-первых, по уровню властной вертикали, на которой происходит избрание – федеральные (общероссийские), региональные (субъектов Российской Федерации) и муниципальные (местные). Во-вторых, по статусу (в том числе принадлежности к ветви власти) избираемого должностного лица или органа власти – высшего должностного

* Яковлев Александр Юрьевич, e-mail: gosypravlenie@yandex.ru

лица определенной территории (Президент России – всей страны, губернатор – субъекта Федерации, руководитель муниципального образования – города, района) и депутаты.

Несмотря на то, что в стране, помимо федеральных выборов, есть субъектовые и местные, общероссийские электоральные кампании вызывают значительно больший интерес у населения. К таковым относятся выборы Президента России[1] и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Первые проходят каждые 6 лет, вторые – раз в 5 лет. До внесения изменений в Основной закон в 2008 г., сроки пребывания на должностях составляли в обоих случаях по 4 года.

Выборы должностных лиц субъектов Федерации (губернаторов и депутатов законодательных собраний регионов) определенно меньше волнуют граждан. Еще ниже интерес к выбору глав и депутатов городов, районов, сельских и городских поселений.

В качестве иллюстрации вышесказанного может служить явка избирателей в одном и том же субъекте Российской Федерации на выборы различного уровня. Возьмем в качестве примеров крупнейшие регионы страны – Москву, Санкт-Петербург и Московскую область и для сравнения один из самых малонаселенных – Магаданскую область.

Так, на выборах Президента России в марте 2018 г. явка избирателей (т.е. число граждан Российской Федерации, обладающих избирательным правом и пришедших голосовать) составила 59,9%[2]. Выбирать мэра столицы в сентябре 2018 г. посчитали необходимым 30,9% избирателей Москвы. Для сравнения: за депутатов Московской городской Думы нынешнего созыва в сентябре 2014 г. голосовал 21% избирателей. На выборы депутатов муниципальных образований в г. Москве в сентябре 2017 г. пришло 14,8% зарегистрированных избирателей.

В Санкт-Петербурге следующая картина. Выбирать Президента России в 2018 г. пришло 63,7% жителей с избирательным правом северной столицы. В последних выбо-

[1] *Яковлев А.Ю.* Выборы Президента Российской Федерации 2018 года: социально-политические аспекты // Социально-гуманитарные знания, 2018, № 3, с. 7-13.

[2] Здесь и далее цифры рассчитаны автором на основании данных ЦИК России, избирательных комиссий субъектов Федерации и муниципальных образований.

рах губернатора Санкт-Петербурга в сентябре 2015 г. приняло участие 39,4% избирателей, депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга в сентябре 2016 г. – 32,4%. Ввиду того, что одновременно с главой региона в 2015 г. проходили муниципальные выборы, явка на них была такой же – около 40%.

В Московской области главу государства пришли год назад выбирать 63,5% подмосковных жителей. На выборах губернатора области, прошедших, как и в столице в сентябре 2018 г., были 38,5%. В последней электоральной кампании в Московскую областную Думу двумя годами ранее, в сентябре 2016 г., посчитали необходимым участвовать 37,7% подмосковных избирателей. С определением доли жителей, пришедших в Московской области на муниципальные выборы, ситуация обстоит значительно сложнее, так как выборы проходят в различных муниципальных образованиях в разное время и явка может довольно сильно отличаться.

В качестве примеров явки на муниципальных выборах возьмем электоральные процедуры апреля 2018 г. В выборах депутатов Совета депутатов Можайского городского округа Московской области приняло участие 25,6%, что является довольно неплохим показателем. Более привычной для российских муниципальных выборов является цифра с явкой избирателей при голосовании за кандидатов в Совет депутатов городского округа Ликино-Дулево в 19,7%.

В отдаленном и малонаселенном регионе России, Магаданской области, ситуация следующая. Главу государства в марте 2018 г. пришли выбирать 71,9% избирателей, а губернатора через полгода, в сентябре, 39,6%. На последних выборах областных депутатов в сентябре 2015 г. совершили волеизъявление 33,5% избирателей. В 2016-2018 гг. муниципальных выборов не было. В 2015 г. выбирать депутатов г. Магадана, где проживает примерно ⅔ населения области, решили 29,6% обладавших избирательным правом. Довольно интересны результаты явки на выборах главы Омсукчанского городского округа с численностью избирателей 3075 человек, на которые пришло 38,9% избирателей. Однако данный показатель отличается от обычных, что отчасти объясняется малой численностью населения и наличием возможностей его мобилизации местными

властями, а также первыми выборами, организованными во вновь образованном муниципальном образовании.

Если сравнить имевшие место явки на федеральных, региональных и муниципальных выборах, то мы получим следующую картину – со спуском на более локальный уровень. В Москве разница между президентскими, мэрскими и муниципальными выборами составила 29% и 16,1%. В Санкт-Петербурге и Московской области выбирали губернаторов соответственно на 24,3% и 25% меньше, чем главу государства. Разница в явке на президентских и губернаторских выборах в Магаданской области составила 32,3%. Также число граждан, желающих избрать региональных депутатов субъектов Федерации, уступает числу принявших участие в губернаторских выборах.

Явка на выборах имеет крайне важное значение. Количество пришедших на избирательные участки граждан влияет на легитимность избранных должностных лиц и их признание со стороны населения. Также, помимо количества пришедших на выборы, существенное влияние оказывает структура избирателей, совершивших волеизъявление. В России на выборы преимущественно ходят лица консервативных взглядов, а большинство несогласных с проводимой политикой, наоборот, остаются в день голосования дома. Таким образом, основная часть голосов оказывается у кандидатов от власти.

Касательно результатов выборов, прошедших в 2018 г., можно отметить, что в целом они имели предсказуемые результаты. Однако имелись и некоторые неожиданности, о которых будет сказано ниже.

На выборах Президента России в марте 2018 г., по данным ЦИК России, победил действующий глава государства В.В. Путин, набрав 76,7% от пришедших на выборы, что ранее не удавалось ни одному кандидату. В данном случае личность победителя мало у кого вызывала сомнения, если таковые в принципе были.

В единый день голосования в сентябре 2018 г. состоялись, как это уже на протяжении ряда лет происходило, большое количество самых разных выборов – от глав регионов до депутатов сельских поселений. Состоялись также дополнительные выборы различного уровня в связи с выбытием депутатов (смерти, перехода на иную работу и пр.). Были избраны населением и законодательными собра-

ниями субъектов РФ главы 23 и 4 субъектов Федерации соответственно, депутаты 16 законодательных собраний, состоялись выборы мэров региональных центров – Абакана, Томска, Хабаровска и Якутска.

В основном на региональных и муниципальных выборах сюрпризов не было. Однако в нескольких регионах действующие губернаторы проиграли. В Хабаровском крае в двух турах губернатора с 10-летним стажем Шпорта В.И. победил представитель партии ЛДПР Хургал С.И. Во Владимирской области его однопартиец Сипягин В.В. также в двух турах превзошел действовавшего главу с 5-летним стажем Орлову С.Ю. В Республике Хакасия двухтуровые выборы выиграл представитель КПРФ Коновалов В.И., обойдя Зимина В.М., занимавшего пост республиканского главы 2 срока. Сверхнапряженная ситуация имела место в Приморском крае, где во втором туре еще один представитель КПРФ набрал больше голосов исполнявшего обязанности губернатора Тарасенко А.В. Однако здесь краевая избирательная комиссия приняла решение о признании выборов недействительными. После этого Президентом России был назначен новый врио губернатора Кожемяко О.Н., победивший на выборах, прошедших в декабре 2018 г. уже без участия Тарасенко А.В., которому было отказано в регистрации.

По итогам выборов в представительные органы субъектов Федерации и муниципальных образований большинство получили лица, выдвинутые партией «Единая Россия», что продлевает ее доминирование на политическом пространстве страны.

Подводя итог проведенному анализу, можно выделить следующие российские электоральные тенденции. Первая заключается в снижении интереса у жителей к выборам вместе с опусканием на нижестоящий уровень управления. Вторая – к выборам глав регионов у населения имеется больший интерес, нежели к избранию депутатов законодательных собраний субъектов Российской Федерации. Третья состоит в том, что в подавляющем числе случаев побеждают действующие губернаторы, а региональными и муниципальными депутатами становятся представители одной политической партии. Четвертая свидетельствует о поддержке со стороны населения, принявшего участие в выборах, властных элит, при этом основная часть несогласных жителей не приходит на участки для голосования.

Пятая – протестное голосование населения в трех регионах привело к победе на выборах губернаторов оппозиционных кандидатов, что доказало возможность выиграть выборы представителям различных политических сил.

Что касается перспектив развития российской электоральной системы, то, учитывая высокую степень непредсказуемости принимаемых решений, с точностью обозначить их представляется затруднительным. Однако можно с определенной степенью уверенности предположить следующее.

Вряд ли что-то, связанное с проведением федеральных выборов, в ближайшие 1-2 года изменится, так как следующие законодательно установленные выборы Президента России пройдут в 2024 г., а депутатов Госдумы в 2021 г.

На уровне субъектов Федерации со стороны региональных властей выборам будет уделяться значительно большее внимание. Времена, когда любой человек, вне зависимости от его персоналии и результатов работы, мог без особого труда избраться или переизбраться, прошли. Теперь кандидатам от власти необходимо, по крайней мере, убедительно обещать положительные изменения, состязаясь с оппозиционными кандидатами, одновременно предпринимая какие-то реальные действия. При проигрыше еще нескольких действующих губернаторов может получить распространение практика избрания губернаторов не населением, а региональными депутатами, как это в настоящий момент имеет место быть в некоторых субъектах Федерации (в частности, в Республике Крым, Республике Дагестан, Республике Ингушетия, Ямало-Ненецком автономном округе).

На муниципальном уровне количество выборов будет снижаться. Основными причинами служат уменьшение числа муниципальных образований через объединения и преобразование муниципальных районов в городские округа, а также внесение изменений в уставы муниципальных образований, согласно которым местные главы избираются не непосредственно населением, а муниципальными депутатами.

Говоря о выборах в России, нельзя не отметить, что существуют диаметрально противоположные мнения относительного того, есть ли в стране выборы или нет. Имеется определенное число политологов, ученых и представителей иных категорий граждан, придерживающихся позиции об отсутствии выборов в государстве. С данной точкой зрения нельзя полностью согласиться, так как процедуры голо-

сования осуществляются с законодательно установленными временными интервалами, о которых говорилось выше. Указанная позиция в немалой степени сформировалась по причине отсутствия доверия у немалой части населения к результатам выборов, что отражается как в нежелании согласиться с электоральными итогами, так и в отсутствии стимулов приходить на участки для голосования.

В 2019 г. в стране пройдет значительное число выборов, в том числе 18 региональных глав (2 будут избираться законодательными органами) и депутатов 13 легислатур субъектов Федерации. Наибольшее внимание уделяется выборам губернатора Санкт-Петербурга (второму по значимости городу страны), депутатов Московской городской Думы (законодательного органа столицы с самым большим в России бюджетом после федерального).

Резюмируя все вышесказанное, подчеркнем, что какими будут выборы и будущее страны, зависит от каждого гражданина. Поэтому необходимо максимальному числу жителей России реализовывать свои пассивные и активные избирательные права – голосовать и выдвигать свои кандидатуры на выборах всех уровней. Это позволит каждому желающему поучаствовать в развитии территории, где он живет.

Яковлев А.Ю. Выборы в России в 2018-2019 гг.: тенденции и перспективы. В статье проведен анализ событий, связанных с выборами в 2018 г., их результатов, а также предстоящих в 2019 г. выборных кампаний.

Ключевые слова: выборы Президента России, выборы 2018, выборы 2019, итоги выборов 2018, региональные выборы.

Yakovlev A.Y. Elections in Russia in 2018-2019: trends and prospects. The article analyzes the events related to the elections in 2018, their results, as well as the forthcoming 2019 election campaigns.

Keywords: presidential elections in Russia, elections in 2018, elections in 2019, elections results in 2018, regional elections.

В.Ю. БЕЛЬСКИЙ
доктор философских наук, профессор, начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Д.Н. БОРОВИНСКАЯ
кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный педагогический университет»*

Актуальные модели развития образования: подходы и принципы их реализации

Сегодня существует множество подходов к формированию и развитию системы образования. Это обусловлено тем, что образование относится к числу тех реальных явлений и процессов общественной жизни, которые, с одной стороны, способствуют становлению нравственно самостоятельного типа личности, носителя индивидуального морального сознания с высокой степенью рефлексии, а с другой – позволяют управлять процессом формирования современной личности и тем самым определять её востребованные качества.

Современные модели образования, предполагающие использование научных подходов и включающие в себя конкретные принципы обучения, характеризуются присущими только им ценностными ориентациями и реализуются на практике. Они ориентированы на рассмотрение определённого феномена посредством базовых понятий. Вследствие

* Бельский Виталий Юрьевич, e-mail: belskiy@bk.ru; Боровинская Дарья Николаевна, e-mail: sweetharddk@mail.ru

этого выделим и охарактеризуем принципы американской и отечественной моделей образования.

Принципы американской модели образования

Американский теоретик системы образования Ф. Боббитт в работе, которая была опубликована в 1918 г., подчёркивал, что при составлении учебных планов по научным направлениям необходимо конкретно и подробно указывать цель – то, что должно быть достигнуто. Эра удовлетворённости многочисленными и неопределёнными целями в действительности быстро проходит, век науки требует точности и обстоятельности[1]. Данная концепция, получившая широкое распространение в США, была поддержана и развита другими теоретиками. Так, её активным защитником и последователем был Р. Тайлер, чьи основные принципы учебной программы и преподавания были опубликованы в 1949 г.. В работе Р. Тайлера выделены четыре основные вопроса, на которые необходимо ответить при разработке любой программы и плана обучения.

1. К каким образовательным целям должна стремиться школа?
2. Какой образовательный опыт позволит достичь этих целей?
3. Как можно эффективно применить этот образовательный опыт?
4. Как мы можем определить, достигаются ли эти цели?

Согласно Р. Тайлеру, важным аспектом разработки учебной программы является акцент на рассмотрение образования как процесса прогрессивного изменения учащихся. Он призывал, чтобы цели, которых стремятся достичь школы, были определены как цели, ориентированные на изменения в поведении[2]. Они не должны указывать на то, что планирует сделать преподаватель, а должны быть ориентированы на учащегося.

Модель разработки учебного плана, представленная Тайлером, предназначалась для обоснования методики проектирования, способов составления школьных учебных планов. При этом цели должны быть достаточно конкретные и

[1] *Bobbitt F. J.* The Curriculum. N. Y.: Arno Press, 1972, p. 41.
[2] *Tyler R. W.* Basic Principles of Curriculum and Instruction. Chicago.: The University of Chicago Press, 1949, p. 6.

проверяемые с точки зрения того, что обучаемые освоили и как они реализуют полученные навыки. Целевой подход Тайлера предполагает реализацию следующих шагов: формирование цели образования; классификация цели по основным типам; соотнесение каждого типа цели с действием; идентификация ситуации, в которой обучаемые могут проявлять эти действия; выбор и апробация надёжных методов для достижения нужных целей; определение наиболее перспективных методов оценки; выработка средств для интерпретации и использования результатов.

Фундаментальные вопросы теории системы образования получили своё развитие и в исследованиях американского педагога-психолога С.Б. Блума[1]. Основываясь на идеях Тайлера, Блум разработал иерархические модели, используемые для классификации образовательных целей обучения. При этом он полагал, что классифицированы могут быть только те образовательные цели, которые определены с учётом действий обучающихся.

В 70-х гг. прошлого столетия в США в рамках академического дискурса акцент в большей степени был сделан на то, чему учат в школах, и в меньшей – на методы проектирования учебных программ.

Несмотря на появление различных точек зрения на содержание школьного образования, большинство исследований в области разработки учебных программ в основе своей предполагает использование модели Тайлера. Например, в учебном пособии Р. Келлоу и Н. Келлоу указывается, что актуальные цели обучения обычно выделяются и формируются из более общих целей. В свою очередь, эти общие цели представлены в качестве конечных положений о том, чего преподаватели намерены достичь, и рассматриваются не как ценности, примером которых служит школьный образовательный процесс[2]. Предлагая собствен-

[1] *Bloom B.S.* Taxonomy of Educational Objectives, the Classification of Educational Goals. Handbook I: Cognitive Domain. N. Y.: David McKay Company, 1956.

[2] *Kellough R.D. and Kellough N.G*. Secondary School Teaching: A Guide to Methods and Resources. Upper Saddle River, NJ, Pearson/Merrill Prentice Hall, 2007, p.191.

ную классификацию учебных целей, Р. Марзано и Дж. Кендалл также основываются на концепции Тайлера и Блума[1]

В качестве основного недостатка действующей концепции учебных программ, реализуемой в рамках технократического подхода к обучению за рубежом, следует выделить исключительную приоритетность целей направленного процесса. Актуализация целей и их управление – эти составляющие стали неотъемлемой частью образовательной политики, которая определяла конкуренцию и экономическую эффективность в целом[2].

Вместе с тем, если обозначать целями исключительно основные принципы проектирования образовательного процесса, то вполне ожидаемо появляются нереалистичные предчувствия относительно того, что может быть достигнуто посредством детального и точного планирования, не позволяющего выходить за определённые системные рамки.

Образовательные цели более разнообразны, чем те, которые предусматривает технократический подход при разработке учебной программы[3]. Более того, при классификации образовательных целей следует различать причинно обусловленные цели и цели как средства достижения конечного результата[4].

Модель, предложенная Тайлером и развиваемая Блумом и другими теоретиками образования, легла в основу так называемого Болонского процесса в Европе, одной из ключевых концепций которого является нацеленность на результат обучения[5].

---

[1] *Marzano R.J. and Kendall J.S.* Designing and Assessing Educational Objectives: Applying the New Taxonomy. Thousand Oaks, CA: Corwin Press, 2008.

[2] *Jo´hannesson I.A´., Lindblad S. and Simola H.* An Inevitable Progress? Educational Restructuring in Finland, Iceland and Sweden at the Turn of the Millennium // Scandinavian Journal of Educational Research, 2002, 46, 3, p. 325-339.

[3] *Hardarson A.* Aims of Education: How to Resist the Temptation of Technocratic Models // Journal of Philosophy of Education, 2017, vol. 51, no. 1, p. 59.

[4] *Peters R. S.* Authority, Responsibility and Education. L.: George Allen & Unwin, 1973.

[5] *Karseth B*. Curriculum Restructuring in Higher Education after the Bologna Process: A New Pedagogic Regime? // Revista Espa˜nola de Educaci´on Comparada, 2006, 12, p. 270.

Изменения в системе образования, произошедшие в США и Англии в 1980-х гг., чуть позже коснулись и других стран – Финляндии, Исландии и Швеции.

Анализируя теоретико-методологические исследования зарубежных авторов в области образования, отмечаем, что сегодня основное внимание уделяется постановке конкретных и чётких целей, а также их детальной классификации. И цели эти должны быть практикоориентированными, иными словами – результат подлежит прикладному применению в максимально возможной мере и долгосрочно, он эффективен лишь при соблюдении такого условия. И определение конкретных целей, и их поэтапное достижение способствуют развитию креативного мышления как при анализе проблем, так и при определении и выявлении недостатков существующих решений. Тем более, что основной курс в системе образования направлен исключительно на решение проблем в различных областях деятельности. Однако есть мнение, что теоретиками образования слабо учитывается специфика столь необходимого современному обществу креативного мышления. И авторы данного исследования полностью его разделяют.

Во-первых, с позиции содержания: это тесная взаимосвязь и с интуитивным, и с логическим полюсами мышления. В свою очередь, принципы американской модели развития способностей, которые формируются согласно чётко поставленным целям, ориентированы преимущественно на логический полюс. Например, умение критически и нестандартно мыслить при решении проблем. Причинная обусловленность, которая вменяется целям согласно действующей концепции, и составляет основу рационального действия. В своё время Хемпель, основоположник логического позитивизма, указывал, что действие не может быть рациональным, если оно не будет выполнено в соответствии с целями, к достижению которых стремится человек.

«Обладая критическим мышлением, человек умеет устанавливать логические связи между идеями, кратко и точно формулировать идеи, определять и оценивать аргументы, оценивать плюсы и минусы решения, выявлять несоответствия и типичные ошибки в суждениях, систематически анализировать проблемы, определять актуальность и

важность идеи, обосновывать свои убеждения и ценности, проявлять и оценивать свои умственные способности»[1].

«Критическая способность должна быть плодом образования»[2].

Теоретики отмечают, что критическое мышление используется в анализе (использование определений для уточнения смысла, чёткое и систематическое объяснение идей), логике (анализ и оценка аргументов, выявление логических несоответствий), специальных научных методах (определение причин и следствий, использование теории вероятностей и статистики), при определении ценности (рациональное принятие решений, критическая рефлексия ценностных и моральных суждений), при заблуждениях и предрассудках (типичные ошибки суждений). В качестве основных критериев мышления выделяются независимость мышления, открытость к новому, хладнокровность и беспристрастность, аналитическое и рефлексивное отношение[3].

Вторая особенность креативного мышления – многообразие форм его результатов, высокий уровень неопределённости и риска, сложность прогнозирования. В связи с этим непроработанным остаётся вопрос о составляющих алгоритма достижения заявленных целей, ведь часть из них представляется ещё и трудноизмеримыми, что осложняет оценку их результативности.

Принципы российской модели образования

Переходя к вопросу формирования и развития российской модели образования, отметим, что длительное время её основу составлял гуманистический подход, активно развивавшийся педагогами-исследователями К.Д. Ушинским, А.С. Макаренко, С.Т. Шацким и многими другими.

Исследования Ушинского носят характер прогнозного проектирования. Он высказывает убеждение в том, что уже известные типы человеческой общности всё ещё недос-

---

[1] *Hempel C.G.* Rational Action, Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association 1961, 35, p. 20.

[2] *Joe Y.F. Lau.* An introduction to critical thinking and creativity: think more, think better. Wiley, cop. 2011, p. 19.

[3] *MacIntyre A.C*. Against Utilitarianism // T.H.B. Hollins (ed.) Aims in Education: The Philosophic Approach. Manchester: Manchester University Press, 1964.

таточны и что в истории должна быть реализована ступень человеческой общности, законом единства которой является христианская истина.

Основные черты реально применявшегося метода исследования К.Д. Ушинский приводит в работе «О камеральных науках», где даёт теоретическую реконструкцию человеческой истории, основные методологические черты которой прослеживаются и в последующих его работах. Эта реконструкция имеет следующие методологические параметры:

- выделение феноменологических характеристик повседневного человеческого существования, социальных фактов;
- фиксация системообразующей связи полученных характеристик посредством рассмотрения их развития в ходе исторического существования человека во взаимодействии с окружающей средой, выражающейся в выделении ступеней развития;
- выявление новых типов объектов и соответствующих им уровней как общности людей, так и их отдельного существования, характерных для фиксации феноменальных структур исторического развития на каждой качественно определённой ступени;
- выделение типов единств как специфических оснований новых типов человеческой общности в связи с феноменологическими характеристиками повседневности соответствующего уровня;
- установление логики развития внутри каждой ступени;
- установление необходимых внешних связей, обусловливающих переход от одной ступени к другой;
- поиск свидетельств внешней универсальной гармонии системы как критериев исторической истинности сосуществования, образующих систему элементов.

К.Д. Ушинский сознательно принимает позиции дуализма и действенно способствует его широкому применению в отечественной педагогической практике.

Синтезируя гегелевский метод исследования всеобщности с современными ему требованиями естественнонаучного метода, Ушинский ещё до появления системного метода разработал и впоследствии реализовывал свой оригинальный метод исследования разноплановых общественных организмов, являющихся развитием отдельных черт повседневной жизни человека и объединяемых в теоретической конструкции как непосредственно – на феноме-

нальном уровне, так и в перспективе – на уровне полного развития всех сторон человеческой природы.

Учёный с самого начала рассматривает процесс воспитания как диалектическое единство социального и биологического при определяющей роли общественной сущности человека. Он с объективно-идеалистической позиции раскрывает противоречивую биосоциальную сущность индивидуального развития (онтогенеза) человека, связывая её с определённой социальной сущностью. И утверждает, что в основании особенной идеи воспитания у каждого народа лежит особенная идея о человеке: народы являются организмами и личностями и воплощают каждый свою идею; каждый народ имеет свой особенный идеал человека и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях. Особенность идеи является принципом жизни – в отличие от науки, идеи которой общи для всех и представляют собой не жизнь, а одно сознание законов жизни.

Не отрицая влияния субъективных факторов, Ушинский подходит к пониманию общественной сущности нравственного идеала, условиями существования которого выступают общественное мнение и общественное убеждение. В системе воспитания привычка является процессом, посредством которого убеждение делается наклонностью и мысль переходит в дело; особенности организма родителей с его врождёнными характерными свойствами и изменениями, внесёнными в него духовной жизнью человека, в разнообразных комбинациях передаются детям и составляют для них весь объём прирожденных наклонностей.

Ученый выделяет процесс воспитания как сознательную специфическую, целенаправленную деятельность, отличая её от стихийного «воспитания природой». Воспитание может создать вторую природу человека; воспитание должно просветить сознание человека, чтобы перед глазами его лежала ясно дорога добра; народность есть одна общая для всех прирождённая наклонность, на которую всегда может рассчитывать воспитание; общественное воспитание есть для народа его семейное воспитание.

Таким образом, можно констатировать, что К.Д. Ушинский пытается найти социально-философскую основу воспитания нравственности в «бытии» народа, но идеалом совершенства, перед которым преклоняются все, для него является христианство.

Итогом научной и педагогической деятельности учёного можно считать формирование у него глубокого убеждения в необходимости существенных качественных изменений в системе воспроизводства общественной и нравственной сущности человека.

Идеи об уважении к личности ребёнка, о гармоническом, всестороннем его развитии, о воспитании самостоятельности ребёнка, о значении влияния среды в процессе формирования характера ребёнка находят своё отражение и в высказываниях С.Т. Шацкого.

В основе педагогической деятельности С.Т. Шацкого и его сторонников лежало глубокое уважение к развивающейся детской личности, побуждавшее их тщательно изучать ребёнка, заботиться об удовлетворении его запросов и интересов. В этом отношении С.Т. Шацкого можно считать продолжателем лучших традиций прогрессивной русской педагогики[1].

Немного позже В.А. Сухомлинский создал оригинальную целостную педагогическую систему, основывающуюся на антропологическом подходе, гармонизации гуманистически ориентированных форм, средств и методов педагогической деятельности. Он признавал личность ребёнка высшей ценностью процессов воспитания и образования, трактовал воспитание как процесс реализации неотъемлемо присущих ребёнку врождённых свойств, спонтанных реакций и импульсов. Вместе с тем большое значение придавал специально организованному воспитывающему социуму.

Акцент делался на расширение представлений детей об окружающем мире, развитие у них критичности мышления, на формирование системы моральных ценностей, а также умений и навыков самостоятельного получения и использования информации.

В конце 1960-х гг. ведущей для В.А. Сухомлинского становятся трактовка формирующейся личности как самоценности, понимание воспитания как феномена, в значительной степени независимого от требований общества. Главными целями воспитания, по мысли педагога, выступают свободное развитие ребёнка как активной личности, раск-

[1] *Шацкий Т.С.* Педагогические сочинения. В 4 т.. Т. 1 / Под ред. И.А. Каирова, Л.Н. Скаткина, М.Н. Скаткина, В.Н. Шацкой. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1962, с. 21-22.

рытие индивидуальности, способной противостоять нивелирующей тенденции официальной педагогики. В центре педагогического процесса, рассматриваемого как синхронное взаимодействие наставника и ученика, находится ребёнок с его интересами, творческими потенциями, на которые прежде всего и должны ориентироваться учителя.

Современная российская система образования в большей степени ориентирована на реализацию принципов и ценностных ориентиров технократического подхода. Согласно Федеральным государственным образовательным стандартам высшего образования, а также профессиональным стандартам в учебной программе каждой дисциплины должны быть чётко сформулированы конечные результаты обучения в органической связке с осваиваемыми знаниями, умениями. А метапредметные результаты освоения основной образовательной программы основного общего образования должны отражать:

- умение самостоятельно определять цели своего обучения, ставить и формулировать для себя новые задачи в учебе и познавательной деятельности, развивать мотивы и интересы своей познавательной деятельности;
- умение самостоятельно планировать пути достижения целей, в том числе альтернативные, осознанно выбирать наиболее эффективные способы решения учебных и познавательных задач;
- умение соотносить свои действия с планируемыми результатами, осуществлять контроль своей деятельности в процессе достижения результата, определять способы действий в рамках предложенных условий и требований, корректировать свои действия в соответствии с изменяющейся ситуацией;
- умение оценивать правильность выполнения учебной задачи, собственные возможности её решения[1].

Современная российская модель образования ориентирует на постановку конкретных практикоориентированных целей. А именно – научить обучающихся учиться. Ставить проблемы (практические, исследовательские), проектиро-

[1] ГБОУ Городской методический центр [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/srednyaya-i-starshaya-shkola/informatika-ikt/fgos/perechen-planiruemykh-metapredmetnykh-rezultatov-osvoeniya-obrazovatelnoj-programmy.html, свободный.

вать решения сложных проблем или разрабатывать гипотезы, определять цели и планировать действия или осваивать способы проверки гипотезы[1].

В процессе подготовки бакалавров активно используются системно-деятельностный, практикоориентированный и компетентностный подходы, которые реализуются с учётом специфики профессиональной сферы будущих выпускников. Компетентностный подход, по мнению ряда специалистов, ориентирован на реализацию поисковой и творческой деятельности, что должно способствовать формированию необходимых выпускнику качеств и умений в области профессиональной деятельности. А наличие практического результата в рамках разрабатываемых курсов должно давать возможность проверить уровень сформированности ряда компетенций, обозначенных в стандартах и предусмотренных моделью бакалавра различных направлений подготовки.

Формирование умений с позиции системно-деятельностного подхода предполагает соблюдение ряда принципов и условий. Во-первых, конкретные умения выпускников высшей школы формируются только в действии. Во-вторых, обязательно наличие нормы результата, с которой сравниваются фактические результаты. И, в-третьих, необходима рефлексия недостатков своего способа действия посредством его сопоставления с культурным способом выполнения этого действия. А вот к числу основных требований к занятиям в системно-деятельностном подходе следует отнести наличие определённых компонентов: операциональная и проверяемая цель, проблемная ситуация, определённый образ результата, собственно сам процесс деятельности, мотивирование и рефлексия. Каждый такой элемент предполагает формирование конкретных умений, в том числе и в области общекультурных компетенций, на развитие которых в первую очередь ориентированы социально-гуманитарные дисциплины.

Подводя итог, отметим, что американская модель образования, в основе которой лежит технократический подход, рассматривает образование через систему целей, которые,

[1] *Лазарев В.С.* Рекомендации для учителей по формированию практических и познавательных умений, учащихся в проектной деятельности. Сургут: РИО СурГПУ, 2014.

во-первых, причинно обусловлены с учётом образовательного опыта; во-вторых, должны быть достижимы и завершены; в-третьих, должны вести к прогрессивным изменениям учащихся: от запоминания фактов и основных концепций к созданию нового и уникального. В проекции современных изменений реализуемая модель выглядит прогрессивной. Однако в процессе разработки учебных программ большое значение придаётся и отводится именно навыкам, которые необходимо развивать, но не алгоритму их развития и их содержанию.

В отличие от американской модели российская характеризуется переходным состоянием от гуманистического к технократическому подходу, от актуализации стремлений к изменениям нравственной сущности человека к стремлениям внедрить чёткий алгоритм достижения конечного результата – конкретных компетенций, регламентируемых современным обществом.

Бельский В.Ю., Боровинская Д.Н. Актуальные модели развития образования: подходы и принципы их реализации. Выделены и охарактеризованы основные принципы американской и российской моделей образования. Первая, в основе которой лежит технократический подход, ориентирует на развитие определённых способностей, регламентируемых современным обществом. Российская модель характеризуется переходным состоянием – от гуманистического подхода к технократическому, что, в свою очередь, подразумевает изменения внутренней сущности человека в сторону поведенческих функций, определяемые конкретными целями и результатами.

Ключевые слова: модели развития системы образования, технократический подход, гуманистический подход.

Bel'skiy V.Y., Borovinskaya D.N. Actual models of education development: approaches and principles for their implementation. The main principles of American and Russian models of education are highlighted and characterized. American, which is based on the technocratic approach, focuses on the development of certain abilities, regulated by modern society. The Russian model is characterized by a transitional state – from a humanistic approach to a technocratic one, which, in turn, implies changes in the inner essence of a person towards behavioral functions, determined by specific goals and results.

Keywords: models for the development of the education system, a technocratic approach, a humanistic approach.

Н.В. АСОНОВ
доктор политических наук, профессор МПГУ,
РАНХиГС при Президенте РФ, академик АПН РФ*

Современная политическая культура России как элемент гражданского и религиозного типов общества[1]

Актуальность данной темы исследования диктуется борьбой за господство над Россией сторонников и противников различных форм гражданского и религиозного типов общества, вписанных в разные цивилизационные контексты с их ценностно-целевыми установками. При этом противники самобытного пути развития нашей страны полностью отметают политическую культуру славяно-православного мира, попавшего в ходе данного противостояния в самое тяжелое положение, хотя именно этот мир связывает между собой более 90% коренных жителей России. Значит, стремление наших противников подавить славяно-православную политическую культуру надо понимать как проявление нового этапа «холодной войны». Он направлен на ликвидацию суверенного пути развития России как единственного центра этого мира.

Приступая к анализу означенной проблемы, необходимо решить ряд важных вопросов, связанных с трактовкой политической культуры на современном этапе и понять ее специфику как элемента гражданского и религиозного типов российского общества. Для этого в первую очередь следует вспомнить, что культура как общественное явление обычно понимается в широком и узком смысле. В широком смысле под ней разумеют все, что создано человечеством в ходе его существования в материальной и духовной сфере. Это ценностно-целевые установки во всем их многообразии и результаты их претворения в жизнь. В узком смысле под

* Асонов Николай Васильевич, e-mail: nbassonov@yandex.ru
[1] Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00644-ОГН «Гражданский и религиозный типы общности в современном политическом процессе».

культурой мы понимаем ее проявления, соотносящиеся с конкретной исторической эпохой, скажем, со средневековьем, новейшим временем, какой-либо страной или цивилизацией.

Причем, оценка культуры в узком смысле часто строится с точки зрения культуры другой эпохи и другой идеологии, имеющей иную систему ценностей и целей. Следовательно, политическая культура, являясь частью социальной культуры гражданского и религиозного общества, несет в себе не только свойственный ей дуализм, реализуясь в материальной и духовной сферах. Она отражает воззрения господствующей политической силы и ее противников. По этой причине она включена в общий процесс борьбы за власть, начиная с местного и кончая глобальным уровнем, в рамках которого сегодня решается вопрос господства над планетой одной из противоборствующих сил.

Решение этого вопроса сегодня связано с изменением специфики партий, ведущих борьбу за власть. Если до середины XX в. они представляли интересы конкретных социальных групп, сословий или классов, то теперь они носят тоталитарный характер, позиционируя себя в качестве защитников неких общих интересов всех граждан страны или даже общечеловеческих ценностей. Такой прием стал следствием широкого распространения технологии выборов и политической рекламы, где успех каждого участника зависит от общего количества поданных за него голосов. Но, как известно, нельзя одновременно служить Дьяволу и Богу, «ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся»[1].

Поэтому защищать в равной степени интересы всех цивилизаций, народов и общественных групп указанные политические институты не могут и вынуждены делать свой главный выбор в пользу кого-то одного. Так как подобный выбор ведет к ущемлению чьих-то интересов, особенно, если эти интересы отражают ценности и цели большинства людей, политическая культура гражданского и религиозного общества будет носить двойственный характер, пользуясь декларативными (популистскими) и латентными (скрытыми) приемами общения. Первые направлены на то, чтобы купить доверие общества, например, лозунгами о защите

[1] *Послание к Галатам Святого Апостола Павла*. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические, гл. 5;17.

национально-исторических традиций. Вторые, выражая истинные намерения власти или оппозиции, скрыто уничтожают сохранившиеся гражданские и религиозные традиции в пользу иных идей, идущих со стороны.

Здесь есть смысл выделить наличие исторического опыта как характерной черты политической культуры, сопряженного с политическими традициями как практическим воплощением цивилизационно-государственной памяти, а потом перейти к российскому традиционализму. Эта память фиксирует меняющиеся под воздействием внешних и внутренних факторов представления о том, какой должна быть власть как центральная категория политики и какой она быть не должна. Подобный опыт реализуется в практике властных отношений. Чем они дольше существуют, тем больше свидетельствует об эффективности духовной составляющей гражданского и религиозного типов общества и его политической культуры, важным элементом которой надо считать политические теории и доктрины с характерной для них идеологией. И если Московская земля смогла в тяжелейших условиях стать великой державой и подавить своих более сильных противников, следовательно, характер ее политической культуры нес в себе огромный положительный заряд. Вместе с тем нельзя забывать о ресурсах политической власти и о методах властвования. Ибо только от них и от умения управлять ими зависит успешность любой культуры, получившей поддержку господствующей политической силы.

Опираясь на данные рассуждения, можно оспорить взгляд на политическую культуру, предложенный Г. Алмондом и С. Вербой. Согласно их логике политическая культура включает в себя три уровня. Во-первых, это познавательные ориентации, охватывающие знания о политической системе, ее ролях и носителях этих ролей. Во-вторых, это эмоциональные ориентации, отражающие чувства, испытываемые к политической системе, ее действиям и ее участникам. В-третьих, это оценочные ориентации, выражающие личное отношение к политической системе, ее действиям и участникам. Однако, введя в научный оборот понятие «политическая культура» и дав ее типологию, Г. Алмонд и С. Верба, думается, не поняли двуединую природу культуры как общественного явления, поэтому не смогли обосновать с научной точки зрения дуалистическую специфику

ее политического компонента как важного атрибута гражданского и религиозного типов общества[1].

Тут нет ничего удивительного. Ведь им надо было с либеральных позиций показать превосходство только либеральной модели демократии как «культуры лояльного участия», уйдя от анализа всех ее недостатков, главным из которых является сочетание декларативного и реального как нормы политической жизни, применяемой для подавления иных культур. По этой причине все рассуждения теоретиков «нового мирового порядка» о превосходстве «стабильной демократии» и ее «политической культуры» не могут носить объективный характер, ибо ее принцип сводится к лозунгу – «цель оправдывает средства». Одно из таких средств – культурно-идеологическое. Оно призывает наших граждан поверить в прогресс мирового сообщества и в способность России построить «социальное государство» как развитый тип гражданского и религиозного общества. В нем «моральное сообщество, объединенное преданностью своих членов идеалам свободы, ... станет всеобщим и выкует для всех наций новый мировой порядок, намного более прочный и безопасный, чем любой, какой нам до сих пор известен». Правда, это потребует от каждой страны внедрения в ее быт «второй культуры, которая является глобальной, выходящей за рамки перспектив и идеалов какого-либо отдельного региона»[2].

Тот факт, что для сторонников (носителей) «первой культуры» возможность воздействовать на политическую систему на «входе» и «выходе» будет закрыта властью, а они сами подвергнутся гонениям, подтверждает и Э. Тоффлер. Он утверждает, что в настоящее время «основная идеологическая борьба будет идти … между демократией XXI в. и мракобесием Темного XI в.»[3]. Причем Ф. Фукуяма, умолчав о вечевых традициях России, особо подчеркивал, что к демократии нынешнего века можно отнести только опыт, который был наработан политической теорией и практикой США, ибо до 1776 г. демократий «не было ни одной во всем

[1] *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования,1992, № 4, с. 122-134.

[2] *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: Издательство АСТ, 2016, с. 484.

[3] *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М.: Издательство АСТ, 2003, с. 470.

мире»[1]. Значит, вывод Г. Алмонда и С. Вербы, призывающих нас поверить в способность нового общества создать такую культуру, при которой каждый «демократический гражданин» «будет вовлечен в политическую жизнь и активно проявит себя в ней»[2], надо понимать как откровенную рекламу, сделанную в пользу «второй культуры».

Эти цитаты дают понять, что США не позволят России возродить свою модель демократической культуры, опирающейся на гражданский и религиозный типы православного общества. Следовательно, будет убита и ее национальная культура, так как в ней нет установки на ценностно-целевые ориентиры строящегося под присмотром Запада «социального государства». Подобные ориентиры должны не только занимать лидирующие позиции, но и доказывать нам свое превосходство над системой ценностей и целей традиционного общества и его культуры. Значит, рассчитывать на гармоничное взаимодействие «первой» и «второй» культур России нет смысла.

Чтобы убедиться в этом, задумаемся над тем, почему многие мыслители, причем исповедующие разные идейные взгляды, не верили в победу нравственных принципов в политической культуре западных демократий. К. Маркс и Ф. Энгельс, критикуя лживость политической культуры буржуазного государства, указывали, что «"свободное гражданское общество" носит насквозь коммерческий, еврейский характер и еврей наперед уже является его необходимым членом». Поэтому «"свободная человечность" и ее "признание" суть не что иное, как признание эгоистического гражданского индивида»[3]. Такое общество эгоистов вместе с его политической культурой обречено только на вырождение и гибель. Ведь, как писал А.С. Панарин, «нынешние победители… в глобальном масштабе, не рассчитывая привлечь на свою сторону лучших, активизируют худших, выдавая их за современный человеческий стандарт. … Такая стратегия победителей чревата глобальным гуманитарным риском для всего человечества. … Который понево-

[1] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004, с. 95.

[2] *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014, с. 51.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство // Избр. соч.. В 9 т. М.: Политиздат, 1984, т. 1, с. 120, 124-125.

ле превратит этот порядок в заложника голой полицейской силы – неприкрытой диктатуры меньшинства»[1].

Понятно, что подобная перспектива эволюции социальной и политической культуры Г. Алмондом и С. Вербой была опущена. Не стали они вникать и в специфику политической культуры России, ограничившись пятью странами романо-германского мира. Ведь в нашем государстве гражданская и религиозная общность с самого начала гармонично соединяла в себе подданническую культуру и культуру участия в православной модели управления, когда «члены общества склонны отчетливо и явным образом ориентироваться на систему в целом … как на «входе», так и на «выходе»[2]. Это была соборно-вечевая модель гражданского и религиозного типов общности. Она позволяла свободно изгонять неугодных правителей или выбирать князей и царей. Такое единение народа и власти разорвал Петр I, но он сохранил институты прямой демократии на местном уровне власти. Из них выросли земства, а затем сформировался демократический централизм Советской власти, освободивший граждан от угнетения человека человеком и сделавший СССР главным конкурентом США.

Более того, используя идеологические штампы либерализма, Г. Алмонд и С. Верба увидели в политической культуре только ее духовную составляющую, забыв, что любое проявление культуры во всех сферах общественной жизни не может существовать без процессуального элемента. Для России соборная и самодержавная формы правления выступают таким же проявлением политической культуры, как и ее духовная половина. Ведь главная функция этих структурных элементов власти направлялась на то, чтобы помочь людям быть лучше. По этой причине данная функция отрицала трактовку свободы как единого понятия, деля ее на свободу «от греха» и «для греха». Разница состоит еще и в том, что насыщенность духовной половины личностными и социально значимыми психологическими компонентами проявляется не в мировоззренческих стереотипах, а в их реализации через политическое поведение и

[1] *Панарин А.С.* Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006, с. 14.
[2] *Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014, с. 35.

участие отдельных лиц и целых народов, имеющих свои нравственные достоинства.

Недоработанность понимания природы политической культуры Г. Алмондом и С. Вербой окончательно раскрывается через структуру политической системы, которую они так долго исследовали. В нее, как известно, наряду с духовной, т.е. теоретической составляющей, включающей в себя культурно-идеологическую и нормативно-правовую подсистемы, входят элементы, обслуживающие прикладной аспект политической сферы общества. Это институциональная, коммуникативная и совершенно забытая либеральными аналитиками силовая подсистема. Все они тесным образом связаны между собой в теории и практике политической жизни. Значит, нельзя рассматривать политическую культуру как элемент гражданской и религиозной общности России только в виде духовного аспекта, забыв о реализации духа властных интересов в материальной плоскости и его защите от оппозиционных групп силовыми мерами.

Следует остановиться еще на одном моменте. Это диалектическая составляющая. Мы не должны упускать из вида, что любая политическая культура не просто развивается, она развивается по характерной для всего мира синусоиде. Это значит, что раз возникнув, все в этом мире обязательно идет от момента зарождения через свое развитие к собственному совершенству, а, достигнув его, неизбежно переживает период упадка и дискредитации, после чего погибает. Жизненные циклы у каждой политической культуры свои и свой ресурс времени существования, «привязанный» к периоду бытия той гражданской и религиозной общности, в пределах которой она существует. Здесь важно помнить, что вершина ее расцвета может быть только вершиной, а не полем, идущим до горизонта. Как правило, закат гражданской и религиозной общности ведет к сворачиванию политической активности господствующей в ней политической культуры и вытеснению ее другой, соответствующей требованиям новой эпохи.

Но это вовсе не значит, что новая эпоха и ее культура лучше старой. На спаде, когда социальный организм болен, его побеждают «политические вирусы», позволяющие порочным людям захватить власть и установить тепличную для них культуру порока как норму жизни строящегося общества. Поэтому светлое «будущее гражданской культу-

ры»[1], описанное Г. Алмондом и С. Вербой вопреки объективным законам бытия, может носить прямо противоположный характер. Его суть изложена во Втором послании апостола Павла. Обладая божественным предвидением, он предсказывал, что в последние дни «наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы ... более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия»[2].

Теперь постараемся понять взаимозависимость традиционности и политической культуры в духовной и материальной сферах. Традиционализм политологами и социологами трактуется как направление общественно-политической мысли, в основе которого лежат представления о необходимости поддержания устоявшихся в народном сознании гражданских и религиозных традиций как средоточия значимого социального опыта и совокупности стандартов социального поведения, унаследованных от предков и проверенных временем. Так как традиционализм представляет собой одно из направлений социально-политической деятельности, он, в отличие от традиции, носит нормативный, обязывающий характер и воспроизводится в соответствующих политических доктринах или учениях, закрепленных правовыми документами или преданиями, составляющими специфику любого гражданского и религиозного типа общности.

Однако ряд исследователей, к которым, в частности, относятся К. Манхейм и его школа, суть традиционализма понимают шире. Он для них в первую очередь представляет собой особую «тенденцию к сохранению старых образцов, вегетативных способов жизни, признаваемых всеобщими и универсальными»[3]. Подобный подход к пониманию традиционализма вполне уместен и в нашем случае. Ведь он показывает, что мысль Ф. Фукуямы о правильной демократии, ведущей свою историю с 1776 г., позволяет трактовать американскую модель гражданского и религиозного типов общности с их политической культурой как агрессивную разновидность западного традиционализма Нового времени.

---

[1] Там же, с. 486-491.

[2] *Второе послание к Тимофею Святого Апостола Павла*. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические, гл. 3: 1-5.

[3] *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994, с. 15.

И последнее. Политическая культура способна не только развиваться вместе со своими носителями. Опираясь на традиционализм, она становится важным средством консервации ряда устоявшихся элементов социальных отношений и ценностно-целевых ориентиров, убеждающих власть, оппозицию или общество в целесообразности своего существования. Поэтому сегодня важным средством консервации политической культуры гражданской и религиозной общности в России выступают традиции, закрепляющие в сознании граждан правила политической жизни и догматизирующие их в массовом сознании. Традиции такого рода могут носить нормативно-правовой окрас. Здесь можно заметить, что при всей своей патриотической риторике действующая российская власть в этом вопросе предпочитает молчать, раскрывая тем самым декларативный характер защиты национально-исторических ценностей. Ведь они противоречат Конституции 1993 г., реализующей экзогенный тип политической культуры и убивающей национальную традицию гражданской и религиозной общности «первой» культуры в пользу «второй». А Президент у нас призван быть гарантом Конституции, а не национальной традиции и ее политической культуры. Выходит, что Россия, внедряя политическую культуру либерального Запада, теряет, а не укрепляет свой суверенитет.

Асонов Н.В. Современная политическая культура России как элемент гражданского и религиозного типов общества. В статье раскрыта актуальность изучения политической культуры России на современном этапе как проявления противоборства цивилизаций.

Ключевые слова: Россия, политическая культура, «первая культура», «вторая культура», традиционализм, современная политика, гражданский и религиозный типы общества.

Asonov N.V. Contemporary political culture of Russia as an element of both secular and religious types of society. The article reveals the relevance of studying the political culture of contemporary Russia as a manifestation of the clash of civilizations.

Keywords: Russia, political culture, “first culture”, “second culture”, traditionalism, contemporary politics, secular and religious types of society.

Ю.С. ЧЕРНЯХОВСКАЯ
кандидат политических наук, доцент, докторант кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Космический проект и научно-технический романтизм в политическом сознании современного россиянина

Современное общество после почти 30 лет «деидеологизации», казалось бы, вернулось к идее формирования национальной идеи и национального проекта. Однако возникает вопрос о сущности самой этой идеи. Общество не может существовать без той или иной смысловой доминанты – соответственно без ценностей и целей, т. е. без идеологии, которая, собственно, и есть единство ценностей и целей. В этом отношении «национальная идея» – это осознание того, что для данного народа ценностно-значимо и что является его целями.

С некоторой долей условности можно сказать, что постсоветская Россия за треть века, истекшую со времени официального сворачивания советского проекта, хотя и отрицала значение и существование «национальной идеологии», прошла через доминирование на разных этапах определенных идеологем, так или иначе определявших ценностные предпочтения как минимум официального курса и определенные текущие тактические установки. В задачи статьи не входит их детальный анализ, но моменты их смены представляют интерес для определения некоторых ключевых точек этого процесса, применительно к которым, по нашему мнению, обоснованным является обращение к со-

* Черняховская Юлия Сергеевна, e-mail: Julcher1@yandex.ru

циологическим данным, фиксирующим те или иные моменты общественного сознания.

Можно говорить о последовательной смене в постсоветской истории следующих идеологемных установок: 1) «возвращение в мировую цивилизацию» – до 1998 г.; 2) «стабильность» – 1998-2005 гг.; 3) «левый поворот»/«нацпроекты» и «национальный суверенитет» («Мюнхенская речь») – 2005-2010 гг.; 4) «стратегическое наступление» («Новороссийское выступление»), «обращение к истокам» («Валдайская речь») – 2012/2013-2017 гг.; «Большие проекты и образы будущего» (Президентское послание 2018 г.).

Используя словосочетание «научно-технический романтизм», автор понимает под ним духовно-политический феномен, возникающий предположительно в Эпоху Просвещения на стыке философии, политической философии и культуры, развивающийся в мироощущении XIX в. и достигающий апогея в XX веке, в первую очередь – в Советском Союзе в Эпоху Космического и Атомного прорывов. Суть такой философии и культуры – в соединении рационально и научно-технически обоснованного с идеально желаемым. Одним из основных узнаваемых воплощений данного феномена автор считает Космический прорыв СССР и саму проблематику освоения Космоса. В рамках настоящей статьи автор рассматривает отношение общественного сознания постсоветской России к данной теме и ценности этой темы на фоне иных предпочтений общественного сознания в стране.

Таким образом, мы имеем следующие поворотные моменты, привлекающие наше внимание с точки зрения ценностного обзора общественного сознания в эти моменты (1998, 2005/2007, 2012/2013, 2017).

Доминирующая с конца 80-х идеологема рыночной экономики и возвращения в мировую цивилизацию» оказалась обанкрочена к 1998 г., хотя ее стагнирование показали уже первые опросы И. Клямкина начиная с 1992/1993 гг. Агрессия против Югославии ее просто уничтожила.

В 1998 г. среди самых значимых событий истории граждане называли и события космической истории и тенденции развития научно-технического романтизма: высадка человека на Луне – 1,3%, научно-техническая революция – 1,9%, изобретение атомной бомбы – 1,9%, изобретение компьютера – 0,8%, изобретение телевидения – 0,6%, достижения в области медицины – 0,8%. Вся эта группа, да-

же будучи просуммированной, дала бы 7,2% и вместе с ответом «Полёт Гагарина» хоть и дала бы заметную прибавку, но не изменила бы существенно разброса ответов. Впрочем, получившиеся 32% уже составили бы треть от всего количества опрошенных и превысили бы даже размер деидеологизированной группы. Кроме того, показательно то, что даже приведённые по отдельности они всё же перешли однопроцентный барьер, что при данной степени фрагментированности ответов удалось лишь ещё трём ответам: Октябрьская революция, Перестройка в СССР, Развал СССР. И все эти три события, несмотря на свою очевидную масштабность и политическую значимость, в субъективном восприятии людей даже суммарно (около 16%) были бы существенно менее значимы для опрошенных, чем одно только из событий группы «научно-технического романтизма» – Полёт Гагарина в Космос.

Безусловно, применительно к 1998 г. можно говорить о значительной аполитичности и деидеологизированности населения в целом, однако человек 1998 г. ещё ощущал себя человеком, полетевшим в Космос и ступившим на Луну.

Эта память о совершенном сохраняет самоуважение народа, и хотя в этот момент страна и общество явно не готовы к освоению новой, прорывной темы – именно эта память и это самоуважение наряду с памятью о Великой Победе оказываются той «пружинистой основой», на которой возникло осознание непредопределенности ситуации, веры в возможность сопротивляться и переломить ход событий – хотя бы на уровне перехода к установкам на стабилизацию и стабильность в стране. Однако к 2005 г. «защитная идеологема» стабильности объективно исчерпывает себя, а курс относительно умеренного монетарного регулирования оборачивается социально-политическим кризисом и «антимонетарными бунтами». И обществу и власти становится ясно, что просто наводить порядок в том, что удалось сохранить, уже недостаточно: общество ждет развития и стратегии развития, идеологема «стабильности» в официальной риторике начинает сменяться и сменяется идеологемами социально ориентированных «национальных проектов», имеющими, правда, характер не общей долгосрочной стратегии, но восстановления социальной ориентированности национальной экономики.

И судя по многим показателям, общество, при положительном отношении к нацпроектам как таковым, ощущает недостаточность и ограниченность этого подхода.

Так опросы ВЦИОМ 2005 г. показали[1], что здесь наибольший интерес наблюдался к развитию новых научных технологий – 18%, за ним следовал интерес к возрождению Российского флота – 16%, развитию патриотического воспитания молодёжи (также 16%), к возрождению Российской авиации и авиастроения – 13%, к созданию новых заповедных зон и питомников для защиты дикой природы – 11%. Надо отметить, что вопрос допускал несколько вариантов ответов, и потому нельзя напрямую суммировать голоса, полученные при трёх вариантах ответов – «возрождение флота», «возрождение авиации» и патриотическое воспитание молодёжи. Попытавшись очистить список от приблизительно близких по смыслу ответов, мы получим следующую триаду ценностей: наука – на первом месте, военно-патриотическое воспитание – второе место, экологизм – третье место.

В третью группу ответов вошли набравшие совсем небольшое количество голосов освоение космоса – 5%, создание независимого общественного телевизионного канала – 3%, программы освоения и заселения пустующих земель Сибири и Дальнего Востока – 7%.

Резюмируя результаты по третьей группе, можно сказать, что интерес к космической теме в 2005 г. был достаточно низок, хотя и выше куда более нашумевшей в те же годы темы «свободы слова» (ответ: «Создание независимого общественного телеканала» дали только 3% опрошенных). Третий же пункт – освоение земель Дальнего Востока и Сибири – заставляет нас вспомнить о послевоенном этапе научно-технического романтизма в СССР, связанном с глобальными проектами преобразования природы.

Память о великом прошлом на фоне униженного настоящего требует нового прорыва и возрождения нового величия в будущем: сознанию скучно в пространстве реализма и рациональности, оно требует романтики и совершения невозможного.

[1] ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 297. Россияне о бюджете и общенациональных программах 2005 - https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1721 21.09.2005

Уже в 2008 г. в рамках опроса «Главные события XX века»[1] на втором месте по популярности после Великой Отечественной войны – 16,4% оказался полёт Гагарина в Космос – 12,7%. Интересно, что в 1998 г. это событие считали наиболее значительным в XX веке 24,8% опрошенных – это был самый популярный ответ, а Великая Отечественная война на тот момент набирала 13,5% голосов.

Если в 1998 г. общественное сознание страны считало полет Гагарина наиболее значительным событием XX в., то в **2008 г. положение изменилось**, тем не менее ответы, связанные с космосом, всё ещё оставались достаточно популярны: помимо полёта Ю. Гагарина, набравшего 12,7%, 4,8% набрала высадка человека на Луне (за 10 лет эта доля выросла примерно на 2%), научно-техническая революция – 3,5% (доля возросла на 1,6%), изобретение компьютера – 1,6% (доля выросла на 0,8%), изобретение атомной бомбы 0,8% (интерес упал на 0,8%), изобретение сотовой связи – 0,8% (новый ответ), изобретение телевидения – 0,6% (доля не изменилась).

Общая доля ответов группы, которую мы считаем возможным отнести к группе ценностно ориентированных на «научно-технический романтизм», таким образом, могла бы составить 24,8%. Все остальные варианты ответов также потеряли популярность. Разница распределилась между переориентацией интереса в отношении Великой Отечественной войны, который приблизился к 20% голосов, и долей не определившихся, которая возросла до 39%.

Кроме того, необходимо оговорить, что ответы группы «научно-технический романтизм» здесь можно подразделить минимум на две подгруппы: это события экстравертного развития науки, т. е. развития знаний, способствующих освоению внешней среды, и события интровертного развития науки, связанные с развитием различных аспектов создания виртуальных пространств. Зачастую высказывается точка зрения[2], что в 70-х гг. переориентация аудитории научно-технического романтизма на последний, интровертный путь развития привела к тому, что человечество пошло путём

[1] ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1079. Главные события двадцатого века - https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10879 28.10.2008

[2] Впервые в этом ключе проблему рассмотрел С. Переслегин.

освоения технологий создания виртуальных пространств и отказалось, таким образом, от освоения пространств вовне.

Однако оба данных опроса показывают, что, по крайней мере, к 2008 г. события виртуальной истории были практически в десять раз менее значимы для опрошенных, чем события истории освоения внешнего мира. Таким образом, получается, что падение интереса к экстравертным формам освоения мира является во многом мифом, сконструированным СМИ, а достаточно реальное явление атомизации и виртуализации креативного класса – не причиной упадка интереса к внешнему миру, а следствием глобальных проектов экстравертного освоения мира.

Можно было бы перечислить ещё достаточно много данных, подтверждающих эту картину, например, данные опроса **«Советское прошлое россиян»**[1] **(18.01.2007)**, согласно которому среди событий советского периода, «которыми можно было бы гордиться и сейчас», 93% опрошенных поддержали предложенный авторами опроса ответ «Подвиги героев Великой Отечественной войны», а 91% – «Полёт Ю. Гагарина в Космос», однако это уже скорее могло бы быть темой отдельного исследования.

Общая тема и установка «национальных проектов» сыграла важную роль, вернув в общественное сознание форматы стратегического проектирования как такового, однако, с одной стороны, не решило задачу перехода к нему, с другой – столкнулось с внутриэлитной борьбой, парализующей запуск механизма развития страны, тем более что оказались не сформулированными общие стратегические цели и форматы этого развития, застывающие между остаточными рудиментами идеологемы «возвращения в мировую цивилизацию» и воскрешаемыми установками определенной давности о собственной цивилизационной судьбе России.

Проявлением и этой борьбы, и этой нерешенности стал и политический кризис 2011/2012 г., блокировавший реализацию нарождавшейся в ходе 2011 г. установки на новый прорыв (Новороссийская речь Путина в августе 2011 г. «Движение только вперед»).

На фоне происходящих событий стала менять очертания и картина общественного сознания страны.

---

[1] ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 612. Советское прошлое россиян. - https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3864 18.01.2007

Опрос «Россия в космосе», проведённый ВЦИОМ в 2012 г.[1], показал, что 57% россиян «выступают за расширение космических границ». Причём даже в условиях кризиса **1998 г.** такой ответ дали 40% опрошенных. Освоение космоса более чем для половины россиян не требовало дополнительного обоснования – 59% опрошенных считают его необходимым для «развития высокой науки и технологий», а 54% – для развития обороноспособности страны. При этом 46% опрошенных озабочены тем, что Россия утрачивает влияние в этой сфере, а 34% считают, что Россия свои позиции удерживает. Эти цифры заметно изменились по сравнению с **2001 г.**, когда сожалели об утрате позиций 37%, а считали, что Россия их удерживает, 41% опрошенных. И в то же время эти цифры практически сравнялись **с данными 90-х гг., когда 42% опрошенных выражали сожаление, а 30% считали, что Россия своих позиций не утратила.** Одновременно доля тех, кто считал, что финансирование отрасли нужно расширять на всех трёх этапах проведения исследования, значительно превышала долю тех, кто выступал за сокращение такого финансирования: в 1998 г. она составила 40% против 10%, в 2011 г. – 55% против 6%, в 2012 г. – 57% против 6%. При этом надо иметь в виду, что ещё 42%, 37% и 46% соответственно выступали за сохранение существующего уровня финансирования, т. е. суммарно доля сторонников развития космического проекта составляла 72% в 1998 г., 83% в 2011 г. и 87% в 2012 г.

В 2015 г. схожий опрос[2] показал: 60% считают, что Россия сохраняет свои позиции, 21% беспокоит, что Россия утратила свои позиции. 47% опрошенных в 2015 г. считали, что финансирование освоения космоса нужно расширять, а ещё 40%, что его нужно сохранять в существующем объёме (против 8% выступающих за сокращение расходов).

Вопрос популярности Космического проекта – это вопрос популярности установок на крупные целевые программы из группы Великих прорывов, характеризующие популярность

[1] ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1997. Россия в космосе - https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112679 11.04.2012

[2] ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2812. Космическая эра. Новые горизонты - https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115222 10.04.2015

и потенциальные возможности мобилизационных установок, ориентированных на созидание будущего.

Одновременно период 2012-2017 гг. в большей степени был официально ориентирован на сохранение ценностных основ прошлого. Понятно, что сохранение прошлого и сохранение собственной ценностной самоидентификации органично связаны и дополняют друг друга. Но понятно также и то, что установка на приоритетность самогипноза прошлым на определенном этапе начинает препятствовать движению в будущее.

В целом Левада-центр (03.11.2016) выстраивает следующую картину ценностей молодого поколения россиян (не более трёх ответов из заданного списка)[1]: 75% ответивших – взаимоотношения и хорошие отношения в семье, 62% – материальное благополучие и комфорт, 30% – хорошая физическая форма и самочувствие, 26% – интересная работа и профессиональное развитие, 23% – общение с друзьями и знакомыми, 20% – самореализация и развитие, 17% – любовь и романтические отношения, 15% – карьера и продвижение по службе, 14% – свобода и независимость, 5% – творчество и увлечения, 1% – общественное признание и популярность. Было бы весьма соблазнительно сопоставить данные этого опроса с аналогичным опросом Б. А. Грушина середины 60-х гг., однако это было бы неправомерно, так как опросник Грушина был открытым и позволял назвать те ценности, которые возникают у опрошенных на ассоциативном уровне. Данный же опрос изначально замыкает круг ценностей на уровне семьи – карьеры – индивидуального развития, будто бы случайно допуская в круг названных ценностей мало популярную на сегодняшний день ценность «свободы», которая к тому же в контексте других ценностей перечисленного ряда приобретает совсем другой смысл.

Следует отметить, что в этом исследовании, как и в большинстве современных опросов, касающихся системы ценностей, внимание составителей сосредотачивается в основном вокруг двух осей: религиозности, с одной стороны, и ценностей личностно-семейных и личностно-успешных – с другой.

[1] Левада-Центр. Ориентиры и ценности молодых россиян - http://fom.ru/TSennosti/13083 03.11.2016

Причём, если первый концепт ещё можно назвать ценностной системой, так как он если и не предлагает, то, по крайней мере, позволяет сконструировать на его основе три уровня идеала – онтологический, социальный и этический, то второй концепт полностью исключает из картины мира носителя онтологическую и гносеологическую составляющую, ограничивая его представления о мире уровнем семьи, а в качестве враждебно-конкурентной среды представляя уже профессиональный коллектив. Таким образом, границы Логоса сужаются до пределов семьи, под которой сегодня понимается не «клан» и не «род», а молодожены и их дети, противопоставленные миру конкурентно-враждебного Хаоса, начинающегося за пределами квартиры такой семьи. Соответственно Хаос не подлежит сохранению и является лишь зоной добычи ценностей-полезностей для своего социума, что с точки зрения общего социального прогресса ведёт к неким формам общества, предшествовавшим родоплеменному строю – потому как по мере накопления знаний общество развивалось, и границы социума-логоса увеличивались вплоть до включения в него миллионных и миллиардных групп. В практической перспективе, как представляется, эта тенденция ведёт к разрушению объектов цивилизации за пределами нового семейного логоса, которое активно проявляется в многочисленных актах вандализма под эгидой тех или иных ценностей.

Ценностный мир Модерна, отражающий созданные им общности классов и наций, столкнулся с вызовом своей исторической ограниченности и оказался перед выбором дальнейшего развития: между ценностным миром Постмодерна, абсолютизирующим животное начало человека и стандарты общества Потребления – и ценностями нарождающегося Сверхмодерна, считающего абсолютом общество Созидания, с признанием сверхценностью реализацию человека в творчестве и Больших прорывах.

Более того, если мы обратимся к опросам уже 2017 г.[1], то увидим интригующую коллизию.

С одной стороны, опрос о ценностных предпочтениях молодежи показывает, что в данной возрастной среде (до

[1] ФОМ. Космос. О космическом статусе нашей страны. http://fom.ru/Budushchee/13290 12 апреля 2017; ФОМ. Взгляды и ценности молодых http://fom.ru/TSennosti/13288 13 апреля 2017

34 лет) не сложилась поддержка ни одной из основных политических идеологий, хотя по относительным показателям на первое место уверенно вырывается социалистическая – 28% поддержки, при 20% поддержки либеральной, 13% поддержки консервативной и 2% поддержки анархизма. Здесь мы видим определенную ценностно-политическую диффузию, в которой ни одна из идеологически ориентированных групп не имеет большинства и не имеет потенциально-родственной группы, с которой она могла бы образовать большинство.

Одновременно почти в тот же момент проведенный опрос о значении космоса и освоения космического пространства показал, что, казалось бы, идеологически разнородная и расколото-неопределенная группа 17-34 лет оказывается интегрированной в общем-то неидеологическим, но и не потребительско-бытовым вопросом: о значении лично для каждого из них освоения страной космического пространства: положительный ответ дали 59% опрошенных. И еще одной зоной объединения разнородных идеологически групп молодежи оказалось отношение к сохранению государственной собственности на крупные предприятия – 73%. При этом в целом среди населения поддержка ориентации на освоение космоса оказалась еще выше: на вопрос, важно ли лично для них, чтобы Россия занимала лидирующие позиции в космонавтике, 65% опрошенных дали утвердительный ответ. Отрицательный – всего 30%.

В любом случае мы видим, что тема освоения космоса оказывается воспринятой и сегодня воспринимаемой обществом. Воспринимаемой как метапроект, стоящий и заслуживающий и расходов, и усилий общества. Может быть – метаусилий. По сути дела, с одной стороны – это проект движения к глобальной цели. С другой – проект строительства и созидания. С третьей – процесс, и мобилизующий людей, и запускающий цепочку воспроизведения их энергии. И, кроме того – создающий и воспроизводящий и новые технологии, и новые открытия.

По большому счету – он мог бы дать цивилизационный толчок, подобный перелому Эпохи Великих Географических открытий. И, что самое главное – объединить страну общими смыслами и общим делом, создавая уже и новую субъектную цивилизационную общность.

Черняховская Ю.С. Космический проект и научно-технический романтизм в политическом сознании современного россиянина. В статье выявляется система ценностных предпочтений, перспективных для обеспечения прорывного мобилизационного развития страны, подчеркивается, в частности, интерес россиян к проблемам больших научно-технических проектов, связанных с отечественной традицией научно-технического романтизма.

Ключевые слова: научно-технический романтизм, космос, космический проект, политическая культура, ценности, социологические исследования.

Chernyakhovsky Y.S. Space project and scientific and technical romanticism in the political consciousness of the modern Russian. The article reveals the system of value preferences, promising to ensure the breakthrough mobilization development of the country, emphasizes, in particular, the interest of Russians to the problems of large scientific and technical projects related to the national tradition of scientific and technical romanticism.

Keywords: scientific and technical romanticism, space, space project, political culture, values, sociological research.

В.А. ВАСИЛЬЕВ
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философских наук
Московского государственного
лингвистического университета*

Рациональный диалог и его практическое использование

Современная актуализация использования диалога (греч. dialogos – беседа, спор) при разрешении общественно значимых вопросов имеет свою историю. С Античных времен философия обрела в диалоге одну из наиболее адекватных форм своего выражения. Он становится специфическим приемом обсуждения и нахождения мировоззренческих, научных, политических, нравственных положений. Расцвет древнегреческой демократии, полемическая борьба кандидатов на выборах в органы власти с необходимостью вызвала потребность в красноречии. Появились первые платные учителя – софисты. Они в ходе обоснования своей точки зрения стали активно использовать диалог. Софисты поднимали важные вопросы лингвистики, взаимосвязи языка и мышления, что способствовало активизации философского творчества. Однако их стремление в дискуссиях любым путем обосновать правоту своих доказательств, вплоть до подмены понятий, вызывало к ним негативное отношение и понятие «софист» стало нарицательным – лжец, обманщик. Однако софистические приемы, противоречащие логической обоснованности рассуждений, и сегодня используются в риторике, особенно при обсуждении социально-политических проблем.

Подлинно творческое использование диалога было разработано Сократом и соответствовало изречению, которое было начертано на фронтоне Дельфийского храма: «Познай самого себя». В ходе беседы он задавал оппонентам

* Васильев Вячеслав Александрович, e-mail: prof.Vasiliev@ro.ru

(среди которых были и самоуверенные сановники, и готовящиеся к политической карьере граждане Афин) важные для полиса вопросы, желая услышать от них мудрый совет. Если человек испытывал затруднение при нахождении правильного ответа, то Сократ наводящими вопросами заставлял его прибегнуть к внутреннему мыслительному диалогу и тем самым помогал самостоятельно прийти к истинному пониманию блага. Мудрец подчеркивал, что цель его философско-нравственных дискуссий – оказать помощь людям, помочь им познать себя, стать более добродетельными и справедливыми[1].

Платон не только продолжил традицию своего учителя, но и довел её до совершенства. Диалог становится творческим методом достижения истины, важным философско-литературным жанром. Платон вкладывал в уста спорщиков достаточно обоснованные аргументы, в силу чего диалог становился гораздо интереснее, чем простое повествование или рассуждение. В диалектически понимаемом диалоге проявляется возможность противостояния противоречивых мнений о едином предмете обсуждения с выявлением в нем разных структурных элементов, взаимосвязей с целью совместного достижения объективного результата. Почти все произведения Платона написаны с использованием диалогического приема и направлены на достижение великой нравственной цели: «быть ли человеку хорошим или плохим»[2].

Создатель формальной логики Аристотель обосновал возможность использования в диалоге законов мышления, раскрывающих внутреннюю, существенную, необходимую связь между логическими формами в процессе построения доказательств. В работе «Метафизика» Стагирит указывает на закон тождества, согласно которому размышление невозможно, «если не мыслить каждый раз что-нибудь одно», т. е. любое высказывание (мысль, понятие, суждение) на протяжении всего рассуждения должно сохранять один и тот же смысл. Закон непротиворечивости основывается на доводе, что два несовместимых друг с другом суждения не могут быть одновременно истинными; как минимум одно из них ложно. Согласно закону исключенного третьего если в одном из двух выражений что-либо о предмете утверждается, а во втором

[1] *Ксенофонт*. Воспоминание о Сократе. М., 1993, с. 9-10.
[2] *Платон.* Соч. В 4 т. М., 1994, т. 3, с. 406.

отрицается – одно из них обязательно истинно[1]. Выявленные Аристотелем законы формальной логики по-новому высветили творческую мыслительную значимость диалога.

Диалогическую форму изложения философских, социально-политических, религиозных воззрений использовали римские стоики, средневековые богословы-философы, представители эпохи Возрождения и Нового времени. В данной статье не ставится задача выявить всесторонний генезис использования диалога как метода философского, научного творчества. Это трудоемкая проблема специального исследования. Нами лишь подчеркивается, что традиция использования в дискуссиях логически обоснованного диалога со времен Античности не исчезает, продолжается и в наше время. Так, при исследовании диалога как философско-познавательного принципа можно выделить онтологические и гносеологические, социальные и аксиологические основания.

Онтологические основания заключаются в том, что объектом спора, дискуссии выступает предмет со своей сложной системно-структурной организацией, качественно-количественной характеристикой, взаимосвязью разного уровня сущностей и явлений, соотношением внутренних и внешних, основных и неосновных причинно-следственных связей и т. п. Поскольку предмет обсуждения сложен, то следует точно определить границы его обсуждения. Во-первых, требуется уяснить, сколько значений имеет обсуждаемый предмет. Во-вторых, следует описать или определить одно из значений, которое в диалоге будет использоваться. В противном случае не- четко выявленный предмет обсуждения может привести к полному непониманию вступивших в диалог субъектов. Для их обсуждения не будет единого, общего для всех предмета.

Гносеологические основания диалога заключаются в сложности отражения и познания объекта. В диалоге один познающий субъект может выделить в предмете исследования поверхностный, информационный, очевидный слой; другой обратит внимание на глубинные, существенные, скрытые от непосредственного восприятия процессы; третий остановится на аморфном слое неявных ассоциаций, намеков. Поэтому наша мысль не в состоянии сразу и полностью вычленить главные, существенные связи и отношения. Это естественно порождает различные точки зрения на обсуждаемый предмет: лож-

[1] См.: *Аристотель*. Метафизика. М., 2016.

ные и истинные, вероятностные и проблематичные, достоверно-обыденные и т. п. Вступившие в диалог субъекты используют общий понятный друг другу категориальный аппарат, соответствующий обсуждаемому предмету. Его природа не все утаивает, в противном случае нельзя было бы познать, но и не все сделала явным, ибо тогда не было бы исследования. Она устроена так, чтобы посредством диалогически истинного доказательства можно было выявить сущность исследуемого предмета, т. е. его истинное смысловое содержание, которое закрепляется в слове-понятии. Слово в данном случае выступает именем предмета, его обозначением и вербальным способом доводится до оппонента.

Социальные основания диалога показывают, что предметом обсуждения выступают общество, социальные институты, классы, государства, большие группы людей, этносы, личности со своими особенными интересами, гармонизация которых требует диалогической формы обсуждения и принятия общественно значимого решения. В данном случае спецификой исследования выступает то обстоятельство, что субъекты сами находятся внутри проблемного предмета обсуждения (экономического, социального, политического, юридического и т.п.) и одновременно выдвигают свои субъективно мотивированные идеи, отстаивают свои интересы, учет которых может быть весьма сложным.

Аксиологическими основаниями диалога выступают значимые для людей материальные и духовные ценности. В обобщенном виде они представлены как мировоззренческие установки, нормы и принципы жизнедеятельности, блага и добродетели, способствующие гармонизации человеческих отношений. Вступившие в обсуждение какой-либо проблемы субъекты несут в себе выработанные в результате традиций, культуры конкретные ценности и отстаивают их в ходе обсуждения.

Диалог, таким образом, отличается от простого рассуждения о чем-либо. В нем осуществляется живая связь вступивших в обсуждение субъектов. Именно в творческом споре рождается истина, познается нечто новое. Стороны могут прийти к приемлемому для них компромиссу и решить проблему.

Выделенные положения диалога позволяют более объективно выявить возможности его использования в ходе решения межгосударственных проблем, в которых переплетаются

интересы, цели, разные гносеологические уровни доказательства своей позиции, способные привести субъектов к компромиссу, взаимоприемлемому итогу. Так, благодаря усилиям России, Турции, Ирана состоялся «Конгресс сирийского национального диалога» (30. 01. 2018 г.). В нем приняли участие около полутора тысяч представителей разных племён, солдат сирийской армии и бывших боевиков, сторонников президента Асада и оппозиции. На мероприятии присутствовали более 50 наблюдателей, в том числе от ООН, США, Франции, Великобритании. Несмотря на значительные разногласия, участники конгресса, используя открытый диалог, смогли обсудить вопросы, касающиеся настоящего и будущего своей страны. Итогом учета различных политических интересов стало совместное «Заключительное заявление Конгресса сирийского национального диалога». В нем содержатся важные положения, отвечающие нормам международного права: Сирия должна быть территориально целостным, демократическим, суверенным государством. Важнейшим решением форума стало решение о формировании Конституционной комиссии, в состав которой должны войти представители правительства и оппозиции, участвующие в переговорах. Отбор членов Конституционной комиссии будет проходить в рамках Женевского процесса под эгидой ООН. Конгресс показал важную роль политического диалога в целях прекращения военного противостояния, налаживания переговоров, чтобы выработать общий план объединения сирийского общества. Начатый диалог должен быть продолжен, ибо иные альтернативы разрешения социально-политических противоречий могут только обострить военное противостояние. Администрация США стремится нарушить еще не окрепшие связи различных сирийских социальных субъектов со своими противоречивыми интересами. Вместо того, чтобы принять участие в свободном политическом диалоге, американская сторона предпочитает использовать диктат, навязывает свою монопольную позицию с целью свержения законного правительства Асада и расчленения страны.

Позитивная роль социально-политического диалога проявилась в период проведения в Сеуле Олимпийских игр. По инициативе лидера КНДР Ким Чен Ына в Южную Корею приехала делегация, состоящая не только из спортсменов, артистов, но и государственных чиновников. В день открытия Олимпиады спортсмены двух стран прошли вместе под

общим флагом «объединенной Кореи», провели совместные лыжные тренировки на северокорейской территории, составили единую женскую команду по хоккею.

Олимпиада дала возможность наладить политический диалог, в рамках которого министры из Южной и Северной Кореи обсудили вопросы, представляющие не только взаимный, но и международный интерес. Стороны договорились продолжать политический диалог по ядерной программе; возобновить работу горячей линии связи между военными двух стран, чтобы уменьшить напряженность в прифронтовых районах; предоставить возможность общения родственникам, проживающим по разные стороны границы. Наметившееся в результате взаимных уступок потепление по торговым, культурным, гуманитарным вопросам показало позитивность творческого диалога, который проходил вопреки военному диктату американской администрации, продолжающей грозить Пхеньяну «самыми жесткими и агрессивными» санкциями. Внешние санкции, конечно, могут замедлить дальнейшее развитие северокорейской ядерной программы, но никак не изменят намерение Пхеньяна продолжать следовать своему курсу, предохраняя свою страну от американской агрессии. Поэтому риски во взаимоотношениях государств на Корейском полуострове сохраняются. Но есть и позитивные моменты, поскольку в политический диалог вновь включилась дипломатия. То, что США не смогли сделать военной угрозой, обе заинтересованные стороны намерены осуществлять с помощью дипломатического диалога и сделать всё возможное, чтобы не допустить военного столкновения. При поддержке международного сообщества проблемное поле начавшегося политического диалога будет расширяться, а воинствующим американским ястребам не следует провоцировать новый виток военной конфронтации, которая является тупиком.

Весьма показательна важность использования диалога в обсуждении арктической проблематики, которая становится актуальной и сложной. Это определяется рядом факторов, затрагивающих интересы многих государств. Во-первых, по данным специалистов, арктические недра богаты металлами, содержат треть всех мировых запасов нефти и газа, а многие экономически развитые страны испытывают зависимость от энергоресурсов. Во-вторых, важное международное транспортное значение приобретает Северный морской путь, он значительно сокращает временной интервал пе-

реезда из Европы в Азию, Америку. В-третьих, регион важен в плане военных стратегических возможностей размещения ракетно-ядерного и другого вида вооружений. Страны НАТО активно занимаются строительством военных баз, США в этом регионе стремится играть доминирующую роль.

Не случайно, что Арктика является сферой национальных интересов многих государств. Россия с начала XVII в. стала заниматься освоением полярных областей. В 1932 г. было создано Главное управление Северного морского пути, которому поручалось обеспечение судоходства и народнохозяйственное освоение Арктики. Существенно активизировалось использование нашей страной Северного морского пути после создания атомных ледоколов. Кратчайший морской путь между Европейской частью России и Дальним Востоком законодательно определен как исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация России. Арктика – это регион российских стратегических интересов.

После приобретения Аляски США стали арктическим государством. Исторически сложилось образование стран, которые непосредственно граничат с арктической зоной (Российская Федерация, США, Дания, Норвегия, Канада). К ним присоединились Исландия, Швеция и Финляндия, которые не имеют к Арктике непосредственного отношения, но их территории частично находятся за Полярным кругом, что позволяет претендовать на разработку недр в этом регионе. К Арктике также приковано внимание государств, находящихся от нее на значительном удалении. Это не только Великобритания, Германия, Франция, но и Бразилия, Китай, Индия, Япония и многие другие государства, желающие технологически, финансово принять участие в использовании арктических недр. Тем самым складывается противоречивость интересов, государства вынуждены вступать в различные коммуникативные связи с использованием диалогических возможностей достижения взаимоприемлемых результатов.

Творческий диалог позволяет участвующим в нем социальным субъектам выйти на обсуждение и принятие новых взаимовыгодных решений. Диалог расширяет границы дискуссий, раскрывает свободу творчества, которая всегда должна присутствовать при обсуждении сложных социально-политических проблем. Достижение взаимоприемлемого результата возможно лишь при единстве действий. Осознание всеми участвующими в диалоге сторонами необходимости

нахождения конкретного содержания общего интереса предоставляет возможность строить политическую практику на основе единства воль большинства. Именно позиция общего политического интереса дает основу для нахождения в диалоге компромисса между разными субъектами, которые преследуют свои частные интересы. В этом случае изменяется само представление о компромиссе. Это не временная уступка позиций одной из противоборствующих сторон другой стороне, пока не хватает сил для подчинения противоположных интересов. В таком случае насилие как основное политическое средство только маскируется консенсусом в ожидании слабости противника. Настоящий компромисс показывает, что различные позиции выражают разным образом одно целое, заслоненное от каждого из участников конфликта одной из его частей. На первый план выходит конкретное содержание общего интереса. Он является не просто обобщением желаний вступивших в политический диалог социальных субъектов, но и дает возможность посредством компромисса реализовать частные интересы.

Осуществление социального, политического диалога и нахождение компромисса невозможны без учета принципа толерантности, который предполагает учет разных интересов, свободу самовыражения личности. Не случайно, что духовное раскрепощение человека наряду с его экономической и политической свободой приветствовали и отстаивали лучшие мыслители, опираясь на учение о естественном праве. Единство на позициях утверждения демократического общественного устройства (в рамках одной страны или на международной арене) не означает искусственного выравнивания, унификации взглядов, а предполагает разнообразие мнений по конкретным проблемам, многовариантность методов и путей их использования. Терпимое, уважительное отношение к различным взглядам, даже если они вступают в конфликт с общепризнанным мнением, ослабляет возможность утверждения монополизма. Монополизм присваивает себе право на истину и не желает иметь никаких оппонентов в отстаивании своих интересов. Международные проблемы, в которых задействованы многие страны, отстаивающие свои специфические интересы, не в состоянии решаться одной какой-либо державой. Навязывание диктаторской позиции несовместимо с социально-политическим диалогом, с использованием которого только

и возможно предотвращать конфликтные ситуации в современном глобальном мире.

Васильев В.А. Рациональный диалог и его практическое использование. В статье анализируется рациональная сущность диалога как важного приема обсуждения проблемы. Выявляются онтологические, гносеологические и другие основания диалога и возможность его практической реализации.

Ключевые слова: диалог, государство, философия, интерес, познание, общество.

Vasiliev V.A. Rational dialogue and its practical use. The article analyses essence of dialogue like important method of discussion the problem. Existence and cognition basis of dialogue and possibility of its practical realization are revealed.

Keywords: dialogue, state, philosophy, interest, cognition, society.

А.В. ШИШКОВА
кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»*

Цифровая этика в современном образовательном процессе

Главной движущей силой социально-экономического развития и важнейшим фактором национальной безопасности любой страны в современном обществе является человеческий капитал. Одна из важнейших сфер, где происходит «накопление» данного капитала – это сфера образования, в которой уже много лет идет процесс формирования мирового образовательного пространства. Формирование данного пространства происходит в контексте повышения коммуникативной открытости современного общества и развития идеологии открытых данных, предполагающей, что существует определенный вид данных, который должен быть свободно доступен в использовании для всех желающих (без ограничений авторского права, патентов и прочих механизмов контроля). «Открытое образование», «открытая наука», «открытое государство» – вот основные составляющие общества открытых данных, дискуссии вокруг которых ведутся не первый год.

Открытое образование подразумевает построение такой системы обучения, где основу образовательного процесса составляет целенаправленная, контролируемая, интенсивная самостоятельная работа обучаемого, который может учиться в удобном для себя месте, по индивидуальному расписанию, имея при себе комплект специальных средств обучения и согласованную возможность контакта с преподавателем по телефону, факсу, электронной или обычной почте, а также личного контакта. Ее отличает открытое поступление (без анализа исходного уровня знания, без вступительных испытаний), открытое планирование процесса обучения, свобода выбора преподавателя, ритма и темпа обучения и т.д.

* Шишкова Анастасия Викторовна, e-mail: avs.guu@gmail.com

Широкое развитие различных форм открытого образования и активная информатизация образовательного процесса являются одними из основных трендов современного образования. Так, доклад The NMC Horizon (глобальный исследовательский проект консорциума «Новые медиа», охватывающий на текущий момент 195 стран и освещающий тренды, вызовы и новые технологии в сфере образования) выделяет ряд принципиальных положений современного образовательного процесса, среди которых наибольший интерес представляют следующие:

1) дистанционное, мобильное и смешанное обучение как неотъемлемая часть современного образования. Согласно прогнозам исследователей организации, которые на текущий момент не внедрили данные виды обучения, просто не выживут в конкурентной борьбе;

2) включенность высшей школы в систему непрерывного образования. Образовательные организации должны предоставлять возможности для формального и информального обучения на протяжении всей жизни для студентов и сотрудников;

3) организации высшего образования как площадки для совершенствования технологий искусственного интеллекта, алгоритмов машинного обучения и тактильных устройств[1].

Создание глобального образовательного пространства и поддержка системы непрерывного обучения осуществляются, конечно, с использованием современных технологий. В статье, рассматривающей 25-летний процесс развития технологий искусственного интеллекта и цифровых технологий в образовании, указывается, что основной задачей международного сообщества AIED (Artificial Intelligence in Education), занимающегося поддержкой и исследованиями технологий искусственного интеллекта в образовании, является борьба с несовершенством системы формального образования. В одних странах, указывает автор статьи, дети проводят внутри этой системы около 15 лет своей жизни, не получая при этом достаточного уровня знаний, в то время как в других странах темпы развития формального образования не успевают за ростом населения. Повысить эффективность

[1] *Adams Becker S. et al.* NMC Horizon Report: 2017 Higher Education Edition. Austin, Texas: The New Media Consortium. URL: http://cdn.nmc.org/media/2017-nmc-horizon-report-he-EN.pdf (режим доступа свободный).

образовательного процесса для учеников из первых стран и предоставить ученикам из остальных стран доступ к качественному образованию может именно развитие технологий[1].

Вышеуказанные тренды также прекрасно согласуются с двумя основополагающими принципами инклюзивного образования – идеей персонализации образования с учетом индивидуальных потребностей ученика и идеей предельной доступности образования для каждого. История развития инклюзивного образования за несколько столетий прошла длинный и сложный путь, на протяжении которого отношение общества к инвалидам и лицам с ограниченными возможностями здоровья изменялось от полного неприятия через сегрегацию к интеграции, а затем и к инклюзии. В 2006 г. была принята Конвенция о правах инвалидов, которая регламентирует основные принципы инклюзивного образования для инвалидов. Государства-участники в соответствии с Конвенцией признают право инвалидов на образование и в целях реализации этого права обеспечивают инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни, следя, чтобы инвалиды могли иметь доступ к общему высшему образованию, профессиональному обучению, образованию для взрослых и обучению в течение всей жизни без дискриминации и наравне с другими. Россия ратифицировала указанную конвенцию в 2012 г. (Федеральный закон от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов»), и уже в Законе № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» закреплено право детей с ограниченными возможностями здоровья на получение равного доступа к образованию. К сожалению, в России, в отличие от ряда западных стран, попытки внедрить инклюзивное образование начались значительно позже, но, как отмечается исследователями, к началу 2014 г. в России была создана необходимая регламентирующая база для интеграции идеи инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья в систему общего образования[2].

Обеспечение предельной доступности образования связывается, прежде всего, с развитием технологий дистан-

[1] *Dillenbourg P.* The Evolution of Research on Digital Education // International Journal of Artificial Intelligence in Education, 2016, vol. 26, № 2, p. 556.

[2] Педагогика и психология инклюзивного образования: Учебное пособие / Д.З. Ахметова, З.Г. Нигматов, Т.А. Челнокова, Г.В. Юсупова и др. Казань, 2013, с. 138.

ционного обучения и совершенствованием всей системы информационно-коммуникационных средств и технологий в образовании, а также с совершенствованием специальных технических средств обучения для людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов. В XXI веке дистанционное образование становится интегральной частью системы образования, перестав быть второстепенным дополнением к обычному образовательному процессу, и подобный парадигмальный сдвиг привел к появлению новых методов и принципов обучения и новых моделей взаимодействия педагогов и учеников[1].

Помимо уже упомянутых поддержки системы непрерывного обучения и создания глобального образовательного пространства, существуют еще как минимум два направления, в которых использование современных информационных технологий может быть наиболее эффективно: предоставление виртуальных наставников для каждого ученика (персонализированные обучающие системы) и анализ данных об учащихся и процессе обучения[2], однако применение данных технологий сопряжено с определенными этическими трудностями, на которых и хотелось бы остановиться далее.

Изучением этических проблем, касающихся производства, сбора, использования и распространения данных и относящихся к этой области технологий и алгоритмов (включая искусственный интеллект, машинное обучение и роботизацию), в целях выработки этически оправданных решений занимается современная отрасль этического знания – информационная (цифровая) этика[3].

Одна из главных тем обсуждения в русле информационной этики – это приватность, право на сохранение в тайне личной информации. Образовательные учреждения собирают, обрабатывают и хранят огромное количество информации, которая затем используется на различных уровнях –

---

[1] *Bozkurt A. et al.* Trends in distance education research: A content analysis of journals 2009-2013 // The International Review of Research in Open and Distributed Learning, 2015, vol. 16, № 1, p. 331.

[2] *Woolf B.P., Lane H.C., Chaudhri V.K., Kolodner J.L.* AI Grand Challenges for Education // AI Magazine, 2014, vol. 34, № 4, p. 66-84.

[3] *Floridi L., Taddeo M.* What is data ethics? // Philosophical transactions. Series A. Mathematical, physical, and engineering sciences, 2016, 374, № 208. URL: http://rsta.royalsocietypublishing.org/content/374/2083/20160360 (режим доступа свободный), p. 1.

от отслеживания посещаемости конкретных классов до создания национальных баз данных и составления различных рейтинговых систем. Кроме того, сбор и анализ личных данных необходимы для персонализации образовательного процесса, которая в воспитательном плане подразумевает установление лучшего эмоционального контакта с учениками, а в педагогическом плане – адаптацию учебного процесса под конкретного ученика, выстраивание и реализацию личных образовательных траекторий учеников с учетом выявленных у них особенностей.

Несмотря на несомненные плюсы от собранных данных, вопросы их хранения и использования являются предметом бурных этических дискуссий. В одном из исследований участники, рассказывая о своем отношении к подобному сбору информации, выражали опасения относительно «вторичного» использования данных. Во-первых, они подчеркивали, что существует риск доступа к приватной информации посторонних – будь то государственные органы, хакеры, неавторизованный персонал образовательного учреждения или сами учащиеся (использующие данные против своих соучеников). Во-вторых, ряд участников исследования указывал на возможность использования собранной информации коммерческими организациями в целях получения выгоды[1]. Ситуация становится еще сложнее, если мы говорим не только о некоммерческих организациях, но, например, рассматриваем вопрос использования собранных данных в рамках работы коммерческих обучающих систем, потому что использование собранных данных может быть способом оплаты за дальнейшее развитие обучающей системы, которое позволит распространять ее свободно и бесплатно для участников образовательного процесса[2].

Другой аспект рассмотрения указанной проблемы связан с особенностями положения учащихся в образовательном пространстве. В одном из исследований вспомогательных технологий по уходу за пожилыми людьми участники были озабочены постоянным наблюдением и вторжением в личное пространство и отмечали, что чувствуют себя уязви-

[1] *Serholt S. et al.* The case of classroom robots: Teachers' deliberations on the ethical tensions // AI & SOCIETY, 2017, vol. 32, № 4, p. 621-622.

[2] *Pinkwart N.* Another 25 Years of AIED? Challenges and Opportunities for Intelligent Educational Technologies of the Future // International Journal of Artificial Intelligence in Education, 2016, vol. 26, № 2, p. 780-781.

мыми и лишенными свободы. Так же, как и пожилые люди, ученики, особенно в системе дошкольного и школьного образования, являются психологически уязвимой группой, потому что не имеют технической и юридической возможности осуществлять контроль над собираемой о них информацией. Многие учителя считают, что в данном вопросе необходимо предоставить ученикам свободу выбора[1].

Следующая группа вопросов связана с процессом роботизации образовательного пространства. В России этот процесс продвигается не так успешно, как на Западе, однако осмысление опыта зарубежных коллег представляет собой не только научный интерес, но и имеет прикладной характер, так как позволяет подготовиться к грядущим вызовам. Существуют различные варианты виртуализации, автоматизации и роботизации педагогического процесса.

Во-первых, в контексте создания безбарьерной среды наиболее важными моментами автоматизации и роботизации в учебных заведениях, практикующих инклюзивное образование, можно назвать применение самодвижущихся пандусов, интерактивной системы навигации внутри помещения, компьютеризированных подстраивающихся под хозяина инвалидных кресел, а также применение автоматизированных роботов для внеклассных лечебных занятий (например, использование интерактивных музыкальных роботов для учебно-восстановительной терапии у детей с расстройствами аутического спектра). С точки зрения этики необходимо отметить, что стоит применять кресла и пандусы только для тех учащихся, которые действительно в них нуждаются, не принуждая тех обучающихся с инвалидностью, которые в состоянии обойтись собственными силами, чтобы не провоцировать у них усиленное ассоциирование себя с какой-то особенной, выпадающей из общего социума группой.

Во-вторых, достаточно широкое распространение получили системы виртуального менторства (тьюторства). С развитием технологий искусственного интеллекта (особенно в области больших данных, моделирования поведения пользователя, языковых исследований и распознавания лиц) такие наставники могут все лучше и лучше взаимодейст-

[1] *Serholt S. et al.* The case of classroom robots: Teachers' deliberations on the ethical tensions // AI & SOCIETY, 2017, vol. 32, № 4, p. 615, 620.

вовать с обучающимися, анализируя ответы учеников и обеспечивая адекватную обратную связь[1]. Отмечается, что для успешного использования таких наставников в современном образовательном процессе необходимо их обращение к темам социальной изоляции и саморегуляции, которые беспокоят значительное число обучающихся и особенно актуальны в инклюзивном образовании, однако это потребует серьезного совершенствования вышеуказанных технологий[2]. Традиционные опасения в области развития виртуального менторства связаны с тем, что виртуальные наставники вытеснят реальных педагогов, не являя собой полноценную замену.

Другие варианты роботизации представляют собой непосредственное использование в учебном процессе роботов. Здесь тоже возможны различные варианты. Одно из недавних исследований описывает два типа роботов – «teacher as robot» и «robot as teacher». В первом случае человек осуществляет удаленное управление роботом для общения с учениками, во втором случае автономный робот выполняет роль педагога, выступая в качестве источника информации по изучаемому предмету и давая учащимся необходимые прямые указания[3]. Использование роботов второго типа ставит нас перед целым комплексом этических вопросов, начиная с того, не имеет ли взаимодействие обучающихся (особенно младшего возраста) с роботами негативного эффекта на их эмоциональное развитие, и заканчивая тем, кто несет ответственность за принятые роботом решения. Вопрос приватности, упомянутый в нашей статье ранее, также играет важную роль, так как для эффективного взаимодействия с учащимися такие роботы вынуждены собирать и анализировать их персональные данные.

---

[1] *Goodman B., Linton F., Gaimari R.* Encouraging Student Reflection and Articulation Using a Learning Companion: A Commentary // International Journal of Artificial Intelligence in Education, 2016, vol. 26, № 1, p. 486; *Adams Becker S. et al.* NMC Horizon Report: 2017 Higher Education Edition. Austin, Texas: The New Media Consortium. URL: http://cdn.nmc.org/media/2017-nmc-horizon-report-he-EN.pdf (режим доступа свободный), p. 57.

[2] *Goodman B., Linton F., Gaimari R.* Encouraging Student Reflection and Articulation Using a Learning Companion: A Commentary // International Journal of Artificial Intelligence in Education, 2016, vol. 26, № 1, p. 486.

[3] *Edwards A. et al.* Robots in the classroom: Differences in students' perceptions of credibility and learning between "teacher as robot" and "robot as teacher" // Computers in Human Behavior, 2016, № 65, p. 627-628.

Исследователи выражают опасение, что у обучающихся младшего возраста может поменяться восприятие «живого», что, в свою очередь, помешает развитию эмоционального интеллекта. Обучающиеся в высшей школе также могут столкнуться с рядом проблем, вызванных формированием эмоциональных связей между человеком и машиной. Как справедливо замечается в одном из исследований, если в прошлом информационно-коммуникационные технологии служили для упрощения и укрепления эмоциональных связей между людьми, то сейчас на первый план выходят отношения между людьми и роботами[1].

Вопрос о том, кто является моральным агентом в ситуации нарушений порядка со стороны робота, тоже является дискуссионным, причем как с этической, так и с юридической точки зрения. Уже сейчас создатели различных машин вынуждены решать вопросы алгоритмизации этического поведения и учить беспилотные бомбардировщики и беспилотные автомобили принимать решения о человеческих жизнях.

Ну и, наконец, последний вопрос, который озвучивают участники упомянутых выше исследований – это вопрос ресурсов. Вкладываясь во времязатратные и дорогие проекты по развитию и внедрению технологий, необходимо учитывать широкий круг заинтересованных лиц – не лучше ли и не этичнее было бы в некоторых случаях направить эти время и деньги на решение критических проблем, которых всегда в избытке в современном образовании?[2].

Тем не менее вне зависимости от нашей этической оценки внедрение перечисленных выше технологий в образовательный процесс служит ответом на вызовы современного сетевого пространства, а вышеуказанные проблемы нуждаются во всестороннем рассмотрении со стороны научного сообщества и работников высшей школы.

Шишкова А.В. Цифровая этика в современном образовательном процессе. В статье описаны основные образовательные тренды в контексте открытых данных, непрерывного обучения и инклюзивного образования. Автором выделена и рассмотрена

[1] *Serholt S. et al.* The case of classroom robots: Teachers' deliberations on the ethical tensions // AI & SOCIETY, 2017, vol. 32, № 4, p. 627, 614.
[2] Ibid., p. 623.

этическая составляющая применения технологий искусственного интеллекта, роботизации, машинного обучения и других в современном образовательном процессе.

Ключевые слова: цифровая этика, открытые данные, непрерывное обучение, роботизация, инклюзивное образование.

Shishkova A.V. Data ethics in modern educational process. The article describes education trends in the context of open data, continuous learning, and inclusive teaching. The author considers the ethical component of using artificial intelligence, robotization, machine learning and other technologies in the modern educational process.

Keywords: data ethics, open data, continuous learning, robotization, inclusive education.

Е.А. ПОПОВ
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Алтайского государственного университета

С.А. ВОРОНИНА
кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Алтайского государственного университета

А.Н. ДОМАШЕВ
кандидат философских наук, доцент кафедры общей социологии Алтайского государственного университета

О.Н. ЗАМЯТИНА
кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Алтайского государственного университета*

Образовательная проблематика в диссертациях по социологии (2016-2017 гг.)

Сегодня в социологии и философии науки, а также в науковедении все острее встает вопрос об измерении состояния и развития тех или иных отраслей знания. Действительно, довольно сложно бывает определить, что и в какой степени волнует ученых и исследователей, на каких актуальных глобальных или локальных проблемах они сосредоточивают свое внимание. Вместе с тем развитие науки не стоит на месте, но измерение ее состояния может не всегда быть объективным, прежде всего в силу того, что от науки постоянно требуют высокого коэффициента полезного действия и реального вклада в экономику. Однако у

* Попов Евгений Александрович, e-mail: popov.eug@yandex.ru; Воронина Светлана Алексеевна, e-mail: s516@mail.ru; Домашев Анатолий Николаевич, e-mail: domashev.a1960@gmail.com; Замятина Ольга Николаевна,e-mail: olga_zamjtina@mail.ru

науки все же остается один из немногих важных критериев, увязывающих ее тренды и исследовательские интересы ученых. Речь идет о диссертационных работах. Конечно, к ним сохраняется подчас скептическое отношение: по причине жанрового характера диссертация не всегда расценивается как вклад в науку, являясь в большей степени научно-квалификационной работой, подтверждающей определенные умения и навыки исследователя. С другой стороны, диссертация – это одновременно и жанр научного исследования, и демонстрация обоснованных наработок в той или иной области, а следовательно, она в какой-то мере отражает состояние научной отрасли. Именно диссертация «схватывает» сиюминутное состояние реальности, показывает востребованность методов и методик исследования, сохраняет приоритеты исследовательской культуры на основе принципов этики научного труда и т.д. Если исходить из этих свойств, то, очевидно, диссертационное исследование можно отнести к критериям динамики науки.

Но нужно понимать, что для реализации диссертационного труда имеется своя субкультурность, некий внутренний мир, подчиненный массе условностей и социальных ритуалов. И исследователь, хочет он того или нет, вынужден подчиняться таким реалиям. С этой точки зрения диссертация может рассматриваться и как антижанр, если иметь в виду ее истинную цель, допустим, не привнести вклад в науку или приблизиться к истине, а лишь балансировать на волне муссируемых в науке идей и положений. А кроме того подтвердить дипломом статус ее автора в системе науки.

Социология – сложная наука; в ней пересекаются все начала социального и гуманитарного знания, и, конечно же, в ней особое место отводится диссертациям. И диссертационная работа по социологии представляет собой несколько иную реальность, чем обычно. Связано это прежде всего с тем, что социолог должен быть ориентирован на эмпирическое исследование, позволяющее получить верифицированные данные, а следовательно, объективировать состояние социального мира в цифрах, закономерностях, тенденциях.

Итак, в 2016 г. к защите было представлено 190 диссертационных работ по социологии, чуть меньше – порядка 180 работ – было выполнено в 2017 г. (по данным сайта ВАК: http://vak.ed.gov.ru/dis-list).

С количественными показателями дело обстоит следующим образом: интерес к образовательной проблематике авторы проявили в 19 случаях в 2016 г. и уже в 26 – в 2017 г. Это составило соответственно 10% и 14% от общего числа диссертационных работ. Тенденция увеличения количества диссертаций, посвящаемых темам образования и образовательной политики, вызвана, на наш взгляд, несколькими причинами: 1) относительная доступность эмпирической базы исследований для диссертантов при выполнении научной работы; 2) четкая очерченность институциональных границ системы образования; 3) проблематизация развития образования и реализации политики в этой сфере, связанная с множеством противоречивых изменений, что позволяет обозначать всё новые и новые аспекты при изучении данных предметов. Можно предположить, что в перспективе по этим и другим причинам внимание к образовательной тематике среди диссертантов будет увеличиваться.

Примечателен тот факт, что распределение тем по научным специальностям социологии оказалось в пользу специальности 22.00.04 (социальная структура, социальные институты и процессы) в 2016 г. – 7 работ из 19, в том числе одна докторская диссертация; эта же тенденция проявилась и в 2017 г. – 15 диссертаций из 26, но без докторских работ. К слову сказать, в 2017 г. только в одной докторской диссертации была затронута образовательная проблематика, но данная работа была выполнена по научной специальности 22.00.08 – «социология управления». Годом ранее состоялось всего 3 докторских работы, две из них также представляли социологию управления. Как видим, внимание диссертантов к образованию как социальному институту в современной социологии сохраняет свою «марку», а значит, заслуживает появления новой научной специальности, охватывающей именно темы социологии образования.

Что касается других специальностей, по которым также представлены диссертации, затрагивающие образовательную проблематику, то в 2016 г. только одна работа была выполнена по специальности «теория, методология и история социологии» на тему «Ценностные ориентации современной вузовской интеллигенции: функционально-роле-

вой подход»[1]. Также одной работой была представлена специальность «политическая социология»[2]. Любопытно, что в 2017 г. шесть работ подготовлены по специальности «социология культуры», а одна работа – по экономической социологии и демографии[3]. Такой охват может, в частности, свидетельствовать о том, что в изучении образовательной проблематики, ее различных аспектов какие-либо ограничения практически отсутствуют. С другой стороны, это может также говорить о том, что система образования продолжает открывать новые направления для работ ученых. По крайней мере, обращение к институту образования гарантирует диссертанту сравнительно доступную эмпирическую базу, позволяет использовать разные методы прикладного исследования, акцентирует междисциплинарный уровень методологической рефлексии. Слабым местом такого заметного количества диссертаций, посвященных образованию, зачастую является спорная новизна полученных результатов. Также может обнаружиться отсутствие концептуального осмысления этих результатов для науки в целом и социологического знания в частности. Однако сам по себе факт прироста знания в области социологии образования как таковой, хотя бы и при том, что данная научная специальность в России не включена в соответствующий реестр, может свидетельствовать о развитии данной отрасли социологии.

В случае с диссертациями, в которых изучаются проблемы образования, социолог может ощущать некоторую свободу, поскольку эмпирическая база по сути находится под его ногами, отсутствует необходимость охватывать прикладным исследованием регионы, поселения, проводить длительные и затратные во всех смыслах мониторинги и полевые разработки. Кроме того, почти всегда система образования отзывчива на разного рода новации, изменения

---

[1] *Скворцова А.А.* Ценностные ориентации современной вузовской интеллигенции: функционально-ролевой подход: Дисс … канд. социол. наук. Саратов, 2016 // http://sgu.ru/node/97312

[2] *Вицентий И.В.* Ценности и установки толерантности в политической субкультуре студенчества (на материалах Мурманской обл.): Дисс … канд. социол. наук. СПб., 2016 // https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/Z0B8Kh76bD.pdf

[3] *Нефедова А.И.* Экспорт российского высшего образования: особенности формирования и структурирования спроса: Дисс … канд. социол. наук. М., 2017 // https://www.hse.ru/sci/diss/210684387

в этой системе происходят довольно часто, а значит, социолог может поймать тот момент, когда такого рода трансформации могут стать предметом для диссертационного рассмотрения. Важным, вероятно, является и то обстоятельство, что система образования все же не настолько политизирована, чтобы провоцировать исследователей на смену приоритетов в пользу, например, политического аспекта над социализирующим или социокультурным. Как водится, «рабочая посылка социолога, выступающего за автономию своей дисциплины, базируется на его свободе от социального давления, реальность и незыблемость которого он провозглашает, когда говорит о поведении других людей»[1]. Таким образом, исследование сферы образования может обеспечить социологу свободу его научного труда прежде всего в части выбора объектно-предметного пространства для работы, эмпирической базы и научных методов, но, разумеется, не в плане игнорирования норм исследовательской культуры и этики.

Итак, какие же проблемы развития образования волновали социологов в рассматриваемый период и какие способы их решения предлагались? Сразу обращает на себя внимание тот факт, что из всего количества представленных на защиту диссертаций только одна касалась проблематики школьного образования. В своей работе К.А. Тенишева поставила цель рассмотреть влияние социального окружения на образовательные успехи и планы школьников в Санкт-Петербурге и Московской области и при этом, в частности, определила «механизмы формирования уверенности учащегося в своих силах с учетом разных аспектов социального окружения: школы, класса, друзей, внеклассной деятельности»[2]. Слабым местом данной диссертации, пожалуй, является то, что в поле зрения исследователя попали только учащиеся 8-9 классов, а вероятность формирования и развития более рациональных образовательных планов скорее всего возрастает в старших классах школы.

---

[1] *Добреньков В.И.* Методологические и эпистемологические проблемы формирования теоретического знания в социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2013, № 2, с. 25.

[2] *Тенишева К.А.* Влияние социального окружения на образовательные успехи и планы школьников (на примере школ Санкт-Петербурга и Московской области): Дисс … канд. социол. наук. М., 2017 // https://www.hse.ru/sci/diss/202423924, с. 10.

Между тем для нас важен вопрос о том, почему диссертанты не проявили активности в выборе школьной тематики для своих исследований. Для этого может быть несколько причин, но ключевой, по-видимому, можно признать доступность эмпирической базы: так как корпус диссертантов в основном представляет вузовскую науку, то его научные интересы также связываются с проблематикой высшей школы.

В такой же ситуации оказалось и дошкольное образование, которому также посвящена всего лишь одна диссертация, выполненная С.Г. Решетовой и затрагивающая институциональное развитие дошкольных образовательных организаций в условиях трансформации российского общества; примером послужил опыт Республики Башкортосан[1]. Как видим, и в предыдущем случае, и в этом авторы работ опираются на региональную специфику рассматриваемого вопроса. При этом исследование дошкольного образования привело к получению довольно любопытного с научной точки зрения результата, согласно которому «социальная дифференциация дошкольных организаций по формам собственности (муниципальные, ведомственные, частные) порождает не только конструктивный потенциал развития, но и некую проблемность, заключающуюся в возможном неравенстве шансов детей в получении образовательных услуг»[2]. В обоих случаях, когда диссертанты раскрывают особенности регионального сегмента развития образования, возникает вопрос о достаточности оснований для экстраполяции полученных данных на всю территорию России.

Итак, исследовательский интерес социологов в их научных работах в основном связан с изучением высшего образования. Такая тенденция, с одной стороны, привносит позитивное начало в оценку состояния и развития российских высших учебных заведений, с другой стороны, все же вызывает некую настороженность, возникающую в связи с такой диспропорцией в исследованиях системы образования. Между тем в 2016-2017 гг. среди диссертаций, посвященных изучению образовательной проблематики вузов,

---

[1] *Решетова С.Г.* Институциональное развитие дошкольных образовательных организаций в условиях трансформации российского общества (на примере Республики Башкортостан): Автореф. Дисс … канд. социол. наук. Белгород, 2017 // http://dekanat.bsu.edu.ru/blocks/bsu_disser/protection.php?tab=a&caseid=992

[2] Там же, с. 6.

сформировалось несколько условных групп, в которых прослеживается внимание к какой-либо центральной теме. По большому счету можно отметить два важных направления в изучении вузовского образования. Прежде всего, в диссертациях все чаще поднимается вопрос о качестве образования в целом и различных его профилей и профессиональных направлений в частности. Нередко авторы обращаются к таким понятиям, как «менеджмент качества» или «управление качеством образования». Например, в одной из диссертаций рассматривается «система менеджмента качества в управлении университетом»; автором предлагается социологический анализ данной проблемы. В результате сформулировано следующее определение «системы менеджмента качества»: это «инструмент администрирования, заключающегося в формализации действий путем разработки стандартов и контроля их выполнения, предназначенный для координации взаимодействия сотрудников в целях обеспечения соответствия параметров функционирования университета установленным требованиям»[1]. Конечно, в этом определении трудно увидеть новое слово в понимании рассматриваемого понятия, однако эвристическая ценность состоит в том, что автором акцент сделан на социальном управлении.

В рамках социологии управления всего было выполнено восемь работ, касающихся выявления особенностей управления вузом и в самом вузе. Так, проблематика социального управления была затронута, например, в докторской диссертации Р.В. Ленькова «Социопрогностический подход к социальному управлению высшим образованием России»[2], в работе В.П. Сериковой «Российские традиции в системе социального управления высшим образованием»[3] и др. По первой работе складывается такое впечатление, что наше выс-

[1] *Листопадова Е.В.* Система менеджмента качества в управлении университетом (социологический анализ): Автореф. Дисс … канд. социол. наук. Хабаровск, 2016, с. 11 // http://pnu.edu.ru/ru/science/state-scientific-attestation/thesis/45/

[2] *Леньков Р.В.* Социопрогностический подход к социальному управлению высшим образованием России: Автореф. дисс …д-ра. социол. наук. М., 2016 // https://guu.ru/?page_id=182

[3] *Серикова В.П.* Российские традиции в системе социального управления высшим образованием: дисс … канд. социол. наук. М., 2016 // http://мпгу.рф/wp-content/uploads/2016/09/DISSERTATSIYA_Serikova-27-sentyabrya-2016.pdf

шее образование готово «улететь в космос»; автору удалось обнаружить, например, способность социального управления высшим образованием «быть отдельным феноменом», практику «высшего образования по формированию нового человека», управление «социокультурными и ценностными установками» и др.[1] На самом деле главным мерилом системы управления высшим образованием давно стала погоня за выполнением так называемых целевых показателей развития вузов; именно она определяет и методологические, и ценностные, и управленческие и иные ресурсы управления. С другой стороны, разного рода идеализация системы управления (по типу формирования нового человека) выглядит очень неискренне.

Наряду с исследованием управления в системе высшего образования диссертанты проявляли интерес к интерпретациям развития образования как ценности. Это, пожалуй, можно рассматривать как второе важное направление в диссертационных работах. Применительно к характеристикам высшего образования авторы работ использовали такие понятия, как «социокультурные изменения», «социокультурная модернизация», «социокультурная идентичность», «социокультурное пространство», «социально-ценностные векторы» и т.д. Указание в названиях работ на эти аспекты предполагает раскрытие именно ценностных аспектов как развития самой системы образования, так и формирования определенных установок у обучающихся. Предметами изучения при этом становились, к примеру, «формирование патриотизма»[2], «ценность образования в системе взаимодействия «вуз – потребители образовательных услуг – работодатель»[3], «ценностные экспектации студенческой молодежи»[4], «ценностные установки толерант-

[1] *Леньков Р.В*. Указ. соч., с. 7-8.

[2] *Асланов Я.А.* Формирование патриотизма в процессе социализации российской студенческой молодежи (на примере Ростовской области): Дисс … канд. социол. наук. Ростов-н/Д., 2016 // https://hub.sfedu.ru/diss/announcement/057275dc-4759-4544-b0e5-e50cfd33db38/

[3] *Хлабыстова Н.В.* Ценность образования в системе взаимодействия «вуз – потребители образовательных услуг – работодатель»: Дисс … канд. социол. наук. Майкоп, 2016 // http://www.adygnet.ru/node/6711

[4] *Шиндряева И.В.* Социокультурные изменения ценностных экспектаций студенческой молодежи в рамках поколенческого подхода: региональный

ности»[1] и др. Тенденцию понимания образования как ценности в широком смысле слова можно признать довольно устойчивой в среде диссертационных исследований, однако она должна все же каким-либо образом претерпевать изменения с учетом различных объективных факторов, например, бюрократизации и юридизации в образовании, «натаскивания на сдачу ЕГЭ», распространения инновационных технологий преподавания, наконец, смены образовательных стандартов. Очевидно, что эти и другие причины могут существенным образом колебать ценностный фактор развития образования, снижать его аксиологический потенциал. И действительно у исследователей такая особенность не остается без внимания. Поэтому мы можем, например, прочитать следующее: «…на ценности молодежи оказывает воздействие группа макрофакторов: современные условия рыночной экономики и социокультурной трансформации России, глобализационные процессы, – все это повлекло распространение современных модернизационных ценностей и определило быструю адаптацию молодежи к новым социально-экономическим условиям. С другой стороны, становление ценностной системы современной молодежи проходило уже не в условиях советской системы, однако в определенной степени подвергалось воздействию мировоззрения старшего поколения. В результате, из-за высокой социальной мобильности, чрезвычайной восприимчивости молодежи, особенно студенческой, зарождение новых ценностных экспектаций коснулось рассматриваемой социальной группы больше, чем иных слоев населения»[2].

Как видим, в диссертационных исследованиях социологов образовательная проблематика является довольно востребованной и по-прежнему система образования предоставляет возможности для разноаспектного рассмотрения данного объекта в научном плане. Вместе с тем, как нам кажется, диссертанты могли бы акцентировать внимание, например, на проблематике соотношения образования и образованности, позволяющей увидеть грани институционализации (образование) и ценностно-нормативного комплекса (образованность). Также социологи не спешат погру-

---

аспект: Дисс … канд. социол. наук. Волгоград, 2016 // http://www.volgmed.ru/ru/dsovet/thesis/747/

[1] *Вицентий И.В.* Указ. соч.

[2] *Шиндряева И.В.* Указ. соч., с. 5.

жаться в проблемы трудовых педагогических коллективов, которые, конечно же, представляют сложность для проведения эмпирического исследования, но результаты могут быть довольно любопытными и дополняющими картину состояния системы образования. Вероятно, социологам все же необходимо большее внимание уделить вопросам школьного, дополнительного, начального и среднего профессионального, а также послевузовского образования, а пока с уверенностью нельзя сказать, что в рамках диссертационных работ по социологии в 2016-2017 гг. удалось представить емкое обобщение состояния образования.

Попов Е.А., Воронина С.А., Домашев А.Н., Замятина О.Н. Образовательная проблематика в диссертациях по социологии (2016-2017 гг.). Система образования вызывает интерес у современных социологов. Анализ подготовленных ими в 2016-2017 гг. диссертационных работ обнаружил, что образовательная проблематика в основном затрагивает высшее образование. Минимальное число работ посвящено изучению дошкольного и школьного образования. Обнаружились две устойчивые тенденции в работах диссертантов: 1) исследование качества образования; 2) изучение образования как ценности.

Ключевые слова. диссертация, социология, проблемы образования, институт образования.

Popov E.A., Voronina S.A., Domachev A.N., Zamjatina O.N. Educational issues in dissertations in sociology (2016-2017). The education system is of interest to modern sociologists. Analysis prepared by them in the period of 2016-2017 years of dissertation work found that the educational perspective is mainly concerned with higher education. The minimum number of works is devoted to the study of pre-school and school education. There were two stable tendencies in the works of dissertants: 1) the study of the quality of education; 2) the study of education as a value.

Keywords: dissertation, sociology, problems of education, institute of education.

И.В. КОРОЛЕВА
кандидат педагогических наук, доцент,
декан факультета социально-культурной деятельности и сервиса ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

Н.Ю. ЧУГУНОВА
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры сервиса, рекламы и социальной работы ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»*

Свобода и ответственность как ценности современной молодежи

Современная история дает много примеров тому, как стремительно могут меняться мир, ценности и смыслы. Новые идеи как наводнение смывают все, что было нажито веками, перемешивают, переворачивают понятные доселе ценностные ориентиры, придавая им новое звучание и новое значение. Одним из таких новых ценностных ориентиров можно считать тотальное стремление к свободе, которое сегодня особенно интересует молодежь. Она все чаще и все настойчивее требует от окружающих свободы, порой самыми кардинальными способами. На наш взгляд, искажая понимание свободы, молодежь не оставляет в своем представлении о ценностях места для ответственности. В исследованиях свободы в системе ценностей современной молодежи встречается даже такая крайняя ее характеристика, как «культ свободы». В.В. Грибунин и Е.Н. Фетисова выделяют несколько пониманий свободы в ценностном сознании современной молодежи: свобода как бунт, свобода как самовыражение, свобода как самореализация в субкультуре, свобода как самореализация в творчестве[1]. Причин у происходящих трансформаций в

* Королева Ирина Васильевна, e-mail: 19700512@mail.ru; Чугунова Наталья Юрьевна, e-mail: natalia-chugunova-2017@mail.ru

[1] *Грибунин В.В., Фетисова Е.Н.* Свобода как приоритет в системе ценностей современной российской молодежи // Основные тенденции

сознании молодежи может быть много, но чтобы понять их суть, перейдем к анализу самих понятий.

Обращаясь к исходным смыслам, находим в словаре С.И. Ожегова понимание «свободы» как «независимости, отсутствия стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-то класса, всего общества или его членов»[1]. Этимологический словарь, определяя происхождение термина «свобода», указывает на общий корень рассматриваемого понятия с местоимением «свой». Первоначальное значение понятия сводится к «состоянию подчиненности себе (только)», «сам по себе, сам себе (голова)»[2].

Целью теоретического анализа для нас является не изучение всего спектра дефиниций, а лишь проведение операционализации понятия «свобода» для выявления основных смысловых единиц и сопоставления их с научными представлениями об ответственности. Выявленные базовые смысловые единицы положены в основу эмпирического анализа понимания молодежью свободы и ответственности в современных условиях, направленного на определение «болевых» точек и проблемных зон.

Исходным условием истинной свободы человека является познание им разнообразных **необходимостей**: природных, социальных, индивидуальных. Еще Спиноза выдвинул свою знаменитую формулу: «Свобода есть познание необходимости»[3]. Знание различных необходимостей существует в виде требований, разного рода социальных и индивидуальных норм, которые в социальном пространстве выступают навигаторами, подсказывают направление продуктивного продвижения вперед. Для того, чтобы действия человека были свободными, он должен осуществлять их в соответствии с этими нормами, т. е. на основе знания необходимости. Действительно, нельзя продуктивно строить отношения с людьми, игнорируя требования норм нравст-

---

государственного и общественного развития России: история и современность, 2015, № 1, с. 153-158. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=24910322 (дата обращения: 01.12.2018).

[1] *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1999.

[2] Универсальный словарь русского языка. СПб.: ИГ «Весь», 2010.

[3] *Спиноза Б.* Избр. произв. М.: Госполитиздат, 1956.

венности; нельзя добиться профессиональных успехов не учитывая собственные способности и знания.

В философском словаре дается следующее определение: «Свобода – это наличие возможности выбора, вариантов исхода события. Отсутствие вариантов исхода события равносильно отсутствию свободы»[1]. Это позволяет нам выделить следующий элемент в понимании «свободы» – **право на выбор,** выбор целей деятельности, средств и условий их достижения. Объективным основанием выбора является то, что разного рода необходимости проявляются или могут проявиться в разных условиях. Поэтому при выборе варианта своей деятельности человек имеет дело, с одной стороны, со спектром своих потребностей и возможностей, а с другой – с требованиями (потребностями) среды (коллектива, общества) и теми возможностями, которые в этой среде существуют. Право выбора предполагает возможность человека ставить любые цели и выбирать любые способы их достижения[2]. Если нет свободы, если все действия человека вынуждены, продиктованы «железной» необходимостью, то нет и ответственности. Человек не отвечает за то, что ему навязано помимо его воли. Подлинно свободный человек сам выбирает не только поступок, но и его основания, общие принципы своих действий, которые приобретают характер убеждений[3].

Вместе с тем свободный выбор всегда предполагает определенные **ограничения**. И. Кант сформулировал свой знаменитый «категорический императив», т.е. нравственный закон, который гласит: поступай так, чтобы максима твоей воли (правило, которому ты следуешь) могла быть вместе с тем основой всеобщего морального законодательства (т.е. чтобы все другие могли также ему следовать). И. Кант обратил внимание на необходимость закладывать еще в детстве в сознание человека понимание того факта, что в своем выборе человек всегда должен руководствоваться в первую очередь всеобщим благом, а

---

[1] Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

[2] *Байдук В.В.* Свобода, ответственность и социальная ответственность студентов // Педагогическое образование в России, 2016, № 2, с. 7-23.

[3] *Макеева Е.А.* Познание свободы как ценности // Вестник Казанского технологического университета, 2012, т. 15, № 15, с. 304-306. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=17796232 (дата обращения: 01.12.2018).

не только своими интересами. Во Всеобщей Декларации прав человека подчеркивается, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые своей целью имеют обеспечение признания и уважения прав других.

И истинное познание необходимости, и выбор правильного способа деятельности – это тоже еще не свобода, а только ее предпосылки. Главное в свободе – это **реальная деятельность** человека в соответствии с познанной необходимостью, направленная на воплощение своего замысла/проекта в определенном результате. Именно поэтому важно сформировать у молодого человека внутреннее ощущение зависимости реализации целей от собственного выбора пути в жизни. При этом должно возникнуть понимание возможности создания своего проекта существования, сознательного выбора целей жизни, осознания кратковременности бытия на земле[1]. Иначе говоря, свобода человека – это не только истинное познание необходимости, но и реальная деятельность в соответствии с истинным знанием дела.

Таким образом, представление о свободе укладывается в следующую основную смысловую цепочку: **необходимость – право на выбор – ограничения – реальная деятельность.**

В продолжение описанной нами смысловой цепочки следует отметить, что подлинная свобода человека предполагает не только деятельность, но и его **ответственность за результаты** своей деятельности и **последствия** этих **результатов**. Свобода вне ответственности утрачивает свойство общественной полезности, так как превращается в своеволие, произвол, вседозволенность, распущенность. Именно здесь, как нам кажется, происходит смысловой разрыв в представлениях молодежи. …*Если есть свобода слова, то чтобы ни сказал, в какой бы форме ни выразил свои мысли – я могу себе это позволить (свобода!)*… Такое понимание свободы явно демонстрирует отсутствие четкого представления о ней и полное непонимание значимости ответственности.

[1] *Рожков М.И.* Свобода и воспитание // Ярославский педагогический вестник, 2016, № 4, с. 8-12. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=-27299011 (дата обращения: 01.12.2018)

Что же представляет собой ***ответственность***? В философском словаре ответственность определяется как «категория этики и права, отражающая особое социальное и морально-правовое отношение личности к обществу (человечеству в целом), которое характеризуется **выполнением своего нравственного долга и правовых норм»**. Категория ответственности затрагивает проблему соотношения способности и возможности человека выступать в качестве субъекта (автора) своих действий. Каждый отдельный человек, достигший определенного возраста, может и должен брать на себя ответственность только за результаты своей деятельности (профессиональной, учебной, семейной, оздоровительной и др.) в соответствии с объективно предъявляемыми ему требованиями, вытекающими из потребностей прогрессивного, культурного развития общества и его самого.

На наш взгляд, ответственность человека относится к числу его фундаментальных ценностей, так как только при его ответственном отношении к деятельности возможно созидание материальных и духовных благ, ценностей или, говоря обобщенно, предметов культуры. Без должной ответственности производится брак, при полной безответственности не создается ничего, более того, без всяких на то оснований ценности противоправным способом присваиваются, а худшее состоит в том, что ценности варварским способом уничтожаются, гибнут люди. Но в полной мере ответственным за свои поступки может быть только свободный человек[1].

Следовательно, основные смысловые единицы в понимании «свободы», указанные нами выше, можно дополнить следующим образом: **необходимость – право на выбор – ограничения – реальная деятельность – ответственность**. Только в таком варианте можно говорить о свободе. Ответственность не противопоставляемое свободе понятие, а составляющая ее единица.

Человек, делая выбор, должен всегда помнить то, что ему придется отвечать за свои слова и поступки перед другими. Только в этом случае речь может идти о позитивном осмыслении свободы, о свободе «для». Такой подход к свободе позволит человеку реализовать свою индивидуальность

[1] *Байдук В.В.* Свобода, ответственность и социальная ответственность студентов // Педагогическое образование в России, 2016, № 2, с. 7-23.

не разрушая свободу другого человека. На это же указывает В. Франкл, отмечая, что при негативном проявлении свободы (свобода «от» или «за счет» другого), когда человек ставит свое эго превыше всего и не считается с другими, он разрушает свою личность и приносит вред окружающим его людям[1]. Таким образом, свобода с точки зрения ценностного анализа несет в себе негативный («свобода от» – независимость от какого-либо внешнего принуждения, судьбы и т.п.) и позитивный («свобода для» как способность и возможность самополагания, самоопределения) аспекты.

Опираясь именно на этот подход, мы провели опрос студентов 2-4 курсов Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан) с использованием методики незаконченных предложений на основе метода свободных ассоциаций в рамках темы «Свобода и ответственность». Студенты должны были дописать предложения опираясь на собственные представления о свободе и ответственности, используя возникшие у них ассоциации. Мы не преследовали цели тщательного количественного анализа полученных данных. Нас интересовали общие представления студентов об этих ценностях на момент опроса по принципу «здесь и сейчас». Предварительной теоретической подготовки не проводилось, и цели исследования респондентам обозначались в общих чертах. Нас интересовал чистый срез на уровне интуитивных представлений.

Следует отметить, что некоторые студенты не смогли выполнить поставленной задачи, не понимая как можно продолжить высказывания. Студенты просили варианты ответов для выбора или более детальной инструкции, уточняли, что именно должно звучать в ответах. Уже на этом этапе можно было делать предварительные выводы о свободе опрашиваемых (они готовы выполнять работу по шаблону, но полученная свобода в формулировках некоторых из них ставила в тупик). В одном из 10 случаев мы получили развернутые ответы, тогда как в остальных – краткие, «пунктирные», что тоже является косвенной характеристикой современной молодежи. Полученные первичные данные были обработаны с помощью контент-анализа.

В своих определениях студенты представили свободу как возможность выбора (жизненного пути, судьбы…), независи-

[1] *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

мость (от «делай, что хочешь» до «занимайся любимым делом»), возможность осуществить задуманное. Среди редких (единичных) ответов встретились определения свободы как формы ответственности и возможности совершать ошибки. В целом данные ответы мы отнесли к группе положительных, они существенно преобладают по частоте. Около трети полученных вариантов ответов мы отнесли к пониманию свободы как праздности (не занятость; жить без забот; жить так, как хочешь; спокойствие; наслаждение; полет фантазии). Для некоторых студентов свобода – это свобода от всего, хотя их (студентов) возрастной и социальный статус явно указывает на наличие определенных обязательств, от которых нельзя быть свободными (освобожденными).

При соотнесении полученных в ходе опроса данных с выявленными на уровне теоретического анализа основными смысловыми единицами мы установили, что в ответах студентов встречались упоминания права на выбор, реальной деятельности и ответственности, тогда как необходимость и неизбежные ограничения как характеристики свободы нами не выявлены или высказаны слишком неопределенно.

Для выявления позитивных и негативных аспектов в понимании свободы мы задали студентам провокационные вопросы: «Свобода для чего и свобода от чего нужна человеку?», – предложив возможность выбора только одного варианта, при этом большинство опрашиваемых отвечали на оба ответа. Наибольшие затруднения вызывали ответы в позиции «от чего свобода». Полученные результаты в целом демонстрируют преобладание положительных аспектов в понимании свободы.

В вариации «*Свобода для…»* мы сгруппировали полученные варианты ответов следующим образом:

- для кого-то (людей, птиц, меня);
- для саморазвития (мыслей, самосознания);
- для того, чтобы быть (человеком, независимым);
- для того, чтобы делать что-то (совершать поступки, заниматься любимым делом, реализовывать поставленные цели, строить судьбу);
- для совершения выбора (принятия решения);
- для получения удовольствия (мечтать, наслаждаться, жить в душевном комфорте).

И снова обращение к основным смысловым единицам **«необходимость – право на выбор – ограничения –**

реальная деятельность – ответственность» указывает на то, что пробелы в понимании свободы повторяются.

При анализе позиции «*Свобода от…»* мы получили не менее широкий набор вариантов ответов и распределили их по следующим группам:

- от мнений других (идей, мыслей, представлений, стереотипов);
- от ограничений (норм, времени, давления, системы);
- от ответственности (военный призыв, дела, кредиты, ипотека).

В ответах студентов возникли указания на «необходимость» и «ответственность», но совершенно в иной позиции: они отрицаются студентами в понимании свободы, освобождение от них воспринимается как свобода.

Определяя для себя, что такое ответственность, студенты не давали определений, а обозначали важные объекты собственной ответственности. Большинство из полученных вариантов (56%) мы отнесли к группе *действия*: реальные физические действия (ответственность за поступки, действия, дела, последствия) встречаются в этой группе в 65% случаев, значительно реже студенты назвали ответственность за слова и решения. Вторая группа ответов – ответственность за людей (семью, родственников, близких, любимых, тех, кто младше, кто рядом, себя) – 27% вариантов ответов. Реже всего сферой собственной ответственности опрошенные называли окружающий мир (окружающую среду, животных, будущее, жизнь).

Опрошенные студенты – представители возрастной группы от 19 до 22 лет. Исходя из понимания возрастных особенностей, мы предположили, что эта группа готова брать на себя ответственность и при этом не терять чувства свободы. Мы предложили им с помощью шкалы определить, чего в их жизни больше, свободы или ответственности, полученные результаты перевели в процентные доли и получили следующий результат. Почти половина студентов отметили, что свобода и ответственность представлены в их жизни в равном объеме (50/50). 30% – указали на преобладание ответственности (варианты ответов от 60 до 80%) и 20% указали, что больше ощущают себя свободными, нежели ответственными за что-то (варианты от 60 до 70%). Исходя из полученных результатов, можно предположить, что студенты часто воспринимают понятия свобода и ответственность как

противоположные, хотя понятно, что они не просто связаны причинно-следственными связями, но и существенно необходимы друг для друга.

Проведенное нами исследование дает лишь общее представление о ценности для представителей молодежной популяции свободы и ответственности. Большинство из них готовы совершать выбор, включаться в реальную деятельность и стремиться к поставленным целям во имя свободы. Проблемной зоной, как нам видится, является понимание объективности существующих ограничений и неизбежности ответственности, которые в своей неизбежности равны свободе.

Королева И.В., Чугунова Н.Ю. Свобода и ответственность как ценности современной молодежи. В статье рассматриваются понятия «свобода» и «ответственность» с целью выявления базовых составляющих. В соответствии с ними анализируются представления современной молодежи о свободе и ответственности и проблемы, приводящие к искажениям в их понимании.

Ключевые слова: свобода, ответственность, социальные нормы, деятельность, право выбора.

Koroleva I.V., Chugunova N.Yu. Freedom and responsibility as values of modern youth. Terms “freedom” and “responsibility” are discussed in this article with the aim to mark basic components. According to these components, views of modern youth about freedom and responsibility and problems, which lead to distortions in their understanding, are analysed.

Keywords: freedom, responsibility, social norms, activities, right of choice.

А.Д. ВИСЛОВА
доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»*

Особенности адаптации региональной молодежи в условиях трансформирующегося общества

Социокультурные характеристики современного общества – ценности, нормы и модели поведения человека подвергаются значительным изменениям. Эти обстоятельства делают актуальной проблему адекватной адаптации молодежи в Кабардино-Балкарской Республике (КБР).

Адаптация осмысливается в данном случае как многосложный процесс активного приспособления молодежи к противоречивой социальной среде с целью достижения согласования собственных ресурсов и притязаний с общественными интересами трансформирующегося общества.

Кабардино-Балкария считается одним из немногих регионов России, где доля молодежи в демографической структуре населения высока относительно средних показателей по стране (18,8% населения РФ)[1]. В республике молодежь составляет 23,4%[2]. В начале 2018 г. распределение молодежи по возрастным группам выглядело следующим образом: 15-19 лет – 48,9 тыс. человек; 20-24 года – 52,9 тыс. человек; 25-29 лет – 78,2 тыс. человек; 30-34 года – 76,4 тыс. человек.

Молодые люди априори обладают большими адаптационными возможностями, но процесс трансформации

* Вислова Аминат Даняловна, e-mail: avislova@mail.ru

[1] Распределение населения по возрастным группам. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/. Дата доступа: 08.06.2017

[2] Росстатистика. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/. Дата доступа: 05.03. 2018

вносит свои коррективы и усложняет процесс интеграции в социальную среду.

Специфика регионального молодежного социума заключается в том, что в его развитии находят отражение как проблемы, характерные для молодежи страны, так и региональные особенности, связанные с ограниченностью возможностей в сферах профессиональной подготовки, трудовой занятости, здравоохранения, социальной защиты и др.

Важным показателем адаптации и интеграции молодого человека в социум является социальное самочувствие. Оно измеряется через достаточность/недостаточность объективных условий для реализации собственных притязаний; восприятие индивидом благополучия собственной жизни, а также через удовлетворённость/неудовлетворённость жизненными достижениями, условиями существования[1]. Рассмотрим некоторые вопросы, определяющие социальное самочувствие и адаптивность молодежи в региональном социуме.

Перед молодежью Кабардино-Балкарии остро стоит вопрос социальной мобильности, столь необходимой для молодых людей, испытывающих потребность в повышении социального статуса, ориентируясь на имеющиеся компетенции и потенциальные возможности.

К объективным факторам мобильности молодежи относятся политическая и экономическая стабильность, материальный достаток, занятость в сфере предпринимательства, субъективными факторами являются такие характеристики личности, как настойчивость, целеустремленность, коммуникабельность, гибкость, готовность к риску и адаптивность[2]. Если личностные характеристики во многом являются результатом напряженного «самовыпестовывания», то по многим объективным параметрам молодежь Кабардино-Балкарии оказывается в проигрыше.

В характеристике адаптации молодежи значимыми являются вопросы трудовой занятости и безработицы. Основные проблемы в обеспечении занятости молодежи связаны с нехваткой рабочих мест в республике; несбалансированностью системы подготовки кадров; профессионально-ква-

---

[1] Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / Под ред. М. К. Горшкова. М.-СПб.: Нестор-История, 2011.

[2] *Реутова М.Н.* Механизмы регулирования социальной мобильности молодежи в условиях трансформации российского общества: Автореф. дисс …. канд. социол. наук. Белгород, 2004 , с. 10.

лификационным дисбалансом между спросом и предложением рабочей силы. На основе кластерного анализа депрессивных регионов России Н.В. Яковенко относит Кабардино-Балкарию к категории глубоко депрессивных[1]. По данным Росстата, уровень безработицы за 2017 год в КБР составил 10,9%[2]. Молодежь составляет 47% от общего количества безработных в республике.

Успешная адаптация молодежи во многом определяется возможностью трудоустройства после получения профессионального образования. Шансы получить работу по специальности крайне невелики. Как правило, поиск работы осуществляется с активным участием родителей и других родственников, ближайшего окружения.

Отсутствие уверенности в том, что после окончания учебного заведения молодой человек будет востребован на рынке труда, обуславливает тенденцию к увеличению числа молодых людей, у которых отсутствует мотив к получению образования. Не менее 70% безработных приходится на возрастную группу 20-24 года. Это возраст, характеризующийся переходом от учебной деятельности к поиску постоянной работы. Неопределенность будущего становится причиной для миграции в более пригодные для самоосуществления регионы России и заграницу. Вполне закономерно, что отсутствие перспектив является основной причиной миграции молодежи[3].

Масштабы миграции талантливой и образованной молодежи Кабардино-Балкарской Республики являются беспрецедентными за исторически обозримый период. Еще в конце прошлого века известный социолог В.Я. Ядов отмечал, что страну «покидают наиболее образованные, профессионально подготовленные люди, на обучение которых затрачен огромный капитал. Это высококвалифицированные рабочие, ученые, техническая и творческая интеллигенция. Россия …выступает в качестве «добровольного» донора

[1] *Яковенко Н.В.* Кластерный подход и его применение для концептуирования и стратегирования социально-экономического развития депрессивного региона // Научный поиск, 2011, № 2, с. 72.

[2] В Северо-Кавказском округе вновь вырос уровень безработицы. URL: https://capost.media/news/society/v-severo-kavkazskom-federalnom-okruge-vnov-vyros-uroven-bezrabotitsy/. Дата доступа: 05.03. 2018.

[3] *Дзуцев Х.В.* Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа РФ. М., 2012.

для других стран, сама же обрекает себя на научно-технический и интеллектуальный регресс»[1]. Это утверждение вполне отражает нынешнюю ситуацию миграции в Кабардино-Балкарии. Данные социологического исследования, проводившегося среди студенческой молодежи республики, показывают, что 22,5% опрошенных планируют уехать в другую страну, а 16,2% – в другой регион России[2].

По данным Управления по вопросам миграции МВД по КБР в январе – сентябре 2018 г. выехало за ее пределы 8143 человека. Миграционная убыль составила 2144 человека, что на 1077 человек, или в 2 раза больше, чем за январь – сентябрь 2017 г. Миграционный отток населения республики в 2 раза больше, чем приток. Эксперты уверены в том, что латентно протекающая миграция значительно превышает официальные данные и в настоящее время за пределами республики находится более 100 тыс. человек. Большинство мигрантов не обращается в официальные структуры, поэтому их учет становится проблематичным.

Расхожее мнение о том, что у молодежи завышенные ожидания относительно оплаты труда, не может быть оправданием того, что она пополняет ряды безработных. В дилемме «работающий бедный» – «безработный» молодежь отдает предпочтение второму. Высокий уровень безработицы молодежи является значимым фактором риска нарушения процесса адаптации, создающим угрозу стабильности и безопасности. На эту особенность обратил внимание известный социолог Г. Леблан, который метко подметил, что безработные подобны «призрачной армии» людей, которым свойственен высокий риск остаться бездомными. Дом, возможно, и будет благодаря все еще сохраняющимся межпоколенным связям в республике, но существует реальный риск потери своей идентичности.

Вопросы миграции являются многогранными. Процессы неуправляемой миграции могут иметь печальные последствия для небольшой республики и обусловить неадаптивное поведение молодежи. Речь идет об изменении этни-

[1] Социология в России. Современные миграционные процессы в России / Под ред. В.А. Ядова. М., 1998, с. 447.

[2] *Хамдохова Ж.М.* Молодежь как стратегический ресурс устойчивого развития // Материалы Всеросс. конф. «Устойчивое развитие, проблемы, концепции, модели». Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2017, с. 52.

ческого состава республики, обусловленного миграционными процессами.

Отличительной особенностью региона является его трудоизбыточность, т.е. на рынке труда имеется значительное число безработных и, соответственно, избыток предложения труда. Показатель по данному признаку превышает среднероссийский в 10 раз. В этих условиях отмечается интенсивный приток турок-месхетинцев, возрастание числа прибывающих в республику азербайджанцев, армян, цыган и чеченцев. Столь кардинальные изменения этнической картины не только оказывают негативное влияние на демографические характеристики республики, но и обуславливают накопление малообразованной молодежи и невостребованной рабочей силы. Иногда возникают конфликты между молодежными группами мигрантов и местных жителей, что создает риск роста экстремистских проявлений[1].

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. подчеркивается необходимость решения вопросов адаптации и интеграции мигрантов в социокультурную среду. Миграция – питательная среда для возникновения конфликта между «своими» и «чужими»[2]. Из этого следует, что в целях профилактики мигрантофобии, ксенофобии и межэтнических конфликтов в Кабардино-Балкарии необходимо совершенствование механизмов адаптации мигрантов и принимающей стороны.

Другим важным фактором адаптации региональной молодежи является религиозность. Из года в год наблюдается тенденция к увеличению численности молодежи Кабардино-Балкарии, придерживающейся религиозных норм поведения. В республике действует около 190 религиозных организаций. Из них более 130 мусульманских. Многие молодые люди, получившие религиозное образование в исламских учебных заведениях по всему миру, придерживаются разных течений в исламе. Поиск своей идентич-

---

[1] *Калмыков Ж.* В Кабардино-Балкарии меняется этнический состав URL: /http://caucasustimes.com/ru/v-kabardino-balkarii-menjaetsja-jetnicheskoj-sostav/. Дата доступа: 02.12. 2018.

[2] Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz5Z4leAvuv URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/. Дата доступа: 07.12. 2018.

ности приводит к влиянию на них всего комплекса исламских идей, насаждению своей «исламности»[1]. Одни относят «младомусульман» к последователям традиционного ханафитского мазхаба, другие усматривают в их деятельности проявление ваххабизма, несущего угрозу экстремизма и радикализма[2]. Разногласия между религиозными течениями в основном связаны с подходами к совершению различного рода религиозных обрядов. Тем не менее для адекватной адаптации молодежи важно преодоление противоречий в религиозной сфере.

Актуальной остается проблема рекрутирования молодежи в ряды экстремистов. Возможности ресурса сети Интернет активно используются для вовлечения в террористическую деятельность, разжигания розни и вражды. В социальных сетях и при непосредственном контакте молодые люди по незнанию попадают в руки вербовщиков, их вовлекают в противоправные действия. В 2016 г. Twitter заблокировал 360 тыс. аккаунтов экстремистов. Несмотря на это молодые люди пополняют ряды международных террористических организаций. Их выявление, реадаптация и реинтергация в социум – задача, требующая своего решения.

Одним из инструментов реадаптации молодежи, склонной к экстремизму и терроризму, является функционирующая в Кабардино-Балкарии Комиссия по адаптации боевиков к мирной жизни. Комиссия оказывает помощь тем, кто попал в трудную жизненную ситуацию, но осознав ошибку принимает решение вернуться к нормальной жизни.

Результаты социологического исследования, проведенного в Кабардино-Балкарском государственном университете (КБГУ) отражают отношение молодежного сообщества к проблеме экстремизма и терроризма. Так, 4,6% опрошенных молодых граждан (в том числе 3,5% в возрасте до 20 лет и 8,3% в возрасте 20-29 лет) отметили, что в течение года сталкивались с пропагандой экстремистского толка и около 6,0% выразили лояльность по отношению к терро-

[1] *Дзуцев Х.В., Дибирова А.П.* Религия в структуре ценностей населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: Монография. М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2017, с. 10.

[2] *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001.

ристам[1]. Это свидетельствует о том, что адепты радикальных идей «чистого» ислама все еще представляют серьезную угрозу непротиворечивой адаптации молодежи.

Таким образом, на успешную адаптацию молодежи Кабардино-Балкарии влияет множество факторов. Основной проблемой является высокий уровень безработицы, что не позволяет удовлетворять потребности молодого человека в самореализации. Динамичный рост миграции образованной и талантливой молодежи ведет к интеллектуальному истощению населения республики, способствует распространению пессимистического настроения относительно будущего. Противоречия в обеспечении религиозной безопасности и профилактике различных угроз и вызовов, связанных с радикализацией молодежи, негативно влияют на процесс адаптации к интенсивно меняющимся условиям среды.

Большинство отмеченных тенденций свойственно молодежи Северного Кавказа в целом. Однако отсутствие сколь-либо серьезных исследовательских данных по СКФО не позволяет делать сравнения и выводы. Можно говорить лишь о том, что лежит на поверхности: северокавказская молодежь, в том числе и КБР, в большей степени, чем другие категории населения испытывает трудности адаптации в связи с нестабильностью, обусловленной процессами социетальной трансформации.

Вислова А.Д. Особенности адаптации региональной молодежи в условиях трансформирующегося общества В статье рассматриваются современные проблемы адаптации молодежи в Кабардино-Балкарской Республике. Дается определение адаптации в социальной среде. Освещены основные факторы, влияющие на адаптацию региональной молодежи. Особое внимание уделяется вопросам безработицы, миграции и религиозности молодых людей. Делается вывод о необходимости совершенствования механизмов адаптации и интеграции молодежи в условиях социетальной трансформации.

Ключевые слова: социальная адаптация, Кабардино-Балкарская Республика, молодежь, безработица, миграция, религиозность.

[1] *Апажева С.С.* Из опыта КБГУ по противодействию идеологии экстремизма и терроризма // Казанский педагогический журнал, 2015, № 6, с. 104.

Vislova A.D. Features of adaptation of regional youth in a transforming society. The article discusses the current problems of youth adaptation in the Kabardino-Balkarian Republic. The definition of adaptation in a social environment is given. Covered the main factors affecting the adaptation of regional youth. Special attention is paid to the issues of unemployment, migration and religiosity of young people. The conclusion is made about the need to improve the mechanisms of adaptation and integration of young people in the context of societal transformation.

Keywords: social adaptation, Kabardino-Balkarian Republic, youth, unemployment, migration, religiosity.

К.А. ФЕОФАНОВ
доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России*

М.В. МУЗАНКОВ
магистр международных отношений**

Взаимодействие России и Германии в контексте трансформации системы европейской региональной безопасности

На протяжении последних пяти столетий Европа являлась эпицентром самых крупных войн на континенте и регионом, страны которого оказывали мощное, часто определяющее влияние на развитие процессов в области безопасности в других частях мира. Европа была колыбелью двух самых кровопролитных мировых войн и центральным театром военного противостояния в годы холодной войны. Сегодня Европа претендует на звание самого безопасного региона в глобальной системе международных отношений, где само понятие военных действий между странами, включенными в систему, представляется сценарием с очень низкой степенью вероятности[1]. Одними из главных факторов, оказавших влияние на нынешнее состояние европейской безопасности, стали демократизация и интеграция его западноевропейского ядра. Именно эти два взаимосвязан-

* Феофанов Константин Анатольевич, e-mail: konstantin.feofanov@gmail.com
** Музанков Михаил Витальевич, e-mail: standart4@yandex.com

[1] EU Conflict Prevention and Crisis Management. Roles, institutions and policies / Ed. by Eva Gross and Ana E. Juncos. L.: Routledge, 2015.

ных процесса были призваны нейтрализовать крайние проявления традиционного соперничества между западноевропейскими государствами, неизбежно приводившие к вооруженным столкновениям. Произошло формирование общеевропейского поля политического взаимодействия, основными признаками которого стали сходные ценности, наднациональные институты и предсказуемость поведения[1].

У истоков складывания единого сразу на нескольких уровнях пространства стояла инициатива по формированию системы экономической интеграции, что во многом выступило одновременно фундаментом и катализатором процесса по созданию общей системы безопасности[2]. По мнению отечественного исследователя Л. Дымовой, именно благодаря экономической интеграции на этом пространстве перестала работать политическая логика неизбежного межгосударственного соперничества в борьбе за национальное могущество и безопасность за счет соседних западноевропейских государств, что сказалось на таких ранее непременных компонентах европейской действительности, как **гонка вооружений, открытое вооруженное противостояние и дипломатическое позиционирование (формирование и распад союзов и коалиций государств)[3].**

В этом контексте особенно важно, что европейцам удалось преодолеть ловушку «дилеммы безопасности». Ее принципы одним из первых сформулировал американский теоретик международных отношений Дж. Херц в своей работе «Политический реализм и политический идеализм» 1951 г.[4]. Эту дилемму он определил как парадоксальную ситуацию, когда и рост безопасности государства, и его ослабление могут вызвать угрозу со стороны других государств. Усиление могущества одного государства ведет к тому, что другие страны увеличивают свои расходы на оборону. Однако и ослабление определенного государства воспринимается другими государствами как слабость, что

---

[1] *Баранов Н.А.* Европейская безопасность [Электронный ресурс] // http://nicbar.ru/politology/study/kurs-osnovy-mezhdunarodnoj-bezopasnosti/222-lektsiya-8-evropejskaya-bezopasnost // (дата обращения 8.06.2018)

[2] *Бусыгина И., Филиппов М.* Евросоюз: от частного к общему // Россия в глобальной политике, 2010, т. 8, № 1, с. 121-133.

[3] *Дымова Л.А.* Проблемы и перспективы европейского регионального порядка // Вестник МГИМО Университета, 2017, № 4, с. 227-238.

[4] *Herz J.* Political Realism and Political Idealism. Chicago: University of Chicago Press, 1951.

может подтолкнуть их к агрессивным действиями против слабой страны. Также важным для понимания всей масштабности подобного конструкта является тезис о том, что все постулаты «дилеммы безопасности» справедливы, если мы заведомо считаем существующий порядок самоценностью, о чем и удалось договориться государствам европейского региона[1]. Архитекторы европейской системы безопасности смогли преодолеть этот принципиальный психологический барьер, без которого все межгосударственное взаимодействие превращается в бесконечную дискуссию о том, с чьей точки зрения существующая стабильность – это хорошо или плохо.

В современной Европе теория «дилеммы безопасности» лишилась своего конкретно-исторического содержания. Она стала идеологическим конструктом, доказывающим, что ревизия мирового порядка, сложившегося в начале 1990-х гг., невозможна и нежелательна. При том, что в остальных частях света в XXI в. ещё не было года, когда в мире не шла бы война с участием в ней великих держав. Существующая ныне архитектура европейской безопасности обладает собственной доктринальной основой. В широком смысле она базируется на Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. и других документах, принятых на последующих встречах в рамках европейского процесса, среди которых: Парижская хартия и Дополнительный документ к ней 1990 г., Хельсинкские документы 1992 г., Лиссабонская декларация 1996 г., Кодекс 1994 г., Хартия европейской безопасности 1999 г. и др.[2]. В каждом из этих правовых источников тем или иным образом были закреплены концептуальные основы единого пространства европейской безопасности – его всеобъемлющий и неделимый характер, приверженность разделяемым ценностям, обязательствам и нормам поведения: уважению прав и свобод человека, верховенству закона, рыночной экономике и социальной справедливости. «Суверенитет, независимость и территориальная целостность государств, нерушимость границ и мирное урегулирование споров – ключевые состав-

[1] *Шишелина Л.Н.* Европейский Союз: проблемы конвергенции, расширения и соседства // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та, 2009, № 14, с. 145-156.

[2] From Nice to Laeken. European Defense: core documents / Compiled by Maartje Rutten. P.: Institute for Security Studie, 2012, April, no. 51.

ляющие Европейской системы безопасности», – вторит Заключительному акту Стратегия безопасности ЕС 2016[1].

За последнюю четверть века анализу и детальному рассмотрению были подвергнуты различные модели общеевропейской безопасности по архитектурным проектам строительства «единого европейского дома» от Атлантики до Урала или на более широком пространстве от Ванкувера до Владивостока с включением Западной и Восточной Европы, Соединенных Штатов и Российской Федерации. Движение в этом направлении было организационно и политически подкреплено учреждением инфраструктуры Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Сегодня ОБСЕ, объединяющая 57 стран, де-юре является крупнейшей и наиболее представительной по составу региональной организацией, занимающейся вопросами безопасности. Однако де-факто ОБСЕ представляет собой лишь форум, где ведутся обсуждения международных проблем. Несмотря на довольно серьезные задачи, которые возложены на организацию, решения ОБСЕ не имеют юридической силы и носят чисто политический характер, т. е. за их невыполнение для государства не наступит никаких юридических последствий. Кроме того, у ОБСЕ нет устава, что является причиной отсутствия четко зафиксированных процедур и единого регламента работы. В этой связи в условиях реального вооруженного конфликта инструментария ОБСЕ явно недостаточно[2].

Именно по этой причине параллельно панъевропейской модели (представленной ОБСЕ) развивалась западноцентричная модель европейской безопасности. Системообразующими стержнями западноцентричной модели на пространстве европейского субрегиона стали НАТО и ЕС, лидером в процессе ее создания выступили Соединенные Штаты. При расхождениях по ряду вопросов между США и западноевропейскими странами им все же удалось сформировать

[1] European Security and Defence Policy. The First 10 Years (1999-2009) / Ed. by Giovanni Grevi, Damien Helly, and Daniel Keohane. P.: EUISS, 2009.

[2] *Караганов С.А.* Европа, Россия и схватка за Украину. [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/18618171/shvatka-za-ukrainu (дата обращения 8.06.2018)

довольно устойчивый консенсус относительно философии будущей системы европейской безопасности[1].

Несмотря на такие инициативы, как «Петерсбергские миссии» 1992 г., механизмы «Общей внешней политики и политики в области безопасности» (ОВПБ) 1997 г. и «Европейских сил быстрого реагирования» 1999 г., ключевым элементом такой системы безопасности выступала опора на Североатлантический альянс. Сотрудничество Альянса и Евросоюза в вопросах совместной политики безопасности и обороны было оформлено в рамках известной формулы «Берлин-плюс». 16 декабря 2002 г. в Брюсселе между Европейским союзом и НАТО была подписана декларация, которая оформила «стратегическое партнерство» двух организаций. В заключительной части документа особо подчеркивалось, что «НАТО поддерживает европейскую политику безопасности и обороны в соответствии с относящимися к этому решениями вашингтонского саммита и предоставляет Европейскому союзу среди прочего гарантированный доступ к средствам планирования НАТО»[2].

Попытки выработать новый функционал организации, отличный от задач периода холодной войны, фиксируются с 1991 г., когда во время работы над новой концепцией НАТО в повестку были вынесены такие проблемы, как возможность применения контингентов альянса для кризисного реагирования, включая межэтническую вражду и территориальные споры в евроатлантической зоне. Однако подобные шаги долгое время имели более символический характер и соответствующие результаты[3].

Кроме того, вопросы придания европейским государствам некоторой автономии в разрезе проблемы безопасности сталкивались с различным пониманием основными игроками на этом пространстве степени подобной эмансипации и конкретного списка задач, делегируемых европейским структурам. Так, столкновение Франции и Британии по

---

[1] *Лебедева М.М.* Архитектура европейской безопасности: глобальный и региональный аспекты // Вестник МГИМО, 2011, № 5, с. 122-130.

[2] *Шереметьев Д.Е.* Европейская система безопасности во взаимоотношениях России и ЕС // Современная Европа, 2017, № 1 (73), с. 32-39.

[3] *Барановский В.* Евроатлантическое пространство: вызовы безопасности и возможности совместного ответа. Доклад для Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI), Мюнхен, 7-8 февраля 2010 г. М.: ИМЭМО РАН, 2010, с. 30-43.

вопросу максимизации/минимизации автономии от НАТО делали дискурс нежизнеспособным. На этом фоне инициатива США по созданию «европейской опоры» альянса на основе Западноевропейского союза (ЗЕС), который тогда рассматривался в качестве опоры грядущей независимой системы обороны ЕС, была воспринята положительно всеми сторонами. Неконкретность формулировок позволяла каждой из сторон оценивать достижение собственных интересов в этом проекте[1].

Однако с течением времени, особенно при анализе возможных путей реагирования на серию кризисов на Балканах, стали очевидными несколько фундаментальных проблем, стоявших на пути формирования действительно автономной «европейской идентичности» в сфере безопасности. Отставание военного потенциала большинства европейских стран от уровня вооруженных сил США в первую очередь относилось к высокоточному оружию, ограниченным возможностям по переброске войск и слабой совместимости национальных контингентов вооруженных сил.

Вторым большим комплексом проблем стало отсутствие коллективной политической воли принять на себя значительно большую долю ответственности, что неизбежно потребовало бы повышения расходов на оборону. Так, на рубеже веков некоторые американские политики утверждали, что европейцы «не только не хотят умирать за собственную безопасность, но и платить за нее»[2].

В итоге на протяжении десятилетий трансатлантический дискурс по проблематике европейской безопасности сконцентрировался вокруг трех тезисов: миротворческих операций, гуманитарных миссий и кризисного урегулирования, включая превентивные действия по предотвращению конфликтов и принуждение к миру. В 1996 г. на берлинской встрече министров иностранных дел НАТО они были оформлены в виде законченного проекта, получившего название «Европейская идентичность в области безопасности и обо-

[1] *Троицкий М.А.* Европейский Союз в мировой политике // Международные процессы, 2004, т. 2, № 2, с. 43-58.

[2] *Смирнов А.М.* Современные российские подходы к обеспечению европейской безопасности // Армия и общество, 2013, № 5(37), с. 34-39.

роны»[1]. Условная автономия, которой добились европейцы, была направлена вовне, т. е. за пределы собственно европейской системы региональной безопасности.

Система европейской безопасности, будучи компонентом системы международных отношений, подвержена происходящим фундаментальным изменениям мирового глобального порядка, таким как кризис лидерства на международной арене, массовые миграционные потоки, проблема терроризма и др. Иными словами, «кейгановский» (по имени американского неоконсервативного политолога Р. Кейгана) мир в Европе, основанный на принципах кроссатлантической солидарности, пошатнулся, открыв эмансипационным настроениям в области безопасности пространство для маневра. Для формирования представления об общем состоянии современной системы европейской безопасности целесообразным представляется выведение нескольких общих блоков вызовов и угроз, чья частичная взаимообусловленность изначально не будет подвержена сомнению.

Основные вызовы и угрозы европейской безопасности согласно коллективу авторов международного дискуссионного клуба «Валдай» делятся на два больших блока в зависимости от территориальной принадлежности их источника[2]. Исходя из этого, к внутренним угрозам принято относить такие проблемы, как рост популистских, праворадикальных и центробежных сил в странах Европейского союза. Внешние вызовы включают агрессивную политику третьих стран, угрозу терроризма, наркотрафика, нестабильность на территории регионов-соседей, курс новой американской администрации на изоляцию и т.д.[3]. Комплекс этих факторов и плотность их концентрации в одном временном периоде возродили дискуссию о характере и облике европейской системы региональной безопасности.

При этом данная дискуссия получила несколько разнонаправленный характер: с одной стороны, страны впервые

[1] *Лыжина Е.В.* Обеспечивает ли Европейский Союз глобальную и региональную безопасность посредством военной или гражданской силы? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения, 2010, № 4, с. 59-62.

[2] К Союзу Европы. Аналитический доклад российской группы международного дискуссионного клуба «Валдай» / Под ред. С. Караганова, 2010 // URL: http://www.karaganov.ru/docs/Karaganov_valdaj_rus.pdf (дата обращения 8.06.2018)

[3] Munich Security Report 2017: Post-Truth, Post-West, Post-Order? // Munich Security Conference, p. 16.

за многие годы возобновили предметный дискурс о создании единой европейской армии, что отчетливо было отражено в немецко-французском проекте «Сильная Европа в небезопасном мире»[1], однако с другой стороны, было отмечено стремление ряда стран проводить собственную миграционную политику исходя из национальных интересов, а не интересов всей интеграционной группировки.

Кризисный импульс дискуссии обусловил появление откровенно деструктивных, с точки зрения всего региона, проектов. Так, в 2016 г. представители МИДа Италии, следуя логике вновь ставшего актуальным проекта «Европа разных скоростей», предложили создать так называемую шенгенскую зону в сфере безопасности, которая включала бы в себя ведущие страны группировки[2]. Подобная инициатива нашла поддержку во Франции, в концепции «Европы наций»[3]. Эти проекты не предполагают отказа от сотрудничества, однако демонстрируют стремление к сохранению дистанции в отношениях, определяемой национальным «экономическим/оборонительным патриотизмом». Таким образом, существуют попытки сделать ставку на делимость безопасности внутри ЕС, что нарушает принципы Общей внешней политики и политики безопасности – одной из «опорных колонн», установленных еще в 1992 г. подписанием Маастрихтского договора[4].

Сегодня можно наблюдать усложнение конфигурации европейской безопасности за счет «специфических угроз», которые «могут появиться из широкого спектра вероятностей» (киберпреступность, биобезопасность, коллективное предупреждение и реагирование на чрезвычайные ситуации, гуманитарные кризисы, природоохранное сотрудни-

---

[1] Ein starkes Europa in einer unsicheren Welt [Электронный ресурс] // Auswärtiges Amt. – 27.06.2016. – Zugangsquelle: URL: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Europa/Aktuell/160624-BM-AM-FRA_ST.html (дата обращения 28.05.2018)

[2] Paolo Gentiloni: EU needs Schengen for defence [Электронный ресурс] // Politico. URL: http://www.politico.eu/article/italian-foreign-minister-eu-needs-schengen-for-defense-paolo-gentiloni-islamic-state-migrants-security/ (дата обращения 28.05.2018)

[3] *Шахина А.А., Петрович-Белкин О.К.* Экономический сепаратизм в государствах ЕС как фактор воздействия на систему региональной безопасности // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения, 2014, № 2, с. 85-91.

[4] Treaty on European Union [Электронный ресурс] // Office for Official Publications of the European Communities. 1992. URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf (дата обращения 11.05.2018)

чество и экологическое взаимодействие, включая изменение глобального климата). Все эти явления носят трансграничный характер, поэтому, эффективное противодействие возможно только посредством коллективных усилий[1].

Интересы ФРГ в сфере безопасности тесно связаны с общеевропейской безопасностью. Ключевая задача профильных государственных институтов Германии в соответствии с положениями, закрепленными в Основном законе ФРГ, заключается в поддержании справедливости и свободы, демократии, безопасности и благосостояния граждан страны, защите их от угроз и охране суверенитета и неприкосновенности территории[2]. К этому также относятся задачи и обязательства, вытекающие из членства Германии в альянсах, таких как НАТО и ЕС. Перед лицом ранее перечисленных рисков, с которыми сталкивается современная Европа, анализ Стратегии безопасности Германии[3] позволяет концептуально выделить следующие направления деятельности, которые можно охарактеризовать в качестве приоритетных для немецкого руководства: разрешать кризисы, могущие сказаться на безопасности германского государства, на территории их возникновения; противостоять глобальным вызовам и угрозам, таким как международный терроризм, распространение ОМУ и последствия изменения климата; содействовать свободной и беспрепятственной мировой торговле, включая безопасное снабжение энергией и сырьем в качестве основы процветания Германии; содействовать укреплению жизнеспособного многостороннего международного порядка на основе международного права; довести отношения с государствами, которые разделяют цели и ценности Германии, до статуса стратегического партнерства; содействовать поддержанию прав человека и распространению свободы, демократии и верховенства закона; укрепить сплоченность Европейского союза, НАТО и трансатлантичес-

[1] *Бордачев Т.В., Островская Е.М.* Россия и Европейский союз: конкуренция от недопонимания // Вестник международных организаций: Образование, наука, новая экономика, 2014, т. 9, № 3, с. 9-21.

[2] Basic Law for the Federal Republic of Germany [Электронный ресурс] URL: https://www.btg-bestellservice.de/pdf/80201000.pdf (дата обращения 11.03.2018)

[3] Security Strategy Germany [Электронный ресурс] URL: https://www.files.ethz.ch/isn/90089/Security_Strategy_Germany.pdf (дата обращения 11.05.2018)

кого партнерства и их способность на проведение эффективных политических, экономических и военных операций.

Логично предположить, что в условиях риска внутренней нестабильности наиболее прагматичным шагом в отношениях с ближайшими соседями является интенсификация сотрудничества[1]. На этом фоне германо-российское партнерство полностью отвечает выполнению первых четырех позиций из представленного списка, поскольку даже на уровне формулировок можно проследить тесную корреляцию с разделами в соответствующих российских документах[2]. При этом спекуляции мировых СМИ на теме вмешательства России во внутренние дела иностранных государств с целью влияния на национальный избирательный процесс негативно сказались на отношении к Москве в странах с нарастающим внутриполитическим кризисом. Репутация «партнера правых» наносит урон позициям Москвы в стане еврооптимистов, поскольку повестка таких партий, как «Альтернатива для Германии», «Национальный Фронт», «Йоббик», «Партия независимости Соединённого Королевства», всегда включает «центробежные намерения» или, по крайней мере, ограничение диктата органов Евросоюза по отдельным вопросам[3].

Данный тренд не может не сказаться на отношениях России и Германии в области безопасности, поскольку Берлин является одним из наиболее последовательных сторонников евроинтеграции. В этом контексте целесообразным представляется снова обратиться к универсальным положениям по взаимодействию государств на международной арене, сформулированным гарвардским политологом С. Уолтом и скорректированным американо-германским политологом А. Вендтом, согласно которым поведение государств определяется восприятием угроз. Угроза формируется на основе четырех элементов: совокупной мощи, географической близости, наступательного потенциала, а также агрессивных

---

[1] *Мурадян И.* Проблемы расширения НАТО и развития европейской оборонной инициативы // 21-й ВЕК, 2016, № 2 (4), с. 17-34.

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // МИД России. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения 8.06.2018); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://kremlin.ru/supplement/424

[3] *Wahl P.* Between Eurotopia and Nationalism: A Third Way for the Future of the EU // Globalizations, 2017, vol. 14, no. 1, p. 157-163.

намерений. Уолт полагает, что каждый из обозначенных элементов в равной степени определяет восприятие одним актором иного актора в качестве угрозы[1]. Вендт же отмечает, что, обладая одинаковыми материальными характеристиками, одни акторы представляют угрозу, а другие – нет. Это определяется отношениями, в которых находятся акторы: враждебными или дружественными[2]. Если рассматривать соотношение потенциалов России и Германии в рамках натоцентричной модели, то факторы мощи (экономической[3], демографической[4], ресурсной[5]) и наступательного потенциала[6], исходя из концепции «баланса сил», не должны провоцировать напряженность в отношениях со стороны западных коллег. Необходимость учета критерия географической близости обусловлена тем, что способность проецирования силы уменьшается с увеличением дистанции. Принципиальная и последовательная позиция России по проблеме расширения НАТО на Восток отражает ее озабоченность именно фактором все большего сокращения дистанции и приближения НАТО к российским границам, обратный процесс (территориальное наступление Москвы на Запад) не фиксируется ни одним экспертом[7].

Продолжая рассматривать особенности взаимоотношений двух стран в области безопасности в рамках европоцент-

---

[1] *Walt S.* The Origins of Alliances**.** Ithaca: Cornell University Press, 1987.

[2] *Wendt A.* Constructing International Politics // International Security, 1995, vol. 20, no. 1, p. 73.

[3] GDP per capita (current US$). World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files // The World Bank. URL: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=US-RU&view=chart (дата обращения 25.05.2018)

[4] 2017 World Population Data Sheet. With a Special Focus on Human Needs and Sustainable Resources // Population Reference Bureau. 2017, p. 2. URL: http://www.prb.org/pdf16/prb-wpds2016-web-2016.pdf (дата обращения 11.05.2018)

[5] *Юрьева Т.В.* Проблемы региональной безопасности: современный опыт Европы // Вестник МГИМО, 2010, № 6, с. 126-132.

[6] *Perlo-Freeman S., Fleurant A., Wezeman P., Wezeman S.* Trends in world military expenditure, 2016 // SIPRI Factsheet 2016. URL: http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1604.pdf (дата обращения 11.06.2018); NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17 May 2010. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_63654.htm (дата обращения 11.05.2018)

[7] *Мурадян И.* Проблемы расширения НАТО и развития европейской оборонной инициативы // 21-й ВЕК, 2016, № 2 (4), с 17-34.

ричной модели, стоит отметить, что концептуальные основы сотрудничества между Россией и ЕС в сфере безопасности были заложены еще в конце XX в. Первое Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, подписанное 24 июня 1994 г. и вступившее в силу 1 декабря 1997 г., определило коренные проблемы сотрудничества в сфере внешней политики и безопасности. Его целью было провозглашено содействие «все большему сближению позиций по международным вопросам, являющимся предметом общей озабоченности, укрепляя тем самым безопасность и стабильность»[1].

Следует отдельно отметить борьбу с терроризмом как линию взаимодействия России и ЕС. Такая линия возникла вскоре после террористической атаки в США 11 сентября 2001 г. Уже 3 октября того же года на саммите Российской Федерации и Европейского союза в Брюсселе было принято Совместное заявление по международному терроризму, в котором было подчеркнуто, что стороны «решили расширить сотрудничество в борьбе против международного терроризма»[2]. Что касается самого сотрудничества в данном направлении, то оно продвигается в последние годы на разных уровнях – от декларативного до конкретно-практического. На протяжении первого десятилетия XXI в. было принято шесть совместных заявлений, в которых сформулированы основные направления сотрудничества в деле укрепления международной безопасности, и три заявления о борьбе против терроризма. Но реальные шаги практически не совершались. Различие между точками зрения на проблему состояло в том, что стратегическое партнерство, предложенное Евросоюзом и принятое Россией в 2000 г., предусматривало приверженность принципам, заключенным в Акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), Парижской хартии для новой Европы и в ряде других документов. Развитие России и стран Евросоюза в первом десятилетии XXI в. очень быстро выявило факторы, препятствующие продуктивному сотрудничеству:

---

[1] *Максимычев И.Ф.* Российско-германские политические отношения // Германия. Вызовы XXI века. М., 2009, с. 310.

[2] Совместное заявление о борьбе с терроризмом [Электронный ресурс] URL: http://kremlin.ru/supplement/3538 (дата обращения 8.06.2018)

экономические и политические системы партнеров не сближались, а развивались в разных направлениях[1].

За последние годы Россия и Запад сделали разные выводы о причинах и последствиях основных событий после «холодной войны», таких как цветные революции на Украине и в Грузии, газовые кризисы 2006 и 2009 гг. и вооруженный конфликт в Южной Осетии 2008 г. В конце 2013 г. возник и поныне продолжается конфликт, участниками которого являются Украина, Россия и Евросоюз. Он вызван взаимодействием трех факторов – внутренним кризисом в Украине, программой Восточного партнерства (ВП), принятой в 2009 г., и расхождением векторов развития и политики России и ЕС. Как заявлял С.В. Лавров, «кризис всей системы европейской безопасности возник не в результате украинских событий, а наоборот, украинские события стали отражением глубинных противоречий, которые накапливались в Евроатлантике»[2]. В нежелании обсуждать украинский вопрос с Москвой проявляется «поствосточногерманский» комплекс – во времена существования соцлагеря ключевые решения требовали одобрения Москвы[3]. А. Меркель полагает, что, пойдя этим путем, вслед за Украиной, с Россией нужно будет обсуждать Сербию, западные Балканы, Молдову, Грузию. В контексте подобного искаженного мировосприятия текущих международных реалий Москва сможет более органично встроиться в систему региональной стабильности, если восстановится – хотя бы отчасти – традиционная модель «двухтактного двигателя», франко-германский тандем. По мнению отечественного исследователя Д. Данилова, Франция в этой ситуации получает возвращение политического влияния и статуса ведущей европейской державы[4]. При этом она не претендует на европейское

---

[1] *Lehne S.* Time to reset the European Neighborhood Policy. Bruxelles: Carnegie Endowment Paper, 2014, p. 29-33.

[2] *Лавров С.В.* Историческая перспектива внешней политики России. Размышления на новом этапе международного развития // Россия в глобальной политике, 2016, т. 14, № 2, с. 8-20.

[3] *Jacoby W.* Priest and penitent: the European Union as a force in the domestic politics of Easten Europe // East European Constitutional Review, 1999, vol. 8, no. 1/2, p. 62-67.

[4] *Данилов Д.А.* Отношения России с Европейским союзом в условиях фундаментального кризиса европейского порядка // Европейский путь для России: за и против / Отв. ред. А.В. Акульшина. Воронеж: Издательский дом ВГУУ, 2017, с. 61-72.

доминирование и у нее нет необходимости оправдываться за контакты с Россией перед странами Восточной Европы.

Возвращаясь к анализу последствий украинского кризиса для двусторонней российско-германской повестки по вопросам безопасности, необходимо сделать акцент на двух принципиальных аспектах – собственном интересе Берлина в разрешении конфликта и вовлеченности Вашингтона в данную проблему. Хотя распространено мнение, что Германия в своей внешней политике (и конкретно в позиции по украинскому кризису) полностью зависит от США, это не совсем корректно. Во-первых, к переговорам по Украине в формате «Нормандской четвёрки» Соединённые Штаты Германией не допускаются. При контактах на высшем и высоком уровнях с Москвой всякий раз подчеркивается безальтернативность Нормандского формата и Минских договорённостей[1]. Во-вторых, альянс с США стремительно теряет популярность в ФРГ. Вообще восприятие США как угрозы Старому Свету – относительно новая тенденция, которая формируется под воздействием совокупного потенциала накопления факторов новой реальности. Например, решения Д. Трампа ввести штрафные пошлины на сталь и алюминий, – объектом такой политики стали многие союзники США, – были негативно встречены немецкой общественностью. Эксперты предлагают Берлину смотреть на ситуацию позитивно – не как на угрозу, а как на шанс наконец-то обрести самостоятельность и взять на себя ответственность за собственное будущее и будущее Европы. На этом фоне предварительным сигналом к переменам в области безопасности выступила реакция канцлера на отсутствие взаимопонимания с президентом США, озвученная после встречи «семерки» в Таормине: «Прошли те времена, когда мы могли полностью положиться на других… европейцы должны взять свою судьбу в свои руки»[2].

[1] Merkel, Putin: No alternative to Minsk deal on Ukraine [Электронный ресурс] // Al-Jazeera. URL: https://www.aljazeera.com/news/2017/05/merkel-putin-alternative-minsk-deal-ukraine-170502134343877.html (дата обращения 11.06.2018)

[2] Die Zeiten, in denen wir uns auf andere völlig verlassen konnten, die sind ein Stück vorbei [Электронный ресурс] // Zeit Online. URL: https://www.zeit.de/2017/23/angela-merkel-rhetorik-deutschland-usa (дата обращения 8.06.2018)

Собственная политика ФРГ по отношению к Украине достаточно неоднозначна. Хотя Восточная Европа для Германии традиционная сфера интересов, эти интересы имеют мало общего с оформлением стратегического политического партнёрства на принципах равенства. Германия отнюдь не сторонник присоединения Украины к Трансатлантическому альянсу. В 2008 г. – в год резкого роста военных расходов в Европе на фоне охлаждения между ЕС и Россией из-за российско-грузинского конфликта – ФРГ заблокировала вступление Украины в НАТО[1]. В 2014 г. канцлер А. Меркель подтвердила, что о членстве Украины в альянсе «не может быть и речи»[2]. Тем самым Германия демонстрирует уважение к национальным интересам России на этой части постсоветского пространства, а значит, повышает уровень доверия и стабильности в регионе. Германия никоим образом не собирается вступать из-за Украины в столкновение с Россией или даже косвенно участвовать в военной операции, что вполне соответствует ее послевоенной внешнеполитической стратегии. Мирное и скорейшее урегулирование украинского конфликта – непосредственный интерес ФРГ. «В случае безрезультатности «Минского процесса» главным проигравшим в Европе будет Берлин и лично канцлер Меркель как не справившиеся с очередной внутриевропейской проблемой...»[3].

Экспертами были зафиксированы попытки сближения между Москвой и Берлином по данной проблематике в рамках председательства Германии в ОБСЕ в 2016 г.[4]. Принципиальные вопросы обсуждались еще на Мюнхенской конференции в феврале 2007 г. Важен их лейтмотив: несмотря на

---

[1] The NATO Summit at Bucharest, 2008 [Электронный ресурс] // CRS Report for Congress. URL: https://fas.org/sgp/crs/row/RS22847.pdf (дата обращения 11.05.2018)

[2] Merkel Said to Reject Ukraine NATO Bid as Rousing Tension [Электронный ресурс] // Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-11-26/merkel-said-to-reject-ukraine-s-nato-bid-over-russian-tensions (дата обращения 11.05.2018)

[3] *Джангиров Д.* Минский процесс. Взгляд из Киева [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Minskii-protcess-Vzglyad-iz-Kieva-18464. 15.11.2016 (дата обращения 11.05.2018)

[4] *Szubart K.* The priorities of the German OSCE Chairmanship in 2016 [Электронный ресурс] // Bulletin of the Institute for Western Affairs. URL: http://www.iz.poznan.pl/en/file,download,331,22137463fa5273d9b87f494d18795fe8/1375221GermanyOSCE.pdf (дата обращения 28.05.2018)

существующие проблемы, Германия и Россия – лидеры в Евросоюзе и Евразийском экономическом союзе – остаются долгосрочными партнёрами в сфере международной, особенно европейской безопасности и должны стремиться к поиску точек соприкосновения (на фоне сохраняющейся и для Германии, и для России неопределённости поведения Д. Трампа и внешней политики его администрации)[1]. В этих условиях большую ценность представляет инициатива нынешнего президента Германии Ф.-В. Штайнмайера, призвавшего Запад к тому, чтобы сделать видимым не только сдерживание, но и диалог. Инициатива заключается в возобновлении дискуссии по контролю над обычными вооружениями в Европе, принимая во внимание озабоченность России этим вопросом[2]. Большую значимость имеют инициативы, предложенные С. Нанном, И. Ивановым, Д. Брауном и В. Ишингером по снижению рисков, квинтссенция которых содержится в следующем тезисе – для системы региональной безопасности в Европе было бы продуктивнее, если бы Берлин использовал по отношению к России ту же формулу, что США применяют в Стратегии национальной безопасности по отношению к КНР[3]: «исключить риск взаимного непонимания и неверного расчета».

Феофанов К.А., Музанков М.В. Взаимодействие России и Германии в контексте трансформации системы европейской региональной безопасности. В статье рассмотрены современные трансформационные процессы в области европейской региональной безопасности. Исследуются роль и место России и Германии в обеспечении европейской безопасности, масштабы и ресурсный потенциал многосторонних связей России с европейскими государствами.

[1] *Аяпергенов Р.К.* Основные направления во внешней политике Германии в XXI веке // Вестник Красноярского государственного аграрного университета, 2013, № 8, с. 244-248.

[2] *Steinmeier F.-W.* More security for everyone in Europe: A call for a re-launch of arms control [Электронный ресурс] // Organization for Security and Co-operation in Europe. 2016. URL: http://www.osce.org/cio/261146?download=true (дата обращения 28.05.2018)

[3] *Browne D., Ischinger W., Ivanov I.S., Nunn S.* Ensuring Euro-Atlantic Security [Электронный ресурс] // Project Syndicate. URL: http://russian-council.ru/en/inner/?id_4=8714#top-content (дата обращения 8.06.2018)

Ключевые слова: Европейский союз (ЕС); Россия; Германия; европейская региональная безопасность; национальные интересы.

Feofanov K.A., Muzankov M.V. Interaction of Russia and Germany in the context of transformation of the system of European regional security. The article considers contemporary transformational processes in the field of European regional security. The role and place of Russia and Germany in ensuring European security, the scale and resource potential of Russia's multilateral relations with European states are examined.

Keywords: European Union (EU); Russia; Germany; European regional security; national interests.

Е.С. ВАСЕЦОВА
кандидат политических наук, доцент
кафедры политологии Востока
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Противодействие Российской Федерации исламистским террористическим организациям

Для Российской Федерации противодействие терроризму в его исламистской форме является актуальной проблемой. Россия ведет борьбу с радикальными вооруженными исламистскими группировками на двух направлениях: внутри страны и за её пределами. Оба направления важны и являются взаимодополняющими. Цель настоящей статьи – изучение противодействия исламистским террористическим группировкам[1] со стороны Российской Федерации.

Выделим периоды эскалации терроризма в России в XXI в., вызванной деятельностью радикальных исламистских группировок. Первый период – 2002-2004 гг., второй – 2009-2010 гг., третий – с 2015 г. по настоящее время. Выявим причины роста исламистского терроризма в России в обозначенные периоды.

Первому периоду усиления террористической активности (2002-2004 гг.) предшествовало введение режима контртеррористической операции на Северном Кавказе. Активная фаза боевых действий продолжалась с 1999 по 2000 гг. Террористическая активность боевиков возрастала по мере установления контроля федеральной власти над территорией региона и перехода ряда боевиков на сторону власти.

Эскалация терроризма пришлась на 2002 г. В 2003 г. наблюдался спад террористической деятельности, который во многом был следствием мер, принимаемых властями, а в

* Васецова Елена Сергеевна, e-mail: vasetsova.es@yandex.ru

[1] Под террористическими организациями понимаются таковые согласно Единому федеральному списку организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством РФ террористическими (на 2 июня 2017 г.) // Режим доступа http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm (Дата доступа 10.12.2018)

2004 г. произошел сильнейший рост террористической активности.

Произошедшие события предопределили необходимость введения мер, направленных на всеобъемлющее противодействие терроризму. Начала формироваться комплексная система борьбы с данным явлением. Главными направлениями созданной системы выступают предупреждение, выявление и ликвидация причин и предпосылок совершения террористических актов; противодействие терроризму, включающее силовые и несиловые методы борьбы; минимизация последствий актов терроризма.

Правовая база противодействия терроризму постоянно совершенствовалась. 6 марта 2006 г. был принят Федеральный закон «О противодействии терроризму»[1]. Указом Президента РФ от 15 февраля 2006 г. «О мерах по противодействию терроризму» главной структурой по борьбе с терроризмом определена Федеральная служба безопасности. Создана координационная межведомственная структура – Национальный антитеррористический комитет (НАК)[2]. Федеральный оперативный штаб (ФОШ) НАК отвечает за межведомственное взаимодействие по предотвращению проявлений терроризма. Таким образом, было положено начало функционированию общегосударственной системы по борьбе с террористической угрозой. Начала складываться единая вертикаль системы противодействия терроризму от федерального до местного уровня. Помимо акций физического устранения боевиков система включает профилактику терроризма, своевременное совершенствование антитеррористических мер, ликвидацию последствий этого опасного явления.

Антитеррористическое законодательство регулярно дополнялось. 30 декабря 2008 г. подписан Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам противодействия терроризму»[3]. Ранее уголовные

[1] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Режим доступа https://rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html (Дата доступа 10.12.2018)

[2] Основные законы по противодействию терроризму. Досье. 12.11.2015 // Режим доступа http://tass.ru/info/866180 (Дата доступа 10.12.2018)

[3] Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам противодействия терроризму» // Режим доступа https://rg.ru/2008/12/31/terrorizm-akty-dok.html (Дата доступа 10.12.2018)

дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205 УК РФ («террористический акт»), ст. 206 («захват заложника»), ст. 208 («организация незаконного вооруженного формирования»), рассматривались судьей федерального суда общей юрисдикции и коллегией из 12 присяжных заседателей. После принятия данного закона подобные дела рассматриваются коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции[1].

Второй период эскалации терроризма на Северном Кавказе (2009-2010 гг.) во многом явился следствием отмены режима контртеррористической операции на территории Чечни 16 апреля 2009 г. Несмотря на официальное заявление об окончании конфликта фактически произошла его эскалация. В качестве ответной меры с осени 2009 г. проводились крупные спецоперации по ликвидации вооружённых группировок и физическому устранению лидеров боевиков. Постепенно приходило осознание того, что одни только силовые методы борьбы с терроризмом недостаточны.

Продолжалось совершенствование правовой базы, направленной на противодействие терроризму. 5 октября 2009 г. был утвержден основополагающий документ – Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации[2], охарактеризовавшая основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму. В документе сформулированы цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы борьбы с терроризмом.

Тем временем террористические группировки продолжали осуществлять акции устрашения. Впервые за долгое время был совершён террористический акт в Москве. Боевые столкновения и теракты распространились почти на всю территорию Северного Кавказа. В некоторых районах неоднократно вводился временный режим контртеррористической операции.

Проводимые контртеррористические операции и меры несилового характера постепенно начали давать положительные результаты. В 2011-2014 гг. террористическая активность постепенно снизилась. В 2013 г. были введены

[1] Основные законы по противодействию терроризму. Досье. 12.11.2015 // Режим доступа http://tass.ru/info/866180 (Дата доступа 10.12.2018)

[2] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации от 5 октября 2009 г // Режим доступа https://rg.ru/2009/10/20/zakon-dok.html (Дата доступа 10.12.2018)

новые наказания за террористическую деятельность. Согласно Федеральному закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»[1] обязанность по возмещению вреда, в том числе и морального, причиненного в результате теракта, возлагается на родственников и близких террористов «при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены ими в результате террористической деятельности и (или) являются доходом от такого имущества». Установлен механизм проверки законности происхождения имущества родственников террористов.

Нормативный акт внёс поправки в ряд российских законов, включая Уголовный кодекс. За прохождение обучения террористической деятельности предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет и штрафа до 500 тыс. руб. Лица, уличенные в создании террористической организации или сообщества, наказываются лишением свободы от 15 до 20 лет и штрафом до 1 млн. руб. Участие в террористическом сообществе или организации влечет за собой лишение свободы от 5 до 10 лет и штраф до 500 тыс. руб.

В 2014 г. принят ряд законов, направленных на предупреждение террористических действий. Было расширено понятие «террористический акт». За совершение преступлений террористической направленности, а также за финансирование терроризма наказание увеличено до 15-20 лет лишения свободы. Для предотвращения финансирования терроризма введена обязательная идентификация для платежей, превышающих 15 тыс. руб. Тогда же был принят так называемый закон о блогерах, регламентирующий обязательное хранение в течение шести месяцев информации о пользователях и их активности в сети, а также разрешающий органам правопорядка получать ее для оперативной деятельности без разрешения суда.

В ноябре 2014 г. вышел закон, усиливающий меры противодействия незаконному обороту взрывчатых средств и взрывных устройств. За их изготовление установлено наказание в виде лишения свободы на срок до 12 лет и штра-

[1] Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // Режим доступа https://rg.ru/2013/11/06/izmenenia-dok.html (Дата доступа 10.12.2018)

фом до 500 тыс. руб. Немногим позже был введен в действие закон, запрещающий руководителям общественных или религиозных объединений, ранее признанных экстремистскими или террористическими, возглавлять или входить в органы других юридических лиц в течение 10 лет[1].

18 марта 2014 г. было заявлено о смерти Доку Умарова, возглавлявшего «Имарат Кавказ» (ИК). Новый глава организации А. Кебеков был убит во время спецоперации 19-20 апреля 2015 г., после чего деятельность ИК стремительно стала идти на спад. Последняя крупная атака, за которую взял ответственность ИК, была проведена боевиками в декабре 2014 г. Организация в настоящий момент переживает глубокий кризис, и существуют сомнения относительно ее функционированиясуществования как единой структуры.

Третий период всплеска террористической активности начался в 2015 г. и связан с активизацией ИГ в российском направлении. Одновременно с утратой ИК своего влияния в 2014-2015 гг. шёл процесс перехода боевиков и их главарей в ИГ. В июне 2015 г. в Интернете было распространено сообщение о том, что «все боевики <…> едины» в решении присягнуть на верность ИГ[2]. Сколько же граждан РФ воюют на стороне ИГ? В 2015 г. Секретарь Совета Безопасности России Н. Патрушев оценил их количество как «больше тысячи» человек. Он признал, что деятельность ИГ на южных границах России является для Совбеза одной из основных угроз[3]. В 2017 г. Президент РФ В. Путин заявил, что в составе ИГ воюют девять тысяч граждан из стран бывшего СССР. Он отметил, что речь идет о четырех тысячах россиян и пяти тысячах граждан из государств СНГ[4].

Период 2014-2015 гг. был отмечен систематической ликвидацией новых последователей ИГ, отрекшихся от ИМ и ассоциированных с ним группировок, в ходе силовых операций. Глава ФСБ А. Бортников в декабре 2015 г. заявил, что из 26 лидеров группировок, присягнувших ИГ на Северном

[1] Основные законы по противодействию терроризму. Досье. 12.11.2015 // Режим доступа http://tass.ru/info/866180 (Дата доступа 10.12.2018)

[2] Боевики Северного Кавказа присягнули «Исламскому государству». 23.06.2015. // Режим доступа http://www.bbc.com/russian/russia/2015/06/150623_caucasus_militants_sworn_to_isis (Дата доступа 10.12.2018)

[3] Там же.

[4] Путин рассказал, сколько россиян воюют в ИГИЛ. 24.02.2017 // Режим доступа https://apostrophe.ua/news/world/ex-ussr/2017-02-24/putin-rasskazal-skolko-rossiyan-voyuyut-v-igil-/87912 (Дата доступа 10.12.2018)

Кавказе, в 2015 г. были убиты 20. Также заметно выросла доля убитых боевиков в общем числе жертв. В 2014 г. в ходе конфликта был убит 341 человек. Из них 249 были боевиками. В 2015 г. из 209 убитых 172 являлись боевиками[1].

В 2016 г. были внесены важнейшие дополнения в действующее антитеррористическое законодательство, сильно его изменившие («пакет Яровой»). Был принят Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ[2], согласно которому несообщение о преступлении является новым составом преступления в УК РФ. Уголовная ответственность в данном случае установлена за несообщение в уполномоченные органы о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений террористической направленности. Максимальная санкция за совершение данного деяния – лишение свободы на срок до одного года[3]. Уголовная ответственность за преступления террористической направленности наступает с 14 лет[4].

Также в УК РФ введен состав преступления «акт международного терроризма»: совершение вне пределов территории России взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан РФ в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов, либо направленных против интересов России. Максимальное наказание за данное преступление – пожизненное лишение свободы[5].

Указанным законом также предусмотрена возможность по решению суда проводить осмотр и выемку электронных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи, при нали-

---

[1] 2015 год отмечен убийствами лидеров «Имарата Кавказ» и подразделений ИГ на Северном Кавказе. 10.02.2016 // Режим доступа http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/277423/ (Дата доступа 10.12.2018)

[2] Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Режим доступа http://www.garant.ru/hot-law/federal/782193/ (Дата доступа 10.12.2018)

[3] *Зеновина В.* Президент подписал антитеррористический «пакет Яровой». 07.07.2016 // Режим доступа http://www.garant.ru/news/782-190/#ixzz4oQ2XDNeR (Дата доступа 10.12.2018)

[4] Там же.

[5] Там же.

чии достаточных оснований полагать, что они могут содержать информацию, имеющую значение для уголовного дела[1].

Предусмотрена ответственность за пособничество при совершении захвата заложников и организации незаконного вооруженного формирования, а также за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма через Интернет[2].

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ[3] вводятся другие дополнительные меры, направленные на борьбу с терроризмом. Так, с 1 июля 2018 г. операторы связи обязаны хранить на территории РФ текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео- и иные сообщения пользователей. Срок такого хранения может составлять до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки или обработки. Аналогичная обязанность возложена на организаторов распространения информации в Интернете относительно электронных сообщений и данных пользователей. Сообщения при этом также должны храниться до шести месяцев.

Новым законом запрещено осуществление миссионерской деятельности в жилом помещении. Не допускается миссионерская деятельность, направленная на нарушение общественной безопасности и общественного порядка, осуществление экстремистской деятельности[4].

В 2016-2017 гг. террористические акты, направленные против граждан РФ и дестабилизации обстановки в России, продолжились. Отметим черты, присущие нынешнему этапу усиления террористической активности. Как уже было сказано, в настоящее время террористические акты планируются и осуществляются преимущественно ИГ и различными группировками, присягнувшими ему на верность, расположенными как на территории России, так и в конфликтных регионах

---

[1] Там же.

[2] *Зеновина В.* Президент подписал антитеррористический «пакет Яровой». 07.07.2016 // Режим доступа http://www.garant.ru/news/782190/#ixzz4oQ2XDNeR (Дата доступа 10.12.2018)

[3] Федеральный закон от 06 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Режим доступа http://www.garant.ru/hotlaw/federal/781527/ (Дата доступа 10.12.2018)

[4] *Зеновина В.* Указ. соч.

Ближнего Востока. Например, в мае 2017 г. в Москве были задержаны 4 предполагаемых террориста, готовившие теракт на объектах транспортной инфраструктуры столицы. По сообщениям ФСБ, среди задержанных – граждане России и стран Центральной Азии, сторонники ИГ. Руководство группой осуществлялось непосредственно из Сирии[1].

Террористами являются в основном выходцы из государств Центральной Азии[2], прожившие и проработавшие в России значительный период времени и зачастую даже получившие гражданство РФ. То возмутительное обстоятельство, что люди стали гражданами РФ с преступными намерениями и осуществляют террористические атаки на своей новой родине, побудило внести новый законопроект о лишении террористов гражданства РФ. Он был внесен в Госдуму в середине апреля 2017 г. – спустя менее, чем две недели после теракта в Санкт-Петербурге. По данным следствия, взрыв в метро устроил уроженец Киргизии Акбаржон Джалилов, получивший гражданство РФ.

Закон расширил понятие «ложные сведения», являющиеся основанием для отмены решения о принятии в гражданство РФ. К ложным сведениям предлагается отнести отсутствие намерения «нести обязанности, установленные законодательством РФ», а также получение гражданства для «деятельности, представляющей угрозу основам конституционного строя Российской Федерации»[3]. В июле 2017 г. этот закон был подписан Президентом РФ.

Важнейшим способом несилового противодействия терроризму является борьба с источниками его финансирования. По инициативе РФ 12 февраля 2015 г. СБ ООН принял резолюцию 2199[4] по пресечению финансирования террористических организаций ИГ и «Джебхат ан-Нусра». Документ

---

[1] Руководство тергруппой осуществлялось из Сирии. 25.05.2017. // https://www.gazeta.ru/ social/2017/05 /25/10691825.shtml (Дата доступа 10.12.2018)

[2] Подробнее о деятельности исламистских организаций в Центральной Азии см.: *Васецова Е.С.* Исламистские организации Центральной Азии // Русская политология-Russian Political Science, 2016, № 1, с. 5-10.

[3] Госдума приняла в первом чтении закон о лишении террористов гражданства. 19.05.2017 // https://meduza.io/news/2017/05/19/gosduma-prinyala-v-pervom-chtenii-zakon-o-lishenii-terroristov-grazhdanstva (Дата доступа 10.12.2018)

[4] Резолюция 2199 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 года// http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/-2015/N1504031_RU.pdf (Дата доступа 10.12.2018)

запрещает торговлю нефтью и нефтепродуктами, а также драгоценными металлами и культурными ценностями с ИГ и «Джебхат ан-Нусрой» и предусматривает введение санкций в отношении физических и юридических лиц за оказание финансовой поддержки террористам (запрет на поездки и блокирование активов).

Российские власти в полной мере осознают необходимость борьбы с угрозой кибертерроризма. Указом Президента РФ от 15 января 2013 г.[1] на ФСБ России возлагаются полномочия по созданию государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации компьютерных атак на информационные ресурсы РФ, информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети, находящиеся на территории РФ и в дипломатических представительствах и консульских учреждениях РФ за рубежом[2].

Безусловно, принятые меры являются очень важными как для предотвращения, так и для противодействия подобным преступлениям. Но этого явно недостаточно для того, чтобы проблема кибертерроризма перестала быть актуальной. Напротив, угроза осуществления террористических кибератак постоянно нарастает. Залог успешной борьбы с кибертерроризмом во многом заключается в осознании необходимости всестороннего развития международного сотрудничества в данном направлении.

Борьба с терроризмом обязательно должна содержать несиловой аспект, неотъемлемыми составляющими которого являются создание правовой антитеррористической базы, разработка и реализация информационных, идеологических, организационных мер, цель которых – формирование у граждан понимания недопустимости террористических методов борьбы.

Впрочем, без военной составляющей борьба с терроризмом также невозможна. Военный и политический аспекты

---

[1] Указ Президента РФ от 15 января 2013 г. № 31 «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации»//https://rg.ru/2013/01/18/komp-ataki-site-dok.html (Дата доступа 10.12.2018)

[2] Кибертерроризм: угроза национальной и международной безопасности. 14.03.2013//http://www.arms-expo.ru/news/archive/kiberterrorizm-ugroza-nacional-noy-i-mezhdunarodnoy-bezopasnosti14-03-2013-18-35-00/ (Дата доступа 10.12.2018)

дополняют друг друга, важно найти правильный баланс их применения.

Российская военная операция в Сирии направлена против террористических группировок «ИГ» и «Джебхат ан-Нусра» (обе запрещены в РФ) по просьбе президента Сирии Б. Асада. Вскоре после начала операции, 31 октября 2015 г., над Синайским полуостровом произошла авиационная катастрофа – крушение российского пассажирского самолета. Глава ФСБ А. Бортников выступил с заявлением, что «можно однозначно сказать, что это террористический акт»[1]. Министр обороны РФ С. Шойгу подтвердил, что за осуществлением теракта стоит «Вилаят Синай»[2], присягнувший на верность ИГ. Реакция российских властей на террористический акт была незамедлительной. Президент РФ В. Путин поручил спецслужбам найти и уничтожить организаторов теракта и их пособников. Также были усилены удары по позициям ИГ в Сирии[3]: «Наша боевая работа авиации в Сирии должна быть не просто продолжена. Она должна быть усилена таким образом, чтобы преступники поняли, что возмездие неизбежно»[4].

С момента начала операции и вплоть до середины февраля 2016 г., когда начались переговоры о прекращении огня (соглашение вступило в силу 27 февраля), российская авиация совершила более 7,2 тыс. вылетов с авиабазы Хмеймим, уничтожив свыше 12,7 тыс. объектов боевиков. По данным министра обороны С. Шойгу, российские войска уничтожили в Сирии более 2 тыс. боевиков – выходцев из РФ, в том числе 17 полевых командиров[5].

Поддержка российских ВКС позволила сирийским правительственным войскам остановить территориальную экспансию террористических группировок и начать наступление в провинциях Хама, Идлиб и Алеппо. Кроме того, бла-

---

[1] Причиной крушения А321 стал теракт. 17.11.2015//http://tass.ru/proishestviya/2444338 (Дата доступа 10.12.2018)

[2] Шойгу: группировка «Вилаят Синай» причастна к теракту на борту А321.24.11.2015 //https://ria.ru/world/20151124/1327758468.html (Дата доступа 10.12.2018)

[3] Причастных к теракту на А321 обещают найти, а удары по ИГ усилить. 17.11.2015//https://ria.ru/world/20151117/1322801425.html – (Дата доступа 10.12.2018)

[4] Из России с поддержкой. Как российские военные помогали бороться с террористами в Сирии // http://tass.ru/spec/syria (Дата доступа 10.12.2018)

[5] Там же.

годаря российским ударам террористы лишились больше половины доходов от незаконно добываемой на сирийской территории нефти[1].

Итак, Россия борется с террористической угрозой как внутри страны, так и за её пределами. Каковы сценарии развития ситуации в ближайшее время? Самый благоприятный сценарий – по мере того как влияние ИГ будет идти на убыль, произойдет снижение террористической активности, направленной против России. Меры, принимаемые Россией для предотвращения террористических атак на своей территории, сыграют положительную роль. Впрочем, в любом случае военная победа над ИГ не будет означать разгром подпитывающей его идеологии. Возможно, что, напротив, ликвидация ячеек ИГ в Сирии и Ираке будет способствовать реализации далеко не самого радужного сценария. Мобилизационный потенциал идеологии исламизма крайне высок, так же как и степень индоктринации её адептов. Возможно усиление террористической активности, которое может затронуть в том числе и Россию. Впрочем, наиболее вероятным является вариант развития событий, при котором усиление и спад террористической активности будут происходить поочередно.

Васецова Е.С. Противодействие Российской Федерации исламистским террористическим организациям. Предмет исследования – система противодействия Российской Федерации исламистским террористическим организациям. Главными направлениями созданной системы являются предупреждение, выявление и ликвидация причин совершения террористических актов; противодействие терроризму, включающее силовые и несиловые методы борьбы; минимизация последствий актов терроризма.

Ключевые слова: Россия, терроризм, исламизм, «Исламское государство».

Vasetsova E.S. Russian Federation`s fighting against Islamic terrorist organizations. The subject of the investigation is the counter-terrorism system of Russia. The main aspects of the system are prevention, identification and elimination of the reasons of terrorist attacks; fighting against terrorism that includes methods based on the use of force and political settlement; the minimization of the consequences of terrorist acts.

Keywords: Russia, terrorism, Islamism, The Islamic State.

[1] Там же.

М.Н. РЕУТОВА
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных технологий
Белгородского государственного национального исследовательского университета*

И.В. ШАВЫРИНА
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и управления
Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова**

Практики взаимопомощи в профессиональной среде[1]

В современном российском обществе ухудшение социально-экономической ситуации не формирует автоматически запрос на перемены, в том числе на высших уровнях политической системы, а приводит к формированию адаптационных механизмов, позволяющих смягчить существующие противоречия между уровнем социальных запросов граждан и реальной эффективностью общественных институтов. Одним из ключевых адаптационных механизмов являются социальные сети, представляющие собой совокупность социальных связей и контактов неформального характера, выполняющих по отношению к их участникам коммуникативную, информационную, дистрибутивную функции. Домохозяйства, «регулярно помогающие друг другу продуктами, трудом, деньгами и советами, образуют социальные сети, которые являются мощным ресурсом выживания россиян в нынешних непростых социально-экономических условиях. Эти обмены чаще всего

* Реутова Марина Николаевна, e-mail: reutova@bsu.edu.ru
** Шавырина Ирина Валерьевна, e-mail: shavyrina_77@mail.ru
[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «Реципрокность в воспроизводстве практик взаимопомощи в местных сообществах» № 17-03-00196-ОГН.

носят нерыночный характер»[1]. Социальные сети классифицируются по разным критериям и имеют отличительные признаки в процессе их формирования у представителей разных социально-демографических, статусных, этнических и др. общностей и групп[2]. Так, Ю.В. Бондаренко рассмотрела несколько видов социальных сетей поддержки, формирующихся в рамках такой социальной общности, как малоимущие граждане: сети развития, антикризисные, компенсаторные и других[3] М. Тёррёнен и О.И. Шевченко исследовали практики взаимопомощи в финских и российских семьях с маленькими детьми, на основе эмпирических данных рассмотрели виды и направленность взаимопомощи, статус участников и их долю в сетевых взаимодействиях[4].

С точки зрения степени и характера выгоды для участников взаимодействия социальные сети функционируют как симбиотические (естественно сложившиеся взаимовыгодные отношения); реципрокные (предполагающее наличие взаимных обязательств у участников); паразитические, в которых присутствует четкое разделений ролей между участниками (субъект – даритель, донор и объект – получатель ресурсов, клиент)[5].

В рамках данной работы обратим внимание на практики взаимопомощи в профессиональной среде – среди членов формальной организации (образовательной, производственной и т.п.), между коллегами по работе и учебе. Эмпирические данные были получены в ходе массового анкетного опроса (N=1000, выборка квотная, репрезентативная по полу, возрасту и месту жительства) и проведения фокус-групповых

---

[1] *Шевченко О.И.* Социальные сети и практики взаимопомощи в семьях с маленькими детьми // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение, 2013, № 2(103), с. 101.

[2] *Реутова М.Н., Реутов Е.В., Шавырина И.В.* Реципрокность в социальных отношениях: нерыночный обмен ресурсами в современной экономической системе // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, 2017, № 7, с. 202-206.

[3] *Бондаренко Ю.В.* Значение типологии социальных сетей для анализа стратегий выживания малоимущих граждан // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета, 2012, № 4(33), с. 101-104.

[4] *Тёррёнен М.* Социально-экономическое благополучие финских семей с детьми: экономическое измерение реципрокности // Социологические исследования, 2015, № 5, с. 8-26; *Шевченко О.И.* Указ. соч., с. 101-118.

[5] *Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н., Бояринова И.В.* Социальные сети в региональном сообществе: монография. Белгород, 2011, с. 25.

интервью (3 фокус-группы, всего опрошены 40 человек в возрасте от 19 до 48 лет).

Согласно данным массового опроса, по степени интенсивности профессиональные сети взаимопомощи находятся на третьем месте (после семейно-родственных и дружеских): коллегам по работе или учебе помогают иногда 30,7% опрошенных, более или менее регулярно (раз в месяц) – 21,9%, раз в неделю – 13,8%, чаще – 12,4%. Помощью коллег по работе или учебе несколько раз в год пользуются 32,7% опрошенных (на 2 п.п. больше, нежели при оказании помощи), более или менее регулярно (раз в месяц) – 19,3% (на 2,6 п.п. меньше), раз в неделю и чаще – 18,2% (на 8 п.п. меньше относительно оказания помощи).

В характере взаимопомощи доминирует прямая реципрокность – оказывая помощь коллегам, 37% опрошенных рассчитывают на равноценную ответную помощь с их стороны (в близкородственных сетях 10-11%), 3,5% рассчитывают получить больше, 6,8% – меньше, 43,6% не задумывается об ответной реакции. Принимая помощь от коллег, 54,8% респондентов считают, что обязаны оказать равноценную помощь или услугу.

К ведущим ресурсам обмена относится психологическая поддержка (53,0%), оказание профессиональных консультаций и других услуг (38,9%), займы, кредит (17,7%), помощь транспортом (13,2%), помощь в трудоустройстве, поиске работы (8%). Мотивация помощи контрагентам по профессиональным сетям носит реципрокный характер: ведущие мотивы помощи – это ожидание ответной помощи (42,4%), а также реакция на помощь, полученную ранее (21,7%); вместе с тем присутствуют и мотивы альтруистического характера: «не могу оставить их в беде» (14,6%), «помогая людям, я сам становлюсь лучше» (14,6%).

Все участники фокус-групповых интервью подтвердили факт оказания помощи своим коллегам по учебе (работе). Уточнение «Как часто?» в группе студентов позволило определить, что такая помощь по частоте либо соответствует помощи друзьям, либо оказывается несколько реже. В основном это помощь другим студентам в учебе, но достаточно частой является и помощь преподавателям и другим сотрудникам университета либо в рамках учебно-воспитательного процесса, либо даже в частном порядке.

В фокус-группах работающих респондентов интенсивность помощи коллегам оказалась заметно выше: *«Да, почти каждый день», «Каждый час» (смех в группе); «Часто» (многие, хором и сразу); «Ежедневно»; «Какие-то мелкие вопросы – каждый день что-то случается».*

Характер помощи у студентов чаще всего связан с консультированием товарищей по учебным дисциплинам либо – в отношениях с преподавателями – с помощью в проведении исследовательской работы (распространение анкет, занесение данных в базу данных, проведение интервью и т.п.).

У работающих участников также широко распространена профессиональная помощь (ведение документооборота, работа с оргтехникой и т.п.): *«Профессиональная помощь»; «Помощь с оргтехникой, оформлением, составлением документации, ведением документооборота»), подмена на работе («Заменить кого-то могу, если есть время»*), а также моральная поддержка в решении производственных вопросов, помощь начинающим работникам *(«Работать громоотводом, брать ответственность на себя»; «Идти к начальнику вместо коллеги»; «Помогаю стажерам. Трудовая помощь бывает, когда нагрузка тяжелая. Материально нет, у нас у всех все нормально»*); помощь личного характера *(«Вот сегодня настраивала Одноклассники – пароли меняла, почту подключала. Попросила коллега, не помнит пароль, взрослая уже женщина, 50 лет. Муж и сын сказали: Давай завтра, она мне говорит: я же знаю, что ты у меня есть. А я же такая безотказная….»).*

В мотивации помощи также довольно четко выражен мотив взаимного интереса и прямой реципрокности: *«потому что в другой раз он поможет»; «Общее дело делаем. Сегодня я тебе помогу, потому что я это знаю лучше, потом ты мне поможешь, потому что ты это знаешь лучше. Это выльется в положительный результат».* Хотя часто встречается и мотив, связанный с устранением морального бремени, внутреннего беспокойства за невыполнение своих моральных обязательств: *«Чтобы было спокойно, мыслей не было в голове – вот, я не помогла, а если бы помогла, было бы по-другому»; «На работе ведь много времени проводишь, знаешь людей и их проблемы и сложно в чем-то оказать. Это не чужие люди».*

Уточняющий вопрос об ожидании ответной помощи («Помогая товарищам по учебе, рассчитываете ли Вы на помощь

с их стороны? Если нет, почему?») так же, как и предыдущий вопрос, выявил такие ожидания *(«Да, это естественно. У нас в коллективе это естественно»*). У некоторых респондентов такие ожидания возникают лишь в том случае, если с адресатом помощи сложилась значимая для респондента эмоциональная связь: *«рассчитываем на помощь не от всех – а только от наиболее близких товарищей»*.

Степень сбалансированности ответной помощи, выявляемая вопросом «Рассчитывая на помощь коллег по учебе (работе), считаете ли Вы, что она должна быть равноценной Вашей помощи или она может быть больше (меньше)?», у студентов, по крайней мере, на уровне декларации, не важна: *«делай добро и бросай его в воду – не жди реакции»*. Но, по-видимому, в значительной мере это обусловлено реальным сбалансированным характером отношений среди коллег по учебе. У взрослых респондентов установка на сбалансированный характер помощи более ярко выражена: *«Если вклад в общее дело, не хочется, чтобы только ты вносил этот вклад. Хочется равноценности».*

Вопрос «Помогают ли Вам Ваши коллеги по учебе (работе)? Как часто?» выявил постоянный характер такой помощи. Вопрос о характере помощи со стороны коллег по учебе («Какого рода помощь Вам оказывают?») также показал приблизительное соответствие видов помощи, получаемой и оказываемой респондентами – профессионально-учебно-консультативной и морально-психологической: *«Мне, допустим, как молодому специалисту, я работаю только второй месяц, помогают часто. И не только наставники, которых мне предоставили официально, а просто могу подойти с любым вопросом к большинству коллег, помогают и морально, и с документацией. Такое встречается далеко не во всех коллективах» (Ирина, 23 года); «Да, например, когда я ухожу на сессию. Что-то узнать, когда нужна информация» (Ангелина, 27 лет); «Да, я могу обратиться с просьбой без формальностей, и мне помогут. Что-то надо узнать и через 5 минут эта информации у меня» (Тамара, 46 лет).*

Вопрос «Принимая помощь коллег, Вы готовы помочь им в ответ? В том же объеме, больше (меньше)?» выявил готовность к оказанию посильной помощи вне зависимости от объема той помощи, которая была оказана им самим.

Таким образом, профессиональные сети взаимопомощи выступают значимым адаптационным механизмом и источником ресурсов в условиях нестабильного социально-экономического развития и дисфункций ряда социальных институтов современного российского общества. Проводя достаточно много времени на рабочем месте, люди обмениваются ресурсами с высокой степенью интенсивности, среди них доминирует профессионально-консультативная помощь в процессе решения производственных задач, вместе с тем присутствует психологическая помощь, помощь в решении личных вопросов, в том числе материального характера. Мотивация помощи контрагентам по профессиональным сетям носит в целом реципрокный характер, не исключая при этом помощи, обусловленной альтруистическими мотивами.

Реутова М.Н., Шавырина И.В. Практики взаимопомощи в профессиональной среде. В статье на основе данных массового опроса и результатов фокус-групп проанализированы практики взаимопомощи среди коллег по работе (учебе). Показано, что интенсивность взаимопомощи довольно высока, доминирует профессионально-консультативная помощь, обусловленная прямой реципрокностью.

Ключевые слова: профессиональные сети взаимопомощи, реципрокность, обмен ресурсами, мотивация.

Reutova M.N., Shavyrina I.V. Mutual aid practices in a professional environment. In the article, on the basis of the data of the mass survey and the results of the focus groups, the practices of mutual aid among colleagues (studies) are analyzed. It is shown that the intensity of mutual assistance is quite high, dominated by professional advisory assistance, due to direct reciprocity.

Keywords: professional mutual assistance networks, reciprocity, resource sharing, motivation.

Т.И. БАРМАШОВА
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии ФГБОУ
ВО «Красноярский государственный аграрный
университет»*

Язык внешнего облика человека в контексте взаимосвязи сознательного и бессознательного

Философия языка является важным разделом философии. Значимость языка в жизни общества настолько велика, что известный австрийский философ и логик, представитель аналитической и лингвистической философии Л. Витгенштейн посредством его изучения пытался понять и объяснить всю сложность современного бытия. Согласно идее мыслителя язык отражает мир, потому что логическая структура языка идентична онтологической структуре мира[1].

Основные тенденции развития философии языка позволяют заметить одну из особенностей его экспликации в философии – феномен языка позиционируется в основном как дискурсивно-логический феномен, как лингвистическое явление, как сопутствующий элемент сознания, знания, науки. Представляется оправданным остановиться отдельно на проблемах языка, которые в недостаточной степени рефлексируются мыслителями. Решение проблемы языка осуществляется, как правило, в гносеологическом аспекте. Вместе с тем нельзя недооценивать онтогносеологический аспект решения проблемы языка. В этом русле следует отметить интересную и перспективную проблему языка внешнего облика человека, которая обозначается некоторыми исследователями, но, к сожалению, не существует систематизированных работ. Целью статьи является восполнение определенного пробела в исследовании данной проблемы.

* Бармашова Татьяна Ивановна, e-mail: tatibar910@mail.ru

[1] *Витгенштейн Л.* Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005, с. 182.

Многие мыслители придавали большое значение языку внешнего облика человека, связывая его с бессознательным. Согласно Е.Н. Трубецкому пластика человеческого тела является неотрефлексированным носителем информации. При анализе техники написания икон Благовещения и евангелистов Строгановского письма XVI в. мыслитель обращает внимание на изобразительные средства, способные передать динамику тела покорных исполнителей Божьей воли Иоанна и его ученика, которому он диктует откровение. Из поля зрения философа не ускользает изгиб спины человека, беззаветно отдающегося откровению. Язык тела натуралистично характеризует специфику русской религиозности, в соответствии с которой ученик своей позой выражает безграничную, слепую покорность. Трубецкой понимает это как «человеческое эхо апостола, которое безотчетно его повторяет и бессознательно воспроизводит …»[1].

О языке внешнего облика вел речь также М. Фуко, указывая на аналогию тела человека и его судьбы. Все знаки тела он считает не случайными. Он писал: «Каким образом можно узнать, что линии руки или морщины лба вырисовывают на теле людей то, что их склонности, неудачи или трудности образуют в великой ткани жизни?»[2]. Эти знаки не всегда поддаются сознательному прочтению, образуя пространство бессознательного.

Русский философ А.Ф. Лосев позиционировал язык внешнего облика как важное средство выражения сущности человека как в личностном, так и сверхличностном аспектах. Согласно ему «человеческое тело не просто физическая вещь, но орудие выражения неисповедимых тайн вечности. Тело и лицо человека – не физический факт, но зерцало всего бытия, откровение и выражение всех тайн, которые только возможны»[3].

Представление о языке лица и тела человека, которые являются естественными знаковыми системами, символами, выражающими душевную жизнь человека, имело место у ряда других мыслителей. В частности его придержива-

---

[1] *Трубецкой Е.Н.* Этюды по русской иконописи // Избр. произв. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998, с. 389-390.

[2] *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994, с. 63.

[3] *Лосев А.Ф.* Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993, с. 747-748.

лись Новалис (Ф. фон Харденберг), К. Карус, Э. Кречмер, Ф. Лерш и другие исследователи.

Большое значение языку внешнего облика придавал Э. Фромм. Как он правомерно полагал, понять тело как символ души означает понять бессознательное. По этому поводу он писал: «Образ человека, манера держаться, ходьба, жесты, выражение лица, дыхание и образ речи, – все это говорит больше о бессознательном какого-то человека, чем все другие информации»[1]. Аналогично ему К. Карус акцентировал важную роль внешнего облика человека. Он не признавал дихотомического деления тела и души, подчеркивая лишь противоположность между сознательными и бессознательными областями души. Он писал: «Все, что мы называем формой тела, чертами лица, взглядом глаз – только внешняя символика, посредством чего глубоко внутреннее выражает себя в образе бессознательной идеи и так сильно, что может иметь определяющее влияние на всю жизнь»[2]. Связь языка лица и тела с духовным миром человека подчеркивал немецкий поэт и писатель Новалис (Ф. фон Харденберг), не сомневаясь в том факте, что духовность человека определяет индивидуальность, неординарность, несравнимость составляющих его тело элементов, например глаз, пальцев, рук и многого другого[3].

Некоторые отечественные исследователи, анализируя проблему образования бессознательных психических доминант, обуславливающих действие механизма объективации субъекта, ведут речь о процессе символизации доминанты через фиксацию человеческого лица[4].

Решение проблемы языка внешнего облика имеет ряд аспектов или подходов – коммуникативно-информационный (передача информации в процессе коммуникации социума посредством языка внешнего облика), психодинамический (выражение динамики сознательных и бессознательных процессов через язык внешнего облика), культурно-исторический (экспликация языка внешнего облика в контексте социокультурного развития). Деление на указанные аспекты достаточно

---

[1] *Fromm E*. Entdeckung des gesellschaftlichen Unbewussten. Weinheim, Basel, 1990, S. 86.

[2] *Carus C.G.* Psyche. Jena, 1926, S. 429.

[3] *Kern G*. Philosophie des Carl Gustav Carus. Celle, 1926, S. 132.

[4] *Мозжилин С.И*. Психическая доминанта лица // Психология и экономика, 2010, № 3, с. 58-66.

условно. Все три аспекта связаны между собой теснейшим образом. Уже на коммуникативно-информационном уровне происходит прочтение динамики бессознательных процессов через язык внешнего облика. Психодинамический аспект одновременно будет нести коммуникативно-информационную функцию. И, безусловно, все аспекты проблемы языка внешнего облика социокультурно детерминированы.

С философской точки зрения язык внешнего облика можно рассматривать как явление, в котором закодирована информация о сущности определенного человека. Поскольку существует феномен видимости (несовпадения сущности и явления), язык внешнего облика сложно поддается расшифровке. Не каждый человек в равной степени способен прочесть тайны душевной жизни другого человека посредством ее внешней символики. Для людей с развитой интуицией не составляет труда понять сущность человека, ориентируясь лишь на его внешний облик. Давно замечено, что именно представительницы слабого пола относятся к этой категории, обладая развитой чувственной интуицией. Это как нельзя лучше подтверждают рассуждения «Героя нашего времени» Печорина относительно доктора Вернера: «Его наружность была из тех, которые с первого взгляда поражают неприятно, но которые нравятся впоследствии, когда глаз выучится читать в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой. Бывали примеры, что женщины влюблялись в таких людей до безумия и не поменяли бы их безобразия на красоту самых свежих и розовых эндимионов; надобно отдать справедливость женщинам: они имеют инстинкт красоты душевной …»[1]. В данном случае язык внешнего выражения каким-то непостижимым образом выдает информацию о сущности человека, о его душе, о внутреннем мире. Это интуитивное угадывание происходит чаще всего бессознательно.

Многие исследователи рассматривают человека как смысловое поле, формируемое языковыми знаками как в сфере сознательного, так и в сфере бессознательного[2]. При этом

[1] *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени // Проза. Избранное. М.: Сов. Россия, 1989, с. 82.

[2] *Баянов К.Р.* Языковые основания сознания и подсознания // Практическая психология: интенсивные методы и технологии поддержания психологического здоровья личности: Сб. научных статей / Отв. ред. В.В. Люхин. Глазов: Изд-во Глазовского гос. пед. ун-та им. В.Г. Короленко, 2016, с. 207-226.

скрытые смыслы в языке правомерно признаются следами «работы» человеческого подсознания[1]. Язык внешнего облика является выражением индивидуальных особенностей человека. В широком понимании язык создает также «систему надындивидуальных смыслов, задающих программу поведения субъектов. Язык структурирует для его носителей окружающий мир, на бессознательном уровне закрепляет стереотипы мышления и тем самым определяет … способ презентации знаний о мире, системы ценностей и моделей поведения»[2]. Таким образом, значимость объективации содержания бессознательного через его язык заключается в раскрытии личностного и надындивидуального смыслов.

Проблема языка внешнего облика с неизбежностью предполагает вопрос о механизме взаимосвязи сознательного и бессознательного способов его выражения. Как известно, сознательное и бессознательное, будучи диалектически взаимосвязанными, но противоположными способами отражения внешнего мира, отличаются характером функционирования, конкретными формами проявления, основными свойствами. Если сознательному отражению присущи такие особенности, как направленность внимания на объект, рефлексивность, вербальная форма выражения, формализованнность, преобладание понятийного, реальность осознающего себя «Я» в отношении к действительности, то бессознательное отражение характеризуется противоположными чертами. Существует ли материальная основа их различия, обусловливающая их качественную неоднородность?

Вопрос психофизической корреляции этих феноменов в значительной степени раскрывает квантово-волновая теория когерентного мозга, обосновывающая реальность различных подструктур мозга, детерминирующих сознательные или бессознательные процессы[3]. При этом бессознательные мыслительные процессы предполагают квантово-волновую природу, сознательные – классическую природу.

---

[1] *Шляхов В.И.* Проблема бессознательного в языке и скрытые смыслы в иносказаниях // Русский язык за рубежом, 2013, № 2 (237), с. 50- 56.

[2] *Янкова Н.А*. Проблема участия языка в формировании социокультурных отношений и философские основания ее решения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2016, № 6(68), с. 216.

[3] Проблемы управления интеллектуальной деятельностью / Под ред. В.В. Чавчанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1974, с. 41-68.

Это обусловливает одновременное отражательное кодирование действительности, обеспечивая параллельное восприятие информации. Если предположить, что классические и квантово-волновые нейронные сети имеют одинаковые кодировку и «входные слова», в любом случае они будут не тождественны по характеру переработки информации. Данная концепция в значительной степени углубляет теорию асимметрии мозга, предлагая ответ на вопрос о причинах различного функционирования левого и правого полушарий, которые коррелируются соответственно с сознательным и бессознательным способами отражения мира. Это дает возможность приблизиться к пониманию языка сознания и бессознательного.

Сходную позицию занимают В.Ф. Петренко и А.П. Супрун, решая проблему переходов между сознательными и бессознательными состояниями субъекта на основе квантовой теории, обосновывающей идею общности квантового мира и бессознательного. Проблему субъектно-объектного взаимодействия они рассматривают как переход в описании мира от языка волновых процессов, обладающих «связностью» или «спутанностью» (язык гильбертовых пространств, на котором «говорит» бессознательное), к предметному языку сознания, для которого процессы описываются в пространстве – времени Р. Декарта, Евклида, Н.И. Лобачевского или Б. Римана[1]. Некоторые другие отечественные исследователи также затрагивают проблему переходов между сознательными и бессознательными состояниями субъекта на основе квантовой теории[2] или касаются проблемы волновой организации нейрофизиологических процессов[3].

---

[1] *Петренко В.Ф., Супрун А.П.* Квантовая физика и психология в контексте постнеклассической рациональности // Методология современной психологии, 2014, № 4, с. 194-215; *Петренко В.Ф.* К проблеме коллективного бессознательного в рамках философии постнеклассической рациональности и психологии конструктивизма // Вопросы философии, 2018, № 2, с. 89-101.

[2] *Плохова М.А.* Соотношение сознательного и бессознательного в квантовой методологии // Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения. М.: Издатель Савин С.А., 2007, с. 349-356.

[3] *Илюхина В.А.* Мультиформная волновая организация нейрофизиологических процессов – универсальный «язык» мозга человека в реализации информационно-управляющих функций // Журнал эволюционной биохимии и физиологии, 2010, т. 46, № 3, с. 268-278.

Вышеизложенная объяснительная модель материальных основ существования сознательного и бессознательного способов отражения действительности, безусловно, является перспективной. Однако в дополнение к этому представляется уместным эксплицировать вопрос: каким образом язык внешнего облика обнаруживает себя, какими средствами передачи информации располагает? Вполне вероятно, это происходит, прежде всего, вследствие изменения эмоционального состояния субъекта. Это относится и к субъекту, внешность которого является объектом отражения, и к субъекту-наблюдателю. В первом случае эмоция способна обеспечивать естественное поведение субъекта, что содействует его более полному раскрытию. Во втором случае эмоция может влиять на характер отражения, порождая необъективность и предвзятость интерпретации наблюдателя. Будучи невербальным знаком, язык эмоций выступает не только источником, но и своеобразным индикатором получения информации из внешнего мира, и в значительной степени определяет особенности межсубъектного взаимодействия. Вместе с тем эмоция может оставаться «непрочитанной» по поводу детерминирующих ее факторов, предоставляя лишь потенциальную возможность для осознания.

Эмоция может лишь свидетельствовать о наличной информации, не обнаруживая ее содержания. Например, депрессия человека проявляет себя посредством эмоционального состояния тревоги, подавленности, пессимизма. Однако не всегда имеет место понимание побуждающих эмоцию факторов. Подобные эмоции могут сопровождать и другие психологические состояния субъекта. Более того, эмоция может быть ошибочно истолкована. Если даже субъект ставит цель обнаружить источник эмоций, это не всегда удается по причине сложности и неоднозначности душевной жизни человека. В результате неадекватной расшифровки как эмоционального фона, так и языка внешнего облика в целом, суть определенного человека превратно интерпретируется.

Важную роль в интерпретации языка внешнего облика играет интуиция, которая по своей результативности нередко превосходит рациональный анализ. Благодаря интуиции решаются сложнейшие проблемы. Почему это происходит? Как представляется, осознанный анализ предполагает объект не в чистом виде, а в отношении к субъекту, в силу чего сложно дистанцироваться от субъективной оценки их отношений. Не-

осознанная переработка информации исключает фиксированную противоположность субъекта и объекта, что лишает почвы субъективности, которая может быть обусловлена инертным образом мышления, устаревшими парадигмами и т.п.

Вопрос «прочтения» содержания душевной жизни человека посредством языка внешнего облика (эмоций, мимики, выражения глаз, жестов, манер, осанки, походки) автоматически ставит на повестку дня вопрос о целесообразности и необходимости осознания скрытых составляющих внутреннего мира индивида окружающими. Сыграет ли это положительную роль в динамике взаимоотношений людей? В этом отношении не всегда можно дать однозначный ответ. Целесообразность или нецелесообразность осознания скрытой информации определяется характером отношений взаимодействующих субъектов, конкретными условиями действительности, значимостью происходящего в системе ценностей социумов. В каких-то ситуациях объективация содержания бессознательного желательна. Это относится к процессам, которые содействуют гармонизации отношений социальных субъектов. В противном случае «расшифровка» языка внешнего облика может сыграть лишь негативную роль в информационно-коммуникативном процессе.

Тем не менее в общем и целом осознание, осмысление языка внешнего облика человека (представляющего собой по своей сути результативную информационную подсказку нашего внутреннего «багажа») является важным подспорьем в расшифровке сущности личности. Объективное прочтение скрытой информации другого субъекта способствует установлению адекватных отношений между взаимодействующими сторонами. Это может служить залогом здоровых отношений в семье и в коллективе. Понимание языка бессознательного гармонизирует взаимопонимание людей не только в личной жизни, но также в сфере общественных отношений. Способность прочтения за маской имиджа истинного лица человека играет большую роль в политической жизни. В этом отношении показательным примером являются предвыборные политические кампании разных уровней. Положительный результат выборов во многом зависит от того, насколько прозорливыми оказались избиратели, различая наигранное, искусственное в языке внешнего облика кандидатов от их реального внутреннего мира. Учет языка внешнего облика важен в правовой сфере. Используемый как

подсказка, он может способствовать разоблачению преступника, в том числе террориста, который может выдать себя взглядом, физиогномикой, жестами. Таким образом, если человек рассчитывает на успешную деятельность в различных сферах общества, он должен не только делать ставку на сознательные формы своей активности, но и учитывать огромную роль бессознательных проявлений, в том числе языка внешнего облика.

Бармашова Т.И. Язык внешнего облика человека в контексте взимосвязи сознательного и бессознательного. В статье эксплицируется онтогносеологический аспект проблемы языка внешнего облика человека в единстве сознательного и бессознательного способов его «прочтения». Язык внешнего облика номинируется как важный фактор информационно-коммуникативных процессов взаимодействия социальных субъектов.

Ключевые слова: философский аспект, язык внешнего облика, сознательное, бессознательное.

Barmashova T.I. The language of the external appearance of a person in the context of the relationship of conscious and unconscious. The article explicates the onto-gnoseological aspect of the problem of the language of the external appearance of a person in the unity of the conscious and unconscious ways of its “reading”. The language of appearance is nominated as an important factor of information and communication processes of interaction between social subjects.

Keywords: philosophical aspect, language of appearance, conscious, unconscious.

Д.Б. ЖАРКИМБАЕВА
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии государственного университета им. Шакарима, г. Семей, Казахстан*

О роли семьи в формировании гендерного сознания

Семья как ячейка общества рассматривается многими науками. Мы же постараемся раскрыть важность семьи с точки зрения онтологического объекта исследования как микросоциума, формирующего гендерные отношения и гендерное сознание.

Мы можем утверждать, что семья – залог здоровых гендерных отношений, ибо это первичная культурная среда, где начинает социализовываться и индивидуализироваться человеческий детеныш.

Отдаляясь мысленно от гендерных реалий сегодняшнего дня, углубимся в далекое прошлое, когда еще не было семьи. Можно предположить, что тогда в обществе (но оно не соответствовало современному пониманию этого слова) творился гендерный хаос, или хаос гендерных отношений. Можно назвать этот период периодом гендерной «демократии», когда гендерные отношения были вполне свободными и каждый член «общества» «имел право выбора» своего гендерного партнера. Однако с развитием общества оно решило внести новые правила в отношения мужчин и женщин. Появилось табу на инцест, т.е. был внесен запрет на «кровосмешение». Так возникло понятие о семье, а также понятия: «родитель», «родственник», «братья и сестры», «дяди и тети», «дед и бабушка» и т.д. А самое главное, появились гендерные статусы «отца» и «матери» и «чужих» мужчин и женщин.

Запрет на инцест является точкой отчета возникновения «культуры гендерных отношений», т. е. «очеловечивания» первобытного стадного общества, которое решило жить по-другому, чем животные. С этого периода стали развиваться другие формы отношений, экономические, правовые, мифические. Так как они все были основаны на гендерных отно-

* Жаркимбаева Дана Бактубаевна, e-mail: dana63mail@mail.ru

шениях семьи, то можно эти отношения называть «гендерная экономика», «гендерные мифы», «гендерные права». Появились зачатки религиозных верований и эстетических вкусов, когда женщину с ее способностью рожать детей причислили к божеству, а тело считали красивым. С появлением семьи как ячейки общества начали развиваться многовекторные и полигранные отношения человека со всеми другими социальными группами. Гендерные различия способствовали возникновению особого типа социальной активности – стремлению представителей полов стать матерью или отцом. Это давало возможность создания самостоятельной социальной структуры – семьи. С появлением табу на промискуитет появилась гендерная политика, а вместе с ней гендерная идеология, сложилось обыденное гендерное сознание. Точнее было бы сказать «догосударственная гендерная политика и идеология», ибо, по нашему мнению, были такие догосударственные формы общественных отношений. Старшие поколения, а главной была в семье Мать, стали решать, на ком женить сына или за кого выдать замуж дочь, чтобы было экономически выгодно семье. Появились первые гендерные измерения, в которых большее значение наверняка имели работоспособность, сила, выносливость человека, нежели наружная красота, нежность и прочие «феминные особенности». Возник институт брака, в котором главную роль играли родители и родители родителей. Отсюда в гендерном сознании традиционного человека глубоко сидит чувство уважения к старшим. Целью семьи было конструирование такого микросоциума, который выполнял бы все необходимые функции для подготовки каждого последующего поколения к созданию новой конструкции семьи со всем необходимым багажом знаний и умений. Это и экономическое знание – материальное обеспечение семьи необходимым, профессиональное – ремесло, которое бы приносило ей доход, протоправовое – понимание того, на что каждый имеет право, а на что нет, протополитическое – как надо создавать семью, чтобы брак был взаимовыгодным и т.д. Семья играла незаменимую роль в духовном воспитании, где создавалась атмосфера взаимовыручки, ответственности каждого за всех, защита старшими младших и пр. Особое значение имело гендерное воспитание.

Традиционная семья состоит из представителей обоих

полов и нескольких поколений. Близкородственные мужчины и женщины имеют гендерные статусы (сноха, невестка, зять, деверь, золовка, дядя, тетя, внук, двоюродный брат, внучатая племянница и пр.), которым предписываются определенные статусные роли. Это был театр жизненных сюжетов, разыгрываемых в гендерных ролях так, что в каждой создаваемой семье этот театр существовал в новой постановке с отредактированными ролями действующих лиц и желания постановщиков, отца и матери. Именно в семье каждый человек получал практику гендерного общения. «Грозная бабка» – блюститель моральных устоев, добрый «всепрощающий дедушка», отец, от взгляда которого хочется «бежать куда подальше», «ласковая к сыновьям и строгая к дочерям мать», «вечно радостный и добрый дядя», к которому даже скотинка липнет, тетя с «острым языком», старший «брат, которому лучше под руку не попадать», «пахнущая пирожками и сдобой» тетя и пр. Семья – это самые разнообразные люди с их неповторимыми положительными и отрицательными чертами. В процессе совместного труда, различных спортивных игр, состязаний в семье знакомятся и с телом противоположного пола. Например, гибкость и ловкость женского тела и неповоротливость, но сила мужского тела давали каждому свои привилегии в состязаниях. Именно в семье каждый ищет и находит свою гендерную идентификацию, получает основы гендерной эстетики, этических норм и аксиологических измерений гендера. Семья формировала представление о самых разнообразных сферах жизни человека, жизненных этапах, основах трудовой деятельности и достижения результатов труда. В семье складывается взаимосвязь духовных и материальных ценностей, необходимых для формирования нормальных гендерных отношений, гендерных норм. Особое место в духовном воспитании занимают любовь, доброта, тепло, забота, долг, эмоционально окрашенные чувства страха, боли, ревности, смерти и т.д. В здоровой семье при воспитании использовали дифференцированный подход, учет персональных особенностей ребенка, его достоинства и недостатки. В гендерном воспитании позитивную роль играло творчество. На семейных посиделках дети с актерским мастерством изображали «гендерные роли», превращая живых людей в «персонажи». Это позволяло примерять гендерные роли, познавая одобряемые и

осуждаемые модели гендерного поведения. Семья была особым образом организованной формой жизнедеятельности, в которой существовала возможность получить не только воспитание, но и основанный на мудрости тысячелетий гендерный опыт сосуществования в разновозрастной, разноликой гендерной среде.

Гендерное сознание того времени отражало позитивное отношение к семейным традициям, к материнству и отцовству, к многодетности. Это уровень обыденного гендерного сознания, когда еще о движении феминизма и угнетенной женщине люди не думали и не слышали. Исторически гендерное развитие на разных материках и в разных регионах земного шара было различным. Оно разнится и в наше время. В Саудовской Аравии, к примеру, казалось бы, мусульманской стране, мать является главой семьи. Мы же рассмотрим только наиболее исследованную часть света – Европу, где в силу специфического пути развития женщины попали в жесткую зависимость от мужчин. Проявление иерархальной гендерной зависимости отразилось на установлении асимметричных гендерных отношений и вызвало возмущение порабощенных маскулинной культурой женщин. Причинами подчиненного положения европейских женщин В.М. Хвостов[1] называет то, что на первом месте в промышленности был физический труд, а также ведение войн, где ценились храбрость и физическая сила. Женщина должна была уступить первенство мужчине. Второй причиной он называет «политические условия прежних эпох», когда народ состоял из «подданных», а не «граждан», и главной задачей женщины было воспроизводить и воспитывать «подданных», которую можно выполнять и в четырех стенах собственного дома.

Не вдаваясь в общеизвестные исторические факты, скажем, что идеи западноевропейских женщин об эмансипации проникли в идеи русских демократов. Этот период можно отметить как становление гендерной идеологии, так как женские идеи уже оформлялись в определенного рода требования к обществу и гендерным отношениям. На обыденном уровне формируется гендерная психология, которая трансформирует гендерное сознание обоих представите-

[1] *Хвостов В.М.* I. Психология женщин. II. О равноправии женщин. / В.М. Хвостов. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1911.

лей пола. С победой социалистической революции и установлением диктатуры пролетариата под влиянием европейских идей в России появились особая гендерная идеология и гендерная политика. Отделение церкви, которое регулировало брачно-семейные отношения в дореволюционной России, от государства повлекло за собой трансформацию гендерного сознания. Идея построения бесклассового коммунистического общества пересекалась с идеей эмансипации женщины. Научной гендерной теории пока еще не было, но уже были гипотезы о типе гендерных отношений при полной победе идей коммунизма. Пропаганда идей коммунизма шла через утверждение участия женщины в общественнополезном труде, который «способствует развитию личности женщины, повышает ее роль в жизни общества и в семье, дает ей моральное удовлетворение»[1]. Согласно этой социально-политической теории семья в ближайшем будущем должна была исчезнуть как изживший себя социальный институт. Считалось, что гендерные отношения станут свободными, а дети будут воспитываться государством в специально созданных для этой цели детских учреждениях. Так появились детские дома, позже государственные детские сады. Женщины должны были стать свободными, «эмансипированными». Однако уже в первые годы советской власти число беспризорных детей стало увеличиваться, и как бы государство их ни собирало в детские дома, они сбегали и продолжали вести беспризорную жизнь. Гендерная теория о полном освобождении женщин от семейных забот оказалась несостоятельной[2]. Советская власть отказалась от идеи отмирания семьи.

Современные ученые-психологи на уровне экспериментальных исследований детей – воспитанников детского дома замечают, что у них существует недостаток в «адекватных образцах для гендерной идентификации». А отсутствие в их жизни реальных родителей, моделей поведения реальных супругов и взаимодействия с ними вызывает определенные трудности в построении гендерных отношений в последующей взрослой жизни. «Это оборачивается тем, что, вступая в брак, многие молодые люди оказываются

[1] Женщины мира в борьбе за социальный прогресс. М., 1972, с. 44.

[2] *Полянский П.Л.* Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе. История формирования отрасли семейного права. Дисс.... докт. юрид. наук. Москва. 2016.

неспособными создать семью, основанную на согласии, взаимопонимании, доверии. Недостатки в формировании гендерной идентичности у подростков-сирот сказываются и на репродуктивной, и на демографической функциях их будущей семьи. Чаще распадаются браки, заключенные выпускниками интернатных учреждений. Среди тех, кто отказывается от своих детей, на первом месте – матери из числа детей-сирот»[1].

Советская власть своевременно принялась укреплять семью и создавать условия для того, чтобы дети воспитывались в семье. Но часть забот о детях государство брало на себя, создавая детские сады, таким образом, позволяя женщинам работать на благо родины наравне с мужчинами. Первые десятилетия Советская власть сумела фактически выровнять гендерную «асимметрию», на обыденном уровне сами женщины устремлялись в общественную деятельность. Советская власть сделала все, чтобы не повторить ошибок европейского общества, которое допустило после промышленной революции двойное угнетение женщины. Профилактические меры сумели сыграть положительную роль в формировании гендерных отношений в социалистическом государстве, в трансформации гендерного сознания через проведение государственной гендерной идеологии и гендерной политики. На обыденном уровне нашли свое место изменения самой гендерной психологии общества. Женщины и мужчины были уравнены в новой идеологизированной системе как «строители коммунизма». Критическим моментом в укреплении гендерного равенства послужила Великая Отечественная война, во время которой женщины с встали в ряд с защитниками родины мужчинами. Они осваивали далеко не женские профессии: стрелки, пулеметчицы, летчики-истребители, трудились и на полях сражений, и в тылу.

В послевоенные годы в связи с нехваткой мужских рук женщина активно участвует в общественной жизни, в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. В обыденном сознании поколения послевоенного времени остались такие сюжеты: безногий на костылях баянист, которого увозят даже в соседнее село поиграть на свадьбе;

[1] *Бубнова И.С., Рерке В.И.* Формирование гендерной идентичности у подростков-сирот. Гуманитарные науки. ВЕСТНИК ИрГТУ, № 1(84), 2014, с. 175-177.

безрукий парторг; доярки, сами загружающие на борт машины бидоны с молоком; бабка-«колдунья», заговоры которой помогали вылечить грыжу пупка лучше, чем врачебные средства; сапожник гермафродит, который носит мужской костюм, но разговаривает женским голосом и над ним запрещено смеяться. В гендерных реалиях более позднего советского периода были такие эпизоды: трактористка, вечно воюющая с мужем-алкашом; тетка, которая на мотороллере с бортиком возила детей на речку купаться; вечно дерущиеся соседи; лишенные родителей сироты, воспитанные в детском доме и чуравшиеся поначалу людей и т.д. Люди стремились к согласованным действиям, к совместному преодолению трудностей, болезней, горя.

Крепость семьи испытывалась в «экстремальных» ситуациях. К примеру, в случае гибели одного из родителей. Гендерные роли в семье были взаимозаменяемые. Если умирал/уходил отец, его место занимал другой старший мужчина в семье или старший сын. (Опыт «коллективного бессознательного»: из истории известно, что почти во всех ранних стадиях развития общества существовал «левират»). Он был обязан взять на себя ответственность за младших сестер и братьев, а также быть опорой матери. Если теряли мать, то ее место заменяла старшая дочь или тетя. Так младшие члены семьи получали заботу и душевное тепло, слушаясь и повинуясь им как родителям. Были и «гендерные конфликты», когда злая жена выставляла мужа за порог, или наоборот, муж избивал жену и тоже выгонял из дому. Конфликты решались по-разному. Иногда родственники уговорами внушали вернуться домой, иногда мирились сами, а иногда разводились. Дети были свидетелями живого гендерного общения. Слушая рассуждения взрослых и глядя на поведение старших в различных жизненных ситуациях, младшие учились рассуждать о смысле жизни, ставили себе цели – на какой девушке жениться или выйти замуж за хорошего человека. Облик «хорошей жены» или «хорошего мужа» у них идентифицировался с конкретными женскими или мужскими качествами. Вырастая и покидая родную семью, выросший в семье человек имел определенный опыт для того, чтобы социализироваться во внешнем обществе, без труда проникать в различные гендерные реальности.

А каковы гендерные реальности современного общества? Каков облик современной семьи? Семья, где проживают

несколько поколений, как патриархальная, можно сказать, сошла на нет. Сказку, которая начинается словами: «Жил старик со своею старухой» изучают в школе, многие современные дети лишены постоянного присутствия в их жизни бабушек и дедушек. Круг родственных отношений сократился, сократилось и время общения родителей с детьми. Большее время дети проводят в среде своих сверстников: детский сад, школа, колледж, университет. Хорошо, если в их жизни встречаются яркие представители определенного пола, которые бы могли служить им примером для подражания, а если таковых не было, гендерное общение ограничивается отношениями родителей, братьев и сестер. Блюстителями морального гендерного порядка выступают чужие люди (учителя, воспитатели, соседи), которым зачастую и не объяснить свои намерения. Межсемейные отношения сводятся к нечастому совместному отдыху, свадьбам, юбилеям, где подросшие дети успевают лишь познакомиться кто есть кто. А у кого-то принято «гулять» без детей, с коллективом. Дети же находят сверстников для общения, а иногда попадают в другие круги общения. Происходит отчуждение в гендерных отношениях между поколениями. Это приводит к постепенному «непониманию» «отцов и детей». Это непонимание приводит к конфликтам.

Если говорить о современной гендерной реальности, то нельзя не сказать о появлении новых гендерных «игроков» в виде активистов ЛГБТ (лесби-гомо-би-трансгендеры). Интернет-пространство заполнено информацией о достижениях этого движения. Разноцветные флаги ЛГБТ реют почти во всех странах Западной Европы, они отмечают свои юбилейные даты. Из движения за гендерные права это движение перешло в манифестацию однополых браков и борьбу за их легализацию во всех странах мира. Остановить манифестацию «гендерных меньшинств» и гомосексуализма, похоже, уже невозможно. Гомогендерные отношения являются отношениями в рамках одного пола, порождающими определенное отношение к ним общества. Если основываться на исследованиях М. Макинтош, которая рассматривает гомосексуальность не как уже заданное в индивидууме качество, а как социально приобретенное, то гомосексуалом может стать любой человек. Гомосексуализму посвящено большое количество исследований социологов, психологов, психотерапевтов, но мы касаемся

гомосексуализма лишь в той степени, в какой он может влиять на трансформацию гендерного сознания общества. Если принять то, что гомосексуализм является социально приобретенным конструктом, то стоит задуматься о влиянии активистов движения ЛГБТ на гендерное сознание современных людей, особенно молодежи. Ослабление семейных традиций, семейного воспитания, упрощение структуры семьи, потеря связи гендерных отношений между поколениями привели к нарушению целостности гендерного сознания и низведению полноценных гетерогенных гендерных отношений к половинчатости, к однобокости гомогенных гендерных отношений. Появление нового вида семьи и его легализация в ряде стран – показатель принятия однополых браков в разряд «гендерной нормы». Появление гомогенных семей не только реконструирует семью, но и меняет ее основное предназначение – воспроизводить и воспитывать детей, сводит на нет гендерные статусы «матери» и «отца». Возможно, справедливым будет ставить вопрос о правах детей. Это право ребенка быть зачатым в природой заложенных условиях. Право иметь генетических родителей, мать и отца, а не родителя № 1 и родителя № 2. Право быть воспитанным в условиях гетерогенной традиционной семьи, а не быть усыновленным или удочеренной чужими людьми. Право иметь возможность питаться молоком собственной матери, чтобы иметь хороший иммунитет. Нужно ставить вопрос о гуманности усыновления и воспитания детей гомогенной семьей. Где гарантия, что, взрослея, эти дети не будут иметь гендерных фобий в отношении противоположного пола, что у них будет адекватное гендерное поведение. Не является ли это лишением права собственного выбора ребенка.

Манифестация гомосексуализма инвазируется в сознание людей, особенно подростков, которые уже в этом возрасте пытаются пробовать сделать то, что делают взрослые. Доказательством служат все учащающиеся сообщения об изнасилованиях мальчиков школьного возраста. Активность участников ЛГБТ сообщества такова, что на просторах интернета одна из самых распространенных тем является гомосексуальное партнерство.

Разделение гендерного общества на гомо- и гетеросексуальные составляющие может привести к гендерному размежеванию, возникновению противостояния между полами,

психологической неприязни и социальному неприятию. Требование гендерной толерантности в данном случае приемлемо настолько, насколько есть совместимость существования любви между мужчинами и женщинами. Любви как особой взаимодополняющей энергии, плодами которой являются дети. Гендерная психология, развитие гендерных отношений, гендерного сознания должно быть поступательным в сторону гуманизации общества и возвышения чувств, в которых должно быть приятие друг друга, а не отрицание. Гомосексуальные отношения, по мнению И.С. Кона, опуская человеческую сексуальность до физиологической активности, «делают ее не только примитивной, но и социально опасной и непредсказуемой»[1]. С этим мнением можно согласиться, если подходить к семье с позиции абсолютной правильности природы. Но с позиции относительной самостоятельности социума это можно рассматривать как допустимую норму.

В современном обществе очень распространен вид семьи, который Э. Дюркгейм представлял как «материнская семья»[2], в которой определены отношения между матерью и детьми, а отношения между супругами слабы или прекращены. Этот тип семьи Э. Дюркгеймом представляется как брак в состоянии «несформировавшегося зародыша» в период, когда еще не существовали юридически оформленные браки. Существование такого рода «материнских семей» в настоящее время можно было бы считать шагом назад, а не вперед. Однако исследования Кембриджского университета показывают, что дети, воспитанные в таких семьях, хорошо приспособлены к жизни и имеют позитивный взгляд на семью[3].

Главной объединяющей в семье силой необходимо принять отношения, основанные не на физиологической активности, а на духовной близости, на высокой любви между родителями, родителями и детьми. Гетеро-гендерная эгалитарная семья, создающая атмосферу взаимоуважения мужчин и женщин, формирует основы здоровых гендерных отношений детей и взрослых.

---

[1] *Кон И.С.* Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // Вопросы философии, 2001, № 8, с. 40.

[2] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда: метод социологии. М.: Наука. 1991,. с. 63.

[3] http://www.meddaily.ru/article/05Jul2016/matodin_prisp

Жаркимбаева Д.Б. О роли семьи в формировании гендерного сознания. В статье раскрываются истоки гендерных отношений, возникновение гендерных статусов, способствовавших формированию основ гендерной культуры. В исторической ретроспективе показана роль традиционной семьи в формировании обыденного гендерного сознания, изменений гендерной идеологии и отношения к семье в первые годы советской власти. Представлены гендерные реалии современного общества (гомо-гендерная, гетеро-гендерная и материнская семьи) и их влияние на формирование гендерного сознания.

Ключевые слова: семья, гендерные отношения, гендерное сознание, гендерный статус, гендерная идентификация, гендерная социализация.

Zharkimbayeva D.B. On the role of the family in the formation of gender consciousness. The article reveals the origins of gender relations, the emergence of gender statuses that contributed to the formation of the foundations of a gender culture. In historical retrospect, the role of the traditional family in the formation of everyday gender consciousness, changes in gender ideology and attitude to the family in the early years of Soviet power was shown. Presented are the gender realities of modern society (homogenous, heterogeneous and maternal families) and their influence on the formation of gender consciousness.

Keywords: family, gender relations, gender consciousness, gender status, gender identification, gender socialization.

Д.Г. ПЕРЕДНЯ
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России

А.Е. ЛЁВКИН
магистрант Академии управления МВД России*

Новый подход к исследованию общественного мнения о деятельности полиции

Содержание, структура, особенности, динамика общественного мнения о деятельности российской полиции интересуют многих, причем как внутри страны, так и за ее пределами. Не секрет, что в деле борьбы с преступностью и охраны общественного порядка органы внутренних дел (ОВД) играют ведущую роль. Следовательно, представители иностранных государств обращают внимание, а порой и тщательно отслеживают состояние массового сознания населения, в том числе по поводу деятельности полиции, доверия к ней, удовлетворенности ее работой. Цели такого интереса располагаются в достаточно широком диапазоне от оценок и прогнозов относительно безопасности долгосрочных иностранных инвестиций в экономику нашей страны до откровенно подрывной деятельности, в основе которой желание лишить правоохранительные органы поддержки широких слоев населения.

Внутри страны многие также проявляют интерес к общественному мнению относительно деятельности полиции. В первую очередь это органы государственного управления, СМИ, общественные организации, представители широких слоев общественности и, конечно же, сами ОВД. Прежде всего потому, что общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел как на уровне регионов, так и в целом по России.

* Передня Дмитрий Григорьевич, e-mail: 2975829@mail.ru; Лёвкин Андрей Евгеньевич, e-mail: andrei.levkin2018@protonmail.com

Ряд нормативных актов формализуют и обязывают уделять общественному мнению о деятельности полиции постоянное внимание. Достаточно обратить внимание на ст. 9 Закона «О полиции», в которой речь идет об общественном доверии к полиции и поддержке гражданами ее деятельности, а также на положения приказов МВД России: № 1040, который посвящен вопросам оценки деятельности территориальных органов МВД России и № 777, в котором регламентируется порядок организации мониторинга общественного мнения о деятельности полиции[1].

Несмотря на разные интересы тех, кто желает узнать общественное мнение, всех их объединяет одно: они ждут объективных результатов исследования, валидных, качественных, надежных данных. Все эти требования и характеристики зависят от применяемых методик изучения общественного мнения.

Цель настоящей статьи – вынести на обсуждение дополнительную методику исследования общественного мнения о деятельности полиции. Содержание известной работы Б.А. Грушина, а именно глава, посвященная проблемам фиксации общественного мнения, дает представление о многообразии методов сбора первичных данных о проявлениях общественного сознания[2]. Среди них есть как неопросные методы, наблюдение, анализ документов, анализ практических действий, так и опросные. С помощью первых исследуются внешне объективизированные факты сознания, с помощью вторых изучаются непосредственные факты сознания.

Наш фокус внимания направлен прежде всего на общественное мнение о деятельности полиции. В этой связи следует отметить, что опыт изучения интересующего нас феномена имеет многолетнюю историю. В своей работе А.Л. Ситковский выделяет и достаточно подробно характеризует основные периоды изучения общественного мнения о дея-

---

[1] О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в действующей редакции) // СПС «Консультант плюс»; Приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс»; Приказ МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777 «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» // СПС «Консультант плюс».

[2] *Грушин Б.А.* Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1967, с. 318.

тельности милиции/полиции в системе МВД России[1]. В настоящее время определены пять основных форм организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции, которые применяются с начала 2017 г.:

1) взаимодействие с ФСО России в организации социологических исследований при проведении опросов населения о деятельности полиции в субъектах Российской Федерации;

2) проведение по результатам опросов ФСО России исследований мнения населения о деятельности полиции (за исключением изучения мнения населения о качестве предоставления государственных услуг) в отдельных субъектах Российской Федерации;

3) организация и проведение изучения мнения населения о деятельности полиции в территориальных органах МВД России на районном уровне;

4) проведение интернет-опросов населения о деятельности полиции в субъектах Российской Федерации посредством официального интернет-сайта МВД России в сети Интернет;

5) изучение результатов исследований мнения населения о деятельности полиции с учетом сведений российских социологических организаций, опубликованных в СМИ и сети Интернет.

Общественное мнение о работе ОВД – это сложный феномен как с точки зрения его сущности, так и с гносеологических позиций, с точки зрения методики получения достоверной информации о нем. Последний тезис особенно актуален в связи с быстрыми изменениями социальной среды и адаптацией носителей информации по проблеме к применяемым методикам измерения показателей, выбранных для изучения. Общественное мнение – это проявление массового сознания в виде совокупности оценок, суждений и взглядов индивидов на социально значимые проблемы и события. В нашем случае эти проблемы связаны преимущественно с обеспечением личной защищенности от преступности, доверием к правоохранительным органам, их эффективностью.

С одной стороны, полученные с большим интеллектуальным, организационным, материальным трудом эмпирические данные, содержащие в себе множество социальных сигналов, смыслов, признаков, индикаторов, должны

[1] *Ситковский А.Л., Яковлев О.В.* Развитие системы исследования общественного мнения о деятельности полиции // Профессионал, 2017, № 2, с. 20.

быть максимально точные и достоверные. Это позволит эффективно их использовать в практической, прежде всего управленческой деятельности. С другой стороны, ненадежные методики, недостатки в организации исследований, низкая квалификация участников исследовательских групп постепенно снижают ценность получаемых данных, уменьшают доверие к ним и мотивацию их использования. Недоиспользовать ресурс знаний об общественном мнении, в современных условиях недопустимо. Главный аргумент в поддержку этого тезиса состоит в том, что власть в прежние века подчинялась народной вере, а нынешняя власть подчиняется народному мнению. Лучше не пренебрегать ценными сведениями о выявленных неформальных сторонах деятельности полиции, отдельных подразделений ОВД, уязвимых точках криминогенной обстановки и т.п.

Добавим к этому, что общественное мнение является инструментом формирования и поддержания у руководителей демократического сознания. А применительно к гражданам опросы общественного мнения способствуют преодолению их инфантильности, уменьшают равнодушие, безразличие, борются с правовым нигилизмом. Плюс к этому они являются барьером на пути невнимательного, неуважительного отношения к людям со стороны властных структур, способствуют преодолению системоцентрической направленности правоохранительной системы, проявления которой, к сожалению, в органах внутренних дел присутствуют[1].

В современных условиях понимание важности общественного мнения заставляет нас уделять внимание проблемам, связанным со способами фиксирования, измерения общественного мнения о деятельности полиции. Следует признать, что теоретический анализ и обобщение практики использования методики, с помощью которой в настоящее время исследуется общественное мнение, показывают, что она не безупречна. Есть проблемы, касающиеся предметного поля социологических исследований в правоохранительной сфере с точки зрения их восприятия и определения

[1] *Передня Д.Г.* Системоцентризм как характеристика управленческой культуры в органах внутренних дел России // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: Материалы V всероссийского социологического конгресса. 2016. М., с. 3369.

заказчиком[1]. Во многом потенциал совершенствования применяемых методик исчерпан. Изучение возможностей их оптимизации – это тема отдельного исследования, поэтому в рамках обозначенной темы мы перейдем к изложению альтернативной методики.

В основе методики лежит опросный метод. В нем задействована шкала Э. Богардуса, с помощью которой оценивается степень близости отношений с определенной социальной группой[2]. Эту шкалу также используют для изучения социальной дистанции. В некоторых исследованиях применяются модифицированные варианты данной шкалы, на основании которых изучаются дополнительные социальные показатели, в том числе социальная приемлемость по отношению к расовым, национальным, конфессиональным, возрастным, гендерным и профессиональным группам[3].

Эта методика, в отличие от тех, которые используются в настоящее время, делает неявными для респондентов цели исследования. Таким образом, исчезает тенденциозность, давление стереотипов, которые бывают в случаях, когда опрашиваемые заранее знают, что изучают их мнение именно о полиции. В рамках предлагаемой методики респонденты в ходе анкетирования оценивают представителей девяти профессий: актер, военнослужащий, врач, пожарный, полицейский, преподаватель, программист, слесарь-сантехник, юрист, отмечая степень приемлемости их для себя лично по трем критериям. Эти критерии призваны демонстрировать готовность принять представителя той или иной профессии: «как близких родственников посредством брака», «как личного друга» и «как соседа по лестничной площадке», для исследования в сельской местности «как жителя соседнего дома».

Оценка социальной дистанции к каждой профессии должна производиться в ходе опроса по трем критериям отдельно, что отличает данную методику исследования от

---

[1] *Филимонов О.В.* Предметное поле социологических исследований в правоохранительной сфере: проблемы определения и согласие заказчика // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции "Социолог 2.0: трансформация профессии" / Отв. ред. А.В. Кулешова. Екатеринбург, 2018, с. 110-114.

[2] *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998, с. 125.

[3] *Почебут Л.Г.* Кросс-культурная и этническая психология. СПб., 2012, с. 166.

подходов, в которых респондентам предлагается выбрать одно утверждение из списка, так как согласие с одним из утверждений подразумевает по умолчанию согласие с последующими, характеризующими более отдаленные от человека позиции.

Профессии для оценивания в опросном бланке располагаются в алфавитном порядке, их список не является неизменным. Основаниями для отбора профессий стали, во-первых, их относительно высокая социальная значимость в обществе, во-вторых, их дифференцированность по содержанию, в-третьих, известность. Бессмысленно предлагать для оценивания профессии, например, мелиоратора или метеоролога, если многие из респондентов могут неадекватно представлять их содержание и не иметь опыта взаимодействий с представителями этих социальных групп.

Значения по каждому критерию респондент выбирает в диапазоне от 1 до 7. Минимальное значение (1) фиксирует крайнее неприемлемое, нежелательное, отторгаемое отношение респондента («для меня лично невозможно и нежелательно принятие людей данной профессии в качестве …»), а максимальное значение (7) – крайнее приемлемое, желательное, максимальное принятие и согласие взаимодействовать с представителем профессии в том или ином статусе («для меня лично возможно и очень желательно принятие людей данной профессии в качестве …»).

Отдельно остановимся на варианте обработки полученных с помощью этой методики значений признаков. Значения от 1 до 7 по всем трем критериям для каждой профессии следует перекодировать в диапазон от -3 до 3. Это позволит наглядно дифференцировать направленность и глубину социальной дистанции по отношению к профессиональным группам. Значение ноль определило нейтральную границу приемлемости представителей той или иной профессии. Отрицательные значения переменных указывают на нежелательность того, чтобы представители той или иной профессии выступали в качестве близких родственников, друзей и соседей. Положительные значения, напротив, свидетельствуют об обратной ситуации, готовности принятия представителей профессии в роли брачного партнера, друга или соседа. Другими словами, значения переменных от -3 до -1 отражают разную степень выраженности желания респондентов избегать сближения с представи-

телями той или иной профессиональной группы, отказывая ее представителям в соседстве, дружбе или родстве, по сути, демонстрируя закрытость. Значения от +3 до +1 свидетельствует об обратном стремлении индивидов.

В ходе дальнейшего анализа после перекодировки для каждой профессии можно рассчитывать индекс социальной приемлемости. За основу вычисления данного индекса желательно взять методику, предложенную Л.Г. Почебут[1]. Для соотношения фактического уровня социальной приемлемости с максимально возможным уровнем, отражающим минимальную социальную дистанцию, рассчитывают возможную социальную приемлемость, которая позволит наглядно оценить характер социального восприятия профессий. Значения, полученные в результате соотношения реальной и максимально возможной социальной приемлемости, следует интерпретировать исходя из положений, выдвинутых Л. Почебут[2]:

- если фактическая социальная приемлемость (СПр) положительная и больше 50% от возможной социальной приемлемости (СПв), это свидетельствует о высокой приемлемости людьми представителей профессиональной группы, небольшой социальной дистанции, стремлении к интеграции, близости с индивидами из этой группы, позитивных чувствах и искреннем интересе к ним;
- если СПр положительная, но меньше 50% от СПв, это говорит о желании индивидов сохранять автономность относительно профессиональной группы, об отсутствии стремления к интеграции с ее представителями, определенной напряженности в отношениях с ними;
- если же СПр отрицательная и при этом больше 50% от СПв, то это свидетельствует о стремлении индивидов максимально дистанцироваться, обособиться от профессиональной группы, поддерживать по возможности только поверхностные, формальные контакты с ее представителями. При этом наблюдается отсутствие интереса и сочувствия к этой группе, имеется неприязнь к ней со стороны многих индивидов.

---

[1] *Сикевич З.В.* Социологическое исследование: практическое руководство. СПб., 2005, с. 87.

[2] *Почебут Л.Г.* Кросс-культурная и этническая психология, с. 168.

Получив данные по всем переменным, мы можем понять представления индивидов о степени приемлемости для них сотрудников органов внутренних дел как представителей отдельной профессии, оценить мнения о них. Причем сделать это станет возможно в том числе с помощью сопоставительного анализа, ориентируясь на данные по другим профессиям.

В толковых словарях приемлемость рассматривается как способность принять что-то, согласиться с чем-то. Использование этого показателя позволяет понять степень принятия представителей разных профессий, готовность и желание с ними взаимодействовать с различных социальных позиций. Выяснив уровень приемлемости для граждан тех, кто связан с профессией «полицейский», можно делать выводы об уровне доверия к полиции и об удовлетворенности ее деятельностью[1].

Предложенная методика может применяться самостоятельно, т. е. как основная и как вспомогательная (дополнительная) в сочетании с утвержденными для использования методиками. Это позволит увеличить комплексность данных, улучшит понимание структуры общественного мнения о полиции. В итоге представления об исследуемом объекте станут богаче, в том числе в связи с учетом характеристик параметров общественного мнения, среди которых направленность, интенсивность, окрашенность, стабильность.

Залогом положительного и разностороннего применения различных методик изучения общественного мнения о полиции будет понимание того, что с помощью опросов происходит не только выявление, но и формирование позиции массового сознания по вопросам деятельности полиции. Предложенная методика в этом смысле более «деликатная», обладает большей нейтральностью, т. е. является более научной. В практическом смысле здесь следует учитывать, что качество и формы проведения ведомственных опросов общественного мнения могут влиять на представления граждан о полиции и если опросы предполагается проводить на постоянной основе, то и влияние это может быть постоянным и даже кумулятивным. Это еще один довод в пользу развития

[1] *Половнёв А.В.* Доверие институтам государства: Россия в контексте общеевропейских тенденций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки, 2015, № 2(713), с. 121.

и совершенствования методического аппарата исследования общественного мнения о деятельности полиции.

В дальнейшем представляется целесообразным добиться большей дифференциации в исследовании и рассмотреть отношение к полиции в следующих понятиях: отношение в целом как ценности; отношение к профессии как определенному или частному виду труда; отношение к работе как специфическому виду трудовой деятельности в конкретных условиях российской действительности[1].

В заключение отметим, что результаты и масштаб использования знаний мнения граждан о деятельности полиции зависят в том числе от адекватности методики, с помощью которой эти данные получены. Чем ее надежность выше, тем больше вероятность, что информация будет использоваться продуктивней и эмпирические данные сыграют существенную роль в деле совершенствования управления в органах внутренних дел.

Передня Д.Г., Лёвкин А.Е. **Новый подход к исследованию общественного мнения о деятельности полиции.** В статье описаны методические проблемы исследования общественного мнения о деятельности полиции. Предлагается альтернативная методика на основе шкалы социальной приемлемости.

Ключевые слова: общественное мнение, социальная приемлемость, полиция, методика.

Perednya D.G., Lyovkin A.E. A new approach to study of public opinion on the activities of the police. The article describes the methodological problems of the study of public opinion on the activities of the police. An alternative method is proposed, based on a social acceptability scale.

Keywords: public opinion, social acceptability, police, methodology.

[1] *Жучков В.В., Передня Д.Г.* Динамика отношения студентов к труду в рекламной отрасли // Социально-гуманитарные знания, 2016, № 4, с. 111-118.

С.Г. КАРА-МУРЗА
доктор химических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИСПИ РАН*

Политэкономия Маркса – инструмент политики

В Европе с зарождения капитализма стала быстро развиваться экономическая мысль. В Новое время резко усложнились общества, культуры и экономические системы. Хозяйство (*экономика*) – один из важнейших «срезов» жизнеустройства всего народа и одна из ипостасей *национальной культуры*. С самого начала люди осваивали нормы и запреты хозяйственной деятельности своего народа, представления о добре и зле, политике и войне, философии и искусстве, – все это связано и пронизывало духовную сферу человека. С древности создавались устные и письменные трактаты и поэмы, а власть создавала институты и законы.

В 1615 г. был опубликован «Трактат политической экономии». Так сложилась сложная конструкция – синтез знаний и политики, идеологии и философии, картины мира и пророчества. Это – *политэкономия*. Она стала важной частью ядра представлений о жизнеустройстве страны, общества и «иных», особенно войн.

В разработках политэкономий были впереди Англия и Франция, первым лидером был Адам Смит, вершиной этой программы (XVIII-XIX вв.) был труд Карла Маркса.

В Российской империи образованный слой склонялся к классической английской политэкономии. Вспомним Евгения Онегина:

> Бранил Гомера, Феокрита;
> Зато читал Адама Смита
> И был глубокий эконом,
> То есть умел судить о том,
> Как государство богатеет,

* Кара-Мурза Сергей Георгиевич, e-mail: skaramur@rambler.ru

И чем живет, и почему не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог…

К концу XIX в. в России образованные прогрессивные деятели обратились к «Капиталу» Маркса. С.Н. Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Практически все экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм». С конца XIX в. в Европе в употребление вошел термин «экономическая наука», употребление же термина «политэкономия» стало редким, но марксисты, особенно в СССР, никогда не отказывались от понятия «политическая экономия». В 1960-х гг. термин «политэкономия» возрождается.

Вернемся к России конца XIX в. Интеллигенция погрузилась в изучение марксизма, но понять политэкономию – и английскую, и марксистскую – было очень сложно. В.И. Ленин углубился в это учение. Он написал в 1898 г. рецензию на учебник политэкономии А.А. Богданова и отметил, что «автор с самого начала дает ясное и точное определение политической экономии», хотя «ученые профессора нередко весьма плохо понимают политическую экономию». Странно: книги были доступны, ученые бывали в Европе, даже общались с Марксом и Энгельсом, почему же они не могли понять «ясное и точное определение»? Да и сам Ленин после упорного штудирования, и, написав десять тетрадей конспектов из книг Маркса («Философские тетради»), признал: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его первой главы, не проштудировав и не поняв всей Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя!!».

Ф. Энгельс в трактате «Политическая экономия. Предмет и метод» объяснил: «Кто пожелал бы подвести под одни и те же законы политическую экономию Огненной Земли и политическую экономию современной Англии, – тот, очевидно, не дал бы ничего, кроме самых банальных общих мест. Таким образом, политическая экономия по своему существу – *историческая* наука. Она имеет дело с историческим, т. е. постоянно изменяющимся материалом»[1].

Если так, то истории у Англии и России разные, и их «изменяющиеся материалы» тоже разные. Почему же рус-

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 20, с. 150.

ские ученые профессора изучали полтора века «Капитал» Маркса, а не реальность хозяйства России и его контекст? Ведь у нас не было ни западного капитализма – в России с конца XIX века был «периферийный капитализм», совсем другое хозяйство, чем на Западе. А в 1917 г. из России и этот капитализм вышвырнули. Зачем вся армия профессоров штудировала чужую политэкономию, да так ее и не поняли? Это феномен российской истории! Профессора-экономисты с 1920 г. в СССР непрерывно спорили об объективных экономических законах, о стоимости, товаре и деньгах – их основные понятия и категории брали в политэкономии Маркса, хотя ее система была для представления капитализма (причем английского). Договориться в этих спорах экономисты не могли.

В 1941 г. Сталин, прочитав макет учебника политэкономии, сказал: «Если на все вопросы искать ответы у Маркса, то пропадете. Надо самим работать головой, а не заниматься нанизыванием цитат. Маркс не мог предвидеть социализм во всей его конкретности, ныне же существует лаборатория СССР»[1]. Но в 1954 г., после смерти Сталина, профессора выпустили учебник политэкономии, и результаты были фатальны.

Надо вспомнить: Энгельс утверждал, что «политическая экономия по своему существу – *историческая* наука», а оказывается, что политэкономия «ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа». Можно пожалеть русских ученых профессоров, плохо понимавших политическую экономию. Энгельс объясняет: «Политическая экономия как наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, в каждом данном обществе совершается распределение продуктов, – политическая экономия в этом широком смысле еще только должна быть создана»[2].

А дальше говорится, что классическая политэкономия – не актуальное учение о хозяйстве, а «выражение вечного разума»: «Новая наука была для них [тогдашних экономистов] не выражением отношений и потребностей их эпохи, а выра-

[1] См.: *Валовой Д.В.* Экономика: взгляды разных лет. Становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма. М.: Наука, 1989, с. 47.

[2] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 20, с. 153.

жением вечного разума; открытые ею законы производства и обмена были не законами исторически определенной формы экономической деятельности, а вечными законами природы: их выводили из природы человека. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что этот человек был просто средним бюргером того времени, находившимся в процессе своего превращения в буржуа, а его природа заключалась в том, что он занимался производством и торговлей на почве тогдашних, исторически определенных отношений»[1].

И это у нас называлось «ясное и точное определение политической экономии»!

Маркс высказался еще более сурово о том, что на каждом этапе развития политэкономии капитализма их авторы *искажали реальность* хозяйства прежних этапов. Он писал: «Буржуазная политическая экономия лишь тогда подошла к пониманию феодальной, античной, восточной экономики, когда началась самокритика буржуазного общества. В той мере, в какой буржуазная политическая экономия целиком не отождествляет себя на мифологический манер с экономикой минувших времен, ее критика прежних общественных форм, особенно феодализма, с которым ей еще непосредственно приходилось бороться, походила на ту критику, с которой христианство выступало против язычества или протестантизм – против католицизма»[2].

В 1868 г. Маркс писал: «Чертовщина заключается в том, что практически интересное и теоретически необходимое в политической экономии так далеко расходятся друг с другом, что здесь, в отличие от других наук, не находишь нужного материала»[3].

Проблема в том, что над политэкономией довлела идеология, культура, этика. Даже общности одного этноса или народа имеют разные представления хозяйства и действуют согласно совершенно разным ценностям и табу. Это мы сегодня наблюдаем в Российской Федерации. А, например, в начале XX в. в России произошел цивилизационный разрыв крестьян с помещиками и буржуазией – представления о хозяйстве резко разошлись. Европейски образованные поме-

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 20, с. 155.
[2] *Маркс К.* Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 39.
[3] *Маркс К.* – Энгельсу. 22 мая 1868 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 32, с. 75.

щики и политики исходили из представлений о частной собственности (из политэкономии), требования крестьян относительно передела земли выглядели в их глазах преступными посягательствами. Конфликт двух укладов – крестьянства и помещичьего хозяйства – привел к революции.

Начала политэкономии Маркса

Эта часть – большая и сложная, даже тяжелая. Причина этого в том, что с середины XIX в. российские интеллигенты, участники в политической борьбе, мыслители и экономисты стали внимательно следить за трудами и деятельностью Маркса и его соратников. Вокруг них складывались группы и будущие партии. Энгельс писал в 1885 г.: «Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников»[1].

Первые меньшевики, эсеры и либералы мировоззренчески выросли в той атмосфере, где выросла политэкономия А. Смита и К. Маркса, а также исторический материализм с марксистской теорией революции и формационным подходом. Эта когорта была ядром Февральской революции, а вокруг него общались ведущие ученые-обществоведы.

Но экономика связана с отношениями внутри народа и с отношениями культур и цивилизаций. Профессора и учебники истмата и либерализма открыли лишь один, «верхний» слой представлений основателей политэкономии: и Смита, и марксизма. Для многих людей, воспитанных на советском истмате, думаю, будет неожиданностью узнать, что народы в учении Маркса делились на *прогрессивных* и *реакционных*. Народ, представляющий Запад, являлся по определению прогрессивным, даже если он выступал как *угнетатель*.

Надо ли нам сегодня знать эту главу марксизма, которая в СССР была изъята из обращения? Да, знать необходимо, хотя овладение этим знанием очень болезненно для всех, кому дороги идеалы, которые мы воспринимали в формулировках марксизма. Сейчас нам надо разобраться, какое воздействие оказали взгляды основоположников марксизма на

[1] *Энгельс Ф.* – В.И. Засулич. 23 апреля 1885 г. // *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., 2 изд., т. 36, с. 260.

процессы в дореволюционной России и на судьбу советского строя, да и на переходный период сегодня. Беда в том, что многие спорят о марксизме как о теории, а в действительности относятся к марксизму как Откровению. Но теория – не более чем инструмент. К одному объекту он приложим, к другому нет, вчера он годится, а через десять лет устарел.

Однако Маркс писал в предисловии к первому изданию «Капитала»: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов... Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»[1].

Это предисловие к «Капиталу» не обосновано и противоречит реальности. Капитализм из центра не распространялся на весь остальной мир, а превращал слабые страны в свою периферию.

Маркс пишет о странах Запада: «Они насильственно искореняли всякую промышленность в зависимых от них соседних странах, как, например, была искоренена англичанами шерстяная мануфактура в Ирландии»[2]. Или: «[Англия] стремится превратить все остальные страны в исключительно земледельческие, а сама хочет стать их фабрикантом… Таким путем была разорена Турция»[3].

Рабы, крестьяне и природные агенты

Политэкономия Маркса – огромная и сложная работа. Она начинается с учения о формациях, где субъектами были рабы и крестьяне. Потом – формация капитализа, который был исключительно сложной культурой. Эту сложность российские либералы и буржуазия не учли – глубоко ошиблись. Американский экономист В. Леонтьев писал: «Маркс был великим знатоком природы капиталистической системы». Именно капиталистической и именно английской, а не России и социализма!

---

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 9.
[2] Там же, с. 767.
[3] Там же, с. 759.

Эта статья – попытка выбирать из труда Маркса актуальные для нас относительно ясные и понятные тезисы, постулаты и утверждения – те, которые направили экономистов Российской империи и СССР.

При этом было сделано предупреждение, Энгельс пишет в «Анти-Дюринге»: «*Рабство* было открыто. Оно скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины… Мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма»[1].

Из него прямо вытекало, что Россия, не пройдя через рабство, не может сама создать «современного социализма». Хотя энциклопедия сообщает: «Народы Средней, Северной и Восточной Европы (германцы, славяне и др.), средневековые государства тропической Африки (и др.) миновали рабовладельческий строй, перейдя непосредственно от первобытно-общинного строя к феодализму».

Что же такое раб по Марксу? Это – «непосредственное орудие производства». В «Критике политической экономии» сказано: «В условиях рабства работник принадлежит отдельному особому собственнику, являясь его рабочей машиной. Как совокупность проявлений силы, как рабочая сила, он является вещью, принадлежащей другому, и поэтому он относится к особому проявлению своей силы, т.е. к своей живой трудовой деятельности, не как субъект»[2].

Второй постулат таков: труд раба, не вступающий в процесс обмена с капиталом, является непроизводительным – он *не производит стоимости*. И даже не только труд раба, но и рабочего.

Вот несколько суждений Маркса. «Труд в том виде, как он в противоположность капиталу существует в рабочем *сам по себе*, т.е. труд в своем *непосредственном бытии*, труд, отделенный от капитала, является *непроизводительным*»[3].

Хотя Маркс утверждает: «Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райяты), или общинного производства (голландская Ост-Индия), или го-

---

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд., т. 20, с. 185-186.

[2] *Маркс К.* Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 453-454.

[3] Там же, с. 262.

сударственного производства (как, например, основанное на крепостном праве производство, встречавшееся в прежней эпохе русской истории), или производства полудиких охотничьих народов и т. д., – все равно: деньгам или товарам, в виде которых выступает промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги и входят как в кругооборот этого последнего, так и в кругооборот заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости»[1]. Выходит, что и рабы и крепостные крестьяне создавали стоимость и их труд был производительным?

«Непосредственному принудительному труду [рабству] богатство противостоит не как капитал, а как *отношение господства*; поэтому на основе непосредственного принудительного труда и воспроизводится только отношение господства»[2].

Поэтому Маркс делает такое замечание к определению Мальтуса («Производительный работник – тот, кто непосредственно увеличивает богатство своего хозяина»): «Это положение слишком абстрактно, так как в такой формулировке оно применимо и к рабу»[3]. Таким образом, рабовладелец может, продав продукт, получить *доход*, но не самовозрастающую *стоимость* (капитал). Это утверждение, думаю, для многих остается непонятным.

Маркс пишет: «При производстве, основанном на рабстве, точно так же как и при патриархальном сельском хозяйстве, включавшем в себя и домашнюю промышленность, … круг обращения и обмена весьма сужен, и, в частности, в условиях рабства раб вовсе не фигурирует как *участник обмена.* При производстве же, основанном на капитале, потребление во всех пунктах опосредствовано обменом, а труд никогда не имеет *непосредственной* потребительной стоимости для того, кто трудится…

В отличие от раба наемный рабочий сам является самостоятельным центром обращения, он участник обмена, человек, создающий меновую стоимость и получающий ее посредством обмена»[4].

---

[1] *Маркс К.* Капитал. Том 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24, с. 126.

[2] Там же, с. 281.

[3] *Маркс К.* Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 258.

[4] Там же, с. 397.

Это представление надо принимать как научную абстракцию. На деле и рабы, и патриархальное крестьянство участвовали в обмене. Крестьяне были вынуждены продавать значительную часть своих продуктов и продавать свою рабочую силу в отхожих промыслах – чтобы выплатить подати и налоги. Сам Маркс знал, что в России 70-х гг. XIX в. средний доход крестьян с десятины в Европейской части России составлял 163 коп., а все платежи и налоги с этой десятины составляли 164,1 коп. Почему продажа крестьянами большинства урожая – не участие в обмене? Только потому, что они не пролетарии и не капиталисты? Но ведь в США в южных штатах 4 млн. рабов производили огромное количество ценного продукта (хлопка), который продавали в Европу *капиталисты*.

Так что же рабский труд? Начнем с того, что само словосочетание *рабский труд* противоречиво. Раб – лишь *орудие* труда, он не может производить стоимость. Маркс сказал в «Капитале»: «Когда Галиани говорит: стоимость есть отношение между двумя лицами, … то ему следовало бы добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой»[1]. Стоимость – порождение общественных отношений. Но общественных отношений между рабовладельцем и рабом не существует, это отношения *человека* и *вещи*. Рабочая сила раба отчуждена у него посредством отчуждения личности.

Если раб – орудие труда, то кто же работник? Рабовладелец! Он со «своим» продуктом и вступает в общественные отношения – с другими рабовладельцами (шире – свободными индивидами). Даже классовой борьбы между рабовладельцами и рабами не могло быть, и, как указывал Маркс, стержень всей истории Рима – это история борьбы мелких и крупных землевладельцев.

В чем же заключается труд рабовладельца? В принуждении раба к труду. Эксплуатация как *труд*! Дело чести, совести и геройства! Такое изображение общественной формы производства (в широком смысле слова), когда работником является эксплуататор, Маркс называет «негативным изображением действительного процесса производства». Так что при негативном изображении раб исчезает, и о том, чтобы он производил стоимость, речи быть не может. Но ведь и труд рабовладельца превращается в нечто проти-

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 84.

воположное подлинному труду. Что же он производит – стоимость? В общем, насчет стоимости – загадочное молчание. Какое тут общественно необходимое рабочее время, как происходит эквивалентный обмен? Разве разбойник, отнявший у ехавшего на рынок крестьянина бушель пшеницы, производит стоимость?

Но Маркс негативом не ограничивается. В.В. Крылов пишет в «Теории формаций»: «Но как только мы взглянем на процесс общественного производства как на отношение типа “люди-природа”, чары рассеиваются и все встает на свое место: человек остается человеком и не превращается в орудие, раб становится работающим субъектом, а “труд” рабовладельца оказывается ничем не прикрытой эксплуатацией трудящегося раба. Это “*позитивное изображение*” совокупного процесса производства»[1].

Видимо, чтобы от негатива перейти к позитиву, приходится употреблять те же самые понятия уже не в функциональном смысле слова, а в субстанциальном («люди-природа»). Это понятно – в негативе одни чары, в позитиве другие. Совместить негатив и позитив не удается, просто надо, как в спектроскопии, просвечивать объект световыми волнами разной природы, получая много образов. Но в данном случае ни в каком образе не выходит, что раб производит стоимость. К понятию раба в плане политэкономии нельзя подобраться, прежде чем определишься с понятием «орудие труда». Когда речь идет о производственных отношениях, Маркс применяет это понятие в функциональном смысле. Например, плодородие земли является орудием труда.

Не менее важно для нашей темы и понятие «производство». Маркс понимает его в широком смысле, включая в него и обмен, и потребление. Не так прост и «продукт», как кажется иным марксистам и антимарксистам, а они начинают спорить, стоимость это или не стоимость, но что это продукт – все согласны. Маркс поясняет для тугодумов: производство – это потребление. Он пишет: «Это – потребительное производство. Однако, говорит политическая экономия, это идентичное с потреблением производство есть второй вид производства, вытекающий из уничтожения продукта первого…

[1] *Крылов В.В.* Теория формаций. М.: Наука, Восточная литература, 1997, с. 45.

Только в потреблении продукт становится действительным продуктом. Например, платье становится действительным платьем лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не живут, не является действительным домом»[1].

При этом ясное, реалистичное видение отношений в их целостности (в том числе включающих отношение человека к природе) оказывается у Маркса продуктом «недоразвитости» человека и общества: «Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования – низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях»[2].

Так что надо еще различать, использует ли Маркс то или иное понятие в действительном смысле или недействительном.

К трактовке рабского труда Маркс подходит и с другой стороны – помещая раба в категорию «*природных агентов*»: «Работник и в форме раба, и в форме крепостного, ставится в качестве неорганического условия производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или является придатком к земле»[3]. В другом месте: «При рабстве, при крепостной зависимости и т.д. сам работник выступает как одно из природных условий производства»[4]. Но о роли природных агентов он в ряде мест пишет следующее: «Так как эти природные агенты ничего не стоят, они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости»[5].

---

[1] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1858 гг. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 12., с. 716-717.

[2] *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 89-90.

[3] *Маркс К.* Экономические рукописи 1861-1863 гг. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 47, с. 478.

[4] Там же, с. 485.

[5] Там же, с. 553.

Природные агенты (включая людей как части природы) и природные ресурсы для условий жизни человечества и создания мира техники и в целом культуры были и есть особенная ипостась народного хозяйства. Соответственно любая политэкономия определяет роль и место всех этих природных агентов и ресурсов в образе хозяйства и взвешивает их ценность, меру усилий их воспроизводить и развивать. Индикаторы и критерии оценки этих сущностей, представленные в политэкономии Маркса, – это очень важная ее часть. Кратко рассмотрим эту часть.

Весь XIX век происходила интенсивная разработка идеологии капитализма в рамках одной общей платформы – *индустриализма*, основанного на вере в прогресс и законы общественного развития. Важнейшее условие для возникновения идеи прогресса и производных от нее идеологических конструкций либерализма – неисчерпаемость природных ресурсов. Американский философ и социолог Р. Нисбет сказал, что «на протяжении почти трех тысячелетий ни одна идея не была более важной или даже столь же важной, как идея прогресса в западной цивилизации».

Капитализм впервые породил способ производства, обладающий самоподдерживающейся способностью к росту и экспансии. Стремление к расширению производства и повышению производительности труда не было естественным, вечным мотивом в деятельности людей. Традиционное производство было ориентировано на *потребление* (а если производство приносило прибыль, то она была лишь источником наслаждений), и дух капитализма, ставящий высшей целью именно *наживу*, т. е. *возрастание* достояния, был совершенно новым явлением. Это новое качество, ставшее важным элементом социального порядка, требовало идеологического обоснования и нашло его в идее *прогресса*, которая приобрела силу естественного закона. Страстный идеолог прогресса Ницше поставил вопрос о замене этики «любви к ближнему» этикой «любви к дальнему» («Чужды и презренны мне люди настоящего, к которым еще так недавно влекло меня мое сердце; изгнан я из страны отцов и матерей моих…»). Становление *общества потребления* резко усилило эксплуатацию идеи прогресса.

Дж. Грей пишет: «Идею прогресса, воплощенную в проекте Просвещения, можно рассматривать как диахроническое повторение классической концепции естественного закона. Это

современная концепция общественного развития, совершающегося через последовательно сменяющие друг друга дискретные стадии, не везде одинаковые, но схожие в том, что все они воплощают одну-единственную форму жизни – единую цивилизацию, рациональную и космополитическую. Современный либерализм во всех его известных формах – от Локка до Канта и от Джона Стюарта Милля до позднего Ролза – неразрывно связан с философией истории и с идеей прогресса, выраженных в проекте Просвещения»[1].

Идея прогресса соединилась с алхимией. Трудно выявить истоки этого синтеза. Вероятно, влияние оказала идущая от натурфилософии вера в трансмутацию элементов и в то, что минералы (например, металлы) растут в земле («рождаются Матерью-Землей»). Алхимики, представляя богоборческую ветвь западной культуры, верили, что посредством человеческого труда можно изменять природу. Эта вера, воспринятая физиократами и еще присутствующая у А. Смита, была изжита в научном мышлении, но чудесным образом сохранилась в политэкономии очищенной от явной мистики. Эта философия стала господствующей. О металлах, угле, нефти стали говорить, что они «производятся» а не «извлекаются».

Перейдем теперь к вопросу, который нас касается непосредственно: как указанные представления преломились в политэкономии марксизма? Ведь позиция, занятая по этим проблемам Марксом, оказала очень большое влияние на воззрения экономистов и политиков многих народов.

Казалось бы, можно было ожидать, что присущие марксизму универсализм и идея справедливости сделают его политэкономию открытой для понимания нужд человечества в целом, включая будущие поколения. Тем не менее эти общие установки не превратились в элементы политэкономической модели Маркса. Даже напротив, барьеры на пути соединения экономики с экологией в марксизме были доведены до своего логического завершения. Это было сделано в политэкономии капиталистического способа производства.

В «Капитале» Маркса именно рыночная экономика представлена как *нормальная*, а натуральное хозяйство, в системе которого жило большинство человечества, считалось дикостью и атавизмом – ему для контраста посвящены обиль-

[1] *Грей Дж.* Поминки по Просвещению. М.: Праксис. 2003, с. 132.

ные примечания. Нерыночное хозяйство было для политэкономии *Иное* – «часть природы».

Перечислим коротко принципы политэкономии Маркса в отношении природы.

Прежде всего, природные ресурсы являются неисчерпаемыми и бесплатными. Поэтому они как таковые не являются объектом *экономических отношений*. Топливо и металлы «производятся» и включаются в экономический оборот как товар именно и только в соответствии с издержками на их производство. Вот некоторые формулировки Маркса.

«Силы природы не стоят ничего; они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости»[1].

«Силы природы как таковые ничего не стоят. Они не являются продуктом человеческого труда, не входя в процесс образования стоимости. Но их *присвоение* происходит лишь при посредстве машин, которые имеют стоимость, сами являются продуктом прошлого труда... Так как эти природные агенты ничего не стоят, то они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости. Они делают труд более производительным, не повышая стоимости продукта, не увеличивая стоимости товара»[2].

«Производительно эксплуатируемый материал природы, не составляющий элемента стоимости капитала – земля, море, руды, леса и т.д... В процесс производства могут быть включены в качестве более или менее эффективно действующих агентов силы природы, которые капиталисту ничего не стоят»[3].

«Какому обстоятельству обязан фабрикант в данном случае своей добавочной прибылью… – естественной силе, двигательной силе водопада, который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, который должен быть оплачен эквивалентом, стоит определенных издержек»[4].

«Только в результате обладания капиталом – и особенно в форме системы машин – капиталист может присваи-

---

[1] *Маркс К.* Экономические рукописи 1861-1863 гг. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 47, с. 499.

[2] Там же, с. 553.

[3] *Маркс К.* Капитал. Том 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24, с. 399.

[4] *Маркс К.* Капитал. Том третий // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II, с. 193.

вать себе эти даровые производительные силы: как скрытые природные богатства и природные силы, так и все общественные силы труда, развивающиеся вместе с ростом населения и историческим развитием общества»[1].

Повторения этой мысли можно множить и множить – речь идет о совершенно определенной и четкой установке, которая предопределяет всю логику *трудовой теории стоимости*.

В XIX в., перейдя в представлении экономической «машины» от метафоры *часов* (механика) к метафоре *тепловой машины* (термодинамика), политэкономия отвергла предложение включить в свою модель «*топку и трубу*» (невозобновляемые ресурсы энергоносителей и загрязнения) – ибо это означало бы крах всего здания рыночной экономики.

В «Капитале» Маркс заостряет вопрос до предела: «До какой степени фетишизм, присущий товарному миру, или вещная видимость общественных определений труда, вводит в заблуждение некоторых экономистов, показывает, между прочим, скучный и бестолковый спор относительно роли природы в процессе созидания меновой стоимости. Так как меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, затраченный на производство вещи, то, само собой разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, например, в вексельном курсе»[2].

Впервые в явной форме проблема расхождения представлений природы и экономики капитализма была обозначена в книге У.С. Джевонса «Угольный вопрос» (1865), в которой он дал прогноз запасов и потребления угля в Великобритании до конца XIX в. Осознав значение второго начала термодинамики, Джевонс дал ясное понятие *невозобновляемого* ресурса и указал на принципиальную невозможность неограниченной экспансии промышленного производства при экспоненциальном росте потребления минерального топлива. Экономическая литература обошла книгу, которая регулярно переиздавалась в течение целого века, почти полным молчанием[3].

Исключая из политэкономической модели проблему природных ресурсов, Маркс и Энгельс не приняли главных

---

[1] *Маркс К.* Экономические рукописи 1861-1863 гг. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 47, с. 537.

[2] *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 92.

[3] См.: *Martínez Alier J.*, *Schlupmann K.* La ecología y la economía. Madrid: Fondo de Cultura Económica. 1992.

современных им достижений термодинамики. В письме Марксу от 21 марта 1869 г. Энгельс называет концепцию энтропии «нелепейшей теорией»: «Я жду теперь только, что попы ухватятся за эту теорию как за последнее слово материализма. Ничего глупее нельзя придумать... И все же теория эта считается тончайшим и высшим завершением материализма. А господа эти скорее сконструируют себе мир, который начинается нелепостью и нелепостью кончается, чем согласятся видеть в этих нелепых выводах доказательство того, что их так называемый закон природы известен им до сих пор лишь наполовину. Но эта теория страшно распространяется в Германии»[1].

Огромный культурный и философский смысл второго начала, который либеральная политэкономия просто игнорировала, марксизм отверг активно и сознательно. Включив в изучение общественных процессов категорию *объективных законов*, Маркс сделал свою политэкономию уязвимой. Ее «законы», и теории – всего лишь модели реальности, которые быстро изменялись в мире экономики.

Прочитав «Происхождение видов» Дарвина, Маркс писал Энгельсу, что «в этой книге дается историко-естественное основание нашей концепции». Эволюционное учение, оказавшее огромное влияние на всю идеологию современного общества Запада, сразу же было включено Марксом в политэкономию как «естественный закон» развития производительных сил. Энгельс так и подытожил труд Маркса: «Чарлз Дарвин открыл закон развития органического мира на нашей планете. Маркс открыл основной закон, определяющий движение и развитие человеческой истории, закон до такой степени простой и самоочевидный, что почти достаточно простого его изложения, чтобы обеспечить его признание»[2].

Продолжение следует

[1] *Энгельс Ф.* – Марксу. 21 марта 1869 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32, с. 228, 229.

[2] *Энгельс Ф.* Набросок надгробной речи на могиле Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 19, с. 348.

Т.Е. АРСАНОВА
старший преподаватель кафедры
арабской филологии ИСАА МГУ
имени М.В. Ломоносова*

Ближний Восток в политике ЮНЕСКО

Современный этап международных отношений представляет собой весьма сложный нелинейный и во многом хаотичный процесс, который вызывает неподдельный интерес исследователей. Неоднозначна в современных условиях и роль международных организаций. Так, ЮНЕСКО остается одной из ведущих частей системы ООН, сосредоточив свою деятельность на гуманитарной сфере.

ЮНЕСКО – это учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры[1]. Основная цель ЮНЕСКО – установление мира посредством международного сотрудничества в этих областях. Организация была создана 16 ноября 1945 г., её штаб-квартира находится в Париже. В настоящее время в организации насчитывается 195 государств-членов, 2 государства-наблюдателя и 10 ассоциированных членов (территорий, не несущих ответственность за внешнюю политику).

ЮНЕСКО представляет собой широкую площадку для взаимодействия государств-членов и имеет богатый исторический опыт сотрудничества по вопросам образования, науки и культуры, что способствует как укреплению мировой политической системы, так и продвижению национальных интересов на мировой арене. Основная уставная цель ЮНЕСКО состоит в содействии укреплению мира и безопасности путем расширения сотрудничества народов в области образования, науки и культуры в интересах обеспече-

* Арсанова Татьяна Евгеньевна, e-mail: tat.evg.iaas@yandex.ru

[1] Устав ЮНЕСКО. URL: http://www.unesco.org/new/ru/unesco/about-us/who-we-are/history/constitution/ (дата обращения: 10.01.2019).

ния всеобщего уважения справедливости, законности и прав человека, а также основных свобод, провозглашенных в уставе Организации Объединенных Наций, для всех народов без различия расы, пола, языка или религии.

Деятельность ЮНЕСКО отличает комплексный подход на основе политического опыта, мониторинга, экспертных оценок, научных исследований, международного диалога и партнерства.

Инструментарий организации следует рассматривать в качестве инструментария «мягкой силы», т.е. стратегии, направленной на использование ненасильственных методов воздействия для достижения своих геостратегических целей. Усилия ЮНЕСКО направлены на привлечение как можно большего числа государств-членов к реализации важнейшей политической задачи современности предотвращению раскола мира по цивилизационному признаку через диалог между культурами и цивилизациями, а также международное культурное сотрудничество.

Ближневосточный регион вот уже несколько десятилетий остается зоной повышенной конфликтности в религиозном, экономическом, политическом аспектах. Роль региона обусловлена его геостратегическим положением. На Ближнем Востоке сходятся торговые пути в Африку и Европу, регион примыкает к Средиземноморью – ключевой зоне европейской безопасности. Ближний Восток считают центром трёх мировых религий, здесь находятся святыни ислама, христианства и иудаизма. Сегодня радикальные исламисты устраивают массовые расстрелы, грабят и уничтожают историческое наследие Ближнего Востока, пытаясь переписать историю и скрыть ее доисламский период. Факторы политического, военно-стратегического, экономического, демографического содержания делают Ближний Восток важным элементом в системе международных отношений и значимым направлением во внешней политике мировых акторов. В качестве подтверждения достаточно привести факт, что 14 стран региона владеют 90% всей разведанной нефти. В силу перечисленных причин и социально-политической ситуации на Ближнем Востоке происходящие там процессы коренным образом влияют на глобальную безопасность.

В отечественной и западных востоковедных традициях нет единого подхода в определении изучаемого нами региона, который географически охватывает страны Северной

Африки и Юго-Западной Азии. Российская востоковедная школа именует его Ближним Востоком, включая в это понятие арабские страны, Иран и Турцию.

В английском языке термин Ближний Восток заменен на Средний Восток (Middle East). Согласно английской востоковедной традиции Средний Восток – это трансконтинентальный регион с центром в Западной Азии и Египте. Он включает в себя следующие государства: Бахрейн, Республика Кипр, Египет, Иран, Ирак, Израиль, Иордания, Кувейт, Ливан, Оман, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Сирия, Турция, Объединенные Арабские Эмираты, Йемен.

Мы видим, что в этом списке отсутствуют страны Северной Африки: Ливия, Тунис, Марокко, Судан. Именно поэтому в западных СМИ и научных публикациях часто встречается термин «Средний Восток и Северная Африка» (Middle East and North Africa = MENA). Отсюда следует, что можно поставить знак равенства между российским понятием «Ближний Восток» и западным понятием «Средний Восток и Северная Африка» (БВ = MENA).

В качестве главной задачи в регионе ЮНЕСКО выдвигает формирование основы диалога и взаимопонимания, укрепление связей между странами региона, разрабатывает свою политику в качестве движущей силы развития и сотрудничества. Гуманитарная деятельность организации лежит в области образования, науки и культуры. Разработанные международные стандарты и программы сотрудничества способствуют свободному обмену знаниями, сохранению культурного многообразия.

Важным направлением деятельности являются меры реагирования ЮНЕСКО на конфликтные ситуации в странах Ближнего Востока. В качестве примера можно привести ситуацию в Сирии и ее последствия. Так, возросшая численность сирийских беженцев в Ирак, их сосредоточение в северных провинциях страны (Дахук, Эрбиль и Сулеймания) привели к последствиям во многих сферах жизнедеятельности. Меры реагирования ЮНЕСКО направлены на обеспечение доступа к образованию мигрантов, включая как строительство и восстановление школ, так и подготовку соответствующих образовательных программ и кадров для реализации.

Также следует отметить координациооную деятельность ЮНЕСКО в регионе во взаимодействии с региональными и национальными правительствами и другими международ-

ными организациями по разрешению чрезвычайных ситуаций, по обеспечению коммуникации и информации.

В активный период сирийского кризиса возросло число беженцев и в Иорданию, что не может не сказываться на бюджете страны и на внутренней социально-политической, экономической ситуации, особенно для страны с ограниченными ресурсами. Так, в 2015 г. число беженцев достигло более 660 тыс., из них примерно 79% проживают в городах, а 21% – в специальных лагерях. Эксперты разделяют мнение, что последствия сирийского кризиса уничтожат иорданские достижения посдедних лет, окажут негативное влияние на социальную структуру общества. Предпринимаемые меры ЮНЕСКО в данной стране нашли отражение в Региональном плане реагирования, Национальном плане обеспечения устойчивости, «Платформе поддержки принимающих общин», проектах по трудоустройству прибывших мигрантов.

Также ЮНЕСКО является активным участником международных усилий по оказанию поддержки Иордании в реагировании на воздействие сирийского конфликта. В центре внимания ЮНЕСКО в Иордании находится сектор образования. Политика ЮНЕСКО содействует сохранению обеспечения доступа к образованию детей сирийских беженцев и иорданской молодежи, оказывая Министерству образования аналитическую и методологическую поддержку в разработке инструментов для преодоления кризиса.

Также ЮНЕСКО реализует в области образования теоретические и практические мероприятия, направленные на формирование у молодежи регионов, вовлеченных в зону конфликтов, культуры совместного проживания.

В качестве отдельного направления деятельности ЮНЕСКО выделяется борьба с незаконной торговлей и разграблением памятников культуры Сирии, основу составляет пропагандистская и информационно-разъяснительная работа по сохранению культурного наследия.

Поскольку приоритетной целью любого государства является создание условий его стабильного и безопасного развития, трудно переоценить значение мер, направленных на создание качественного человеческого капитала и деятельность ЮНЕСКО в данном аспекте. В этой связи совершенно очевидно значение образования как важнейшего фактора в этом процессе. Понимание и принятие людьми данного тезиса требует определенного образовательного уровня, при-

чем образовательный уровень находится в прямой зависимости от качества инструмента реализации концепции устойчивого развития в любой сфере жизнедеятельности. Таким образом, образование является механизмом формирования самого эффективного и мощного ресурса – человеческого капитала, что важно для любой страны.

ЮНЕСКО, сотрудничая с правительственными органами стран-участниц и частным сектором, создает необходимые условия для доступности образования всех социальных групп вне зависимости от пола, национальности и вероисповедания. Следует вспомнить Инчхонскую декларацию по образованию[1], принятую на состоявшемся в 2015 г. Всемирном форуме по образованию в Инчхоне (Республика Корея), в работе которого приняли участие 1600 представителей 160 стран. Главной целью названо обеспечение к 2030 г. инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни для всех. По словам Ирины Боковой, Генерального директора ЮНЕСКО, «при сохранении нынешних тенденций к 2030 г. только 70% детей в странах с низким уровнем дохода будут иметь законченное начальное образование – целевой показатель, который планировалось достигнуть еще в 2015 г.».

На современном этапе развития определены новые цели в образовательной сфере (70-я сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, 2015 г.), сформированные в рамках новой глобальной повестки в области развития «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Эти цели и определяют основные и первоочередные задачи в области развития на период до 2030 г.[2].

Государства Ближнего Востока и Северной Африки сегодня направляют значительные ресурсы в целях привлечения большего числа детей в школы. Непосещение школы детьми остается серьезной проблемой для рассматриваемого региона, в начальных школах снизилась практически вдвое доля

[1] Инчхонская декларация Образование-2030: обеспечение всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002331/233137r.pdf (дата обращения: 10.01.2019)

[2] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 10.01.2019)

обучающихся, хотя в настоящее время и наблюдается замедление данного процесса. 4,3 млн. детей начальной школы и 2,9 млн. детей младшего среднего возраста до сих пор не посещают школу, если данную статистику расширить годом дошкольного образования, то получается 12,3 млн. детей в 20 странах. Безусловно, главной причиной являются социально-экономические проблемы. Дети не ходят в школу по причине бедности семьи, или школы слишком далеко, или образование в них низкого качества, с плохо подготовленными учителями. Причинами остаются языковые проблемы и телесные наказания в школе. Но главной причиной остается непонимание, непризнание ценности образования, особенно для представителей женского пола. Проведенные исследования в странах MENA в рамках Инициативы в отношении детей, не посещающих школу, подтверждают сложный спектр причин-проблем, анализ которых показывает необходимость комплексной и и системной работы, новых и инновационных мер для привлечения большего числа детей в школы региона. Конечно успешность реализуемых ЮНЕСКО проектов зависит не только от ее инструментария, но во многом и от эффективности механизмов национальной образовательной политики.

Таким образом, анализ основных направлений деятельности ЮНЕСКО на Ближнем Востоке позволяет сделать вывод, что реализуемые организацией программы и проекты в соответствии с Уставом главным образом направлены на поддержку культурной, социальной, образовательной сфер жизни обществ стран региона. Социально-политические последствия реализации проектов в условиях современного мира и развитие информационно-коммуникационных технологий имеют большое значение для поддержания стабильности в рассматриваемом регионе. В этой связи позволительно ответственно утверждать, что ЮНЕСКО, которая по Уставу не является политической организацией, выполняет важную политическую функцию на современном этапе, так как ее деятельность направлена на формирование и расширение сферы межгосударственного взаимодействия и диалога на основе сосуществования различных культур, религий и цивилизаций.

Арсанова Т.Е. Ближний Восток в политике ЮНЕСКО. Данная статья посвящена деятельности ЮНЕСКО на Ближнем Востоке в современных политических условиях. Сфера международного гуманитарного сотрудничества превалирует сегодня в международных отношениях. Проведенный анализ основных направлений деятельности данной организации позволяет утверждать, что она решает важную политическую задачу по формированию диалоговой базы международного сотрудничества, поддержания мира и стабильности.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, цивилизация, международные отношения, устойчивое развитие, образовательный уровень, политические последствия, человеческий капитал.

Arsanova T.E. Middle East in UNESCO Policy. This article is devoted to the activities of UNESCO in the middle East in modern political conditions. The sphere of international humanitarian cooperation prevails today in international relations. The analysis of the main activities of this organization suggests that it solves an important political task of forming a dialogue base of international cooperation, the maintenance of peace and stability.

Keywords: UNESCO, civilization, international relations, sustainable development, educational level, political consequences, human capital.

П.Я. ЦИТКИЛОВ
доктор исторических наук, профессор
кафедры социальных технологий
Южного федерального университета*

Ответственность Константинополя за провоцирование раскола в православии

Кризисные тенденции в мировом православии зримо проявились в связи с решением Константинопольского патриархата предоставить автокефалию Церкви в Украине по просьбе светских властей и неканонических, самозваных её частей. Такая позиция Фанара нарушает православные каноны, в соответствии с которыми Вселенский патриарх не имеет соответствующих властных полномочий. Он вправе поддержать или отказать в поддержке одной из поместных православных церквей, решившей по своей воле предоставить автокефалию определённой части приходов своей материнской канонической территории. Константинополь же в данном случае пренебрёг правом Русской Православной Церкви самой решать этот вопрос, полагая, что он как основной субъект вселенского православия может так поступать. Однако причина этого конфликта кроется далеко не только в разном толковании канонических норм. *Мотивы, побудившие Константинопольский патриархат пойти по пути конфронтации с РПЦ, обострить внутрицерковные противоречия в современном украинском обществе и стать по сути дела на дорогу раскола мирового православия, более глубоки и разноплановы*.

Научное осмысление причин современного кризиса православия необходимо не только для формирования объективного общественного мнения по поводу данной ситуации. Оно важно и для выработки продуманных, эффективных мер по его преодолению или, по меньшей мере, по минимизации его негативных последствий. К числу основных мотивационных факторов, приведших к кризису православия, можно отнести:

* Циткилов Пётр Яковлевич, e-mail: petrcitkilov@yandex.ru

во-первых, усиление деструктивного влияния глобализма на церковную жизнь, выразившееся в проникновении в неё либерального обновленчества;

во-вторых, экуменическое отступничество Константинопольского патриархата от основ святоотеческого наследия и потворствование устремлениям глобалистов;

в-третьих, экономическую слабость современной России, непривлекательность её социальной модели развития, что блокирует интеграционные процессы на постсоветском пространстве, делая его более уязвимым в различных сферах, включая духовную;

в-четвёртых, это определённые просчёты в деятельности некоторых представителей руководства Русской Православной Церкви и др.

Процессы глобализации, активизированные распадом СССР, обернулись устранением в христианских государствах альтернативных либерализму влиятельных парадигм общественного развития. Всё это обусловило массированное наступление влиятельных сил ростовщического капитала и олигархических структур *на православие как духовную силу, противостоящую унификации мирового устройства и осуждающую лицемерную его природу.* Известно, что православие, сохраняя уважение к властям, исторически стремится дистанцироваться от них. Ведь по сути своей для него главным является не угодливое обслуживание «сильных мира сего», а забота о праведности бытия миллионов прихожан, о спасении их души на основе заветов Святых Отцов. А эти заветы радикально расходятся с нормами бытия и идеологическим концептом, характерными для либеральной социальной организации. Отсюда и неприязнь её интеллектуальных и политических стражей по отношению к православию, стремление его сначала обновить, «модернизировать», а на деле ослабить и расколоть. Затем же предполагается спровоцировать противоборство искусственно расчленённых его частей. Финалом такой «модернизации» с подачи глобалистов должна стать утрата православием сколько-нибудь существенного влияния в мире и последующая его ассимиляция западными церквами.

Современное мощное наступление глобализма во многом стало возможно из-за распада СССР как одной из главных геополитических трагедий прошлого столетия. Ведь наша союзная держава являлась продолжательницей многовеко-

вой евразийской цивилизационной традиции. Российская Федерация и большинство бывших союзных республик, получив в 1991 г. де-юре независимость, де-факто уже скоро впали в экономическую, а некоторые постсоветские государства и в политическую зависимость преимущественно от стран Запада и прежде всего США. По этой причине произошла утрата во многих христианских странах притягательности социалистической альтернативы либеральному глобализму. Но в историческом отношении это временное явление.

Либеральная социальная организация в системном виде начинала складываться в России во второй половине XIX в.. Уже тогда великие умы, духовные святители нашей страны сумели подметить её деструктивную идейную сущность. Одним из них был Игнатий Брянчанинов. Анализируя наставления Святых Отцов, он пришёл к выводу, что *лицемерие стало «в характере времени и способно заразить всякого при малейшем уклонении в легкомысленное поведение»*[1]. Он призывал людей понять эту скрытую особенность эпохи и «преследовать лицемерие в себе, изгоняя его из себя». Он обращал внимание на то, что многие люди начинают лицемерить не только намеренно, но и бессознательно, поскольку такое поведение возводится либеральным мировоззрением чуть ли не в норму «свободного бытия». Как пророчески писал святитель Игнатий, наступают времена, когда у людей личиной святости прикрывается «порочная жизнь и душа, всецело преданная страстям»[2]. Слова эти особо актуальны сегодня, когда активизировались закулисные и видимые раскольники православия.

Трагизм ситуации заключается в том, что одним из субъектов раскола в православном мире сегодня становится та поместная церковь, которая более других призвана оберегать его единство, всячески защищать дух, нравственные установления святоотеческого наследия. Однако Константинопольский патриархат по сути дела стал на путь «церковной модернизации», которая вступает в противоречие не только с важнейшими духовными установлениями Святых Отцов, но и с многовековой традицией признания его пер-

[1] *Святитель Игнатий Брянчанинов*. Отечник. (Серия «Наследие русского святителя»). М.: Благовест, 2011, с. 479.
[2] Там же.

венства среди поместных церквей лишь по чести (почитанию), но не по власти.

Такое *отступничество Константинополя связано с тем, что в современном мире он оказался в духовном отношении одним из слабых, менее устойчивых звеньев мирового православия*. Пагубными для православия смыслами глобализма и церковной модернизации, активно насаждаемыми в США, оказалось пропитано сознание многих прихожан Константинопольского патриархата. Сегодня он по сути своей не столько греческая, сколько американская церковь. Наиболее активные, а главное – богатые и многочисленные его приходы находятся в Соединённых Штатах Америки. Поэтому не удивительно, что Константинопольский Патриарх Варфоломей чаще находится за океаном, чем в своей резиденции, в Фанаре. Этим же объяснимо и огромное влияние американских политиков на его позицию. Кроме того, в своих геополитических интересах Вашингтон активно поддерживает папские устремления Варфоломея, который стремится установить систему властного правления над поместными церквями, а значит, во многом лишить православие его особого духа свободы.

На сегодняшней позиции Константинополя сказывается и многолетнее его предубеждение рассматривать Московскую Церковь как своего конкурента в православном мире. По сути своей такое предубеждение является бесовским наваждением, подменой принципа христианской солидарности принципом тщеславной состязательности. Как свидетельствует история, Фанар не первый раз осуществляет действия, направленные на ослабление роли и влияния Русской Православной Церкви.

Константинопольский патриархат, *пренебрегая святоотеческим наследием*, *открыто демонстрирует свой экуменизм.* Известно, что Святые Отцы призывали людей каждодневно противиться своим страстям, ведущим ко многим бедам и грехопадению. С этой целью они советовали через пробуждение совести и смирение очищать душу.

Святое Евангелие, проповеди Святых Отцов *не приемлют исключительности каких-либо народов*. А вот Патриарх Варфоломей позволяет себе заявлять, что греческая нация имеет первенство над славянскими народами. Выступая в октябре 2018 г. на заседании правления греческой диаспоры в Константинополе, он заявил, что «наши братья славяне не могут терпеть первенство Вселенского патриархата и нашей нации

в православии»[1]. Такое высказывание уважаемого иерарха некорректно. Поместные церкви государств, где преобладает славянское население, всегда почитали и почитают Константинопольскую Церковь как первую по чести, а не по власти. И неприятие этими церквями властных функций Фанара вполне соответствует многовековой традиции и каноническим нормам мирового православия. Поэтому недопустимо нашим греческим братьям по вере видеть в этой справедливой позиции якобы «нетерпимость славян по отношению к первенству Вселенского патриархата».

Одним из серьёзных пороков в соответствии со святоотеческим наследием является *сребролюбие*. Святые Отцы утверждали, что оно неизбежно ведёт к несчастьям и скорбям. Египетский старец Евпрений отмечал, что любящий вещество любит преткновение и скорби. «Если нам, – продолжал он, – случится утратить что-либо вещественное, – утрату должно принимать с радостью и исповедовать, что она избавила нас от попечения»[2].

Культ всесилия денег, стремление к потреблению и обогащению размывают традиционные моральные устои. Такой грех, к великому сожалению, проникает и в определённую часть священства. Об этой беде, её начальных проявлениях писал в середине XIX в. Игнатий Брянчанинов. В заключительной части «Отечника» он отмечал, что в самом христианстве появляются «учителя, обманутые бесовской прелестью и влекущие весь мир в этот обман»[3]. Особую актуальность приобретают эти слова сегодня в связи с сомнительными по честности действиями Константинополя в отношении Украинской Православной Церкви Московского Патриархата.

Представители Фанара уже демонстрировали в новейшей истории примеры страсти сребролюбия, особо осуждаемой Святыми Отцами. Известно, что в 1924 г. польскому послу в Турции Кноллю удалось договориться с представителями Константинопольской церкви о вознаграждении в размере 12 тыс. фунтов стерлингов за получение Православной Церковью в Польше, входившей в состав Московского патриар-

[1] Варфоломей: славяне не могут смириться с первенством нашей нации в православии, 23 октября 2018 г. URL: https://t-34-111.livejournal.com/847229.html - 11.11.2018.

[2] *Святитель Игнатий Брянчанинов*. Отечник, с. 103.

[3] Там же, с. 478.

хата, автокефалии[1]. Большинство других церквей вначале поддержали это решение. Однако, спустя время, такая неканоническая автокефалия была аннулирована. Лишь в 1948 г. Польская Церковь получила законную автокефалию от своей церкви-матери, от Московской патриархии.

С учётом приведённой выше информации могут быть вполне достоверными сведения о денежном вознаграждении сегодняшнему Константинополю за решение вопроса об автокефалии Церкви в Украине. Причём, основная её часть – УПЦ Московского патриархата не просила об этом. Следовательно, данное решение продавливается вопреки единственной канонической Церкви в Украине. По одним данным, для Фанара собрали 25 млн. долл. некоторые украинские олигархи, по другим – средства пришли из США через подставные структуры[2]. Время покажет, насколько верны эти сведения. Но очевидно одно, что такая сумма мизер по сравнению с тем геополитическим преимуществом, которое получат глобалисты, ведомые США, благодаря расколу православия и дальнейшему ослаблению влияния России в христианском мире.

Сегодня особенно важно помнить, что настоящие священники, подлинные носители правды Христовой, истинные по духу иерархи православия всегда отличались бескорыстием. Например, когда святитель Игнатий Брянчанинов уезжал из Сергиева монастыря, что близ Петербурга, на Ставропольскую кафедру, то у него не оказалось собственных средств на дальнюю дорогу. После смерти святителя в кармане его подрясника нашли всего 14 копеек, так как за два дня до кончины он отдал 75 рублей крестьянину, потерявшему лошадь[3].

---

[1] Pismo MSZ do Pana Ministra wyznan religijnych i oswiecenif publicznego (25.11.1924.) // AAN. MWRiOP. Sygn. 1001. K. 97.; *Чибисова А.А*. Автокефалия «под ключ»: некоторые факты из истории Польской Церкви 1924 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, серия 2: История. История Русской Православной Церкви, 2018, вып. 81, с. 69.

[2] В РПЦ сообщили, сколько США заплатили за «украинскую автокефалию». URL: https://zemlyaki.name/rossiya/220141-v-rpc-soobschili-skolko-ssha-zaplatili-za-ukrainskuyu-avtokefaliyu.html – 26.10.2018; Раскол РПЦ: Сценарий был написан не в Киеве, а в Днепре, 16 сентября 2018 г. URL: https://newsland.com/user/4296711758/content/iudei-kolomoiskii-raskolol-pravoslavnuiu-tserkov/6480300 – 11.11.2018.

[3] *Священник Валерий Духанин.* Жизнь святителя Игнатия (Брянчанинова). Часть 2. 13 мая 2009 г. URL: http://www.pravoslavie.ru/30382.html – 10.11.2018.

Гордыня и исходные от неё страсти властолюбия, тщеславия, бессердечности Святыми Отцами признавались особо греховными пороками. Смирение как великая благодать позволяет нам унять свою гордыню, побороть в себе её влияние, повреждающее душу и сердце. Один египетский старец, имя которого осталось неизвестным, поучал, что гордость, если бы приблизилась к небу, то низводится даже до ада. «Напротив, смирение, – продолжал он, – если бы низошло до ада, – оттуда возводится даже до неба»[1].

Судя по наставлениям старца Исаия Отшельника, гордыня может подавить, а затем даже убить в человеке то доброе и благое, что взращивалось в его душе годами. Он утверждал, что божественная благодать, долготерпение и любовь «уничтожаются гордостью и насыщением»[2].

Грех гордыни может быть опасен и для церковных служителей. По этой причине они иногда впадают в прелесть, утрачивают сердечное тепло. Хотя внешне у них может сохраниться обманчивый образ благолепия. О таких церковных перевёртышах хорошо сказал современный духовный подвижник, Блаженнейший Митрополит Киевский и всея Украины Онуфрий. По его словам, «есть люди с каменными сердцами, они верят в Бога, но свою жизнь строят не на заповедях, а на своих желаниях»[3].

Святые Отцы сравнивали честолюбие, стремление всячески оправдать свои сомнительные поступки венцом страстей. Исаия Отшельник наставлял, что «ржавчиной снедается железо, и честолюбием – сердце человека, потворствующего этой страсти»[4].

В значительной мере честолюбие и властолюбие лежат в основе папских устремлений Константинопольского Патриарха и части его окружения, по-своему толкующих православные каноны, нарушая принцип суверенности каждой поместной церкви. Как известно, в соответствии с решением IV Вселенского собора (451 г.) епископы христианства признавали первенство Рима и Константинополя (Нового Рима) не

---

[1] *Святитель Игнатий Брянчанинов.* Отечник, с. 350.

[2] Там же, 168.

[3] Глава УПЦ Онуфрий заявил, что на Украине пытаются подчинить себе Бога. Из обращения к украинскому народу на телеканале "Интер", 27 октября 2018 г. URL: https://ria.ru/religion/20181027/1531600110.html?inj=1 – 04.11.2018.

[4] *Святитель Игнатий Брянчанинов.* Отечник, с. 174.

по власти, а по чести, по почитанию. И определялось это тем, что они были городами «царя и синклита*». То есть не о каких властных полномочиях речь не шла. После разделения в XI в. единого христианского мира на отдельные Западную и Восточную церкви, Папа Римский получил исключительную власть над епископами католического мира. А за Константинопольским Патриархом сохранилось прежнее первенство чести среди православных церквей.

Сегодня все поместные церкви по действующим канонам полностью самостоятельны в вопросах внутреннего управления и никоим образом не подчинены Фанару. При этом они традиционно относятся к Константинопольскому Патриарху как первому среди равных. Управляющий делами УПЦ Московского патриархата, митрополит Бориспольский и Броварской Антоний по этому поводу верно заметил, что Константинополь – точно такая же поместная церковь и никаких привилегий с точки зрения власти над другой церковью он не имеет. «К сожалению, – продолжал он, – с течением времени греховное семя желания быть первым не только по чести, но и по власти постепенно прорастает»[1]. А это и есть неканоническое стремление присвоить себе схожие с Папой Римским права. Под таким устремлением скрывается грех гордыни и властолюбия, о бедственных последствиях которого предупреждали ещё Святые Отцы.

Следует напомнить, что в 1993 г. в Православном центре Константинопольского патриархата в Шамбези (Швейцария) проходили заседания Межправославной подготовительной комиссии по созыву Всеправославного собора. На них был рассмотрен вопрос о способах предоставления автокефалии. Константинопольская Церковь и другие греческие церкви в этом отдавали приоритет Вселенским соборам и Поместным соборам Константинопольского патриархата. Инициатива провозглашения новой автокефальной церкви по данной концепции должна была принадлежать Вселенскому патриарху. Русская церковь отстаивала право каждой автокефальной церкви даровать полную самостоятельность какой-либо своей части. Такую позицию поддержал и ряд дру-

* Синклит – это место, где по традиции собирались духовные лица.

[1] Митрополит Антоний: Патриарх Варфоломей имеет первенство чести, а не власти. Из интервью Страна.ua, опубликованного 26 сентября 2018 г. URL: http://spzh.news/ru/news/56201-mitropolit-antonij-patriarkh-varfolomej-imejet-pervenstvo-chesti-a-ne-vlasti – 05.11.2018.

гих церквей. В результате обсуждений было принято компромиссное решение, в соответствии с которым в образовании новой автокефальной церкви участвовать должна церковь-мать, выступающая инициатором автокефалии, прочие поместные церкви, без согласия которых провозглашение автокефалии невозможно, и, наконец, Вселенский патриарх, который выступает в роли координатора в нахождении консенсуса. Разработанный в 1993 г. предсоборный документ «Автокефалия и способ ее провозглашения» был подписан всеми поместными церквями[1]. Другого документа по автокефалии, одобренного православными церквями, не существует. Однако сегодня его демонстративно нарушает Фанар, вступая в конфронтацию с Русской Православной Церковью. И такая его позиция, направленная на ослабление Московского патриархата, как подтверждает история, не нова.

Известно, что обновленческий Синод РПЦ в 1924 г. был признан тогдашним Фанаром. Константинопольский Патриарх Григорий VII даже потребовал отставки канонического Патриарха Тихона, открыто выступая за упразднение патриаршества в России. Представитель Константинополя в Москве архимандрит Василий (Димопуло) с 1924 г. состоял почетным членом обновленческого синода. Однако не все Поместные Православные Церкви тогда склонились к поддержке обновленчества. Члены, например, делегации Иерусалимского патриархата, посетившие в феврале 1924 г. Россию, объективно оценили церковную ситуацию в нашей стране. Глава делегации Константин Григориади высказался против обновленчества, поддержав Патриарха Тихона[2].

Отступническую позицию Константинополя по отношению к Московскому патриархату и настоятелю нашей канонической Церкви Тихону верно охарактеризовал в тот исторический период Митрополит Сергий (Страгородский). «От того, – верно заметил он, – что Восточные Патриархи признали обновленцев, не обновленцы стали православными, а

[1] *Стефанов Сергей.* Первенство чести или власти: почему невозможна автокефалия на Украине, 5 мая 2018 г. URL: https://ria.ru/religion/20180509/1520186663.html – 06.11.2018

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 4. Д. 89. Л.17; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996, с. 195-196.

сами эти Патриархи стали обновленцами»[1]. Схожую позицию сегодня в связи с деятельностью Фанара, ставшего на путь церковного раскола, занял Патриарх Московской и всея Руси Кирилл. Он заявил, что раз Варфоломей признал раскольников православия в Украине, то он сам стал на их путь. «Константинопольский патриархат, – отмечал он, – отождествил себя с раскольниками. Неканонически, нарушая все правила, он вторгся в нашу юрисдикцию, простил раскольников. Значит, отождествив себя с раскольниками, он сам стал раскольником»[2].

Поддержка Фанаром в середине 1920-х гг. российских церковных обновленцев определялась их антиканоническими устремлениями признать властные полномочия Константинополя. Не удивительно, что константинопольский архимандрит Василий (Димопуло) в своём послании от 28 января 1925 г. одному из лидеров обновленцев, митрополиту Ленинградскому Вениамину писал, что такой их подход означает «зарю установления самых прочных отношений между Православной Русской Церковью и Вселенской». И далее в этом послании от лица Константинопольского Патриарха российским обновленцам был дан чёткий властный посыл «и впредь быть послушными голосу Вселенской Церкви», «зорко стоять» на страже её интересов и авторитета[3]. Комментарии, как говорится, излишни.

В 1920-1930-е гг., пользуясь непростым положением РПЦ, Константинополь продолжал демонстрировать свои «начальнические поползновения» на нашу поместную Церковь. Схо-

[1] Цит. по: Большевики и церковь. Почему большевики боролись с христианством? Лекция доктора церковной истории, кандидата исторических наук священника Александра Мазырина в Государственном центральном музее современной истории России, 29 декабря 2012 г. Советская власть vs Церковь. [https://www.pravmir.ru/antireligioznaya-politika-sovetskoj-vlasti-i-reakciya-cerkvi-na-nee/, доступ от 29.10.2018].

[2] Константинопольский патриархат впал в раскол, сняв анафемы с двух представителей неканонических церквей. Из выступления Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на итоговом пленарном заседании VIII Общецерковного съезда по социальному служению, 19.10.2018 г. URL: https://planeta.press/news/30069-patriarh-kirill-nazval-varfolomeya-raskolnikom/ – 28.10.2018.

[3] Председательствующему Священного Синода Митрополиту Ленинградскому Вениамину. Письмо Представителя Вселенского Патриарха в России архимандрита Василия Димопуло от 28 января 1925 г. // По стопам Христа (печатное издание Калужского Епархиального Управления синодальной обновленческой РПЦ), 1925, № 1-4, 1 апреля, с. 2.

жий с нынешним признанием Константинополем украинских церковных раскольников был случай в 1931 г., когда Патриарх Фотий II незаконно простил русского митрополита Евлогия – прежнего настоятеля нашей зарубежной Парижской епархии. Незадолго до этого тот был уволен и предан соборному суду. Отставленный митрополит не только был прощён Константинополем, но и принят вместе с парижскими приходами в свою юрисдикцию.

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя РПЦ, Преосвященный Сергий тогда отверг неканонические действия Константинопольского Патриарха. В своём письме на его имя он указал на недопустимость вмешательства в иную епархию. Он также отметил, что Евлогий «остаётся для нас уволенным, преданным соборному суду и запрещённым, а Парижское епархиальное управление – упразднённым»[1]. Следовательно, все его акты решением Синода РПЦ признавались не имеющими канонической силы и недействительными.

Возвращаясь к сегодняшней ситуации в мировом православии, следует признать, что признаки греховного лицемерия не преодолены в действиях Константинопольского Патриарха. Так, на собрании предстоятелей поместных церквей, прошедшем в Шамбези в январе 2016 г., он заявлял, что не считает возможным на предстоящем Всеправославном соборе ставить вопрос о порядке подписания томоса[*], который был согласован ещё в 1993 г. РПЦ и некоторые другие поместные церкви не согласились с такой позицией. Тогда Варфоломей на собрании предстоятелей православных церквей публично заверил Патриарха Кирилла в том, что не будет принимать действий по легализации украинских раскольников и предоставлению автокефалии на Украине. Затем было принято единогласное решение отложить рассмотрение темы автокефалии[2]. Однако эти заверения Константинопольского патриарха оказались лишь словами. На деле он неоднократно встречался с украинскими властями, заверяя о поддержке

[1] Послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Преосвященного Сергия Константинопольскому Патриарху Святейшему Фотию II Архиепископу Константинополя-Нового Рима и Вселенскому Патриарху от 15 октября 1931 года. № 7623 // Журнал Московской Патриархии,1932, № 7-8, с. 2.

[*] То есть предоставления автокефалии.

[2] *Стефанов Сергей.* Первенство чести или власти: почему невозможна автокефалия на Украине, 5 мая 2018 г. URL: https://ria.ru/religion/20180509-/1520186663.html – 06.11.2018.

создать в их стране «единую автокефальную церковь», несмотря на отсутствие таких обращений со стороны единственной канонической Украинской Православной Церкви.

Продолжением действий, провоцирующих церковный раскол, стало снятие Константинопольским патриархатом анафемы с украинских раскольников и аннулирование исторического акта 1686 г. о вхождении Украинской церкви в состав Московского патриархата. При этом *было проигнорировано такое понятие церковного права, как срок давности*. Он исчисляется по-разному, но преимущественно тридцатью годами. В данном же случае речь идёт о попытке изменить решение, которое было принято более трех столетий назад.

Константинопольский патриархат сегодня стал главным носителем сомнительных с позиции святоотеческого наследия идей экуменизма в православии. Известно, что Варфоломей в своё время был выпускником Экуменического института в Швейцарии, курируемого Рокфеллерами. Он часто бывает в Госдепе США, где пользуется всемерной поддержкой. После проведенного в 2016 г. по инициативе Варфоломея Критского собора многие положения экуменизма (учения о единстве и истинности всех христианских конфессий и деноминаций, а затем – вообще всех религий) в православии были юридически закреплены[1].

Сторонники экуменизма утверждают, что истинная духовность якобы достижима лишь в будущей «объединенной» Церкви, которая должна преодолеть все прежние однобокие толкования. «Такой экуменизм, – писал ещё в начале 90-х гг. выдающийся православный подвижник, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычёв), – не только пустая трата времени, но и несомненно вредоносное начинание, губительное для спасения человеческого…Мы должны по-христиански, с любовью и благожелательностью относиться к представителям иных религиозных воззрений. Но любовь не должна быть слепой, она ни в коем случае не должна покрывать ересь, лжеучение, говорить, что это темное, когда "это" светлое, и наоборот»[2].

---

[1] *Ваганов Иван*. Экуменизм на марше: священноначалие РПЦ все больше поддается соблазну, 16.10.2016 г. URL: http://kolokolrussia.ru/duhovneskrep/ekumenizm-na-marshe-svyaschennonachalie-rpc-vse-bolshe-poddaetsya-soblaznu – 15.10.2018

[2] Любовь не должна быть слепой…С митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном (Снычёвым) беседует заместитель главного

Сейчас становится всё более очевидным, что экуменизм – это глобальный проект по разрушению мирового православия с постепенной его трансформацией в «новое объединенное христианство». А оно по сути своей должно составить некий симбиоз католичества и протестантизма при сохранение некоторых сугубо внешних атрибутов православия.

Двойственную позицию в связи с подготовкой украинской автокефалии занимает и Ватикан. С одной стороны, понтифик посылает сигналы в Москву о том, что не будет вмешиваться в православные дела. Но одновременно с этим его подопечные через свои ресурсы в Украине заявляют совершенно противоположные вещи. Как отмечает киевский политолог Игорь Друзь, они в лице руководства униатской конфессии заявили о том, что *рассматривают создание единой поместной церкви в Украине как переходный этап к присоединению к католической церкви*. «Конечно, – продолжал он, – папские слуги обнародовали свои устремления в более скользких выражениях, но это мало кого может обмануть»[1]. Такое возможное развитие событий еще раз показывает пагубность экуменизма, его разрушительные для православия последствия, прикрываемые красивыми словами о христианской общности и единении.

Кризисные тенденции в мировом православии требуют сплочения верующих людей не только Российской Федерации, но и всего духовного ареала прежней Святой Руси, сердцевиной которой всегда был и останется православный Киев. Канонической Украинской Православной Церкви, возглавляемой Блаженнейшим Митрополитом Киевским и всея Украины Онуфрием, сегодня как никогда нужна духовная и просто человеческая поддержка от всех нас, верующих и светских людей, ощущающих свою сопричастность не только

редактора газеты "День" Владимир Бондаренко. Митрополит Иоанн (Снычев). "Одоление смуты". Слово к русскому народу. URL: http://www.golden-ship.ru/knigi/8/ioann-snichev_OS.htm – 10.09.2017.

[1] Защитить православных людей на Украине может только Россия – киевский политолог. Из материалов беседы с киевским политологом и общественным деятелем Игорем Друзем. Федеральное агенство новостей, 2 ноября 2018 год. URL: https://www.yandex.ru/search/?lr=238&clid=2256000&win=-325&text=5.%093Защитить%20православных%20людей%20на%20Украине%20может%20только%20Россия%20%20киевский%20политолог.%20Из%20материалов%20беседы%20с%20киевским%20политологом%20и%20общественным%20деятелем%20Игорем%20Друзем.%20Федеральное%20агенство%20новостей%2C%202%20ноября%202018%20год – 03.11.2018.

с общей духовностью, но и с единой культурно-цивилизационной общностью на просторах Северо-Востока Евразии.

Сохранить духовное единство Святой Руси – это значит не посрамить памяти наших предков, веками его хранивших и защищавших. Молитвы наши сегодня должны быть обращены прежде всего в сторону прихожан Украинской Православной Церкви, чтобы они придали больше сил и стойкости украинским братьям, находящимся волей судьбы на передовой линии борьбы за общие духовные ценности. Мы обращаем сегодня наши молитвы, открытые сердца и в сторону прихожан, священнослужителей Константинопольского патриархата, тех из них, кто временно заблуждается, поддаётся позывам страстей. Пускай Господь Бог вразумит их, остановит от греха самомнений и необоснованных обид, которые провоцируют сегодня раскол во вселенском православии. Отступите, наши греческие братья от своих намерений властными решениями нарушить хрупкий мир в нашем общем православном доме.

Циткилов П.Я. Ответственность Константинополя за провоцирование раскола в православии. В статье дан обстоятельный анализ таких факторов, обусловивших кризис православия, как, во-первых, усиление деструктивного влияния глобализма на церковную жизнь, выразившееся в проникновении в неё либерального обновленчества; во-вторых, экуменическое отступничество Константинопольского патриархата от основ святоотеческого наследия, потворствование устремлениям глобалистов.

Ключевые слова: современное мировое православие, РПЦ, Украинская Православная Церковь Московского Патриархата, Константинопольский патриархат, глобальный либерализм, экуменизм, Церковь и политика, духовность, святоотеческое наследие.

Citkilov P.Y. The responsibility of Constantinople for provoking a split in Orthodoxy. The article provides a detailed analysis was given of factors that caused the crisis of Orthodoxy, such as, first, the strengthening of the destructive influence of globalism on church life, expressed in the penetration of liberal renewal into it; secondly, the ecumenical apostasy of the Constantinople Patriarchate from the foundations of the patristic heritage, condoning the aspirations of the globalists.

Keywords: modern world orthodoxy, the Russian Orthodox Church, the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, the Constantinople Patriarchate, global liberalism, ecumenism, the Church and politics, spirituality, sacramental heritage.

В.Е. ШИНКЕВИЧ
доктор социологических наук,
профессор кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин Сибирского
юридического института МВД России*

Т.В. КУПРИЯНЧИК
кандидат педагогических наук,
заведующая кафедрой иностранных и
русского языков Сибирского юридического
института МВД России

М.А. АРСКАЯ
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных и
русского языков Сибирского юридического
института МВД России

Н.А. ЕРМЯКИНА
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных и
русского языков Сибирского юридического
института МВД России

Основные направления и программы реабилитации наркозависимых: отечественный и зарубежный опыт

Сегодня в России, как и во многих других регионах мирового социума не осталось практически ни одного государства, где бы не были зафиксированы случаи употребления наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях, факты незаконного их распространения, тра-

* Шинкевич Владимир Ефимович, e-mail: vlashink@yandex.ru; Куприянчик Татьяна Владимировна, e-mail: tatvk56@gmail.com; Арская Марина Александровна, e-mail: natasherm@gmail.com; Ермякина Наталья Александровна, e-mail: arma3812@yandex.ru

гедий и преступлений на фоне злоупотреблений наркотиками. Масштабы распространения наркомании в ряде государств таковы, что ставится под вопрос не только физическое и духовное здоровье молодежи и будущее значительной ее части, но и социальная стабильность общества в ближайшей перспективе. Не обошла данная проблема и Красноярский край, что подтверждается результатами ежегодного мониторинга наркоситуации, другими аналитическими работами[1]. Наркомания стала одним из значимых факторов, негативно влияющих на физическое, социальное и моральное здоровье населения, демографическую ситуацию, правопорядок, социальную стабильность и безопасность региона. При этом специалисты сходятся в оценках, что тенденции, характерные для формирования современного наркорынка России, позволяют прогнозировать только дальнейший рост социально-экономического ущерба от распространения наркомании.

Анализ результатов социологических исследований в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации показывает, что люди более озабочены качеством дорог, уровнем безработицы, алкоголизацией общества, качеством медицинского обслуживания, состоянием жилищно-коммунальной сферы[2].

Вместе с тем уровень незаконного употребления наркотических и психоактивных веществ растет очень быстро, а мировой опыт показывает, что наркомания может распространяться, подобно эпидемии, поражая широкие слои населения. При этом специалисты сходятся в оценках, что тенденции, характерные для формирования современного наркорынка России, позволяют прогнозировать только дальнейший рост социально-экономического ущерба от распространения наркомании[3], в условиях отсутствия должной

---

[1] *Шинкевич В.Е., Куприянчик Т.В.* Феномен наркотической и других зависимостей как проблема социологического исследования // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России, 2014, №1; *Шинкевич В.Е., Коробицина Т.В.* Оценка состояния, основных детерминант и профилактика наркопотребления в Красноярском крае // Социологические исследования, 2018, № 2.

[2] *Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е*. Наркоситуация как социальное явление в контексте мониторинговых исследований: социологический аспект: Монография. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2015.

[3] *Татаркин А.И., Куклин А.А., Клевакин А.Н.* Практическая роль науки в условиях современной эволюции социально-экономических отношений в сфере незаконного оборота наркотиков // Наркоконтроль, 2014, № 3, с. 3-8.

реабилитации все усилия государства и общества сводятся на нет. Наркопотребители по сути ходят по кругу, и только мизерная часть их возвращается в общество.

Совершенно очевидно, что необходимы усилия и целенаправленные действия по изучению опыта государств в организации деятельности реабилитационных учреждений, методик реабилитации, ресоциализации, реинтеграции. В этой связи авторским коллективом предпринята довольно успешная попытка изучения иностранного опыта реабилитации и реинтеграции наркозависимых в странах Западной Европы, США, Канаде, Израиле.

Необходимо признать, что первичная профилактика наркомании является наиболее приоритетным направлением в плане предотвращения вовлечения населения в употребление наркотических средств и психотропных веществ. Однако на сегодняшний день ситуация в России складывается таким образом, что огромная масса лиц уже вовлечена в немедицинское потребление наркотиков. Безусловно, меры первичной профилактики в отношении этих лиц не могут оказывать нужного воздействия. К этой категории лиц необходимо применять меры лечения и социальной реабилитации.

Вместе с тем социальная реабилитация наркозависимых законодательно не регламентирована, на нее нет государственного заказа, не создана достаточная в количественном плане государственная сеть учреждений реабилитации, а многочисленные негосударственные центры в основном работают вне государственного контроля и поддержки.

В этой связи представляет интерес опыт организации и разработки уникальных методик возвращения людей, подверженных различным видам зависимости, к нормальной жизни в обществе.

Основными источниками информации стали ежегодные национальные отчеты о наркоситуации в странах-членах Европейского Союза, официальные сайты международных организаций [Управления ООН по наркотикам и преступности (United Nations Office on Drugs and Crime), Европейского центра мониторинга наркотиков и наркозависимости (European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction)] и национальных ведомств, занимающихся вопросами социальной реинтеграции и реабилитации наркозависимых, а также монографии и статьи по указанной проблематике.

В рамках современного подхода реабилитация наркозависимых рассматривается как совокупность различных по форме, направлению и области применения видов реабилитации, в том числе медицинской, медико-социальной, социальной и психолого-педагогической.

Анализ иностранных источников показал, что реабилитация наркозависимых за рубежом осуществляется как в условиях стационара, так и амбулаторно. Также существуют программы полустационарного пребывания (лечения в дневном стационаре).

Изучение многочисленных реабилитационных программ, реализуемых за рубежом, позволяет выделить наиболее востребованные и распространенные модели реабилитации. Прежде всего это «Программа 12 шагов». Ключевыми моментами этой модели являются:

1) признание своей проблемы и бессилия самостоятельно (с помощью силы воли) решить ее и существования Высшей Силы, способной помочь преодолеть проблему;

2) покаяние (переоценка и принятие своего жизненного опыта, признание своих заблуждений и покаяние перед Богом, сознательная подготовка к изменению);

3) готовность действием исправить свои негативные поступки (возмещение причиненного другим людям ущерба, углубление самоанализа, а также взаимоотношений с Богом посредством молитвы, помощь другим зависимым и нуждающимся людям)[1].

На сегодняшний день данная программа является наиболее известной моделью реабилитации людей, страдающих различными формами зависимости.

Продолжают оставаться одним из самых распространенных способов лечения наркозависимости терапевтические сообщества (SMART Recovery, SOS (Save Our Selves), Women for Sobriety or Lifelong Secular Recovery, Monar), появившиеся в 50-60-е гг. прошлого века в США. Терапевтическое сообщество представляет собой модель социального обучения здоровому образу жизни. Это организованное определенным образом структурированное сообщество, в которое

[1] 12-Step Facilitation Therapy (Alcohol, Stimulants, Opiates) / Principles of Drug Addiction Treatment: A Research-Based Guide (Third Edition). URL: https://www.drugabuse.gov/publications/principles-drug-addiction-treatment-research-based-guide-third-edition/evidence-based-approaches-to-drug-addiction-treatment/behavioral-4

входят люди, имеющие проблемы с зависимостью. Данная модель предусматривает совместное проживание групп реабилитантов по 15-25 человек в социальной (профессиональной, деловой) среде, исключающей доступ к наркотикам. Обычно срок пребывания в терапевтических сообществах составляет от 6 до 12 месяцев. Это обусловлено особенностями протекания и завершения процесса ресоциализации наркозависимых, возможностями формирования у них потребности и уверенности в «жизни без наркотиков»[1].

Широко распространена и показала свою эффективность в ряде государств так называемая конфессиональная модель реабилитации, которая реализуется священнослужителями и предполагает, что реабилитанты разделяют их веру. Деятельность реабилитантов включает трудотерапию, изучение религиозных текстов, их обсуждение, участие в религиозных ритуалах, собраниях, молитвах. Данная модель предполагает, что реабилитанты в процессе выздоровления смогут ресоциализироваться на основе признания силы определенной религии в полном объеме и примут ее ценности.

Интерес для специалистов может представлять когнитивно-поведенческая модель реабилитации[2]. Основой данной модели является оказание психотерапевтической помощи реабилитанту на основе понимания им причин злоупотребления наркотическими средствами, алкоголем или другими психоактивными веществами. Большинство программ, разработанных на основе данной модели, предполагают регулярные индивидуальные или групповые консультации как отдельно, так и в комплексе, помогают пациентам осознать опасность употребления наркотиков, справиться с ситуациями психологического влечения.

Высокая эффективность характерна для семейной поведенческой терапии. Данная модель предполагает решение не только проблем, связанных с зависимостью, но и преодо-

[1] *Vanderplasschen W., Vandevelde S., Broekaert E.* Therapeutic communities for treating addictions in Europe: evidence, current practices and future challenges. / European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. 2014. URL: http://www.emcdda.europa.eu/ attachements.cfm/att_226003_EN_TDXD14015ENN_final.pdf.

[2] How are behavioral therapies used to treat drug addiction? URL: https://www.drugabuse.gov/publications/drugfacts/treatment-approaches-drug-addiction

ление других сопутствующих проблем, таких как поведенческие расстройства, депрессия, семейные конфликты и т.д.[1].

В последние годы все более популярным становится комплексный подход к лечению наркозависимости, которая рассматривается не как отдельная проблема, а как часть более широкой проблемы. Для полного выздоровления требуется удовлетворение не только физических, но и духовных и социальных потребностей, восстановление и физического, и душевного равновесия[2].

Широкую известность на Западе имеет одна из наиболее спорных тем не менее весьма распространенных моделей реабилитации наркозависимых – заместительная терапия. Суть сводится к замене нелегальных наркотиков (чаще всего опиатов) легальными, выдаваемыми по рецепту врача, наркотическими средствами в качестве поддерживающей терапии для лиц с опиоидной зависимостью с целью снижения вреда от употребления сильнодействующих наркотических средств[3]. Заместительная терапия применяется в странах Западной Европы с конца 60-х гг. В настоящее время данная программа используется более чем в 60 странах мира. По сути заменительная терапия не реабилитирует наркозависимого, она лишь одну зависимость меняет на другую, а актуальность лечения пациента не исчерпывается и в дальнейшем к тому же возможны многочисленные побочные негативные явления как для реабилитанта, так и для его социального окружения[4].

Большую ценность имеют и национальные системы, разработанные, апробированные и внедренные в практику по возвращению наркозависимых в социум в конкретных странах. Так, в Ирландии неотъемлемым компонентом реабили-

---

[1] Family Behavior Therapy / Principles of Drug Addiction Treatment: A Research-Based Guide (Third Edition) // National Institute on Drug Abuse. URL: https://www.drugabuse.gov/publications/principles-drug-addiction-treatment-research-based-guide-third-edition/evidence-based-approaches-to-drug-addiction-treatment/behavioral-5.

[2] Benefits from Biophysical Treatment. URL: http://www.newbeginningsdrugrehab.org/holistic-biophysical-rehab/.

[3] How are behavioral therapies used to treat drug addiction? URL: https://www.drugabuse.gov/publications/drugfacts/treatment-approaches-drug-addiction.

[4] Cycle of death and misery caused by black market methadone… and it's all funded by the taxpayer. URL: http://www.dailyrecord.co.uk/news/scottish-news/nhs-funds-methadone-black-market-1301693.

тационных мероприятий является социальная реинтеграция лиц, ранее употреблявших наркотики. В основу предлагаемой программы закладывается комплекс мероприятий, который предусматривает меры по обеспечению пациентов временным жильем, оказание помощи в получении профессионального образования и в трудоустройстве. Однако данная программа реинтеграции не предусматривает медицинские и психосоциологические мероприятия, которые являются предшествующим компонентом программы. Переход от медикаментозного лечения к получению рабочего места довольно продолжителен и может занимать до трех лет. Первые попытки включить меры по социальной реинтеграции наркозависимых в национальную политику в сфере борьбы с наркотиками были предприняты рабочей группой по противодействию наркозависимости (Working Party on Drug Abuse) в 1971 г..

В Ирландии при разработке программ учитываются гендерные, возрастные, социальные и иные особенности реабилитантов (реинтегрантов). Так, например, временное, так называемое транзитное жилье, предоставляемое наркозависимым, помогает предотвратить случаи рецидива среди бывших наркоманов, которые прошли курс медикаментозного лечения или были отпущены из тюрьмы. Данное жилье предоставляется добровольными организациями при финансовой поддержке органов, на которые возложены данные обязательства законом. Например, организация Merchants Quay Ireland (MQI) оказывает услуги по предоставлению временного жилья бывшим наркозависимым, закончившим программу стационарного медикаментозного лечения. Жилье предоставляется на срок до 24 недель. Программа для женщин The Renewal House (Новый дом) предоставляет услуги тем, которые прошли курс стационарного лечения от наркозависимости, и женщинам, которые нуждаются в стабильном окружении. Максимальное количество времени проживания в центре – около трех месяцев. Женщин мотивируют на то, чтобы на период пребывания в данном центре они нашли себе самостоятельно работу на неполный рабочий день. Приветствуется частичное участие семьи. Женщины обязаны каждую неделю посещать занятия по реабилитации. Программа делает акцент на чувстве личной ответственности, поддержке со стороны женщин, оказавшихся в такой же ситуации. Групповые занятия и лич-

ное консультирование являются терапевтическими компонентами данной программы. Проект «Схема трудоустройства на уровне общин» (Community Employment Scheme) предоставляет возможности обучения и прохождения женщинами программ для приобретения опыта работы[1].

Необходимо отметить, что не все организации и реабилитационные программы, действующие на территории Ирландии, являются одинаково эффективными, что естественно. Это связано с возможностями финансирования (оно осуществляется как за счет национального правительства, так и за счет региональных (местных) органов, властей местного сообщества, неправительственных организаций, частных фондов и других источников), трудоустройства, наличием жилищного фонда, квалификации специалистов и пр.[2]. В настоящее время в сфере реабилитации и реинтеграции наркозависимых предлагается усилить меры по повышению роли семьи, отмечается необходимость создания дополнительных условий для социального обеспечения и социальной защиты детей, чьи родители являются наркозависимыми. Обращается внимание на расширение возможностей для лечения, реабилитации, медицинского обслуживания и социального обеспечения наркозависимых лиц в тюрьмах, предоставления им услуг по лечению после освобождения и возвращения в места предполагаемого постоянного места жительства[3].

Интересный опыт накоплен в Италии, где координация мер по лечению наркозависимых осуществляется на региональном уровне главами местных отделов по борьбе с наркотиками или соответствующими службами[4]. Региональное правительство оказывает услуги по предоставлению лечения, руководит аккредитацией частных центров лечения сообщества и ведет учет лечебных центров. Услуги по лечению наркоза-

---

[1] *Keane M.* Social reintegration as a response to drug use in Ireland. Overview 5. Health Research Board. Dublin, 2007. URL: http://www.hrb.ie/uploads/tx_hrbpublications/sr_Overview5.pdf.

[2] European Monitoring Center for Drugs and Drug Addiction. URL: http://www.emcdda.europa.eu/eib/help.

[3] National Drugs Strategy (interim) 2009-2016, Department of Community, Rural and Gaeltacht Affairs An Roinn Gnóthaí Pobail, Tuaithe agus Gaeltachta 2009. URL: http://www.emcdda.europa.eu/system/files/att_35460_ EN_Ireland%20Strategy%202009-2016%20

[4] Italy country overview / European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. URL: http://www.emcdda.europa.eu/countries/italy.

висимых лиц предоставляют как государственный, так и частный сектор, финансируемые Региональным медицинским Фондом, финансовая поддержка деятельности которого осуществляется правительством ежегодно.

Итальянская система лечения наркозависимых лиц включает две подсистемы. Первая представляет собой общественные отделения по работе с наркозависимыми, которые осуществляют амбулаторное лечение и являются частью национальной системы здравоохранения. В данных центрах проводится интегрированное лечение, а также осуществляются программы реинтеграции наркозависимых лиц. Вторая включает большинство частных социально-реабилитационных центров. Они предоставляют услуги по стационарному лечению, а также – частично-стационарному и амбулаторному лечению. Направления нуждающимся гражданам в социально-реабилитационные центры выдаются общественными отделениями по работе с наркозависимыми лицами, которые в большинстве случаев предлагают местным отделениям национальной службы здравоохранения оплатить данное лечение. Социально-реабилитационные центры располагаются, прежде всего, в северных регионах Италии, отличающихся как наибольшей плотностью населения, так и большим количеством наркопотребителей. Работа, проводимая в общественных центрах и в частных службах, включает психосоциальную поддержку, психотерапию и предоставление социальных услуг, а также детоксикацию в стационарных условиях и профессиональное обучение. Детоксикация также проводится в больницах общего профиля. Однако количество проблемных наркоманов, пребывающих в стационарных центрах, достаточно небольшое. Программы лечения для клиентов, злоупотреблявших различными типами веществ, обычно едины. В большей части Италии существующие программы сфокусированы на потребителях кокаина, детях и подростках, которые принимают психоактивные вещества, а также на клиентах с двойным диагнозом; в трети регионов доступны программы для этнических меньшинств.

Из десяти проектов, представленных в разделе «Лучшие практики» (Best Practices) сайта Европейского центра мониторинга наркотиков и наркозависимости, на социальной реинтеграции наркозависимых сосредоточены три программы. Это – «Программа действий: производственное обучение лиц, проходящих курс лечения от наркозависимости,

осуществляемое наркологическими службами местных органов здравоохранения» (Operational Programme: Therapeutic Work Placements For Drug Users In Treatment With The Drug Dependency Services Of Local Health Agency 11), проект «Понте Россо» (Project: Ponte Rosso), а также проект «Работа и независимость» (Work and Autonomy). Все проекты ориентированы на совершеннолетних наркопотребителей.

Существенная работа по социальной реинтеграции наркозависимых на последнем этапе лечения проводится в Греции. Данная работа осуществляется либо в лечебных учреждениях, либо в специальных центрах социальной реинтеграции как для молодежи, так и для взрослых. Продолжительность программ социальной реабилитации в среднем составляет 12 месяцев.

Важной частью программ социальной реинтеграции, направленных на достижение стабильности жизни прошедших лечение наркозависимых, является предоставление жилья или помощь в поиске жилья, оказание помощи в профессиональном обучении и получении профессии. Иногородние пациенты и те, кто не имеет поддержки со стороны семьи, обеспечиваются жильем на время реабилитации. Необходимо отметить, что в большинстве центров поиск постоянной работы в течение определенного периода времени является обязательным условием участия в программе реинтеграции.

Одна из ключевых задач служб социальной реинтеграции Греции – оказание поддержки бывшим наркозависимым на критической стадии перехода от системы лечения к социальной и трудовой деятельности. На этой решающей стадии лечения зависимости предлагают отдельным лицам и группам сеансы психологической помощи, занятия, направленные на развитие навыков социального взаимодействия, поддержание физического здоровья, укрепление семьи.

Наиболее активными организациями, осуществляющими реабилитацию и реинтеграцию наркозависимых в Греции, являются KETHEA (Therapy Centre for Dependent Individuals)[1] – Терапевтический центр оказания помощи лицам, страдающим различными видами зависимости, и OKANA (Organisation against Drugs)[2] – Организация против наркотиков, кото-

[1] Kethea – Therapy Center for Dendent Individuals. URL: http://www.kethea.gr/en-us/whoweare.aspx (дата обращения: 09.09.2016).

[2] OKANA URL: http://www.okana.gr/2012-04-03-07-49-40/item/257 (дата обращения: 09.09.2016).

рая тесно сотрудничает с Национальным Агентством занятости (National Manpower Organisation (OAED), способствуя тому, чтобы реабилитанты получали поддержку фондов программ предоставления грантов для развития предпринимательской деятельности и программ предоставления грантов на получение работы бывшими наркозависимыми.

Учитывая то, что 2/3 лиц, проходящих лечение от наркозависимости в Финляндии, не имеют работы, приблизительно 1/10 являются бездомными, большая часть имеет достаточно низкий уровень образования, специальные органы данного государства особое внимание уделяют многопрофильному сотрудничеству органов власти при реализации программ постреабилитационного периода. Основное внимание уделяется социальной реабилитации, помощи в поиске работы и жилья. Финансовая поддержка наркозависимым лицам при приобретении жилья оказывается на уровне муниципальных социальных служб. Отделы по предоставлению жилищных услуг наркозависимым (Housing service units) являются частью финских наркологических учреждений.

Одной из эффективных программ по сокращению количества бездомных (в том числе бывших наркозависимых) является программа Министерства окружающей среды Финляндии (The Ministry of the Environment's programme), реализуемая в рамках правительственных инициатив. Ее цель – предоставление социального арендованного жилья лицам, которые в течение длительного периода времени являются бездомными.

В Израиле общая схема лечения и реабилитации наркозависимых включает в себя программы, реализуемые Министерством здравоохранения, Министерством социальных дел и социального обеспечения. Существуют также программы лечения, курируемые Управлением тюрем Израиля, и программы реабилитации, курируемые Управлением реабилитации в тюрьмах. Ряд программ разработан государственными учреждениями и Национальным управлением по борьбе с наркотиками Израиля, существуют также частные центры лечения наркозависимых. Муниципалитеты наделены правами создания наркологических лечебных и реабилитационных центров. Национальное управление по борьбе с наркотиками Израиля осуществляет координацию системы реабилитации и ресоциализации, объединяет усилия медицинских и социальных служб по борьбе с алкоголизмом и

наркоманией, занимается организацией и распределением тендеров, поддерживающих общественные организации.

Наркозависимым предоставляется возможность выбора программ лечения и реабилитации с учетом их личностных качеств, остроты проблемы наркозависимости и предыдущего опыта лечения. Основная модель носит комплексный характер: это – лечение, включающее детоксикацию и мероприятия по реабилитации, в которых принимают участие терапевтические общины (психотерапевтические клиники), центры дневного пребывания, использующие сеансы индивидуального и группового лечения, семья. Также меры по реабилитации предполагают помощь в приобретении жилья, получении образования, приобретение или восстановление в профессии и последующее консультирование[1].

Услуги наркологических клиник и реабилитационных центров оплачиваются из средств страховых фондов. Наркологическая помощь (детоксикация и долечивание в течение 21 дня) входят в базовую медицинскую страховку. Кроме этого, из бюджетных средств через Управление выделяются целевые субсидии по принципу подушевого финансирования для продолжения лечения и реабилитации сроком до 1,5 лет в амбулаторных условиях по месту жительства, либо в реабилитационных общинах в сельской местности. Обязательные условия получения субсидий следующие:

– наличие у клиники (реабилитационного центра, общины) независимо от их организационно-правовой формы лицензий на медицинскую, образовательную деятельность и деятельность, связанную с оборотом наркотических средств (последняя лицензия выдается Управлением);

– добровольное заключение наркозависимым договора с курирующим участковым социальным работником на лечение и реабилитацию;

– соблюдение условий заключенного договора.

При этом лечение и реабилитация для самого наркозависимого бесплатны. Поощряются участие бывших наркозависимых в работе терапевтических сообществ («анонимные наркоманы»), духовная реабилитация через приобщение к религии.

[1] Isarael Anti-Drug Authority (IADA) About Treatment and Rehabilitation. URL: /http://www.antidrugs.org.il/english/template/default.aspx? mainCatid=47

Изучение различных моделей и отдельных реабилитационных программ позволяет сделать вывод о том, что они продолжают развиваться и совершенствоваться, многие из них не совсем соответствуют традиционной классификации видов лечения или представляют собой совокупность сразу нескольких моделей.

Доступ к лечению и прохождение курса реабилитации представляют собой серьезный шаг к освобождению от наркозависимости, однако для поддержания результатов лечения, предотвращения рецидива в употреблении наркотических средств и обеспечения успешной интеграции наркопотребителя в общество требуются дополнительные меры социальной поддержки. Как известно, употребление наркотиков оказывает негативное влияние на многие сферы жизни, включая семейные отношения, жилищные условия, образование и трудоустройство; оно также может быть связано с социальной и экономической изоляцией наркопотребителя. Без оказания поддержки наркопотребителям в решении указанных проблем велика вероятность сведения к нулю всех результатов лечения.

Таким образом, реабилитация лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств, представляет собой длительный и трудоемкий процесс, цель которого заключается не только в восстановлении физического и психического здоровья и отказе от употребления наркотических веществ, но и в восстановлении личностного и социального статуса наркозависимых.

Шинкевич В.Е., Куприянчик Т.В., Арская М.А., Ермякина Н.А. Основные направления и программы реабилитации наркозависимых: отечественный и зарубежный опыт. Статья посвящена проблеме осмысления ценности реабилитации наркозависимых для современного общества. В основу статьи положены результаты изучения отечественной системы реабилитации наркозависимых, аутентичные материалы зарубежных аналитиков, посвященные раскрытию содержания основных программ, методов реабилитации и ресоциализации наркозависимых в некоторых странах Запада.

Ключевые слова: реабилитация, ресоциализация, наркозависимость, наркомания, наркоман, программы реинтеграции.

Shinkevich V.E., Koupriyanchik T.V., Arskaya M. A., Ermyakina N.A. Main directions and programs of rehabilitation of drug addicts: domestic and foreign experience. The article considers the issue of understanding the value of rehabilitation of drug addicts for modern society. The article is based on the results of examining the domestic system of rehabilitation of drug addicts as well as authentic materials and research papers of foreign analysts devoted to disclosing the contents of the main programs and methods of rehabilitation and social reintegration of drug addicts in some Western countries.

Key words: rehabilitation, social reintegration, drug addiction, drug abuse, drug addict, reintegration programs.

К.А. ДУБИНКИНА
преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова*

«Группа семи» и ее роль в мировой финансовой системе

Архитектура современной мировой финансовой системы создавалась на валютно-финансовой конференции Объединенных Наций, проходившей с 1 по 22 июля 1944 г. в Бреттон-Вудсе (США). Результатом конференции, в работе которой принимали участие 44 страны, стало принятие проекта, предложенного помощником министра финансов и представителем США на данной конференции Г.Д. Уайтом. «План Уайта» предполагал стабилизацию обменных курсов, установку фиксированных валютных курсов и их привязку к золоту, а также создание двух многосторонних институтов для регулирования финансовой системы и содействия восстановлению разрушенных Второй мировой войной европейских стран[1]. Такими институтами впоследствии стали Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный Банк (ВБ). Третьим элементом новой системы стало подписанное 30 октября 1947 г. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), задачей которого было регулирование международной торговли. Все три института – МВФ, ВБ и ГАТТ – легли в основу финансовой системы, получившей название по месту проведения конференции – Бреттон-Вудская.

Бреттон-Вудская финансовая система успешно функционировала с 1944 г. до конца 1960-х гг., когда в результате перераспределения золотых запасов были образованы новые финансовые центры в Западной Европе и Японии, а рост инфляции, дефицит платежного баланса и сокращение золотого запаса в США спровоцировали ослабление американской

* Дубинкина Ксения Александровна, e-mail: xenia.aleksandrovna@gmail.com

[1] *Дубинкина К.А.* Международные экономические организации в эпоху глобализации. М.: Амирит, 2018, с.19.

экономики[1]. В этих условиях 15 августа 1971 г. президент США Р. Никсон объявил о прекращении конвертации долларов в золото, что означало крах Бреттон-Вудской валютно-финансовой системы.

Попытки стабилизировать мировую финансовую систему осложнились наступившим в октябре 1973 г. нефтяным кризисом, который привел к резкому росту цен на энергоресурсы в странах Западной Европы и США. Вслед за этими событиями наступила экономическая рецессия в мире, а в 1974 г. начался рост инфляции и безработицы в странах Организации экономического сотрудничества и развития. В этих условиях была необходима координация усилий ведущих западных стран для стабилизации мировой экономики[2].

25 марта 1973 г. в библиотеке Белого дома прошла встреча министров финансов Великобритании, США, Франции и ФРГ, которая получила название «Библиотечная группа». В сентябре 1973 г. к четырем участникам «Библиотечной группы» присоединилась Япония, образовав, таким образом, «Группу пяти» министров финансов. Участникам нравилась компактность группы и ее неформальный характер[3]. В ноябре 1975 г. в Рамбуйе прошел первый саммит «Группы шести» (к «Группе пяти» присоединилась Италия).

Согласованность взглядов стран-участниц нового формата на экономическую ситуацию привела к успешному завершению встречи Временного комитета МВФ, более известной как Ямайская конференция, которая проходила 7-8 января 1976 г. в столице Ямайки городе Кингстоне. На этой конференции были выработаны принципы функционирования новой финансовой системы, среди которых было введение шести резервных валют мира. Этими валютами стали доллар США, немецкая марка, французский франк[4], фунт стерлинга, швейцарский франк и японская йена[5]. За исключением швейцарс-

---

[1] *Collins R.M.* The economic crisis of 1968 and the waning of the “American century” // The American Historical Review, vol 101, № 2 (Apr.1996), p. 396-422.

[2] *Науменко Т.В., Коваженков М.А.* Проблема формирования и развития модели национальной экономической системы // Экономика и управление: проблемы, решения, 2017, т.3, № 5, с. 24-28.

[3] *Хайнал П.И.* Группа восьми и Группа двадцати: эволюция, роль и документация. М.: Логос, 2008, с. 37.

[4] С появлением еврозоны немецкая марка и французский франк были заменены на евро.

[5] *Дубинкина К.А.* Международные экономические организации в эпоху глобализации, с. 32.

кого франка, остальные национальные валюты являлись валютами государств-членов «Группы шести». В том же 1976 г. к формату присоединилась Канада, завершив, таким образом, становление «Группы семи», целью которой стало объединение усилий ведущих индустриальных стран для решения глобальных экономических проблем. Европейский Союз стал участвовать во всех встречах «Группы семи» с 1981 г., однако он не входит в число участников формата. ЕС представлен в «Группе семи» председателями Европейского Совета и Европейской Комиссии. Совокупный ВВП стран «Группы семи» на момент создания формата достигал 70% от мирового ВВП[1], а в настоящее время составляет более 30%, что свидетельствует о высокой значимости этого формата и принимаемых им решений для мировой экономики[2].

Достаточно быстро повестка дня «Группы семи» расширилась, и на саммитах стал обсуждаться самый широкий круг вопросов – от развития мировой экономики до международной безопасности. Являясь неформальным объединением, в основе которого нет ни Соглашения о создании, ни Устава, «Группа семи» стала одним из основных институтов политического, экономического и финансового регулирования. К концу 90-х гг. все чаще звучали слова о том, что данный формат является устаревшим механизмом, который не отвечает современным реалиям, поскольку такие быстроразвивающиеся страны, как Бразилия, Индия, Китай, Мексика, Южная Корея, оказывающие все большее влияние на мировую экономику, не являются участниками форума[3].

В 1998 г. восьмым полноправным участником формата стала Россия, а с конца 90-х гг. к участию в саммитах «Группы восьми» стали приглашаться такие ключевые международные организации, как МВФ, Всемирный Банк, ВТО, ООН, а также Африканский Союз и Международное энергетическое агентство (МЭА). В 2005 г. премьер-министр Великобритании Т. Блэр пригласил к участию в саммите «Группы

[1] *Zachary Laub and James McBride.* The Group of Seven / Council on foreign relations. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.cfr.org/backgrounder/group-seven-g7.

[2] G7 in figures. Summit of the G7 states in Elmau 2015 / Federal statistics office of Germany. Wiesbaden, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.destatis.de/EN/Publications/Specialized/InternationalData/G7-InFigures0000155159004.pdf%3F__blob%3DpublicationFile

[3] *Науменко Т.В.* Институциональное поле современного Китая // Вестник Академии, 2017, № 1, с. 86-91.

восьми» пять быстроразвивающихся стран – Бразилию, Индию, Китай, Мексику и Южную Африку, однако, формат G8+5 не стал долгосрочным и эффективным.

При анализе «Группы семи» и ее роли необходимо учитывать экономическую неоднородность участников данного формата: в то время как ВВП на душу населения в США составляет 59,5 тыс. долл. в год[1], в Италии этот показатель равняется 31,9 тыс. долл. в год[2].

Степень значимости государства в мировой валютной системе определяется положением национальной валюты в мировой экономике[3]. Однако четких и однозначных критериев оценки влиятельности валют пока выработано не было, поэтому наиболее часто используются такие критерии, как доля валюты в золотовалютных резервах и оборот мирового валютного рынка. Следует учитывать и тот факт, что 80% всей мировой торговли осуществляется в четырех валютах – долларе США, евро, фунтах стерлингов и японских йенах, в этих же четырех валютах деноминированы около 95% официальных резервов и мировых финансовых активов; на нефтяном рынке основной валютой является доллар США[4].

По данным МВФ, во втором квартале 2018 г. общий объем глобальных валютных резервов стран достиг 10,523 трлн. долл., из которых размещенные резервы долларов США составляли 6,551 трлн. долл., евро – 2,132 трлн.[5], фунтов стерлингов – 471 млрд, японской йены – 522,6 млрд., канадского доллара – 200,8 млрд., а всех других валют – 256,6 млрд. долл.[6]. Таким образом, именно господство в валютной сфере позволяет этим странам сохранять ведущие позиции в международной финансовой системе.

В декабре 2011 г. между четырьмя членами «Группы семи» – США, Великобританией, Японией, Канадой, а также Евро-

---

[1] Данные за 2017 г.

[2] GDP per capita / The World Bank. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD

[3] *Кузнецов А.В.* Проблемы интеграции России в мировую финансовую систему // Мировая экономика и международные отношения, 2015, № 6, с. 82-90.

[4] *Петров М., Плисецкий Д.* Трансформация глобальных финансов // Мировая экономика и международные отношения, 2010, № 7, с. 3-22.

[5] Расчет цифр приведен в долларах США.

[6] IMF data access to macroeconomic and financial data. Currency composition of Official Foreign Exchange reserves (COFER). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4&sId=1408206195757

пейским Союзом[1] и Швейцарией были подписаны соглашения о взаимном обмене валют по фиксированным курсам между центральными банками этих стран. Целью данных соглашений стала координация денежной эмиссии и обеспечение ликвидности мировой финансовой системы. Функционируя вначале на временной основе, в октябре 2013 г. эти соглашения стали действовать на постоянной основе[2]. Однако фактически США являются центральным звеном этого объединения, поскольку Федеральная Резервная Система обеспечивает стабильность курсов валют остальных участников соглашений, гарантируя обмен их национальных валют на доллары США по фиксированному курсу[3]. В первую десятку стран по индексу промежуточности их финансовых центров[4] входят пять стран-участниц «Группы семи» – США, ФРГ, Великобритания, Канада и Япония.

В системе глобального финансового регулирования можно выделить несколько основных межгосударственных институтов: в первую очередь, это Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Бреттон-Вудские институты – МВФ и Группа Всемирного Банка; во-вторых, «Группа двадцати» и Совет по финансовой стабильности. В-третьих, это стандартоустанавливающие организации, такие как Базельский комитет по банковскому надзору Банка международных расчетов; Комитет по международным стандартам аудита и подтверждения достоверности информации, входящий в состав Международной федерации бухгалтеров; Международная ассоциация страховых надзоров и многие другие. Штаб-квартиры ОЭСР, МВФ и ВБ находятся во Франции и в США соответственно, а перечисленных стандартоустаналивающих организаций и Совета по финансовой стабильности – в Швейцарии; штаб-квартира Совета по международным стандартам и финансовой отчетности – в Великобритании и имеет отделение в Японии. То есть основные

[1] Европейский Союз представлен в этих соглашениях Европейским центральным банком.

[2] *Дегтерев Д.А.* Международная финансовая система и перспективы реформирования глобальных финансовых институтов (сетевой анализ) // Ситуационные анализы. Вып. 5: Международные институты в современной мировой политике / Под ред. Т.А.Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет, 2017, с. 166.

[3] Там же, с. 167.

[4] По индексу промежуточности оценивается роль финансового центра в мировой биржевой торговле.

институты межгосударственного финансового регулирования находятся в странах именно «Группы семи», а также в Швейцарии. Таким образом, можно сделать вывод, что именно страны «Группы семи» играют ведущую роль в системе мирового финансового регулирования.

Созданная в результате нестабильности в мировой экономике в 1970-х гг. Группа семи стала площадкой для обсуждения финансовых и экономических проблем и выработки совместных решений ведущими капиталистическими странами. Поскольку экономические проблемы тесно связаны с политическими и социальными, то достаточно быстро повестка дня «Группы семи» расширилась, и вопросы международной безопасности, экологии, миграционная политика, урегулирование международных кризисов стали дополнять повестку дня «Группы семи»[1].

В настоящее время «Группа семи» представляет собой неформальную организацию в составе Великобритании, Италии, Канады, США, Франции, ФРГ и Японии. Страны-участницы формата выступают основными донорами всех международных организаций[2], обладают наибольшими золотыми запасами[3], являются местом расположения наиболее важных международных финансовых институтов, национальные валюты пяти из них являются резервными валютами мира и составляют основную часть официальных размещенных валютных резервов мира, шесть из семи стран формата входят в число десяти крупнейших экспортеров мира[4]. Все эти факторы делают «Группу семи» важным звеном мировой финансовой системы.

---

[1] *Науменко Т.В.* Маркетинговые коммуникации как институт современной экономики // Экономика и управление: проблемы, решения, 2017, т. 1, № 3, с. 27-32.

[2] Крупнейшими донорами международных организаций в 2017 г. были: США, Великобритания, Япония, ФРГ, Франция, Канада, Европейский Союз. См.: Who actually funds the UN and other multilaterals / The Brookings Institution, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/01/09/who-actually-funds-the-un-and-other-multilaterals/

[3] Центральные Банки США, ФРГ, Италии, Франции обладают крупнейшими запасами золота. См.: World Gold Council. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gold.org/goldhub/data/monthly-central-bank-statistics

[4] These are the world's biggest exporters / World economic forum [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.weforum.org/agenda/2018/06/these-are-the-worlds-biggest-exporters

Дубинкина К.А. «Группа семи» и ее роль в мировой финансовой системе. В статье рассматривается становление формата «Группа семи», его влияние на мировую экономику, а также причины, обеспечивающие странам «Группы семи» ведущую роль в мировом финансовом регулировании.

Ключевые слова: «Группа семи», мировая финансовая система, национальные валюты, мировая экономика.

Dubinkina K.A. The Group of Seven and its role in the global financial system. The article analyses the Group of seven, its impact on the world economy and the reasons due to which G7 members are the leading states in the global financial regulation.

Keywords: Group of seven, global financial system, national currencies, world economy.

М.М. СИМОНОВА
кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления персоналом и психологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации*

Лингвистические основы коммуникации

Лингвистический подход к изучению коммуникации акцентирует внимание на проблеме языка и основывается на том, что главным коммуникатором является язык: устный и письменный. Соответственно этому подходу филология, лингвистика, социолингвистика, психология, социальная психология, коммуникативистика, философия сходятся в том, что вербальное взаимодействие, вербальная коммуникация, не только играет в жизни решающую роль, но и конституирует социальные события, социальные действия. Языковую коммуникацию в обществе, с точки зрения социолингвистики, можно представить как континуум, который делится на сферы общения, совпадающие со сферами социального взаимодействия.

Функциональная нагрузка и роль языка были и до сих пор являются предметом внимания крупных философов. Немецкий философ, один из крупнейших мыслителей XX в. М. Хайдеггер (1889-1976) посвятил языку отдельный доклад, о нем он в основном говорил также в трактате «Закон достаточного основания». «Артикуляционный аппарат является не только отдельным органом, который подобно организму дополняется телом, но тело и уста соотносятся в порывах и росте земли, и в них, мы смертные, растем и благодаря им обретаем добротную оседлость». Приводя эту цитату, российский философ В. Подорога отмечает: «Если это так, то тело смертного оказывается пассивным передаточным механизмом в сопряжении языка и земли… тело становится телом (причем вполне определенным) только благодаря тому, что становится устами, говорящим телом»[1]. «Великие философы являются также и великими стилистами. Стиль – это вклад в изме-

* Симонова Маргарита Михайловна, e-mail: MMSimonova@fa.ru

[1] *Подорога В.* Буржуазная философская антропология XX века. М.: Академия наук СССР, Институт философии, 1986, с. 35.

нение языка, в модуляцию, а также напряжение всего языка по отношению к внешнему»[1].

Российский ученый-лингвист Ю. Лотман все явления культуры трактовал как разного рода языки, т.е. коммуникативные механизмы. Он различал первичный и вторичный механизмы коммуникации. Первичным механизмом является язык. Вторичным – литература, поэзия, театр, кино. Тем самым можно сделать вывод, что лингвистический инструментарий имеет особую важность. Лотман в целом заложил основы коммуникативного анализа культуры, анализируя ее как коммуникативный механизм. Коммуникационное пространство, в котором реализуется диалог культур, Ю. Лотман назвал семиосферой, так как в него включается не только сумма языков, но и социокультурное поле его функционирования[2]. В коммуникативных феноменах им особенно отмечалась базисность лингвистики. Это очень важное методологическое положение. Если коммуникация – универсальное свойство жизни, то базисность в нем лингвистики заставляет нас заниматься языком и литературой отдельно и чрезвычайно серьезно.

Отечественный исследователь Г. Шпет, ставя слово в центральную позицию в культуре, подчеркивал, что слово не может существовать вне контекста: «Изолированное слово, строго говоря, лишено смысла, оно не есть логос. Оно есть слово сообщения, хотя и есть уже и средство общения. Лицо субъекта выступает как некоторого рода репрезентант, представитель, «иллюстрация», знак общего смыслового содержания, слово (в его широчайшем символическом смысле архетипа всякого социально-культурного явления) со своим смыслом (Цезарь – знак, «слово», символ и репрезентант цезаризма)»[3].

Значение слова сопровождается как бы созначением. Г. Шпет постоянно включал в качестве реальных участников коммуникативной цепочки такие элементы, как «слово», «контекст», «личность». В полном семиотическом значении термина язык представляет собой любой межличностный набор знаковых средств, употребление которых задается *синтаксическими*, *семантическими* и *прагматическими*

---

[1] *Делез Ж.* Переговоры. СПб., 2004, с. 190.

[2] *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996, с. 23.

[3] *Шпет Г.* Соч. М., 1989, с. 242.

правилами. Язык – не просто пример или иллюстрация, а методический образец.

На великое многообразие средств, которыми пользуется человеческий дух для реализации своей языковой способности, указывал Г.Х. Гадамер – ученик Хайдеггера [1].

Американский антрополог Э. Сепир выдвинул гипотезу, согласно которой наш язык построен на нашем восприятии мира. Например, у эскимосов имеется множество слов для обозначения снега. В этом заключена их особая гармония с собственной средой, что недоступно чужеземцу[2]. Такую неоднозначную версию этой гипотезы многие последующие исследователи не приняли, но остается неизменным понимание разного восприятия тех или иных явлений через разные языки и в связи с этим понимание великой значимости для человека знания родного языка.

Лингвистический материал (слова, утверждения, истории), используемый в организациях и организациями и/или действующими лицами, не является простым техническим средством достижения эффективности; этот материал можно рассматривать как инструмент достижения стратегического и социального соответствия. Вербальное (устное и письменное взаимодействие), лингвистические практики – это фактор образования социальных структур – от малых групп и целых организаций до социальных миров.

Межличностное вербальное взаимодействие, сама по себе «социабельность» не только играют в настоящее время большую роль в рабочем контексте, но они уже заменяют прежние стандарты рациональности и формального обращения. Так, новую «социальную морфологию» образуют кооперированные сети; интеграция сетей достигается и поддерживается с помощью формы взаимодействия, которую можно характеризовать, как «работу через общение»[3].

Как было отмечено выше, философы, психологи, лингвисты, социологи большое внимание уделяют письменной, т.е. текстовой коммуникации.

В современном обществе, как подчеркивает И.Р. Купер, коммуникация перестает быть серией последовательных актов, она переходит в состояние одновременности. Рож-

---

[1] *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988.
[2] *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
[3] *Мюллер А.П., Кизер А*. Организационная коммуникация. Харьков, 2005.

дается гипертекст. Эта «новая текстуальная парадигма может рассматриваться как способ коммуникации в обществе, ориентированном на множественные, одновременные потоки информации, которые не могут быть восприняты и усвоены субъектом[1].

Усвоение всей суммы знаний становится невозможным, более того, жесткое структурирование такого знания становится труднодостижимой задачей. Знание организуется в гипертекст, в сеть относительно свободных сообщений, которые могут объединяться и распадаться в процессе производства и потребления знания. Программисты работают сегодня над тем, чтобы дать человеку инструмент для усиления мыслительных способностей, позволяющих легче справиться с гипертекстом, с нелинейными, ветвистыми структурами знаний.

К сожалению, российская школа пережила период небывалого нападения на русский язык и литературу со стороны «новых публичных мыслителей», настойчиво доказывавших, что от этого знания ничего не зависит в практической жизни, а также со стороны расплодившихся групповых лексиконов. «Культура, – замечает В. Собкин, – становится более плоской, в головы молодых людей внедряется так называемое клиповое сознание, тесты в Интернете – тоже плоские, короткие, примитивные. А ребенку, подростку, юноше необходимо вдумчивое, медленное чтение. Сегодня выгодно мыслить коротко, действовать торопливо. Но эта торопливость не обеспечивает полноценность жизни»[2].

И все-таки имеет место и недостаточная педагогическая культура в умении привить детям любовь к глубокому изучению русского языка и литературы.

Интернет, реклама, СМИ определенным образом воздействуют на формирование языковых представлений молодежи. Межличностная коммуникация и повседневная речь подвергаются существенным изменениям благодаря мобильному телефону и электронной почте. Великое достижение научной мысли Интернет в последнее время стал пристанищем «реформированного русского языка» по принципу отме-

---

[1] *Купер И.Р.* Гипертекст как способ коммуникации // Социологический журнал, 2000, № 1/2, с. 35.

[2] Цит. по: *Мацкявичене М.* Нового Пушкина уже не будет // Незасисимая газета, 2006, 21 апреля.

ны «всех этих трудных правил грамматики и орфографии». Н. Луман признаёт, что парадоксальное словоупотребление в рекламе служит наилучшим побуждением потребителей к новым тратам[1]. Однако этот стиль как сорняк проникает всюду потом через все поры.

Требуется кропотливая работа всего общества, начиная, конечно, со школы, по защите государственного русского языка. Как высказался Х.Г. Гадамер, «мы не можем произвольно менять значения слов если хотим, чтобы язык остался языком»[2]. Важно, не просто владение русским языком каждым гражданином страны, а отличное владение – и именно каждым.

Информационная эра произвела немало изменений в коммуникации. Появились правила экономного обращения с информацией – своеобразного «сжатия речевых средств». Различными специалистами разработаны постулаты-советы участникам коллективной коммуникации. В них реализуются категории количества и качества. Количественная сторона проявляется и в том, чтобы сообщение было информативным, насколько это требуется, и в том, чтобы не делать своего вклада более информативным, чем нужно. Категория качества тоже подразумевают чрезвычайную экономность речи – в ней должно быть «отрезано» все лишнее, но и обязательную при этом ясность и понятность высказывания. К тому же существуют пределы языковой коммуникации. Н. Луман пишет: «Абсолютно немыслимо, чтобы все функционирующие, требующие согласования истины постоянно бы присутствовали в коммуникации. В случае любви чувство высочайшего взаимопонимания основывается как раз на ненужности неуклюжих средств языковой коммуникации, а необходимость языкового выражения любовной коммуникации может явиться признаком кризиса»[3].

Принципы количества и качества слововыражения легли в основу создания особого компьютерного языка. Но там экономия уже дошла до абсурда. С Интернетом трудно бороться, хотя уже немало международных предписаний регулирует его деятельность, но школа, вуз, радио, телевидение, государство

[1] *Луман Н.* Власть. М., 2011, с. 170.
[2] *Гадамер Х.Г.* Интервью // Вопросы философии, 1996, № 7, с. 127-132.
[3] *Луман Н.* Власть, с. 186.

могут многого добиться в сохранении чистоты и качества русского языка у подрастающих поколений.

Русский философ, филолог, литературовед М. Бахтин (1895-1975) подчеркивал в диалогичности коммуникации ориентированность слова на собеседника. Абстрактного собеседника, так сказать, человека в себе, не может быть. Человек, обращающийся к кому-либо, безусловно учитывает, является или нет собеседник человеком той же социальной группы, иерархически он выше или ниже, связан или не связан с говорящим какими-либо более тесными социальными узами (отец, брат, муж и т.п.). Но дело не только в этом. В зависимости от собеседника находится внутренняя дисциплинированность языка, тренинг в этом затем влияет на ситуацию речевого развития в ту или другую сторону.

Диалогическая коммуникация включает в том числе отношение говорящего к собственному слову. Как раз критического отношения говорящего к собственному слову более всего не хватает. «Слушать магнитофонную запись собственной речи или читать конспект своей беседы – достаточно отрезвляющее занятие, – пишет Э. Гидденс. – Оказывается, наши разговоры значительно более безграмотны и бессвязны, чем можно было бы предположить»[1].

Главным средством воздействия на наш язык и на наш разум на протяжении тысячелетий были литературные тексты. В отличие от научных текстов, которым присуща точность и однозначность смыслов, строгость определений и понятий, высказываемых суждений, ведущая особенность текста как языковой репрезентации гуманитарных наук – многосмысленность, неопределенность, открытость. Но в этом случае точность достигается другим способом – наибольшей полнотой изображения и сохранением бесконечных оттенков. Более того, в художественном познании авторы, стремясь к точности, дополняют события своим видением.

О близком гуманитарному знанию искусстве У. Эко (современный итальянский философ, семиотик, писатель и литературный критик) писал, что оно «не столько познает мир, сколько привносит в него созданные им дополнения, свои самостоятельные формы, которые присоединяются к уже существующим, являя свои собственные законы и свою самобытную жизнь. Тем не менее любую художественную

[1] *Гидденс Э.* Социология. М., 1999, с. 101.

форму вполне можно рассматривать, если не как замену научного познания, то как… способ, с помощью которого наука или, во всяком случае, культура той или иной эпохи воспринимают реальность»[1].

Говоря о литературной коммуникации, Ю. Лотман подчеркивал, что в действительности у говорящего и слушающего не может быть абсолютно одинаковых кодов, как не может быть и одинакового объема памяти. «Язык – это код плюс его история»[2]. При полном подобии говорящего и слушающего нет коммуникации, остается только одно – передача команд. То есть для Лотмана коммуникация изначально предполагает неэквивалентность говорящего и слушающего. Исходя именно из этого посыла, он выделял в качестве определяющей характеристики художественного текста его неоднозначность. Эта характеристика делает возможным постоянное обращение к литературному тексту, его повторное чтение, поскольку в этом случае возможным оказывается получение новых знаний при чтении уже известного текста.

Для литературной коммуникации Ю. Лотман предложил структуры смены деавтоматизации автоматизацией. Литература не дает читающему отключиться от этого потока коммуникации. Вводятся все новые ситуации, чтобы поддерживать внимание. Как только читатель привыкает к содержанию текста, следует переходить к деавтоматизации, чтобы вернуть внимание к тексту. Современный человек уже очень сильно привык к закодированному тексту, идущему из СМИ. И хотя мало кто в состоянии этот код расшифровывать, привычка уже работает.

Вопросы рассмотрения языка применительно к тем или иным коммуникационным целям относятся не только к сфере научного анализа, но и к компетенции языковой политики государства. Хотя в настоящее время довольно много внимания уделяется защите и распространению русского языка за границей, особенно в странах СНГ, необходимо озаботиться его защитой и более серьезным изучением не только в школе, но и в вузе.

Еще недавно российскую школу не волновала, например, такая проблема, как попадание детей из семей рабочих в не-

---

[1] *Эко У.* Открытое произведение и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004, с. 49.

[2] *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992, с. 13.

выгодное положение из-за употребления ими ограниченных лингвистических норм. Запад же давно изучает эту проблему и пытается как-то исправить положение. Надо понимать, что элитное образование в России не устранит, а усилит такие перекосы в условиях новой ситуации социального расслоения на капиталистическом пути развития. Сложные и социально обусловленные отношения между языком, идеологией, знанием и социальной природой словесного общения требуют глубокого изучения характера организации повседневной жизни, по-настоящему заинтересованного внимания самых разных управленческих структур к проблеме изучения русского языка.

Языковая реальность, которая описана нами, приводит к выводу о наличии серьезной проблемы в функционировании и развитии русского языка. Речевая культура населения хорошо демонстрируется спонтанными интерактивными опросами телевидения. Большинство не в состоянии дать хоть сколько-нибудь развернутый ответ на вопросы журналистов, затрудняются грамотно сформулировать предложение из нескольких слов, демонстрируют бедный словарный запас, пользуются штампами новояза.

В данной статье лингвистические основы коммуникации рассматриваются с сильным акцентом на проблему изучения русского языка. Задача владения им в совершенстве является не просто задачей изучения его как всякого другого предмета, а сверхзадачей индивидуального самоопределения в условиях расширения и усложнения постоянно обновляющейся коммуникативной ситуации. Ресурсами личности становятся способность к взаимопониманию, гибкость мышления, широта и глубина аргументации, высокие смысло-речевые качества, умение обосновывать и принимать решения в условиях неопределенности и дефицита времени.

В связи с этим еще раз подчеркнем важность таких мер, как увеличение учебного времени на изучение русского языка и литературы в школе, введение этих предметов во все вузовское образование, разработку и широкое внедрение новых технологий пропаганды современной литературы и поэзии.

Симонова М.М. Лингвистические основы коммуникации. В данной статье рассмотрены лингвистические основы коммуникации с акцентом на проблему изучения русского языка. Задача владения им в совершенстве является не просто задачей изучения

его как всякого другого предмета, а сверхзадачей индивидуального самоопределения в условиях расширения и усложнения постоянно обновляющейся коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: коммуникация, литература, русский язык, языковая реальность.

Simonova M.M. Linguistic basis of communication. In this article we consider the linguistic basis of communication with an emphasis on the problem of studying the Russian language. The task of mastering it in perfection is not just a task of studying it as any other subject, but a super task of individual self-determination in the context of the expansion and complication of the constantly renewed communicative situation.

Keywords: communication, literature, Russian language, language reality.

А.В. ПОПОВА
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры государственного управления и кадровой политики МГУУ Правительства Москвы

К.В. ХОМУТОВСКАЯ
магистрант кафедры финансового менеджмента и финансового права МГУУ Правительства Москвы*

Анализ внутренней структуры крауд-проектов и эффективности их реализации в городе Москве

Краудсорсинг в настоящее время активно развивается в качестве модели для решения любого вида проблем и задач, стоящих как перед бизнесом, так и перед государством и обществом в целом.

Краудсорсинг представляет собой радикально новый подход к взаимодействию с гражданами по решению значимых для города вопросов.

Главный принцип краудсорсинга можно сформулировать следующим образом: у группы людей (толпы) больше знаний, чем у отдельного человека, но искусство состоит именно в том, чтобы создать условия для реализации этих знаний. Таким образом, краудсорсинг представляет собой не просто организацию форума, на котором участники формулируют в нерегулируемом режиме свои вопросы, замечания и предложения, и даже не традиционный механизм обратной связи, а организационно и методически упорядоченную модель взаимодействия организации с инициативными пользователями Интернета.

Впервые понятие «человеческие вычисления» (human computation) в 2003 г. предложил Луис фон Ах с коллегами[1]. Позже, в 2006 г. термин «краудсорсинг» (crowdsourcing) был сформулирован редактором журнала “Wired” Д. Хау в

* Попова Алла Викторовна, e-mail: popovaav@mail.ru; Хомутовская Ксения Васильевна, e-mail: murena94@bk.ru

[1] *Луис фон Ах.* Человеческие вычисления (Human Computation). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=tx082gDwGcM

статье под названием «Восход Краудсорсинга» (The Rise of Crowdsourcing)[1]. В 2012 г. вышла его книга «Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса»[2].

На современном этапе государство демонстрирует готовность вовлекать в процесс принятия управленческих решений активных представителей гражданского общества и бизнеса. Органы публичного управления продолжают активно создавать диалоговые интернет-площадки, формируют действенные каналы обратной связи, осваивают информационные и коммуникационные технологии. По своей сути, краудсорсинг является инновационным механизмом управления обратной связью между органами государственной власти и обществом.

Выделяют следующие преимущества краудсорсинга, как эффективного инструмента модернизации государственного управления:

- невысокая стоимость по сравнению с общепринятыми методами решения задач;
- организациям предоставляется большое количество самых разнообразных вариантов решения задач, из которых можно выбрать наиболее ценные и эффективные;
- возможность получить важную информацию об усовершенствовании товаров и услуг от самих потребителей;
- относительная простота разработки и внедрения краудсорсинговых систем;
- расширение возможностей сотрудников организации в применении своих знаний и навыков;
- увеличение производительности труда в организации;
- недорогой и действенный инструмент рекламы и донесения необходимой информации до граждан;
- доступ к талантливым кадрам по всему миру;
- фиксированные сроки.

Впервые на краудсорсинг свое внимание обратил В.В. Путин в 2012 г., еще будучи премьер-министром. По его словам, нужно шире применять возможности краудсорсинга – современной технологии общественной экспертизы, в рамках которой предложения и решения может предлагать каждый пользователь Интернета без каких-либо ограниче-

[1] Wired, 2006, №6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wired.com/2006/06/crowds/

[2] *Хау Д.* Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2012.

ний. При этом он заметил, что не только Правительство РФ, но и все министерства, ведомства должны создавать условия для проведения общественной экспертизы как на основе имеющихся инструментов, так и расширяя их возможности за счёт реализации краудсорсинг-проектов.

Краудсорсинговые проекты позволяют объединить творческую энергию массы людей в единый коллективный разум, необходимый для поиска новых решений существующих задач. Основная цель краудсорсинг-проектов заключается в оценке и анализе существующих проблем любой организации с различных сторон, а генерируемые в процессе общения идеи впоследствии формируют банк знаний, который может быть использован в качестве стартовой площадки при разработке инноваций как для бизнеса, так и для государства. Краудсорсинг-проект – это интерактивная и многофункциональная площадка, размещенная в сети Интернет, которая способна обеспечить организацию совместной деятельности государства и общества.

На рис. 1 приводится система ключевых элементов краудсорсингового проекта.

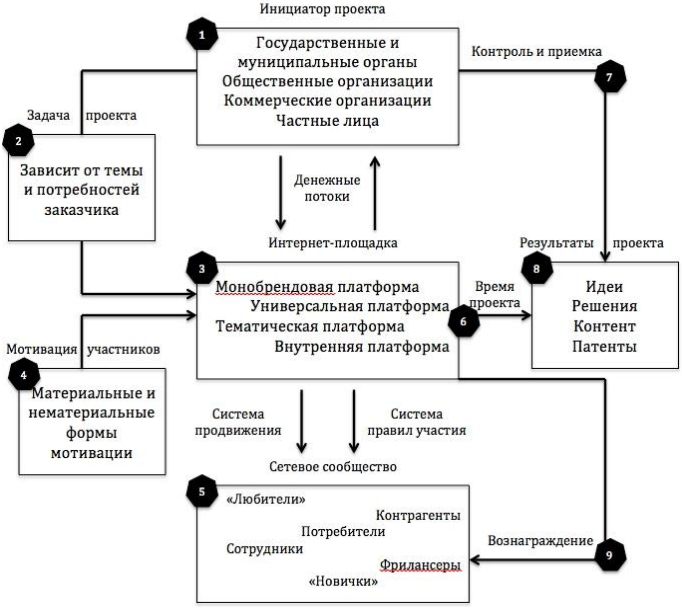

Рис. 1. Система ключевых элементов краудсорсинг-проектов

Система включает в себя следующие этапы:

1) заказчик находит и выбирает площадку на которой будет реализован проект.

2) интернет-площадка представляет собой элемент системы, на котором сетевое сообщество встречается с задачей заказчика;

3) определяется целевая аудитория проекта, она полностью зависит от задач, которые решаются в ходе реализации краудсорсинг-проекта.

В государственном секторе краудсорсинг-проекты являются моделью управления знаниями, которая основана на передаче работы органов государственного управления большой группе людей, многие из которых необязательно должны быть профессионалами в заданной области. Взаимодействие и координация участников краудсорсинг-проектов осуществляются через Интернет, что позволяет значительно сократить финансовые и временные издержки.

Основоположниками как бизнес – так и политического краудсорсинга в России можно смело назвать компанию Witology (Витология). Это российская инновационная компания, предлагающая своим клиентам услуги по решению сложных интеллектуальных бизнес-задач с использованием технологии краудсорсинга. На основе собственной методологии и краудсорсинговой площадки Witology создает онлайн-сообщества с новыми принципами взаимодействия и обширными возможностями для масштабной коллективной интеллектуальной работы.

Ключевыми краудсорсинг-проектами для нашей страны являются также глобальные краудсорсинговые проекты. Наглядным свидетельством тому стал сервис «Карта краудсорсинга» в России, который запущен порталом Crowdsourcing.ru. На «Карте краудсорсинга» отражены отечественные социальные проекты, активные в настоящее время. Они имеют географическую привязку и тематические разделы: проекты отображаются по сферам (экология, здравоохранение и другие) и уровню (региональный или федеральный) либо выводятся общим списком. Наполнение карты осуществляется за счет информации, полученной в ходе мониторинга СМИ, предоставляемой органами власти и региональными общественными палатами, общественными организациями и компаниями-разработчиками.

Правительство Москвы стремится сделать взаимодействие жителей и органов исполнительной власти Москвы более эффективным и продуктивным. По предложению мэра Москвы С. Собянина функционирует уникальный инструмент, позволяющий неравнодушным жителям города участвовать в краудсорсинг-проектах и предлагать свои идеи по улучшению города. Сайт crowd.mos[1] включает в себя общественное обсуждение программ городского развития, законопроектов, публичные ответы на вопросы граждан, а также поддерживаемые мэрией порталы «Открытое правительство», «Дороги Москвы», «Наш город», «Программа развития Москвы» и другие проекты.

Большое значение Правительством Москвы придается проектам, связанным с культурной жизнью горожан. Именно проекты в области культуры стали одними из первых краудсорсинг-проектов, реализованных в городе. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Первый краудсорсинг-проект Департамента культуры – «Московский стандарт детского отдыха» (10.11.2014 – 05.12.2014). Цель проекта: разработка московского стандарта детского отдыха. В ходе проекта участникам предстояло сформулировать предложения по повышению качества отдыха детей по шести направлениям:

- организация перевозки детей к месту отдыха;
- условия проживания детей;
- организация питания;
- инфраструктура детских лагерей;
- вожатые;
- программы отдыха в детских лагерях.

Для участия в проекте зарегистрировалось более 7 тыс. жителей. Подано свыше 7 тыс. идей и предложений. Жители столицы обсудили и выработали основные требования к качеству организации отдыха детей и подростков в оздоровительных лагерях. Обсуждение проходило по 6 направлениям: питание, проживание, инфраструктура, перевозка, требования к вожатым и программа пребывания. За время проекта горожане внесли более 12500 предложений и контридей.

В итоге 800 000 голосов было собрано на портале «Активный гражданин». Голосование шло по 4 блокам вопросов:

[1] Официальный сайт краудсорсинг-проектов Правительства Москвы. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crowd.mos.ru

- инфраструктура (66% граждан поддержало);
- программа пребывания (65% граждан поддержало);
- перевозка (75% граждан поддержало);
- Проживание (63% граждан поддержало).

По итогам голосования были отобраны 300 лучших идей, которые стали основой «Московского стандарта детского отдыха», обязательного для всех детских оздоровительных лагерей, сотрудничающих с Правительством Москвы. Организаторами проекта являлись Департамент культуры Правительства Москвы и ГКУ «Московский центр «Открытое правительство»», а представителем экспертного сообщества – ГАУК «Мосгортур», крупнейший организатор отдыха для детей из многодетных, малообеспеченных семей, детей-инвалидов и других категорий, имеющих социальные льготы от московского правительства.

В 2015 г. стартовал краудсорсинг-проект Правительства Москвы «Моя библиотека». Цель проекта: совместно с жителями города разработать идеи по улучшению городских библиотек и формированию новых трендов их развития. В ходе проекта участники предлагали идеи по следующим направлениям:

- комфортность пребывания;
- уровень сервиса;
- дополнительные услуги;
- дополнительные активности;
- клиентоориентированность библиотек.

Краудсорсинг-проект «Моя библиотека» проводился на специальной интернет-площадке Правительства Москвы и был посвящен вопросам улучшения работы 441 общедоступной библиотеки, которые находятся в ведении Департамента культуры. Был проведен опрос среди жителей города, рассмотрены все предложения горожан, проведено голосование среди участников, выявлены топ-5 идей по разным направлениям и по итогам определены победители проекта. Тема работы городских библиотек оказалась интересна 83% участников голосования. По словам главы Департамента культуры, в проекте «Моя библиотека» приняли участие более 11000 москвичей. Было получено 290 уникальных идей. По итогам их обработки авторитетной экспертной комиссией определено 79 инициатив, которые были одобрены и затем реализованы в этой программе.

Участники краудсорсинг-проекта и последующего голосования в системе «Активный гражданин» поддержали основные идеи улучшения работы московских библиотек:

- создание удобной навигации, адаптированной для детей и взрослых;
- обеспечение возможности удалённо узнать о наличии материалов, книг;
- увеличение числа проводимых лекций, мастер-классов, тематических вечеров, кружков по интересам, других общедоступных культурных и познавательных мероприятий (в настоящее время в библиотеках работает свыше 1,2 тыс. кружков и секций);
- оказание школьникам помощи в подготовке домашних заданий.

Итак, публичность диалога при краудсорсинге на электронных площадках, созданных для взаимодействия граждан и организаций с органами власти, становится весьма ощутимым стимулом для принятия реальных мер по вопросам, поднимаемым гражданами. Уровень внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность органов власти позволяет интегрировать подобные сервисы с системами электронного документооборота, что способствует оперативности реагирования и организации четкого внутриведомственного контроля за ответами на обращения граждан.

Анализ эффективности реализации проекта должен носить системный и комплексный характер, т.е. учитывать окружение проекта и внешние условия реализации, его взаимосвязь с другими проектами и экономическими системами, внутреннюю структуру проекта.

Все это помогает команде проекта определить, насколько достигнутые результаты соответствуют поставленным целям, каковы причины отклонений от плановых показателей, какие меры необходимо принять, чтобы устранить выявленные недостатки. Анализ эффективности реализации крауд-проектов позволяет:

- идентифицировать факторы, влияющие на эффективность реализации проекта (установить причины сбоев в работе, отклонений от плановых показателей, нарушений сроков и т.д.);
- ранжировать эти факторы по степени влияния на эффективность реализации проекта (определить основные и второстепенные факторы);

- обнаружить форму и степень взаимозависимости и взаимообусловленности между отдельными факторами;

- определить возможные меры воздействия на отдельные факторы с целью их устранения или, напротив, усиления;

- принимать оптимальные управленческие решения.

Эффективность любого проекта – это категория, отражающая соответствие проекта целям и интересам его участников. В связи с этим необходимо оценивать эффективность проекта в целом, а также эффективность участия в проекте каждого из его участников.

Эффективность крауд-проекта в целом оценивается с целью определения потенциальной привлекательности проекта для возможных участников.

Эффективность участия в крауд-проекте определяется с целью проверки реализуемости проекта и заинтересованности в нем всех его участников и включает в себя:

- эффективность финансирования проекта;

- эффективность участия в проекте экспертных сообществ;

- количественный состав участников крауд-проекта;

- заинтересованность органов государственной власти и иных государственных учреждений в проекте;

- бюджетную эффективность.

Основные принципы оценки эффективности крауд-проектов:

- рассмотрение проекта на протяжении всего его жизненного цикла;

- сопоставимость условий сравнения различных проектов;

- принцип положительности и максимума эффекта;

- учет фактора времени;

- сравнение состояний «проект реализован» и «проект не реализован»;

- учет всех наиболее существенных последствий краудсорсинг-проекта;

- учет наличия разной целевой аудитории крауд-проекта;

- учет (в количественной форме) влияния неопределенности и риска, сопровождающих реализацию проекта.

Ниже представлены проектная схема и все этапы жизненного цикла крауд-проекта (см. рис. 2).

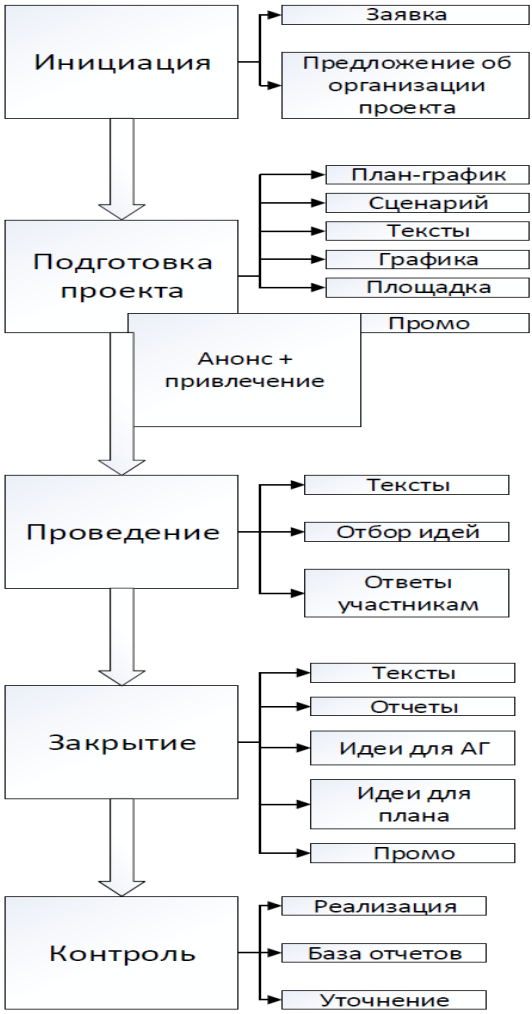

Рис. 2. Проектная схема краудсорсинг-проектов Правительства Москвы

1. На **этапе инициации происходит:**

- создание *заявки для дизайнеров*;

- согласование с Руководителем фирменного стиля проекта, отправка запроса на дизайн и запроса на текстовую часть: новости/ссылки/баннеры;

- фиксирование темы проекта, направлений, KPI, дат проведения, промо компаний, экспертов от Департамента и внешних экспертов (значимых в определенной сфере людей) в Предложении об организации проекта – документе, который утверждает инициатор и Руководитель ГКУ «МЦ «ОП».

2. Подготовка проекта состоит из подготовки *проектного предложения*, формирования команды проекта и команды экспертов, а также анонса и привлечения:

- составление *плана-графика* внутренних работ (мероприятия и работы по датам, которые будут совершаться в ходе выполнения проекта);

- формирование *сценария* проекта – дополнение к плану-графику, где указаны основные этапы по проекту и деятельность команды проекта и экспертов в рамках проекта;

- подготовка *текстов* для промо:

1) выгрузка описание на сайт «crowd.mos»[1], анонсы для газет и сайта «mos.ru»[2], для соцсетей и сайта «Активный гражданин»[3];

- описание направлений, например, проект «Московские поликлиники»:

- упрощение записи к врачу;

- комфортность пребывания;

- снижение очередей;

2) тексты для платформы: правила, по которым необходимо работать на платформе; ограничения – запреты на коммуникацию в отношении: политики, законодательства, обсуждения реформ, первых лиц, сотрудников Департаментов, Аппарата мэра и т.д.; общие тексты – инфотексты: по работе на платформе, по подаче идей, критерии для идей; развлекательные тексты – знакомство с платформой, мемы и т.д.

---

[1] Официальный сайт краудсорсинг-проектов Правительства Москвы. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crowd.mos.ru

[2] Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.mos.ru/news/

[3] Официальный сайт портала «Активный гражданин». // [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://ag.mos.ru

- подготовка *графического дизайна* проекта*:* плакаты для учреждений, инфо-графика для презентаций;

- подготовка *платформы:* наполнение текстами, техническая подготовка (тестирование платформы на функционал);

- работа с *промо частью:* загрузка на сайт текстов и анкет для пользователей; анонсирование и привлечение: рассылка писем по базе пользователей, которые ранее принимали участие в проектах, анонс и реклама на сайте «Активный гражданин»[1], реклама в социальных сетях, плакаты в учреждениях, лекции в университетах; билборды в городе (реклама Москва 24 или блогеры).

3. Этап **проведения** наступает после того, как платформа подготовлена и сформирован список участников. Далее в объявленную дату стартует проект:

- составление *текстов* для этапа проведения: дневник проекта, ответы на общие вопросы, подготовка шаблонов ответов, написание постов;

- открытие площадки для голосования, где размещены направления;

- работа на платформе *команды проекта:* руководителя проекта, менеджера проекта, координаторов проекта, сетевого аналитика, администратора проекта – техника, который отвечает за настройку платформы;

- работа по отбору идей и ответам участникам *команды экспертов* (проходят подготовку в отделе по развитию социальных технологий по работе на платформе). Эксперты осуществляют проверку идей на соответствие теме, сравнение идей на предмет уникальности, фильтрацию идей.

4. Закрытие платформы:

- написание *отчета* по идеям для подготовки идей для плана;

- формирование списка победителей и дополнительное голосование на сайте «Активный гражданин»;[2]

- формирование *плана* реализации идей.

5. Контроль:

- отправка идей из отдела в ГКУ «МЦ «ОП» с указанием задач;

---

[1] Официальный сайт портала «Активный гражданин». // [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://ag.mos.ru

[2] Официальный сайт портала «Активный гражданин». // [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://ag.mos.ru

- отправка идей в Департамент, который определяет сроки исполнения;

- Контрольное управление Аппарата мэра присваивает каждому письму с идеей индивидуальный номер с контрольным сроком исполнения и прикрепляет ответственного;

- проверка реализации идей по районам сотрудниками отдела;

- формирование таблицы «*Отчёт о реализации*»;

- вынесение на портал «Наш город»[1] реализованных идей (чтобы граждане могли проверить, решена ли проблема и реализована ли идея).

В ходе проведенного анализа составлена таблица положительных и отрицательных сторон крауд-проектов.

Таблица 1.

Сильные и слабые стороны краудсорсинг-проектов

Сильные стороны	Слабые стороны
1) привлечение ресурсов значительно облегчает процесс создания и развития любой сферы жизни общества	1) высокие временные затраты на отбор и фильтрацию идей граждан
2) затраты на популяризацию несущественны	2) низкое качество входящих идей
3) получение обратной связи от жителей города	3) слабо развита информационная и рекламная составляющая
4) возможность установить связь между потребителем и производителем	4) формирование постоянной целевой аудитории для участия в крауд-проектах
5) возможность выбора органами власти лучших идей, предложенных большим количеством людей	5) трудности с увеличением числа жителей для участия в крауд-проектах

Итак, отличительной особенностью Проекта является его четкая ориентация на достижение конкретных результатов, важнейшим критерием (качественным признаком)

[1] Официальный сайт портала «Наш город». // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://gorod.mos.ru

эффективности проекта следует считать факт достижения поставленных целей.

Попова А.В., Хомутовская К.В. Анализ внутренней структуры крауд-проектов и эффективности их реализации в городе Москве. В статье рассмотрены теоретические аспекты развития краудсорсинг-проектов в системе государственного управления, роль краудсорсинга и способы его применения. Проведен анализ реализации и результатов краудсорсинг-проектов Правительства Москвы.

Ключевые слова: государственное управление, город, инновации, информационные технологии, краудсорсинг, краудсорсинг-проекты, Правительство Москвы, граждане, обратная связь.

Popova A.B., Khomutovskaya K.V. Analysis of the internal structure of crowd-projects and the effectiveness of their implementation in the city of Moscow. The article deals with the theoretical aspects of crowdsourcing-projects in the public administration, the role of crowdsourcing and the methods of its application. The implementation and results of crowdsourcing-projects of the Government of Moscow were analyzed.

Keywords: state management, city, innovation, information technologies, crowdsourcing, crowdsourcing projects, Moscow Government, citizens, feedback.

Н.А. КОРМИН
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН

В.В. МАРТЫНЕНКО
доктор политических наук, главный научный сотрудник ИСПИ РАН*

Социально-философская и экзистенциальная архитектоника Санкт-Петербурга

Здесь нет ни единой точки,
которая бы тебя не видела:
Ты должен переменить свою жизнь.
Р. М. Рильке

Город как теоретический объект стоит в точке пересечения путей составления экспериментально верифицируемых суждений о социальных отношениях, преобразования неартикулированных связей между людьми в осязаемые в конкретной локальности. Город – «социальное тело»; в качестве такового он представляет собой место со сложным антропологическим и социальным рельефом, все неровности которого образуются бифуркацией гуманитарно выполненных, социально достоверных политических, экономических, правовых, культурных и военно-стратегических процессов, разных по своему происхождению. Чтобы определить это место, важно построить архитектонику городской культуры или то, что Н. Гончаров в своих критических заметках «Лучше поздно, чем никогда» называет «архитектоникой, сведением всей массы лиц и сцен в стройное целое», такое целое, которое и есть Санкт-Петербург. Анализ урбанистической культуры так или иначе упирается в проблему политической композиции жизни людей, антропологического, экзистенциального опыта, в проблему рациональности. Но антропологичность и рациональность метафизичны по своей природе.

* Кормин Николай Александрович, e-mail: n.kormin@yandex.ru; Мартыненко Владимир Владимирович, e-mail: rptb@mail.ru

Следовательно, если на город не смотреть глазами метафизика, то это все равно, что вообще не видеть его, даже если он окружает нас со всех сторон. Если взять другую, не менее важную грань метафизики, неустранимую из «социальных тел» и связанную с синтезом возможного опыта, включая опыт сознания, и соединить ее с предыдущей, то необходимо будет совершить, прежде всего, ноуменальное погружение в урбанистический опыт. Как говорил Паскаль в предисловии к «Рассуждениям о пустоте», «вся последовательная смена людей есть один человек, пребывающий вечно, и каждый из нас – участник работы сознания, которая совершается на протяжении веков»[1].

В этом смысле Санкт-Петербург – бессмертный неповторимый индивид с трансцендентальным сознанием, а сама история города представляет собой уникальную биографию всеобщего, в которой зафиксирован ритм его истории, опыт визуализации пространства для жизни личности, пространства социальности, знаковый язык для созерцания городского пейзажа. Аналитическим продолжением подобного опыта через общий участок границы двух областей – разума и чувственности (созерцания) – выступает эстетика, мыслимая как метафизика творчества, описывающая в том числе и экзистенциальный опыт. Апология эстетического всегда движется в направлении монады творчества. На территории эстетического смысла метафизика творчества по существу сливается с антропологией. Как мыслящее и творящее существо человек есть, по Гегелю, «врождённый метафизик», производящий, возможно, самое удивительное подобие самого себя – социальность, общество. Но возможно ли, если исходить из установок феноменологической метафизики, построить его региональную онтологию? Как провести анализ метафизических импликаций антропологичности и социальности? Каковы возможности метафизики в предельном обосновании гуманитарного и социального видов знания, включая формы градостроительной политики, понимание исторического опыта России?

Задача метафизического обоснования экзистенциального и социального опыта, в данном случае – опыта российских реформ конца XVI – начала XVII вв., их последствий для

[1] Цит. по: *Чаадаев П.Я*. Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991, т. 1, с. 380-381.

человека, для социального восхождения всей страны – упирается в проблему обнаружения в социальной системе проявлений реформаторской субъективности, определения реальных параметров реформаторского процесса, критического восприятия мифологии преобразований, властной символики. Вообще анализировать структуры реформаторской субъективности крайне сложно, ведь «реформаторы одной эпохи являются консерваторами другой. Один и тот же genie[1] comme *créateur* ou comme *radoteur*[2]»[3]. Сам реформатор находится в составе социального авангарда, в нем можно усмотреть фигуру, которую Т. Адорно называл «перевёрнутым образом дирижёра оркестра». Как в феллиниевской «Репетиции оркестра», этой аллегории социального сюрреализма, реформатор всегда произносит: «Все начнём сначала!». Скажем, в том же репетиционном процессе, когда дирижёр движением руки строит незримый звук, можно найти признаки подобия всей метафизики социальности (кстати, в фильме Ф. Феллини скрипки вступают прямо-таки в чисто метафизическую полемику). Для понимания метафизики реформаторства особенно интересен фильм «Дирижёр» А. Вайды, герой которого выполняет почти метафизическое действо, поскольку для него дирижирование – это управление бездной. Но образ бездны возникает и в контексте пушкинского описания такого места реформаторской активности, как основанный Петром I Санкт-Петербург. Но явился ли акт поднятия России на дыбы, совершенный над самой бездной, тем, что М. Хайдеггер назовёт «понимающим наброском имения-дела», допущение которого составляет экзистенциальную структуру заботы о стране? Как растворялись преобразования в людях? Одним словом, нас будет интересовать социоразмерность дела первого русского императора, доставившего нации определённый вид неудобства, напоминающий важную черту немецкого национального характера, выраженного в «Мейстерзингерах», ставших «одним из наиболее зрелых плодов этого характера, который всегда стремится к реформам, а не к революциям, и который, стоя на крепкой почве своего наслаждения жизнью, не отвык и от

[1] гений (*фр.*).
[2] как *творец* или как *пустомеля* (*фр.*).
[3] *Ницше Ф.* Полн. собр. соч. В 13 т. М.: Культурная революция, 2012, т. 11, с. 33.

самого благородного из видов неудобства – неудобства от возрождающегося дела»[1].

«Гражданское сплочение в городе» (Х. Ортега-и-Гассет) во многом зависит от того, насколько хорошей видимостью обеспечены его структуры, как расположены зрительные места для социальной артикуляции – на агоре, на форуме, на вечевой площади или амфитеатром. Важно, насколько конструктивным видением обладает сам город как социальный персонаж. Величина социальной визуализации – это не визуальная звёздная величина, определяемая прямым наблюдением и отвечающая спектральной чувствительности человеческого глаза. Сложность выполняемой зримости урбанистического мира связана прежде всего с тем, что здесь отсутствует возможность для прямого наблюдения. Здесь мы имеем дело с сознанием, позволяющим человеку увидеть себя видящим. Образование сложного урбанистического рельефа социологически исследовано уже М. Вебером в книге «Город». Но город как таковой представляет собой не только лабораторию социальности, но и мастерскую формирования государственности. Логистика города представляется источником знания о построении страхового устройства государства, о кредитной конвенции. Цивилизационное сознание производно от кредитных смыслов, интенций и суждений людей, совокупность которых составляет человечество как социальную общность. Мысль, продуманная человеком, есть кредит самому себе, а поскольку она высказана публично, то ее можно рассматривать как кредит социуму. Сам кредит мало акцептовать – его надо исполнить. Это исполнение кредита есть один из актов человеческого творения. Сам синтез мышления и творчества – необходимая предпосылка существования человека как социального существа. И это кредитное, абстрагированное от социального, исследователи стыдливо прятали под плащаницу «теории». Абстрагировав социальное и сняв с него кредитное содержание, исследователи превратили социальное в беззащитно устроенное, а сущность государства – в реализацию насилия. Они нивелировали кредитный смысл социального, создав предпосылки для узурпации общества, точнее его логистических страховых институций,

[1] *Ницше Ф.* Полн. собр. соч. В 13 т. М.: Культурная революция, 2012, т.1, ч. 2, с. .272.

каковыми являются в первую очередь государственные институты, вписанные в систему оптимизации рисков или разделения властей.

Город как таковой представляет собой и дом, экспериментальную лабораторию социальности, и скульптурное изображение состояний сознания и культуры. Поэтому было бы интересно рассмотреть его и как онтологический барельеф сознания и духа. В этом смысле особенно примечателен взгляд на город с позиций религиозного сознания. Как подчёркивал Н.А. Бердяев, христиане вообще града своего не имеют, хотя и града грядущего взыскуют. Именно как к духовному явлению относится к феномену города искусство.

На город следует смотреть как на некий «Солярис» сознания, очертания которого меняются в зависимости от того, как мы вложили свою душу в его социальный облик. Поэтому так важно понять, как строится город именно в качестве творения души, как его голоса звучат в каких-то своих отрезках диапазона социального знания.

Город – важнейший инструмент картирования культуры. Ведь именно город создавал «характерный феномен искусства – истории» (М. Вебер). Для анализа мы выбрали культуру Санкт-Петербурга, уже в момент своего рождения взорвавшего политический и духовный миры России. С его рождением открылась целая череда структурных преобразований отечественного пространства – этих крупномасштабных социальных метаморфоз. После Петра I они стали осуществляться с редким постоянством и непредсказуемостью, внося неожиданные или ожидаемые, но странные изменения в российскую жизнь. Как писал в своих дневниках В.О. Ключевский, «закон отсталых государств или народов среди опередивших: нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает для реформ. Необходимость ускоренного движения вдогонку ведёт к перениманию чужого наскоро»[1], что сказывается на правовом установлении общества.

Анализируя эти записи Ключевского, следует учитывать, что перед нами предварительные заметки для памяти, а не логически выстроенный автором текст. Основной проблемой российского исторического нарратива вообще и

[1] *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 416.

текстов Ключевского в частности остаётся взгляд на крепостничество как на вариант примитивного рабства. В действительности это не совсем так. Постичь его можно только прояснив социально-философский смысл этого явления, внутренне связанного с метафизическим пониманием социального закона, социальной необходимости и социального целеполагания. Эти категории отсылают к складывающимся в обществе практикам сбора налогов, видоизменяющим отношения между наукой, политикой, техникой, производством и социумом. Анализ этих феноменов в сущности ведёт к метафизике денег. Ведь «денежные средства, прибор ужасной точности, прозрачный для сознания, вплоть до потери своего смысла»[1]. И проблема в том, чтобы раскрыть, как эти средства затемнялись, становились светотенью российского сознания, прояснялись его структурами. С ними внутренне связана прагматика налоговых конструкций, которая проблематизирует соотношение фундаментального и прикладного знания. Такая конструкция вводит новые социальные технологии.

Налоговая теория в перспективе в состоянии преодолеть водораздел между исследователем и исследуемым, став аналогом квантовой теории, символизирующей современную топологию мышления. В свое время русский экономист Н.И. Тургенев писал, что «налоги – это суть средства к достижению цели общества или государства, то есть цели, которую люди себе предполагают при соединении своём в общество или при составлении государств». Однако в его рассуждениях сами цели общества, а тем более цели государства не определены, поэтому подобная конструкция налоговой системы повисает в воздухе. Мы же понимаем государство как страховую конструкцию, в контексте которой налоговый формат естественным образом представляется страховым платежом конкретного индивидуума или объединения индивидуумов в целях защиты своего настоящего и будущего сосуществования в доступной в данный исторический момент форме.

Если наука (экономика, социология, право), устремляя внимание на налоговые явления, знание о которых синтезирует социальное знание и человекознание, ищет смысл за социальной поверхностью, которую они структурируют,

[1] *Деррида Ж.* Диссеминация. Екатеринбург: У-Факториал, 2007, с. 326.

то для теоретической позиции смысл конструируется не просто за сферой налоговых практик. Здесь он уходит в бесконечность социального существования, упирается в ценность налогового времени, а все представления о времени, согласно Э. Дюркгейму, определены формами социальной жизни. Теория налоговых взаимодействий между людьми, существование налоговой субстанции затрагивают закономерности всеобщего бытия социума, устои налогообложения, отсылающие к проблематике воспроизводства, поддержания и сохранения смысла социальных связей. Проявляясь достаточно своеобразно в жизни людей, они выявляют специфические законы развития, отсутствующие в прочих сферах. Вместе с тем эта теория должна учитывать последствия функционирования налогового продукта в обществе.

Но вернёмся к затронутой нами теме крепостничества. Крепостное право, как правило, изображают как существовавшую начиная с Киевской Руси XI в. систему правоотношений, связанных с феодальной собственностью на землю. Эти отношения вытекали из зависимости земледельца-крестьянина от помещика, владельца земли, населяемой и обрабатываемой крестьянином. Последний претерпел в Русском государстве эволюцию от холопа до крепостного. Но такая трактовка лишь частично проникает в смысл социальности. Конечно, невозможно игнорировать процессы закрепощения и продажи крестьян, расширения прав помещиков. Но эти явления связаны и с другими аспектами глубинных процессов, характеризовавших формирование и развитие древнерусского и русского общества и государства. Исследование этих процессов связано с пониманием того, как государство встраивалось в общество и как общество картировало государство. Их взаимную связь обеспечивала налоговая система. Она только кажется беспристрастной, налагающей запрет на монополистическое или произвольное вмешательство в свои структуры. Что бы ни происходило на стороне государства – налоговая машина не останавливается, не ломается, продолжая работать все на тех же оборотах. Если смотреть с налоговой точки зрения на феномен крепостничества, существовавший на различных европейских территориях и на российских просторах, то нельзя не отметить, что он представлял собой довольно громоздкую логистическую конст-

рукцию по формированию и функционированию системы налогообложения в товарной форме. Попытки реформировать указанную технологию собирания налогов предпринимались неоднократно. Но увенчались успехом они только в тот период, когда была создана хоть какая-то банковская система и осмыслена логистическая схема построения сбора налогов в денежной форме, пусть сначала и в смешанном денежно-товарном варианте.

Перед приведённой выше цитатой из дневников Ключевского от 30 января 1911 г. идут некоторые рассуждения, связанные с оценкой царских должностей: «Павел, Александр I и Николай I владели, а не правили Россией, проводили в ней свой династический, а не государственный интерес, упражняли на ней свою волю, не желая и не умея понять нужд народа, истощили его силы и средства, не обновляя и не направляя их к целям народного блага». Первое, что бросается в глаза: куда делись остальные самодержцы Российской империи и в чем смысл сентенции «владели, а не правили»? Понять в этом фрагменте логику Ключевского достаточно трудно, ведь с момента избрания на царство Алексея Михайловича владения представителей царской династии собственностью, например, земельными наделами были сильно ограничены. Они допускались только минимумом, необходимым для их содержания. Русские представители династии никогда не были крупными землевладельцами, хотя право распоряжаться землёй и наделять ею дворянство как актора налогового процесса было основной их прерогативой. Помещик выступал агентом между государственной казной и крестьянами на закреплённой за ним территории. Помещик являлся плательщиком налоговых выплат, определённых управляемой им территорией, их размер определялся в зависимости от количества крестьянских хозяйств (душ) на ней.

Первый том поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» был издан в 1842 г., почти за 20 лет до Манифеста Александра II об отмене крепостного права. Основная идея аферы главного героя этого произведения – «бизнесмена-махинатора», коллежского советника в отставке Павла Ивановича Чичикова – заключалась в использовании механизма авансирования помещиков государством кредитными ресурсами или посевным материалом с последующим зачетом по выплате налоговых сборов. Для определения величины

кредита требовалось указать результаты «ревизской сказки», т. е. переписи населения у конкретного помещика, проводимой, как правило, один раз в год, а иногда и в два. По информации переписи рассчитывались налоговые платежи и величина аванса помещику, чтобы он мог реализовать их поступление в казну. Суть этой идеи обычно затушёвывалась. И скупка «мёртвых душ» (письменных сведений об умерших со времени последней ревизии крестьянах) трактовалась изучающими поэму Гоголя однозначно. «Мёртвые души» требовались для заклада их как живых, чтобы взять кредит в банке и приобрести вес в обществе. А как Павел Иванович собирался погашать кредит и что за вес в обществе может быть с непогашенным кредитом, исследователей не интересовало.

Однако основной смысл аферы заключался в следующем: при предъявлении документов, что все умерли, например, от эпидемии, налоговые недоимки и аванс могли быть списаны, что для знающего тайные механизмы чиновничьей работы Чичикова не представлялось проблемой. Некоторые исследователи считают, что значение второго тома перерастало границы собственно литературных повествований, что делало замысел практически не реализуемым. Что это за границы, что препятствовало осуществлению этого замысла и не было ли пересечение этих границ вторжением в государственную программу работы над налоговым законодательством того времени? Наконец, не являлась ли ненужная огласка нюансов программы толчком к сожжению рукописи? Все эти вопросы остаются без ответа.

Мысль о том, что обоснование русской государственности происходило через редуцирование внутреннего культурного развития, представляется довольно спорной. Ведь чтобы строить такое суждение, нужно опираться на научную теорию государственности и теорию культуры (которые могли бы дать междисциплинарную картину этих социальных образований), но ни той, ни другой пока не существует. В этой связи М. Мамардашвили подчёркивал, что Пётр I так направил Россию по «пути прогресса, что условием прогресса сделал колоссальное расширение крепостничества; он ввёл такую формулу, по которой от людей требовалось, чтобы они были инициативны, изобретательны и самодея-

тельны и при этом абсолютно покорны и послушны»[1]. Но образ прогрессивного развития России намного сложнее. Чтобы создать его, нужно реконструировать многие исторические реалии. Даже упоминавшийся выше феномен крепостничества не подлежит однозначной интерпретации, а истории русского изобретательства и предпринимательства вообще не существует. Поэтому в описании этого развития невозможно не нарушить давно отрегулированный ритм, ведь здесь всё колеблется и сдвигается.

Прежде чем перейти к анализу приведённого суждения Мамардашвили, нужно понять саму по себе природу государства и такого социально-этатистского формирования, как крепостничество. Философия государства исследует его как социально-политическую конструкцию, направленную на страхование кредитных, т. е. социальных связей. Говоря о философском камне в области финансов, С. Малларме подчёркивал, что «он предвещает будущий кредит, предшествуя капиталу или низводя его до ничтожности монеты! В каком же беспорядке все это исследуется в нашем обществе и как мало это понимается! Мне почти стыдно высказывать эти истины, предполагающие подобную ясность, чудесную передачу снов, осуществляющуюся так – второпях и с потерями». Это высказывание в полной мере можно отнести и к современным исследованиям государственности.

Ни в коем случае нельзя путать территорию, на просторах которой собственно формируется государство, и те структуры, которые находились на этой территории до его образования, несмотря на то, что старые названия в какой-то мере могут сохраняться. Например, Русское государство Алексея Михайловича, Россия при Петре I, Российская империя при Екатерине и Александре I – это различные государства по своему устройству и логистике, хотя в их названиях присутствуют этнонимы «русский» или «московский». Смешение этих образований и выстраивание их преемственности – отдельная тема для исследователей истории российской государственности.

Обратившись к недавней и современной истории, следует сказать, что СССР и Российская Федерация – совершенно разные государства и по устройству и по управлен-

[1] *Мамардашвили М. К.* Беседы о мышлении. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015, с. 227.

ческим практикам, хотя Российская Федерация и объявила себя преемницей СССР. Совершенно такая же ситуация, например, с Россией Петра и Россией Екатерины, не говоря уже о России Александра I. Любой слом и преобразование логистики государственного обустройства существенно влияют на соответствующие производные социального развития, на тот же упомянутый Мамардашвили феномен прогресса. Прослеживая путь прогресса, выбранный Петром, нужно представлять его динамику, которая имела бы место и в отсутствие Петра. Народ остаётся прежним. Социальный прогресс всегда зависит от динамики развития и страховки социальных связей, и общество с небольшим лагом во времени всегда адаптируется к государственной форме страховой системы.

Одним из условий прогресса государства является расширение его налогового основания, т. е. в принятой в указанный период терминологии – «расширение крепостничества». Государственность как таковая обладает особой, входящей в предикацию налоговой нормативностью. Поскольку конкретная налоговая монада охватывает всю совокупность действительной и возможной жизни государства, то истолкование этой монадической структуры должно включать в себя все проблемы конституирования политики. Онтологические регионы государственности являются индексами налоговой очевидности.

Если вернуться к суждению о самом обосновании русской государственности через редуцирование культурного развития, то сразу встают вопросы: каков способ убеждения в истинности этатистской мысли, какие структуры служат обоснованием русской государственности, в чем смысл такого обоснования? Здесь важно «прояснение стремления к обоснованным суждениям, соответственно, прояснение обосновывающих актов, в которых должны быть удостоверены правильность, истина суждения – или же, в случае неудачи, неправильность, ложность… По желанию мы можем вновь вернуться к осуществлённому однажды обоснованию; соответственно, к удостоверенной в нем истине. Благодаря этой свободе снова и снова воплощать в действительность истину, которая при этом сознается как одна и та же, она

становится устойчивым приобретением или и в качестве такового называется познанием»[1].

Истина русской государственности удостоверена в ее обосновании, т. е. в соответствии акта суждения о русской государственности самому обсуждаемому положению дел. Но как реконструировать подобное обоснование, как приблизиться к этой истине? Как такое обоснование задействовано в горизонте открытия социальности? Не заставляет ли сама постановка данных вопросов проблематизировать древнюю историю государства? Последняя иногда приспосабливается к идеологическим целям и задачам нового государственного образования, которое в глазах современников и потомков требует привязки актуального образования к преемничеству старой территории. Если это так, то в обосновании государственности через редуцирование внутреннего культурологического потенциала имеется рациональное зерно. Государство новое, логистика администрирования новая, но культура и население старые, традиции старые. Старое требует адаптации к новым условиям. И здесь годится проверенный прием – реформирование языковой палитры народов[2], населяющих осваиваемую новым администрированием территорию. Традиционно считается, что изменять русский язык начали в IX в. Кирилл и Мефодий. Но сегодня мы практически ничего не знаем про языковые реформы московских князей и царей от Юрия Долгорукого и Данилы Калиты до Ивана Грозного и Алексея Михайловича. Имеется совсем немного сведений про языковую реформу Никона. Дальше информация идет по нарастающей – от реформы языка и алфавита Петра I под видом введения гражданского шрифта (амстердамской азбуки) до упражнений Екатерины II, а также преобразований, задуманных Николаем II в 1912 г. и завершённых большевиками в 1918 г.

В истории России социальное восприятие одних перемен прерывалось, других – повторялось, воспроизводилось, «пе-

[1] *Гуссерль Э.* Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010, с. 22.

[2] «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» (И. С. Тургенев).

реизобреталось». Последние века – время неустанных реформ, иногда осуществлявшихся по нескольку раз в столетие. Но в чем причины такой частоты перемен, что является их cause sociale, что вынуждало социальное сознание искать возможности для всё новых и новых реформ? Они осуществляются с удивительным постоянством и регулярностью одного акта в поле действия другого (например, попытки и акты отмены крепостничества при Александре I и Александре II). Такая периодичность преобразовательной деятельности порождала рискованный политический эксперимент в России, включавшийся в контекст мирового политического опыта. Носители последнего – «политические гувернеры… вынуждены, дабы сохранить самих себя и создать призрак порядка, прибегать к средствам, qui feraient frissonner notre humanité actuelle, pourtant si endurcie*»[1].

Санкт-Петербург построен в стиле едва ли не социального конструктивизма. Именно это придаёт городу «стройный, строгий вид», вписывая в него «однообразную красивость» пехотных ратей. Санкт-Петербург представляет собой символ имперского универсализма русской культуры, его архитектурный, визуальный манифест. Этот визуальный манифест возникает на новоевропейской волне визиомании. «Удивительная одержимость Нового времени желанием видеть, рассматривать, различать. Эта визиомания превосходит даже античную, которая все же ограничивала себя почтением к невидимому и идеальными требованиями к видимому. Пожалуй, причина как раз в нарушении баланса видимого и невидимого, которое произошло на излёте средневековья»[2]. Именно в этом контексте важно представить метафизику видения Санкт-Петербурга, его пространственно невоплощенных воплощений, возвести его описание к некоему «поэтическому глазу», видящему город «на распутии времён» (Евг. Баратынский) с помощью образно-метафорических структур, проанализировать специфические конструкции для такого видения.

Само рождение Санкт-Петербурга стало возможным благодаря реформаторским усилиям Петра I. Фигура импера-

---

* от которых содрогнулась бы наша нынешняя человечность, *и так уже изрядно остервеневшая* (*фр.*).

[1] *Ницше Ф.* Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 13. Черновики и наброски 1887-1889 гг. М.: Культурная революция, 2006, с. 86.

[2] *Доброхотов А.* Почтовая открытка // Синий диван, № 9, М., 2006, с. 141-142.

тора достаточно парадоксальна. Как писал Д.А. Гранин, «Пётр сам был человек барокко. Людям барокко свойственны преувеличенные эмоции. Свет и тени, добро и зло прихотливо сплетаются. Причуды Петра так же замысловаты и фантастичны. Его игра с князем-папой Никитой Зотовым во Всепьянейший Собор – смесь воображения и насмешек, в ней сталкивается несовместимое… Его повторения не были копиями. Если он брал чужую идею, то переделывал в свою»[1]. И отсвет его исторической фигуры лёг на форму тогдашних преобразований.

При осмыслении петровских реформ, как и каждого последующего этапа российских перемен нельзя не вспомнить одно суждение Р. Декарта: «При сломе старого здания обыкновенно сохраняют разрушенные части для постройки нового»[2]. Слом в данном случае проявляет в городе черты его основателя – Петра I, в грозном лице которого открывается необозримое пространство новой империи. Но не повиснет ли Россия, перефразируя Вл. Набокова, над бездной, с заколоченным окном и обвалившимися ступенями? Не поставит ли вместо окна зеркало, предавшись несчастной маршрутной мысли, с которой давно свыкся национальный разум (жизнь в виде некоего пути)? Здесь могут встать новые дополнительные вопросы. Не есть ли движение по европейскому образцу глупая иллюзия: мы никуда не идем, мы сидим дома? Не открыли ли петровские реформы окно в некую превратную государственность – типа немецкой, о которой писал Ницше: «…сама империя – ложь: ни один Гогенцоллерн, ни один Бисмарк никогда не думал о Германии… Бисмарк предпочёл полицейско-юридическую порку при помощи слова “немецкий”… Представляю себе, как хохочут при дворах Вены и Санкт-Петербурга»[3]? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно проникнуть в логос политической жизни России, построить глубокую историософскую концепцию.

А.С. Пушкин касался обсуждаемых тем в поэме «Медный всадник». Поэтической историософии петровских преобразований, поэтической топологии основанного Петром города поэт предпослал описание внезапно возникшего состояния

---

[1] *Гранин Д. А.* Встреча с Петром Великим. Сообщения и свидетельства господина М. М.: Центрполиграф, 2017, с. 297-298.

[2] *Декарт Р.* Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1989, с. 267.

[3] *Ницше Ф.* Полн. собр. соч. В 13 т., т. 13, с. 581.

сознания главного героя поэмы. В нем страшно прояснились мысли, и это прояснение закончилось вопрошанием о направлении и смысле движения России (тема, которая затем будет подхвачена Гоголем), которую реформатор поднял на дыбы «над самой бездной». Но к чему отсылает эта поэтическая строка, что это за вызов бездны? Не намекает ли тем самым поэт на противодействие страны петровским преобразованиям? Не предполагает ли пушкинское «над самой бездной», что преодолеть её поможет только диво дивное? Да и что это за бездна, разделяющая социальные формирования, человеческие умы? Можно ли перебросить через нее какие-то мосты?

Искусство посредством собственных выразительных средств способно дать мыслительно возможную эквивалентность реформаторской конструкции Петра I. Обращение к глубинам реформаторской деятельности той эпохи показывает: всё, что тогда существовало в реальности и оставалось неведомым современникам поэта, теперь может быть открыто заново, например, в контексте пушкинской формулы истории. И с метафизической точки зрения важно понять, достигает ли российский напряженный поиск новой формы в эпоху Петра Великого уровня предельного означающего и как в процессе этих преобразований возникают контуры нового типа российского общественного сознания.

Кормин Н.А., Мартыненко В.В. Социально-философская и экзистенциальная архитектоника Санкт-Петербурга. В статье выявляются междисциплинарные подходы к рассмотрению городской культуры, метафизические, социально-философские и эстетические способы анализа феномена Санкт-Петербурга, политические, экономические и гуманитарные предпосылки и последствия петровских реформ, их место в истории русской цивилизации.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, городская культура, реформы, Петр I, русская история, политика, экономика, культура, философия, эстетика.

Kormin N.A., Martynenko V.V. Socio-philosophical and existential architectonic of St. Petersburg. The article identifies interdisciplinary approaches to the study of urban culture, as well as metaphysical, socio-philosophical and aesthetic ways of analyzing the phenomena of St. Petersburg. The article also identifies political, economic and humanitarian prerequisites and consequences of Peter's reforms, as well as their place in the history of Russian civilization.

Keywords: St. Petersburg, urban culture, reforms, Peter I, Russian history, politics, economics, culture, philosophy, aesthetics.

Т.А. РАССАДИНА
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры связей с общественностью
и рекламы Ульяновского государственного
университета*

Тенденции амелиоризма в послереволюционной России

Советский модернизационный проект, развернувшийся в России после октября 1917 г., с неизбежностью в качестве своего последствия продуцировал амелиористские тенденции. «Амелиоризм» – философия постепенного улучшения жизни – был неотъемлемой частью социального кредо викторианского либерализма, определяющей чертой британской социологии, содержащей идею решать проблемы общества путем исправления человеческой личности. Как один из принципов классической модернизационной теории он предполагал условием успеха модернизации полную перестройку «старого» традиционного человека и его отношения к себе и социуму. Концепция общественного прогресса, понимание необходимости совершенствования человека и общества, изменения «плохого» мира по заданному «хорошему» образцу были подхвачены русскими революционерами. Отсюда вытекала революционная задача модернизации – создание «нового мира», основанного на рациональном активизме – энергичном вмешательстве активного разума, интеллекта в существующий порядок вещей, целенаправленном влиянии на формирование человека по точно рассчитанному проекту.

Октябрьская революция 1917 г. кардинальным образом изменила общественное устройство в России, став толчком для реализации грандиозного модернизационного проекта по построению современного индустриального общества. Сконструированная «сверху» концепция формирования нового человека на теоретической основе марксистско-ленинской идеологии, дававшая столь необходимые оптимизм и духовность, ликвидировавшая отчуждение, была инкорпорирована в общественное сознание целенаправленно выстроенной образо-

* Рассадина Татьяна Анатольевна, e-mail: t.rassadina@mail.ru

вательно-воспитательной системой. В качестве результирующих этих процессов в дальнейшем произошла целенаправленная «ломка» сущности русского человека, его национального характера, кардинальная смена ценностной матрицы россиян. Для этого важно было суметь порвать с идеями прошлого, что успешно сделали большевики в своих революционных практиках, отталкиваясь от марксистского взгляда на отношение к прошлому. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «История и есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой, видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»[1].

Позже Маркс последовательно с классовых позиций оценил традицию прошлого как негативное явление, подчеркнув, что социалистическая революция может черпать свою позицию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начаться прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старого[2]. Избавление от эксплуатации, нищеты, несправедливости Маркс связывал только с пролетарской революцией, с построением коммунистического будущего. Прошлое не рассматривалось классиком как ценность. «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живущих», – напишет он[3]. Они – пережиток, хранители социальных стереотипов. Важно освободить общество от «предрассудков прошлого». Маркс не сомневается в возможности быстрого построения общества рационалистов.

Ф. Энгельс понимал важность влияния на исторический процесс разных общественных факторов на основе экономики, включая культурную традицию: «Даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую»[4]. Однако и Энгельс выражал негативное отношение

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 44-45.

[2] *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 122.

[3] *Маркс К.* Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 9, с. 119.

[4] *Энгельс Ф.* Письмо Й. Блоху, 21-22 сентября 1890 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 394.

к традиции, указывая, что «традиция – это великий тормоз … в развитии», «это Visnertial в истории, но она так пассивна и поэтому неизбежно оказывается сломленной»[1].

Позже Ленин напишет о двух культурах буржуазного общества: народной, демократической, социалистической, носителями которой являются трудящиеся; господствующей буржуазной[2].

После революции весьма плодотворной стала идея интернациональной культуры. Большевики заявили, что «мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и социалистические элементы, берем их только в противовес буржуазной культуре…»[3]. История показала всю сложность выбора того, что и каким образом было взято властью из прошлого. Реализация в России марксистского формационного подхода постоянно сопровождалась оправданием и обоснованием (легитимацией) доктринальных идей и действий новой власти. Общественные процессы самоорганизации и саморегуляции, спонтанные социальные практики минимизировались. Процесс изменения человека стал в большей степени результатом целенаправленных воздействий властвующей и околовластной элиты, направленных в конечном итоге на сохранение и укрепление советской власти.

Н.И. Бердяев точно подметил, что большевизм гораздо более традиционен, чем о нем принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса[4]. Сила большевиков определялась не численностью их партии (в марте 1917 г. в ее рядах насчитывалось до 24 тыс. членов), а реальной связью с массами, декларированием народного самоуправления и других привлекательных лозунгов, отказом от старых норм и условностей. Опора на почву была удивительным образом встроена как в содержание, так и в способы модернизации, последовавшие за революцией 1917 г., соответствовала архаическим ценностям и массовым ожиданиям об обретении земли крестьянами, власти народом. Эксплуатация старой мифологемы единства царя и народа (власти и народа) позволяла властным элитам выступать от

---

[1] *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 318.

[2] *Ленин В.И.* Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч., т. 24, с. 129.

[3] Там же, с. 121.

[4] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

имени и во имя народа. Благодаря адекватности воздействия этих элит российскому менталитету бифуркация нашла свое разрешение.

Новая система активно использовала традиционную нравственную ценность государства, всячески поддерживала традиции построения сильного рабоче-крестьянского государства, преобладания государственной собственности и общинного характера землепользования, социальной справедливости на основе уравнительно-распределительных принципов: минимизации потребностей населения, негативного отношения к материальным благам как проявлению антисоветского; борьбы с внешним врагом, перепроецированной на внутреннюю классовую борьбу («кто не с нами, тот против нас»).

Ценности и идеалы, воспроизводимые в революционный период, по наблюдениям П.А. Сорокина, как правило, иллюзорны. Различие между декларируемыми идеалами и реальной действительностью осознается много позже. П.А. Сорокин считал, что революции «биологизируют» поведение людей, о чем свидетельствуют приводимые им данные моральной статистики[1]. Хотя, автор признает, что во время кризисов часть общества склонна к социальной аномии, а часть – к моральному совершенствованию.

Одним из первых факторов «разлома» национального характера стала гражданская война, где по разные стороны зачастую стояли не представители разных классов, а родственники, близкие люди. Так, в Красной армии служили 70-75 тыс. офицеров, т.е. 30% всего офицерского корпуса России, из них 12 тыс. до этого были в Белой армии. В Белой армии – около 100 тыс. человек или 40% офицерского состава, остальные уклонились от участия в военном конфликте. Жертвами этой страшной войны, по данным историков, были 15-16 млн. погибших в 1917-1922 гг. россиян; 1,3 млн. человек стали в 1918-1920 гг. жертвами террора, бандитизма, погромов, подавления крестьянских выступлений.

Политика «военного коммунизма», делающая акцент не на производство, на труд, а на уравнительное распределение благ, дала возможность необразованным, малокультурным, бедным людям понять, что они могут не только подняться по социальной лестнице, но и оказаться выше бога-

[1] *Сорокин П.А*. Современное состояние России // Новый мир, 1992, № 4, с. 181-203.

тых в социальной иерархии, имеют возможность завладеть их домом, имуществом, хозяйством («кто был никем, тот стал всем»). Несмотря на то, что эти установки пытался снять НЭП, ориентиры «хозяев жизни», «властителей ситуации» вселились во внутренние миры многих россиян.

Общинное землепользование поддерживалось только в первые годы советской власти. Уже в конце 20-х гг. в условиях централизации власти и насильственной коллективизации сельскохозяйственные общины были ликвидированы. Раскулаченным семьям была уготована роль рабочей силы в системе ГУЛАГа. Только в 1930 г. в основных зерновых районах СССР было раскулачено 337563 кулацких хозяйства, выслана в отдаленные районы 115231 семья. Росло недоверие к непроизводителям, имеющим доходы от спекуляций, аренды, использования наемной рабочей силы. Однако общинные установки сохранялись в общественном сознании.

Советская власть использовала историческую национальную потребность народа в сильном государстве, жесткой централизованной власти, культивировала нравственную символическую сущность государства. Был закреплен механизм власти, деформирующий стремления к свободе и независимости, который заложил еще Иван IV, развили Петр I и И. Сталин. Это механизм насильственного управления, «самовластья», регулируемого не законами, а волей правителя (опричнина). Принципы народовластия и ценности социальной справедливости оказались в большой степени декларированными. XVII съезд ВКП(б) превратил большевистскую партию в государственную, утвердил командно-административную систему управления в стране. На вершине пирамиды стоял Генеральный секретарь ЦК ВКП (б), опирающийся на партийный и государственный аппарат.

Обесценивание и ликвидация частной собственности, огосударствление производства, тотальный партийный контроль, внеэкономические методы принуждения способствовали тому, что централизация власти и объем привилегий достигли крайних пределов. Введение при Сталине всеобщего избирательного права, опора власти на широкие слои населения были иллюзией. Единогласное голосование превратилось в ритуал, символизирующий единство. Снижению саморегуляции и самокоррекции партийной и государственной деятельности способствовали репрессивное право, отсутствие реально действующих демократических принципов, зак-

рытость страны, конформизм населения. Человек не менее, чем при капитализме отчуждался от собственности, ресурсов, продуктов собственного труда, участия в управлении, население еще больше отдалялось от построения основ гражданского общества.

В советской системе удивительным образом сохранялись принципы легкости решения самых серьезных проблем, свободы преобразовательной деятельности, достижения любых целей, возможностей оправдания их необходимости и справедливости вне зависимости от последствий. Активно поддерживался трудовой энтузиазм, культ человека труда, высоко ценились в официальной пропаганде рядовые работники: люди труда, стахановцы, ударники. У простых людей появилась реальная возможность «выйти в люди». Власть, тонко улавливая эти настроения, время от времени устраивала нравственные чистки начальства.

Кардинальной ломке подверглась русская элитарная культура «серебряного века». Новая мораль способствовала переопределению ситуации. Вместо идей единства, державности появились новые мифологемы социально-политического содержания (великое предназначение партии, миссия которой заключалась в освобождении не только рабочих своей страны, но и всего мира; беззаветное служение ей и советской власти, идеалам коммунизма и т.п.). На смену искренности, сочувствию, состраданию к человеку пришли коммунистическая принципиальность, жесткость и бескомпромиссность; коллективизм сросся с государственностью, во многом стал формальным. Государственность отождествлялась с властью партии. С первых декретов советской власти был провозглашен принцип социального равенства, существовавшие прежде сословные деления граждан, привилегии и ограничения, гражданские чины упразднялись, устанавливалось общее для всего населения России наименование – гражданин Российской Республики. Вместе с мечтой о гибели старого мира, разрушением традиционных социальных институтов социализации исчезал индивидуальный мир человека, наблюдались массовая дезориентация, утрата идентификаций, рост ощущения потерянности, тревожности.

Общественную ситуацию, создавшуюся при новом режиме, правомерно квалифицировать в терминологии А. Ахиезера как начавшийся раскол. Это было патологическое состояние социальной системы, характеризующееся острым противоре-

чием между культурой и социальными отношениями, пониженной способностью преодолевать противоречия между менталитетом и социальными отношениями, обеспечивать гармоничный консенсус. Это состояние было индикатором неспособности общества следовать социокультурному закону, стремления лишь приспособиться к социокультурному противоречию, предотвращать его обострение.

Социальная модернизация – это не только и не столько экономические преобразования, сколько выбор культурных ценностей. Недостаточно революционным путем приобрести контроль над экономикой и государственным аппаратом. Необходимо добиться культурного лидерства над обществом. Однако естественные функции культуры ликвидировали, ей был приписан статус идеологии, инструмента насаждения «правильных», классово выдержанных и партийно одобренных взглядов, норм, принципов. Сохранить и укрепить власть, приспособиться к искусственным противоречиям партия смогла монополизацией (идеологизацией) всех сторон духовной жизни, что по сути означало легитимацию амелиоризма. В условиях государства диктатуры пролетариата культура считалась государственным делом, монопольное право на руководство культурой принадлежало партии большевиков, осуществлявшей социальный контроль не только за собственными членами, но и за обществом в целом.

Делом государственной важности стало формирование нового мировоззрения. Набор черт нового советского человека – это набор, который тщательно насаждался, навязывался. О методах руководства по формированию такого мировоззрения Н.И. Бухарин писал так: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического мировоззрения из человеческого материала капиталистической эпохи»[1]. Официальная общественная мысль полагала, что должным образом измененный человек имперской эпохи станет надежным «винтиком или кирпичиком» новой государственности.

Одной из центральных задач была провозглашена переделка психологии человека. Лидер педологического движения в СССР А. Залкинд говорил о том, что основной целью воспитания нового человека является радикальная пере-

[1] *Бухарин Н.* Экономика переходного периода. Ч. 1. М.: Гос.-изд., 1920, с. 112.

стройка всех инстинктов, что позволит получить необычайно пластичную человеческую массу, избавленную от реакционного фонда, податливую к воспитанию, над которой организованная наукой среда сумеет проделать перестраивающую работу целиком в направлении к задачам коммунистического общества[1].

Воспитание нового человека осуществлялось в процессе образования, которое понималось как творческий процесс передачи знаний ученику учителем, в ходе которого «образуется» личность человека, ширится, обогащается, усиливается и совершенствуется[2]. Велось системно и планово. Многоуровневая система образования и воспитания максимально освобождала ребенка от влияния семьи, воспитывающей индивидуалистов, воспитывала коллективистов. Общественное воспитание охватывало все группы населения: детей с двухмесячного возраста в детских яслях, школьного возраста через школьные и внешкольные учреждения; взрослое население (родителей, производственников и пр.) посредством партийных, комсомольских, профсоюзных, государственных органов, СМИ. Такие основополагающие функции семьи, как социализация детей и эмоциональное обогащение взрослых членов семьи, были нарушены.

Неопатриархальная идеология унифицировала мужские и женские репертуары поведения, задавала оценку мужской силы, жесткости, агрессивности, инструментальности как мощной, эффективной. Напротив, женская эмоциональность, заботливое внимание, душевность недооценивались, воспринимались как слабость. Эти модели социализации проникали в культуру, снижали ценность толерантности, компромиссов, умения договариваться, мирного сосуществования.

Ситуация, при которой «власть и знание непосредственно предполагают друг друга» (М. Фуко), рационально формировала «дисциплинарное общество» и, соответственно, «дисциплинарных индивидов». Дисциплина перемещается от своего карательного института ко всему социальному целому. Социальный контроль увеличивает контроль межличностный.

---

[1] *Черных А.И.* «Крылатый эрос» и промфинплан // Социологические исследования, 1993, № 8, с. 105-113.

[2] Народное образование в СССР Общеобразовательная школа: Сб. документов 1917-1973 гг. / Сост. А.А. Абакумов (и др.). М.: «Педагогика», 1974, с. 8.

Жесткое включение личности в «систему» оказывало решающее воздействие на ее первоначальные человеческие качества, продуцировало конформное поведение, как внутреннее, так и внешнее, несоответствие поведения и сознания. Возможность выбора сохранялась, однако осуществить его в системе, влияющей не только на личную судьбу, но и на судьбу близких, было непросто. Дискриминация интеллигенции (основного непосредственного транслятора знаний, ценностей) по социальному происхождению, ее «орабочивание» и «окрестьянивание» (омассовление) способствовали нарушению преемственности в ее развитии, размывали ценностные основы, минимизировали ее роль как хранителя высших культурных образцов.

Такое руководство культурой осуществлялось на протяжении всего существования КПСС. В его основе были идеологизация, централизация и аппаратизация, ориентация не на индивида, а на массу, на население страны, создание новых культурных образцов не в процессе преемственного развития, а путем отказа от старых или их элиминации. Вырванные из мира традиционной культуры в ходе ломки старых социальных отношений массы стали благодатной почвой для запланированной индоктринации посредством мощной централизованной системы агитации и пропаганды. Многообразная культурная жизнь общества была на десятилетия сведена к одному единственному варианту. Произошел переход от «полистилистической» к «моностилистической» культуре.

Вместе с тем объективный анализ общественной ситуации в Советском Союзе не может исключать и нивелировать позитивные тенденции, значение которых недооценивать несправедливо. Модернизация в послереволюционный период превратила страну за исторически небольшой промежуток времени во вторую мировую сверхдержаву с высоким индустриальным, научным и военно-техническим потенциалом, мировым признанием легитимного статуса государства. Были ликвидированы многие аскриптивные компоненты старого общества (отменена монархия, устранена аристократия как статусная группа), обрели право на жизнь меритократические принципы, индустриализация повысила уровень жизни, значительно сократила масштабы замкнутости и партикуляризма, произошел заметный рост городов, географической и социальной мобильности. Стало реальным обеспечение прак-

тически бесплатным жильем, получила развитие система бесплатного образования, медицинского обслуживания, повысился общий уровень культуры населения. Провозглашен идеал всесторонне и гармонично развитой личности. Достигнуто всеобщее светское образование (с опорой на марксизм-ленинизм, который обрел полурелигиозный статус).

Повышение в целом образовательного и культурного уровня населения слабо страховало общественное сознание, сохранявшее доверительность, искренность, простоту, открытость как основания социального характера и ожидавшее такого же отношения, от целенаправленных манипуляций. Достижения во всех сферах общественной жизни, оптимистический тонус первооткрывателей, идущих к светлому будущему, мобилизационная готовность, сохранение в массовом сознании традиционных ценностных ориентиров, духовного настроя позволили советскому народу одержать победу в Великой Отечественной войне, проявить подлинные нравственные качества русского национального характера. Однако «ломка» фундаментальной естественной сущности русского человека, его социальных и духовных оснований произошла.

Рассадина Т.А. Тенденции амелиоризма в послереволюционной России. В статье анализируется процесс модернизации российского общества в первые годы советской власти на основе теоретических установок отказа от прошлого и построения нового общества и человека, содержащихся в марксизме-ленинизме, его влияние на целенаправленное продуцирование амелиористских тенденций в общественном сознании.

Ключевые слова: социальная модернизация, модернизационный проект, послереволюционная Россия, амелиоризм, амелиористские тенденции.

Rassadina T.A. Ameliorism's tendencies in postrevolutionary Russia. In the article process of modernization of the Russian society in the first years of the Soviet power on the basis of theoretical installations of refusal of the past and the creation of new society and the person containing in Marxism-Leninism, its influence on a purposeful producing the amelioristic tendencies in public consciousness is analyzed.

Keywords: social modernization, modernization project, postrevolutionary Russia, ameliorizm, amelioristic tendencies.

И.Н. БЕРЕЖНАЯ
кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории и методологии
науки БГТУ им. В.Г. Шухова*

Социально-этические и гуманистические тенденции в развитии современной науки и техники

В настоящее время возрастает роль осмысления этических, эстетических, антропологических аспектов в контексте развития современной науки и техники. Одной из сущностных черт постнеклассической рациональности является ее аксиологическая ориентация. Само научное знание наряду с методологической и эвристической представляет собой общеаксиологическую ценность.

Есть все основания рассматривать науку как социокультурное явление, представляя ее в контексте неразрывной триады «общество – культура – личность». Социокультурный подход, в частности его интегральная модель, имеет особый потенциал при осмыслении процесса техносферного развития современного общества, выявлении роли и перспектив человека в русле техносферизации с целью преодоления противоречия между возрастающими техническими и технологическими возможностями современного человечества и уровнем их осознания в антропологическом и социальном измерениях.

К XX в. происходят изменения в видении отношения субъект – объект, преодолеваются их дистанцирование, ориентация на мир объектов и вместе с тем игнорирование в этом мире человека.

Постнеклассическая наука подходит к пониманию рациональности как диалога человека с миром, для нее характерны открытость и рост рефлексивности, социокультурная экспликация ценностно-смысловых структур, включаемых в механиз-

* Бережная Инна Николаевна, e-mail: innakov1971@mail.ru

мы и результаты объективно истинного постижения мира. «Поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности»[1].

Актуальным представляется определение роли этических и эстетических компонентов в современном научно-техническом познании, поскольку существует противоречие между объективным нарастанием социально-этических и гуманистических тенденций в развитии науки и недостаточной степенью их исторического, философского и социологического осмысления и обобщения.

Претерпевает изменение облик естествознания в связи с его ориентацией на изучение «человекоразмерных» природных комплексов.

Особую роль играет исследование человекоразмерных объектов, которые, будучи саморазвивающимися системами, включают в качестве неотъемлемого компонента самого человека. В качестве примеров таких объектов можно привести объекты генетической инженерии, крупные биогеоценозы, глобальную сеть интернет. Среди систем технологического проектирования подобными свойствами обладает такой сложный развивающийся комплекс, как «человек – машина – экосреда», при внедрении в последнюю технологии и социокультурной среды, принимающей эту технологию.

В связи с изучением «человекоразмерных» природных комплексов целесообразно обосновать необходимость соответствующих изменений в методологии естественнонаучного познания, не только допускающих, но и предполагающих включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений, а также необходимость эстетической компоненты в современных естественных науках и науках о человеке. В развитии науки актуализируется принцип человекоразмерности, связанный со свойством науки соответствовать человеческим масштабам. Усиление степени воздействия науки на человека, внедрение в его жизнесущие стороны в рамках исследования человекоразмерных объектов актуализирует проблему минимизации рисков и опасных последствий, которым он подвержен в этом процессе.

---

[1] *Степин В.С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии, 2012, № 5, с. 25.

Главными задачами видятся обеспечение безопасности человека в реалиях новых возможностей, вызванных бурным развитием науки и техники, выявление границ допустимого при анализе последствий научно-технического прогресса, выработка способа реагирования на возможные негативные риски. Руслом решения данной проблемы выступает этика науки и техники.

Аксиологическое измерение позволяет рассмотреть научно-техническое познание через призму таких категорий как «благо» и «зло», «ответственность», «справедливость», «свобода». Эстетическая составляющая сопрягает познание с измерением прекрасного: красоты, гармонии и т.д.

От современного познающего субъекта требуется учет таких параметров, как экономические и экологические, эргономические и эстетические. Он должен освоить дух гуманитарной культуры и сформировать этическую и эстетическую компоненты в техническом сознании.

Следует подчеркнуть роль социально-гуманитарного знания как потенциала развития инновационного технико-технологического будущего государства, что предполагает акцентирование внимания на роли человека и отношений между людьми[1].

Открывающие новые возможности результаты развития науки и техники отторгают на второй план духовное, человек уподобляется бесчувственной машине, заботящейся о прибыли корпораций. В этой ситуации представляется важным следующее.

Основу этической компоненты должна составить этика ответственности, подвергающая техническую деятельность человека моральному контролю. В качестве критерия, определяющего право технических новаций на существование, должен выступать факт того, что они действительно способствуют развитию человека, укреплению его статуса как творческой личности. Этика ответственности осуществляется в выборе, исходящем из оценки в перспективе последствий своих действий.

Технический прогресс, порождая новые отношения между людьми, новое сознание, формирует особую культуру мышления. Перед нынешней цивилизацией стоит задача –

[1] *Чижова Е.Н.* Философия инновационного развития // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова, 2016, № 4, с. 232-235.

вернуть целостность человека путем формирования иной ценностной парадигмы, прежде всего преодолевающей технократические ориентации, делающие человека потребителем, отдающим приоритет материальному. Эта парадигма должна быть основана на социально-этических и гуманистических основаниях в противовес односторонности, жесткости технократического способа мышления, подменяющего цель средством. Данный аспект представляется важным в контексте технического образования. «Образование, направленное на будущее, видит своей целью развивать личность, побуждать ее к самостоятельной творческой деятельности, построенной на диалоговом, «живом знании», общении заинтересованных субъектов познания»[1].

Попытку представить этику техногенной цивилизации предпринимает в своем исследовании Г. Йонас [2], указывая на необходимость осознанно и взвешенно подходить к своим решениям, всматриваясь в перспективу, исправлять результаты своих недостаточно продуманных действий. Он говорит об «эвристике страха», ориентирующей на осознание худших сценарных вариантов осуществления технологического проекта до его осуществления. Следует согласиться с автором в том, что в этом ключе возможно и необходимо этическое регулирование науки и техники, особенно в области атомной энергетики, биомедицинских технологический инноваций, экологических проектов, тех сфер науки, где осуществляется изменение человеческой природы.

XXI век, иллюстрирующий колоссальную мощь технических достижений, творческий прорыв к новым вершинам в области науки, не снимает вопрос о негативных, разрушительных последствиях научно-технического прогресса. Наряду с гениальными научными открытиями, шедеврами технического творчества существуют деструктивные элементы. Факты применения результатов науки и техники в качестве уничтожающей силы – орудий убийств и разрушений показывают нам, как гениальное может стать криминальным, оказавшись в руках «сильных мира сего». Главная проблема здесь заложена в самом человеке, его нравственном основании. Соответственно в какую сторону будет

---

[1] *Монастырская И.А.* Герменевтика как практика обучения «человека способного» // Социально-гуманитарные знания, 2018, № 2, с. 87.

[2] *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Пер. с нем. И.И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2004.

обращено будущее технической цивилизации, во многом зависит от него самого. Данная ситуация диктует необходимость баланса между нравственностью и прогрессом, от моральных качеств ученых, творцов новой техники, политической и правящей элиты зависят перспективы научно-технического развития и существования человечества.

Созвучные предложенной нами позиции были представлены на XXIV Всемирном философском конгрессе, прошедшем в Пекине в августе 2018 г. под девизом «Учиться быть человеком». Именно сохранение в себе меры человеческого посредством поиска смыслов своей активности в противовес усилению потребительской психологии и тотальной технизации в реалиях техногенного общества, осмысление проблемы сосуществования человека и постчеловека, ценностные аспекты человеческого бытия составили перспективные горизонты философской рефлексии XXI в.

Истоки остро назревших сегодня представленных проблем мы находим на страницах работ авторитетных философов. Н.А. Бердяев рассматривает «вопрос о технике» в качестве главного вопроса «о судьбе человека и судьбе культуры»[1]. Мыслитель видит в технике последнюю «любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием предмета своей любви»[2].

С момента написания Н.А. Бердяевым работы, где он размышляет о человеке и его техническом наследии, прошло немного меньше столетия, однако и с позиции современной эпохи, на наш взгляд, можно согласиться с автором, что «единственной сильной верой современного цивилизованного человека остается вера в технику, в ее мощь и ее бесконечное развитие»[3].

Эта очевидность ставит многочисленные вопросы, лежащие в плоскости техника – природа – человек, их осмысление – это новый шаг в перспективы постижения природы человека, его будущее существование. Еще в середине 1960-х гг. Э.Тоффлер, размышляя о перспективах развития цивилизации, отмечал достижения научной мысли, в частности ге-

[1] *Бердяев Н.А.* Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии, 1989, № 2, с. 147-162. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib2.znate.ru/docs/index-343310.html. (Дата обращения 5.12.18).

[2] Там же.

[3] Там же.

нетической инженерии, которые могут изменить человека. Он видел в качестве приоритетных областей роботизацию промышленности и развитие технологии искусственного интеллекта. Вместе с тем, развивая идею волнообразного развития науки и техники, Э. Тоффлер пытался предупредить о тех опасностях, конфликтах, глобальных проблемах, которые принесет нам третья волна, породив совершенно новые реалии. Глубинные потрясения неизбежны. Но чем быстрее человеческое сознание освоит мысль о переходе к новой волне, тем менее болезненным будет этот переход. В условиях современной жизни, переполненной стрессами, перенасыщенной информационными потоками, актуальна мысль Э. Тоффлера: «Человечество может погибнуть не от того, что окажутся исчерпанными кладовые земли, выйдет из-под контроля атомная энергия или погибнет истерзанная природа. Люди вымрут из-за того, что не выдержат психологических нагрузок»[1].

В этой ситуации, на наш взгляд, необходимо формирование технического сознания, основанного на аксиологических основаниях, в соответствии с принципом человекоразмерности, что будет важным шагом на пути достижения баланса между нравственностью и прогрессом.

Бережная И.Н. Социально-этические и гуманистические тенденции в развитии современной науки и техники. Данная статья посвящена осмыслению роли аксиологических, антропологических аспектов в научно-техническом познании в ситуации изменения облика современной науки в связи с ориентацией на исследование «человекоразмерных» объектов. В качестве важнейшего потенциала развития техногенного общества видится освоение духа гуманитарной культуры и формирование этической компоненты в техническом сознании в целях достижения баланса между нравственностью и прогрессом.

Ключевые слова: наука, техника, техносфера, человекоразмерность, аксиологические проблемы, гуманитарная культура, постнеклассическая рациональность.

[1] *Тоффлер Э.* Шок будущего [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://transhuman.ru/sites/transhuman/ files/documents/books/ toffler/toffler_shock.pdf. (Дата обращения 10.12.18).

Berezhnaya I.N. Socio-ethical and humanistic tendencies in the evolution of modern science and technology. This article is devoted to understanding of the role of axiological, anthropological aspects in scientific and technical cognition in the case of changing the image of modern science due to the fact of focusing on the analysis of "man-sized" objects. Learning of the spirit of humanitarian culture and the formation of an ethical component in the technical consciousness in order to achieve a balance between morality and progress seems in the capacity of the most important potential of the development of technogenic society.

Keywords: science, technology, technosphere, human-sizedness, axiological problems, humanitarian culture, postnonclassical rationality.

И.А. МОНАСТЫРСКАЯ
кандидат философских наук,
доцент кафедры теории и методологии
науки БГТУ им. В.Г. Шухова*

Л.А. АРТЮХОВА
аспирант кафедры теории и методологии
науки БГТУ им. В.Г. Шухова*

К идее герменевтики в философии и литературе йенских романтиков

Философские и эстетические идеи немецких романтиков оказали значительное влияние на становление герменевтики как «искусства понимания», как особого метода познания социальных и гуманитарных науках в XIX веке и не утратили свое значение для философского и научного знания в XX-XXI вв. Герменевтика издавна трактовалась как искусство толкования текстов и как составная часть философского знания (еще софисты занимались интерпретацией текстов, толкованием литературных, религиозных, философских, исторических источников)[1]. Из богатейшего наследия немецкого романтизма имеет смысл более подробно рассмотреть философское и литературное наследие йенских романтиков начала XIX в. – (Новалис, Л. Тик, Ф. Шлейермахер, Ф. Шеллинг, братья А. и Ф. Шлегели).

Романтики утверждали новое миросозерцание, новый стиль жизни, новый способ понимания сущности бытия как переживания жизни и творчества (культ чувств в противоположность культу разума эпохи Просвещения). Новое понимание творчества, поэтизирующего жизнь, наглядно подт-

* Монастырская Ирина Александровна, e-mail: mirina70@yandex.ru
* Артюхова Лидия Александровна, e-mail lidiya_artyukhova@mail.ru
[1] *Артюхова Л.А., Монастырская И.А*. Герменевтика как методология социально-гуманитарного знания // Экономика. Общество. Человек: Материалы IV Международной научно-практической конференции 11-12 мая 2017 г. БГТУ им.В.Г. Шухова / науч. ред., д.э.н., проф. Е.Н. Чижова. Белгород, 2017, с. 28.

верждается биографией самих йенских романтиков, их стилем отношений в любви и дружбе, новым пониманием роли личности, ее свободы и достоинства. Новалис – «певец голубого цветка», может быть, глубже других выразил предназначение творческой личности. Во «Фрагментах» он пишет: «Мы поймем мир, когда будем понимать самих себя, ибо мы и мир – это две нераздельные половинки» или его же: «Будь в мире с самим собой – вот главное условие достижения наивысшей цели: быть, то есть быть свободным»[1].

Большую роль в развитии идей герменевтики сыграла натурфилософия Ф.Шеллинга, она противостояла в своей главной мысли об органичности природы и жизни механистическому и рациональному мышлению просветителей. В особенности понимаемый им синтез природы и человека – мира как органического целого и человека как духовной сущности, его сознания. Мир представляет собой органическое целое, природа едина и по существу есть тождество идеального и реального. Шеллинг провозглашает тезис о производящем, деятельном характере природы, которая в своем поступательном развитии вбирает в себя все стадии от низшей к высшей ступени (к человеку, его сознанию, истории, культуре), и это есть основной закон природы. Природа универсальна, и человек, чтобы оставаться человеком, должен чувствовать и сохранять единство с ней, как все остальные существа.

Человек – органическая часть природы, читаем у Новалиса: «Человек – это солнце, его чувства – его планеты» и далее: «Самым чудесным, вечным является наше собственное естество. Высшей тайной является сам для себя человек»[2], ибо отдельные части человеческого существа символизируют структуру мира как целого. Так и в натурфилософии Шеллинга проявляется идея творческого начала в самой природе, ибо природа не только объект как готовый продукт, но и субъект – творящая продуктивность в лице человека. Именно творчество есть то общее, что объединяет человека как свободного существа и природу как живое органическое начало, как сама жизнь, воплощенная в искусстве. В вечном природном круговороте, в хаотическом движении рождается

[1] Цит. по: *Шульц Г.* Новалис: Сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Челябинск, 1998, с. 194.

[2] *Новалис*. Генрих фон Офтердинген. Фрагменты; Ученики в Саисе. СПб.,1995, с. 150.

живой организм, который живет, умирая, и рождается заново. Позднее М. Хайдеггер, вспоминая слова Новалиса: «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома», комментирует их – «быть повсюду дома» значит быть в природе, быть в целом (едином)[1]. Человек всегда на пути к этому целому, к вечности, собственному «Я».

Тема странничества в немецком романтизме – глубоко философская проблема, символизирующая странствие человека в мире не ради познания мира, а для самопознания, понимания себя, обретения своего индивидуального «Я», переживающего мир как целое. «Только живущий в целостном мире может понять соотношение нашего мира»[2], – писал Новалис. «Мы мечтаем о путешествиях через вселенную: так разве вселенная не в нас?», в странствии по миру, мы пытаемся заглянуть в свою душу и, проникая в себя, мы пытаемся понять мир (Новалис)[3]. Таким образом, романтики выступали против эмпирической, утилитарной программы века Просвещения, идеи прогресса, когда природа рассматривалась практическим разумом только в качестве дикого существа, которое нужно покорить. Но природа не должна выступать в качестве объекта покорения, а должна вызывать чувства восхищения, гармонии, только тогда «звездный свод» не станет «колесом прялки» (Новалис).

Величайшая идея синтеза всего со всем, единства природы и человека, искусства и науки, философии и литературы (поэзии), философии и религии, синтеза всех видов и жанров искусств воплотилась наиболее полно в философии искусства Шеллинга и эстетике романтиков, провозгласивших культ искусства (поэзии). Именно в искусстве (в литературе, в поэзии) романтики искали универсальный способ понимания богатства жизни и многообразия природного бытия. И такую универсальную форму творчества они нашли в романе, так как для того, чтобы «лучше познать жизнь и самого себя», необходимо «непрерывно писать роман» (Ф. Шлегель), ибо «Роман – это жизнь в форме книги» (Новалис). Так же и Ф. Шеллинг,

---

[1] *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993, с. 330.

[2] *Новалис.* Гейнрих фон Офтердинген. Часть вторая. Свершение / пер. З. Венгеровой и В. Гиппиуса. Вступит.статья З.Венгеровой // Избранные сочинения Новалиса / под ред. В.А.Зоргенфрея. Всемирная литература, Петроград, 1922, с. 157.

[3] Цит. по: *Шульц Г.* Новалис: Сам свидетельствующий о себе и о своей жизни, с. 134.

говоря о современной эпической форме текста, выделял именно роман как высшее ее воплощение. Роман – это уже не эпос в чистом виде, это «соединение эпоса и драмы». Шеллинг и романтики, таким образом, выступили против жестких рамок художественного жанра, они создали свой собственный стиль – романтический, критерием которого стало «живое, положительное чувство присутствия бесконечного, божеского во всем конечном»[1]. Не познание природы (здесь романтики расходились с Шеллингом), а творческая интуиция, любовь к природе помогают человеку глубже проникнуть в ее тайны, а значит понять самого себя.

Одним из ярких представителей йенского романтизма, внесшего наибольший вклад в становление герменевтики как особой самостоятельной области научного знания и метода, является Ф. Шлейермахер немецкий филолог, философ, теолог и проповедник, отразивший насущную необходимость развития герменевтики как самостоятельной области знания. Необходимо отметить, что именно в XIX в. увеличился интерес к герменевтике среди философов, теологов, филологов, в этот период наблюдалось стремительное развитие гуманитарных наук. Обнаруживалась тенденция к их отделению от философии не только в смысле разделения научного труда, но и в смысле методологической автономии, а также возникла острая необходимость методологического обоснования гуманитарного знания. Идея Ф. Шлейермахера о герменевтике как «искусстве понимания» в общем должна быть одинаково применима для любого вида текстов, начиная со Священного писания и заканчивая философскими и научными исследованиями.

В «Речах о религии к образованным людям, её презирающим» Ф. Шлейермахер утверждал, что «образованные люди» должны не презирать религию, а признавать «её огромную нравственную, политическую, идеологическую и вообще социальную ценность и включить в систему своих идей»[2]. Презрительное отношение к религии проистекает, как считал философ, из неправильного понимания самой религии, и тут же предлагал своё понимание религии, где противопоставил «рациональную теологию» и «моральную теологию». Рели-

[1] *Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996, с. 3.

[2] Цит. по: *Габитова Р.М.* Философия немецкого романтизма: Гёльдерлин, Шлейермахер. М.: Наука, 1989, с. 72.

гия в данном случае не может быть ни сведена к чему-то одному, ни представлять собой их механическое соединение. В своих трудах о религии Ф. Шлейермахер начинает применять «герменевтику» как особый метод познания.

Стремясь к правильному пониманию и истолкованию Священного писания, он заложил основы герменевтики как самостоятельного научного направления. Герменевтические изыскания Шлейермахера как раз приходятся на первые три десятилетия XIX века. Он начал заниматься герменевтикой в Галле (1805), продолжил в Берлине, где читал соответствующие курсы. Но систематического труда по герменевтике философ не оставил. Его труды вышли в свет уже после смерти философа. Самым известным трудом для русского читателя является сочинение «Герменевтика»[1], основой которого послужил текст, изданный ещё учеником и другом Ф. Шлейермахера Фр. Люкке в 1836 г. Интересно то, что данная книга не написана самим Шлейермахером, она только объединяет несколько текстов, часть из которых принадлежит лично автору, а часть – это лекции, которые в разные годы записали его ученики и слушатели. Трудность в том, что книга не представлена в виде цельного текста, а состоит из множества тезисов, объединённых одной темой. Так что к этому труду философа тоже надо применять герменевтику как искусство толкования текста и как метод познания.

В этом труде Ф. Шлейермахер излагает свои взгляды на герменевтику своего времени. Среди множества определений данного понятия, философ давал и своё: «герменевтика…только искусство понимания, но не искусство изложения понятого»[2]. Но он также отмечал, что герменевтика пока не имела общей формы, а состояла из «множества специальных герменевтик». Теория герменевтики Шлейермахера характеризуется исследователями как поворотный пункт в истории герменевтики. Своим учением он внёс «нечто качественно новое» в теорию герменевтики. Хотя герменевтика Ф. Шлейермахера тесно связана с герменевтическими традициями прошлого, она стала той исходной точкой, с которой началась новая «философская герменевтика». Философ считал, что «герменевтика как искусство необходима всегда, а не только в критические ситуации «общественного

[1] См.: *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. СПб., 2004, 242 с.
[2] Там же, с. 41.

понимания», т.е. когда понимание не происходит больше само собой, «безыскусственно»»[1]. Философ исходил из того, что само собой в жизни происходит только непонимание и как он писал, «непонимание есть следствие либо погрешности, либо предвзятости»[2].

Универсальной целью герменевтики становится желание и поиск понимания, возникает задача овладения техникой понимания. Ф. Шлейермахер проводил различие между «искусственным» пониманием, т. е. осуществляемым по определенным правилам, и «безыскусственным». Речь идет не только о том, что первое связано с чужим языком и письменной речью, а второе – с родным языком и устной речью. Различие в большей степени объясняется тем, что одно хотят понять точно, а другое нет. Точное понимание есть понимание в соответствии с определенное техникой, такому пониманию нужно учиться, как учатся ремеслу. Понимание есть необходимое условие и составная часть образования человека. Оно лежит в самой основе образования, так как неразрывно связано с говорением, с овладением человеком языком, речью. Учиться говорить значит одновременно учиться понимать. Для толкования Шлейермахер вывел каноны (правила): первый канон гласил, что «все, что в данной речи еще требует уточнения, уточняется только из языковой области, общей автору и первым читателям. Область автора состоит из его времени, образования, рода занятий, а также диалекта»[3]. Второй: «смысл любого слова в данном месте должен определяться в связи с теми словами, которые его окружают»[4]. Ф. Шлейермахер утверждал, что понимание всегда проблематично. Проблема понимания постоянно присутствует в истории народов, культур и жизни человека. Проблематичность понимания и универсализация герменевтики – вот тот поворот, который совершил Ф. Шлейермахер, определивший в качестве главной задачи гуманитарного знания обоснование и разработку герменевтики как общей теории понимания.

Ещё одним вкладом в развитие герменевтики как науки была новая установка – «активное понимание» (т.е. понимание-ответ). Отмечалось, что «при активном понимании упор

[1] Цит. по: *Габитова Р.М.* Философия немецкого романтизма: Гёльдерлин, Шлейермахер, с. 103.
[2] *Шлейермахер Ф.* Герменевтика, с. 63.
[3] Там же, с. 73.
[4] Там же, с. 91.

делается на понимание языковой формы в данном конкретном социально-историческом контексте, т.е. на понимание её новизны»[1]. Таким образом, Ф. Шлейермахер совершил важный поворот герменевтики от «мёртвого, пассивного» языка к «живому», от «письменной» речи к устной. Активное понимание стало центральной идеей в герменевтике Шлейермахера. По его мнению, Ф. Шлейермахера, полное понимание возможно только тогда, когда читатели полностью переносятся в душевное состояние автора, во времена его жизни и уже с этой точки зрения могут разрешить все «загадки», которые встречаются в тексте. Эту идею позднее, уже в XX веке развил русский ученый-филолог М.М. Бахтин.

Таким образом, вклад йенских романтиков в развитие герменевтики как самостоятельной области гуманитарных и социальных наук и как особого метода познания, безусловно, признан и позволил перейти к следующему этапу развития герменевтики – философской герменевтике, разрабатываемой уже другими исследователями в XX веке – Г.-Х. Гадамером, М. Хайдеггером, М. Бахтиным, П. Рикёром.

Монастырская И.А., Артюхова Л.А. К идее герменевтики в философии и литературе йенских романтиков. Данная статья посвящена вкладу йенских романтиков (Новалис, Ф.Шеллинг, Ф. Шлейермахер) в становление герменевтики как «искусства понимания», как особого метода познания социальных и гуманитарных наук.

Ключевые слова: герменевтика, понимание, творчество, текст.

Monastyrskaja I.A. Artyukhova L.A. To the idea of hermeneutics in philosophy and literature of the Jena romantics. This article is devoted to the contribution of the Jena romantics (Novalis, F. Schelling, F. Schleiermacher) to the formation of hermeneutics as an “art of understanding”, as a special method of learning social and human sciences.

Keywords: hermeneutics, understanding, creativity, text.

[1] *Габитова Р.М.* Философия немецкого романтизма: Гёльдерлин, Шлейермахер, с. 106.

Л.А. ЕМЕЛЬЯНОВА
кандидат психологических наук, доцент
кафедры управления человеческими ресурсами
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова*

Основные факторы повышения конкурентоспособности коллективных субъектов профессиональной деятельности

В социологии вопросы конкурентоспособности не нашли глубокого осмысления. В то же время феномен «конкурентоспособность» связан с таким понятием, как «успех», достаточно широко рассмотренным в работах Ч. Куна, в концепции социальных конфликтов Р. Дарендорфа, в учении Т. Веблена об успехе как демонстративном потреблении, в трудах Д. Фридмана и М. Хетчера о рациональном выборе как успехе, в теории обмена Дж.К. Хоманса, в работах о рисках Э. Гидденса и У. Бека, а также в трудах отечественных ученых Д.А. Дильмана и Л.Н. Гумилева.

Конкурентоспособность коллективных субъектов рассматривается как достижение ими наилучшего результата в профессиональной деятельности, позволяющего иметь преимущества в сравнении с другими конкурирующими субъектами. Коллективные субъекты профессиональной деятельности – это социальные группы, члены которых объединены общими целями совместной профессиональной деятельности. Конкурентоспособность есть интегральная характеристика субъектов, на формирование и повышение которой влияет совокупность взаимосвязанных факторов.

В ценовой конкуренции доминирующими факторами конкурентоспособности выступают производственно-экономические – высокое качество продукции, низкая цена, наличие материально-финансовых ресурсов и т.п. Не умаляя важности производственно-экономических факторов, отметим, что наличие материально-финансовых ресурсов не обеспе-

* Емельянова Людмила Андреевна, e-mail: ela99999@mail.ru

чит продуктивной деятельности субъектов, если не проводится соответствующий профессиональный отбор на вакантные должности, профессиональная подготовка, переподготовка, обучение субъектов деятельности, низка трудовая мотивация, высок уровень конфликтности, отсутствует авторитет руководителей и т.д.

Таким образом, конкурентоспособность обеспечивается за счет прежде всего самих субъектов профессиональной деятельности, а также социально-культурных и социально-психологических факторов, которые обусловлены взаимодействием субъектов во внешней и внутренней среде. Важную роль играют также организационно-управленческие факторы, представляющие собой способность менеджеров как субъектов управления эффективно выполнять свои функции по мобилизации и реализации всех ресурсов, имеющихся в их распоряжении, в целях повышения конкурентоспособности. Управленческая команда является интегрирующей, координирующей инстанцией, согласующей организационную систему с условиями и требованиями внешней и внутренней среды в процессе повышения конкурентоспособности.

Наряду с вышеназванными факторами социокультурные факторы также представляют большую значимость в повышении конкурентоспособности коллективных субъектов профессиональной деятельности. Они связаны с особенностями культуры российского общества, которая сформировалась вследствие его приспособления к природным и социальным условиям, дальнейшего развития в этих условиях. Суровые природные, климатические условия, большая территория, необходимость постоянной обороны от внешних врагов сделали сильным русский народ. Отсюда появилась склонность к коллективистскому, общинному образу жизни, взаимопомощи. Это формировало в русском народе ценности равенства. Сложившиеся к настоящему времени в России социокультурные условия сложные и противоречивые: с одной стороны, ценности взаимопомощи, сотрудничества, коллективизма советского периода, с другой – вытекающие из формируемой либерально-демократической системы общественных отношений ростки индивидуализма, конкуренции, культа потребления. В современной России сосуществуют черты как традиционного советского социалистического общества, так и новой формирующейся капиталистической системы общественных отношений с рыночной экономикой, диктующей

конкуренцию и необходимость повышения конкурентоспособности субъектов профессиональной деятельности. Все это серьезным образом влияет на формирование организационной культуры, нравственных ценностей, представляющих основные социокультурные факторы повышения конкурентоспособности коллективных субъектов профессиональной деятельности. Вместе с тем обращение к историческому опыту, особенностям национальной культуры, традициям и ценностям, которые веками складывались в России, позволит сформировать приоритетные ценности организационной культуры, к числу которых относятся прежде всего коллективизм, взаимопомощь; духовность.

В современных условиях формирование организационной культуры коллективных субъектов профессиональной деятельности происходит под воздействием требований рынка и в направлении удовлетворения потребностей клиентов. Наличие сильной организационной культуры выступает одним из конкурентных преимуществ коллективных субъектов профессиональной деятельности. Главным в культуре организации является то, что она способна вносить ясность в ожидания субъектов деятельности, обеспечивает их целостность, преданность общему делу, формирует организационное единство за счет ключевых ценностей. Субъекты профессиональной деятельности во взаимодействии друг с другом во внутренней среде, а также во внешней среде придерживаются тех ценностей, которые организация считает эффективными и которые имеют отражение в организационной культуре. В качестве основных элементов организационной культуры можно выделить следующие: декларация цели, миссии, философии, этики организации, коллективный дух, культура качества профессиональной деятельности. Назначение организационной культуры – сплочение коллектива вокруг общих ценностей и целей по повышению конкурентоспособности организации и ее развития. В организационной культуре конкурентоспособной организации приоритетны ценность сотрудничества во внутренней и внешней среде, ценность высокого профессионализма и максимальной его реализации, ценность высоких нравственно-этических стандартов поведения.

Большое значение в повышении конкурентоспособности имеет профессиональная компетентность субъектов профессиональной деятельности. Профессиональная компетентность является результатом целенаправленных усилий

субъектов деятельности, для ее приобретения требуется время, ее не купить за деньги. Ценность профессиональной компетентности субъектов заключается в ее соответствии изменяющимся условиям их деятельности, в умении ее адекватно оценивать с позиций повышения конкурентоспособности и востребованности в организационном пространстве.

Высокая значимость профессионализма субъектов деятельности образно показана в книге П.А. Сорокина «Проблема социального равенства». Он пишет: «Любители мистицизма и интуитивизма могут сколько угодно упражняться в составлении дифирамбов «творчеству и вдохновению». Но ни мы, ни они не поручили постройку моста человеку, не знающему «ни бе, ни ме», в технике строительства, врачевание – не специалисту, обучение – не педагогу. Правда, в нашей действительности бывает еще нередко, что пироги печь поручается сапожнику, а обучение – дворнику, но результаты такой системы – на глазах у всех. … Отсюда следует, что высшая степень знания (и по качеству и по количеству) является источником и более интенсивного творчества культурных ценностей, и обратно, роста материального и психического благополучия, иначе говоря, социального прогресса»[1].

Профессиональная компетентность субъектов профессиональной деятельности представляет для них самих и организации в целом высокую ценность при условии, если она соответствует требованиям организационного развития. Условием повышения уровня профессиональной компетентности субъектов являются инвестиции в обучение с ориентацией на будущее независимо от величины затрат. Переход к гибким технологиям, вовлеченность в инновационные процессы, повышение роли НИОКР в современных условиях требуют от субъектов деятельности готовности к инновациям, получению новых знаний, новым способам организации труда, а также поиска возможностей для максимальной профессиональной самореализации. Повышение конкурентоспособности требует широкой специализации субъектов деятельности и универсализации профессиональной деятельности, т. е. широкого диапазона профессиональной компетентности, чтобы была возможной ротация кадров, горизонтальное перемещение, обеспечивающее взаимозаменяемость. Ротация требует от субъектов деятельности способности выстраивать конструк-

[1] *Сорокин П.* Проблема социального равенства. СПб., 1917, с. 48.

тивное взаимодействие в организационном пространстве, способности быстро осваивать новые процедуры, специальности под влиянием технических преобразований, т. е. социальной и профессиональной мобильности.

Таким образом, в современных условиях наиболее востребован универсальный специалист, умеющий выполнять множество функций, владеющий информационными, компьютерными технологиями. Неготовность субъектов к освоению новых способов и средств профессиональной деятельности рассматривается скорее как отсутствие профессиональной пригодности. В то же время от субъектов требуется профессиональная самостоятельность, автономность и ответственность, умение организовывать и совершенствовать свою профессиональную деятельность при отсутствии контроля, готовность к самостоятельному принятию решения и его качественная реализация. Ответственность предполагает предъявление специалистом к себе высоких требований в отношении результатов профессиональной деятельности.

К основным социально-психологическим факторам конкурентоспособности коллективных субъектов профессиональной деятельности отнесены: эффективная система мотивации на продуктивную деятельность, конструктивные формы взаимодействия (сотрудничество, партнерство) во внутренней и внешней среде, благоприятный морально-психологический климат, социальная ответственность и хорошая репутация.

Мотивация достижения успеха и стимулирование субъектов профессиональной деятельности как важные факторы повышения конкурентоспособности предполагают реализацию коллективных и личных целей профессиональной деятельности субъектов с ориентацией на удовлетворение потребности потребителей. Мотивация достижения успеха тесно связана с высокими результатами профессиональной деятельности субъектов.

Эффективность материального стимулирования субъектов профессиональной деятельности очевидна. В современных условиях материальное стимулирование является наиболее важным и действенным для субъектов деятельности. Оно позволяет им повышать уровень и качество жизни, способствует появлению у них осознания важности своей роли в общей деятельности, заинтересованности руководства в них. В то же время в организациях применяются различные формы морального поощрения субъектов деятельности: грамоты, благо-

дарности, экскурсионные поездки, коллективные выходы в кино, в театр и т.д. Моральное поощрение – это прежде всего позитивное воздействие на настроение отдельного сотрудника, всего коллектива, оно повышает их трудовую активность. Совместное переживание успеха в деятельности, радости признания усилий способствует сплочению коллектива, улучшению его психологического климата, уменьшению текучести кадров, нарушения трудовой дисциплины, в конечном счете, повышению продуктивности деятельности. Стимулирующим фактором повышения конкурентоспособности субъектов профессиональной деятельности является также видение каждым из них личной перспективы. В этой связи целесообразно разрабатывать индивидуальные программы личностно-профессионального развития субъектов деятельности и индивидуальные планы профессиональной карьеры. Видение личной перспективы каждым субъектом деятельности выступает мотивационным фактором повышения продуктивности профессиональной деятельности.

В целях обеспечения конкурентоспособности требуется объединение усилий всех субъектов деятельности, что невозможно без конструктивных форм взаимодействия, сотрудничества. Смысл взаимодействия раскрывается лишь при условии включенности в совместную деятельность всех ее субъектов. Сотрудничество можно рассматривать как стратегию взаимодействия субъектов деятельности, определяющую, в конечном счете, психологическую атмосферу не только в организации, но и обществе в целом[1]. Для сотрудничества характерно взаимодействие субъектов на основе взаимной выгоды по достижению общей цели и решению единых задач. Оно обладает чертами: согласия, взаимопонимания, доверительных отношений. При этом типе взаимоотношений роли между субъектами распределяются таким образом, чтобы каждый вносил свой вклад в общий процесс профессиональной деятельности. Отсутствие деструктивных конфликтов, нарушающих деятельность и ведущих к текучести кадров, является показателем конструктивного взаимодействия субъектов деятельности. Сотрудничество требует от субъектов деятельности умения выстраивать конструктивное взаимодействие не только в организации, но и за ее преде-

[1] *Емельянова Л.А.* Конкурентные отношения в эффективной социальной политике // Социальная педагогика в России, 2014, № 5, с. 8-17.

лами, способности вступать в гуманистические отношения, готовности подчинять индивидуальные интересы коллективным, высоких морально-этических стандартов поведения, что невозможно без коммуникативной компетентности.

Следующим условием повышения конкурентоспособности коллективных субъектов профессиональной деятельности выступает социально-психологический климат. Он определяется факторами внешней и внутренней среды профессиональной деятельности субъектов, представляя собой социально-психологические условия их деятельности, влияющие на ее продуктивность. Социально-психологический климат зависит от следующих внешних факторов: общественно-политической и экономической ситуации в государстве, положения отрасли в народном хозяйстве, условий и уровня жизни в регионе ее размещения и т.п. Социально-психологический климат между субъектами профессиональной деятельности определяет следующие особенности их взаимоотношений: уровень взаимопомощи, доверия, сплоченности, наличия деструктивных конфликтов, выбивающих из трудового ритма и отвлекающих от достижения целей, и т.п.

Внутренняя среда в целом и каждый ее параметр воздействует, преломляясь через восприятие субъектов деятельности, если не прямо, то косвенно на социально-психологический климат. При этом социально-демографический состав коллектива, потребности и мотивы деятельности оказывают существенное влияние на социально-психологический климат.

В современных условиях необходимости повышения конкурентоспособности субъектов профессиональной деятельности большое значение имеет формирование их положительного имиджа у общественности и средств массовой информации. С этой целью коллективные субъекты профессиональной деятельности информируют общественность и журналистов о своей деятельности. В противном случае возникает информационный вакуум, быстро заполняемый ложными слухами, которые могут распространяться как внутри организации среди ее работников, так и во внешней среде. Наибольшую опасность для организации представляют агрессивные слухи, поскольку они целенаправленно распространяются чаще всего конкурентами и имеют наибольшую разрушительную силу. Недостаток информации или ее отсутствие усиливает у людей состояние неопределенности и тревоги, ведет к паде-

нию трудовой мотивации, негативно отражается на конечных результатах. Слухи могут наносить ущерб морально-психологическому климату, приводить к потере квалифицированных сотрудников. Слухи, распространяемые во внешней среде, подрывают доверие к организации и наносят урон ее сложившемуся позитивному имиджу. Хорошая репутация, позитивный имидж являются результатом всей деятельности коллективных субъектов, включающим социальную ответственность, уважение общественных интересов, которые могут выгодно отличать их от конкурентов. Позитивный имидж формирует доверие у потребителей, партнеров, в целом у общественности, негативный – вызывает опасение и недоверие, претензии к качеству продукции, угрозу банкротства, ухудшение отношений с различными группами общественности. Положительный имидж способствует повышению престижа, а, следовательно, авторитета и влияния. Позитивный имидж и хорошая репутация коллективных субъектов профессиональной деятельности способствуют привлечению потребителей и партнеров, сотрудничеству с ними.

Социальная ответственность выступает значимым фактором конкурентоспособности субъектов профессиональной деятельности. Ответственность – это не только внешнее выражение отношения субъекта к профессиональной деятельности, но и внутреннее. Это, прежде всего, осознание субъектом последствий профессиональных действий и профессиональной деятельности в целом. Социальная ответственность субъектов профессиональной деятельности предполагает выработку и реализацию социально-нравственных решений. Коллективный субъект профессиональной деятельности несет ответственность перед другими социальными группами, прежде всего потребителями, за качество производимой продукции и предоставляемой услуги, перед партнерами – поставщиками, инвесторами, органами региональной и государственной власти за выполнение своих обязательств перед ними.

Конкурентоспособность является динамической категорией, ее необходимо обеспечивать, поддерживать, повышать, т. е. регулировать. Регулируемость процессов обеспечения конкурентоспособности коллективных субъектов профессиональной деятельности требует учета формирующих ее факторов. Важное значение имеет регулирование процессов обеспечения конкурентоспособности коллективных субъектов

профессиональной деятельности с социально-нравственной позиции. Особенность этики конкурентоспособности состоит в том, что она носит по преимуществу конвенциональный характер, разделяется обществом или его большинством. Бизнес, не регламентированный узаконенными правилами, действующий по закону джунглей, способен разрушить общество или нанести урон интересам различных групп населения, интересам общества в целом. Нравственное значение профессиональной деятельности субъектов определяется в зависимости от полученных ими общественно значимых результатов, к которым эта деятельность приводит – прямо или косвенно. Важнейшим условием наличия морального статуса конкурентоспособности субъектов профессиональной деятельности является направленность их деятельности на общественный интерес, на успех в обществе при поддержании существующих в нем нравственных ценностей. При этом большое значение имеет то, какими средствами она достигнута. Поэтому конкурентоспособность предполагает использование конкурирующими субъектами нравственных средств ее достижения.

Таким образом, конкурентоспособность коллективных субъектов профессиональной деятельности зависит от множества факторов. В данной работе представлены лишь некоторые из них, наиболее важные с точки зрения рассмотрения конкурентоспособности как социального явления. В связи с этим при исследовании конкурентоспособности субъектов необходимо учитывать специфику их профессиональной деятельности, сложившиеся внутренние и внешние социально-экономические, политические условия и т.п.

Емельянова Л.А. Основные факторы повышения конкурентоспособности коллективных субъектов профессиональной деятельности. В статье представлены основные факторы конкурентоспособности субъектов профессиональной деятельности как социального явления.

Ключевые слова: конкурентоспособность, профессиональная компетентность, сотрудничество, мотивация, организационная культура, социальная ответственность.

Emelyanova L.A. The main factors of increasing the competitiveness of collective subjects of professional activity. The article presents the main factors of competitiveness of subjects of professional activity as a social phenomenon.

Keywords: competitiveness, professional competence, cooperation, motivation, organizational culture, social responsibility.

М.А. МАММАЕВА
кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и истории
Дагестанского государственного аграрного
университета им. М.М. Джамбулатова

З.Н. ЛОБАЧЁВА
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории ДагГАУ

З.С. БИГАЕВА
кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и истории ДагГАУ*

К вопросу о социально-экономических проблемах сельской молодёжи на современном этапе

Сельское хозяйство традиционно выступает одним из центральных секторов народного хозяйства Дагестана. На его долю приходится почти 30% валового рационального продукта, и в нем работает более четверти занятого населения. Почти 60% населения республики проживают в сельской местности (население РД по данным последней переписи населения в 2010 г. составляет чуть менее 3 млн.).

Агропромышленный комплекс Дагестана переживает сегодня не самые лучшие времена, долгое время находясь в состоянии становления рыночных отношений.

Распад Советского Союза, сложнейшие процессы, которые охватили народное хозяйство России в 90-е гг. XX в. наложили свой глубокий отпечаток на дальнейшее развитие Дагестана. Положение экономики республики также серьёзно было осложненно из-за экономической блокады в результате двух чеченских войн, а также из-за политической неустойчивости на территории всего Северного Кавказа.

* Маммаева Мадина Абдурахмановна, Лобачёва Зоя Николаевна, Бигаева Зарема Саидовна, e-mail: achmedov_69@mail.ru

Развитие аграрного сектора республики без поддержки государства практически невозможно, так как отрасли сельского хозяйства в большей степени, чем остальные зависят от воздействия климатических и природных условий. Банковские учреждения неохотно выдают кредиты сельскохозяйственным производителям, поскольку доля риска очень высокая и никто не может предсказать, какой будет будущий урожай.

Основными причинами, повлиявшими на уменьшение производства продукции сельского хозяйства в Дагестане были резкое сокращение со стороны государства финансового и материально-технического обеспечения сельского хозяйства, и, вследствие этого, значительное сокращение посевных площадей.

После так называемой борьбы с пьянством во времена перестройки М.С. Горбачева, в кризисной ситуации вымирания оказалась такие развитые сектора сельского хозяйства республики, как виноградарство и садоводство.

Не прижились в республике и фермерские хозяйства, на которые руководство возлагало большие надежды в подъёме сельскохозяйственного сектора Дагестана. В очень тяжелом положении оказалась ведущая отрасль сельского хозяйства республики – животноводство: значительно сократилось поголовье скота в результате слабого технического обеспечения и оснащения.

Слаборазвитая собственная экономическая база, невысокий производственный и финансовый потенциал в итоге привели к тому, что республика стала существенно зависима от завоза сельскохозяйственной продукции из других регионов России.

Высокими темпами растет безработица в сельской местности, что приводит к оттоку населения, особенно молодёжи, в города. Происходит процесс старения сельского населения: тяжёлые условия сельской жизни способствуют формированию миграционных настроений у молодых жителей села.

Молодежь, получив диплом об образовании, старается остаться работать в городе или вообще уехать из республики в поисках заработка. Состояние рынка труда в сельской местности усугубляется низким культурно-бытовым обслуживанием населения, особенно в высокогорной части Дагестана. Закрываются клубы и никакой молодёжной политики на селе не проводится.

Бюджет республики целиком зависит от дотаций из федерального центра. Основная задача, которая стоит перед органами власти в сельскохозяйственном секторе – достижение продовольственного самообеспечения и полной занятости молодёжи на селе.

Негативные тенденции, продолжающие проявляться в развитии народного хозяйства республики в первой четверти XXI в. привели к сокращению финансирования, уменьшению объемов строительства и общему ухудшению состояния социально-культурной сферы в сельской местности. Этому способствовало и заметное снижение интереса власти к решению социальных проблем сельских жителей республики.

Сложная демографическая ситуация в дагестанском селе привела к уменьшению общей численности учащихся в сельских общеобразовательных школах. Следствием этого явилось резкое сокращение числа выпускников сельских школ республики. Дагестанские вузы и другие средние образовательные учреждения не в состоянии охватить всю сельскую молодежь, а в связи со все шире распространяющейся платной системой обучения число сельских абитуриентов в них только сокращается, так как далеко не все смогут оплатить свою учебу.

На общественных слушаниях Общественной палаты РД на тему «Состояние и перспективы развития молодёжной политики в Дагестане» говорилось о том, что «Дагестан самый молодой регион – 57% населения до 30 лет составляет молодёжь. Власть понимает, что развивать молодёжь значит усиливать инновационно-творческий потенциал молодого поколения, закладывать основы будущего роста, накапливать силы для ускоренного выхода страны из тяжёлого положения»[1].

Одними из наиболее слабых в условиях коммерциализации общества и становления рыночных отношений оказались сельские культпросветработники и культурно-просветительные учреждения республики, количество которых с каждым годом уменьшается. На этом фоне всё большую роль играют телевидение и интернет в формировании и удовлетворении духовных запросов сельских жителей. Но также проявляются и негативные аспекты широкого проникновения телевидения и интернета в быт дагестанской

[1] Взрослые проблемы молодёжной политики // Дагестанская правда, 22 ноября 2018 г.

сельской семьи, так как они являются основными, а зачастую единственными видами проведения досуга.

Все эти непростые и неординарные процессы, происходящие в жизни нашего государства в целом и Дагестана в частности, привели в итоге к потере у большей части населения духовно-нравственных ориентиров, к разрушению преемственности поколений.

Дагестан справедливо называют самой исламизированной республикой Российской Федерации. Исламская религия олицетворяет собой традиционные многовековые ценности и играет позитивную и конструктивную роль в духовно-нравственном становлении и развитии молодого человека. В постсоветский период в республике всё нагляднее проявляется интерес молодёжи к роли исламской религии в повседневной духовной жизни. Одним из ярких признаков возрождения ислама в Дагестане стало всё более возрастающее число молодёжи в мечетях, особенно в сельской местности, и открытие нескольких тысяч мечетей и молельных комнат по всей республике. Молодые прихожане стали всё больше ощущать свою принадлежность к исламскому миру и мусульманской культуре. Всё чаще молодёжь стала интересоваться различными сторонами религиозного учения и пытаться искать в нём ответы на вопросы, которые их интересуют.

Но на положительном фоне возрождения и развития религии нельзя не заметить того, что в республике активно распространяется экстремистская религиозная литература из-за рубежа, которая пропагандирует воинствующий радикальный ислам.

В 90-е гг. наряду с традиционным исламом среди мусульман Дагестана, особенно молодых прихожан, получают распространение такие крайние течения, как фундаментализм и ваххабизм.

Радикальные методы, применяемые боевиками, стала поддерживать некоторая часть представителей учащейся молодёжи Дагестана, особенно сельской, считая их ключом к решению существующих проблем: безработицы и расслоения общества. В поисках «лучшей доли» молодёжь Дагестана выезжает за пределы страны в Сирию воевать на стороне ИГИЛ – террористической организации запрещённой на территории России.

Положение в республике усугубляется отсутствием профессиональных идеологических кадров, умеющих вести идейно-воспитательную работу среди молодёжи.

В последние годы на сельскохозяйственных предприятиях хоть и наблюдается тенденция роста размеров заработной платы, уровень ее остается очень низким. Причин этому множество, среди них и выплаты зарплаты во многих хозяйствах в натуральной форме.

Потенциал большинства сельскохозяйственных предприятий неуклонно снижается, в среднем на одном предприятии числится всего 40-50 работающих, включая сезонных. В то же время практически каждая сельская семья ведет своё подсобное хозяйство, занимается садоводством и овощеводством.

Одной из проблем сельского населения является сбыт произведенной продукции и ее предварительное хранение. Отсутствуют централизованные закупки, что не позволяет регулировать цены на сельскохозяйственную продукцию. Перекупщики зарабатывают намного больше, чем сами производители.

Разрозненность мелких производителей, высокие транспортные расходы, монополизм перерабатывающих предприятий, – все это не способствует повышению уровня доходов тружеников села. В рамках приоритетного национального проекта развития агропромышленного комплекса в республике предлагается создание системы сельской потребительской кооперации. Ограничена и ресурсная база, прежде всего земли, пригодной для проведения сельскохозяйственных работ.

На фоне недостатка земельных ресурсов негативно выглядит избыток трудовых ресурсов в сельской местности. Плотность населения в Дагестане намного выше, чем в России. Крайне низок и уровень технического обеспечения сельского хозяйства. Сельхозугодия используются не по назначению, что в условиях малоземелья является непозволительной роскошью.

Ректор ДГАУ профессор З.М. Джамбулатов, говоря о студентах вуза возвращающихся с практики из-за рубежа, отметил: «Примечательно, что всегда по возвращении

студентов удивляет не совсем практичное отношение дагестанцев к земле»[1].

Говоря о вопросах и перспективах развития дагестанского села, невозможно ограничиваться проблемами, которые характерны для всех сельских районов Дагестана, так как в разных сельских районах это индивидуальное решение вопросов. Все это предполагает необходимость территориальной дифференциации социальной политики в сельской местности. Без этого нельзя будет обеспечить координированное социально-экономическое и культурное развитие всех компонентов дагестанского села.

В республике предпринимаются попытки решения проблем молодёжи на селе, происходят реальные перемены, создаются условия для эффективной реализации молодёжной политики.

Для привлечения сельской молодёжи республики к своим историческим и культурным истокам на основе Дагестанского союза молодёжи при финансовой поддержке правительства в республике реализуются различные федеральные молодёжные проекты.

Также в республике активно внедряется программа для молодых специалистов – врачей, которые будут готовы работать в сельской местности. Для стимулирования государство предоставляет им выплату в размере 1 млн руб. Рассматриваются также предложения о стимулировании молодых учителей на селе в Дагестане. В республике на сегодня не хватает 466 педагогов, из которых 366 – в сельской местности[2].

Проблемы сельской молодёжи активно обсуждаются на встречах актива Дагестанского отделения общественной организации «Российский союз сельской молодёжи» с представителями различных структур региональной власти.

Председатель Комитета Народного Собрания по аграрной политике Дагестана Джапарбег Шамхалов на одной из таких встреч, где особое внимание уделялось таким проектам, как «Мобильные бригады» и «Выбираем профессию», нацеленным на информирование сельского населения о мерах государственной поддержки села и профориентацию

[1] Конференция «Роль молодёжи в развитии АПК РД» ДагГАУ им. М.М. Джамбулатова, Махачкала, 2012.

[2] riadagestan.ru> news/-govermment… the… dagestana / 22 ноября 2018 г.

молодежи отметил, «что отсутствие условий инфраструктуры досуга приводит к оттоку молодёжи. Для привлечения молодёжи необходимо создавать им условия». Он подчеркнул, что «Дагестан аграрная республика и поэтому с учётом последних событий – санкций и необходимости продуктового импортзамещения – особенно актуально развитие агропромышленного комплекса»[1].

Всекавказский форум сельской молодёжи, проходивший в Махачкале в ноябре 2018 г. также был посвящён вопросам профориентации сельской молодёжи, повышению престижа аграрных профессий и развитию сельских территорий[2].

Маммаева М.А., Лобачёва З.Н., Бигаева З.С. К вопросу о социально-экономических проблемах сельской молодёжи на современном этапе. В данной статье основное внимание акцентируется на современных проблемах сельской молодёжи Дагестана в социально-экономической сфере, при этом подчёркивается исключительно важная роль молодёжи на селе в решении задач аграрного сектора экономики Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан, село, молодёжь, сельское хозяйство, экономика, ислам.

Mammayeva M.A., Lobacheva Z.N., Bigaeva Z.S. On the issue of socio-economic problems of rural youth at the present stage. This article focuses on the current problems of the rural youth of Dagestan in the socio-economic sphere, emphasizing the extremely important role of young people in rural areas in solving problems in the agricultural sector of the Dagestan economy.

Keywords: Dagestan, village, youth, agriculture, economy, Islam.

[1] riadagestan.ru> news/the- people… assembly…dagestana…3 ноября 2015 г.
[2] mcxrd.ru>informatsiya/item/3972

ГО ЧАНЧАО
аспирант кафедры политологии Востока ИСАА
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Современные подходы к исследованию глобальной безопасности

Распад Советского Союза и мировой системы социализма подвел черту под существованием на протяжении четырех с лишним десятилетий мирового порядка, в котором мир был разделен на сферы влияния между двумя полюсами силы. Достигнутый в этот период баланс политических сил не допускал доминирования в международной системе одного государства.

Стратегия взаимного сдерживания, усугубленная ядерным устрашением, делала мир в известном смысле предсказуемым и стабильным. Реализация такой политики требовала огромных ресурсов, отвлекаемых от решения иных важных задач. Более того, силовая военная двухполюсность этой модели международного мироустройства, как выяснилось, не только не исключала рассеивания глобальной власти, но даже провоцировала его. Перед менее крупными государствами вставала дилемма: с одной стороны – стремление к суверенитету, склонность к уходу от опеки сверхдержав, а с другой – вынужденное желание быть гарантированно защищенными этими сверхдержавами от военных угроз.

По мнению известного политического эксперта в области геополитики и международных исследований Дж. Айкенберри, «центральной проблемой международных отношений является проблема порядка – как он устроен, как он разрушается и как восстанавливается»[1]. Из многообразия известных определений этого термина в контексте данной

* Го Чанчао, e-mail: guochangchao@hotmail.ru

[1] *Ikenberry J.* After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton, New Jersey, 2001.

статьи мы выберем подход Ю.П. Давыдова, который понятие «мировой порядок» рассматривает как «состояние системы международных отношений, соответствующим образом запрограммированное на ее безопасность, стабильность и развитие и регулируемое на основе критериев, отвечающих нынешним потребностям прежде всего самых влиятельных субъектов данного мирового сообщества»[1].

Сложившиеся постбиполярные реалии – экономическое, военное, идеологическое превосходство США и Запада – большинством специалистов-международников были восприняты как утверждение новой модели мирового порядка с единственным центром во главе – «американский порядок». Самопровозглашенное право на мировое лидерство было зафиксировано в официальных документах США. В стратегии национальной безопасности США нашли свое выражение такие задачи, как установление «лидерства США в мире», продвижение демократии за рубежом», обеспечение «свободного доступа к иностранным рынкам, энергетическим и минеральным ресурсам».

Хотя США сохраняют сегодня по-прежнему большинство инструментов глобальной власти – экономическое, финансовое, технологическое, военное лидерство, их роль в современной архитектуре международных отношений в последнее десятилетие стала меняться. Ответом на политику экспансии и однополярности, проводимую Соединенными Штатами, становится поиск новой архитектуры мироустройства. Учитывая стремительный экономический рост Китая, усиление национальной мощи Индии, возвращение России в число активных и влиятельных международных акторов, а также появление таких новых игроков, как Бразилия, Иран, необходимость выработки правил нового мирового устройства, исключающего дисбаланс сил, определяемый желанием утвердить однополярную гегемонию США, становится все более актуальной для мировой политики.

Можно предположить, что процесс формирования нового мирового устройства займет достаточно много времени и будет сопровождаться существенными рисками для человечества. Залогом того, что этот период не станет периодом хаоса и анархии в системе международных отношений,

[1] *Давыдов Ю.П.* Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002..

должны стать целенаправленные действия крупных мировых держав. Представляется, что ключевую роль в обеспечении глобальной стабильности в этот период могут сыграть Россия, Китай и Индия.

Китайское правительство выступает против устройства мира на основе силы той или иной державы и формирования вокруг нее разного рода альянсов. Ли Кэцян подчеркнул, что «китайская сторона не желает, чтобы какое-либо государство было вынуждено выбирать себе сторону в духе мышления эпохи холодной войны», и что «китайская экономика продолжит выступать в качестве мощного движителя глобальной экономики»[1].

В современных условиях Россия, Китай, Индия и другие ведущие государства Евразии должны исходить из необходимости сформировать структуры обеспечения системы коллективной безопасности на материке, которая могла бы стать важной составной частью международной системы безопасности.

Следует весьма позитивно оценить китайско-российско-индийское взаимодействие, которое в целом функционирует довольно эффективно и плодотворно, прежде всего в области региональной безопасности, включая сотрудничество в рамках БРИКС. В данном случае в подходах стран наблюдается высокая степень сходства. Как пишет Ч. Зиглер, БРИКС «относится подозрительно к мотивам Запада по продвижению силовой интервенции» и «относится обоснованно скептически к утверждениям, что такие интервенции принесут больше пользы, чем вреда»[2].

С начала 2000-х гг. политические аналитики, политологи и политики РИК стали разрабатывать практические и теоретические проблемы создания и функционирования стратегического треугольника «Пекин – Москва – Дели». С 2001 г. проходят ежегодные научно-практические международные конференции политологов трех государств, посвященные анализу перспектив, возможностей, форм и направлений межгосударственного взаимодействия РИК.

---

[1] Китай намерен содействовать глобальной интеграции, миру и стабильности URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4097205 (дата обращения: 01.10.2018).

[2] *Ziegler C.E.* Critical perspectives on the Responsibility to Protect: BRICS and beyond // International Relations, 2016, vol. 30, № 3, p. 262-277.

В научных публикациях преобладают несколько исследовательских подходов к факторам образования этой «оси»:

– во-первых, некоторые авторы определяют «стратегический треугольник» как военно-политический союз, имеющий антизападную и в первую очередь антиамериканскую направленность. Они рассматривают международные отношения в качестве антагонистического противоборства субъектов, имеющих свои эгоистические цели и признающих главным образом военные и силовые методы их достижения. Помимо этого, данная группа ученых испытывает сильное воздействие миросистемного подхода, определяющего мировую политику как арену борьбы «ядра» (развитых постиндустриальных стран) и «периферии» (развивающихся государств)[1].

Очевидно, что стремление противостоять «гегемонизму» (под которым подразумеваются внешнеполитические действия США и их ближайших союзников) оказало значительное влияние на формирование подхода по стратегическому партнерству РИК. Первоначально Е.М. Примаков выступил с идеей создания «стратегического треугольника» России, Китая и Индии. Его предложение прозвучало во время американо-британских бомбардировок Ирака, которые получили резкое осуждение со стороны руководства России. Так, российских послов отозвали для консультаций из США и Великобритании, а ВМФ и сухопутные войска РФ были приведены в повышенную боевую готовность.

В же самое время среди китайских и российских дипломатов в Пекине проходили консультации о будущей институционализации «стратегического треугольника». В этой связи Ю.А. Жулин прямо утверждает, что РИК создавался «с явным антиамериканским подтекстом»[2]. В.Л. Андрианов называет РИК «адекватным ответом на вызов Запада», С.Г. Лузянин отмечает, что РФ с Китаем стремятся к сплочению в качестве противовеса США[3].

---

[1] *Мареева Ю.А.* Стратегический треугольник «Россия – Индия – Китай» в международных отношениях (теория и историческая практика) // Вестник МГИМО, 2012, № 5 (26), с. 240-249. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/mareeva.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

[2] *Жулин Ю.А.* Россия и Китай: военно-политические проблемы взаимной безопасности на пороге XX-XXI вв. Саранск, 2005.

[3] *Панченко М.Ю.* Управление АТР на примере «стратегического треугольника Россия – Индия – Китай»: межпарадигмальный подход. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2009/vipusk__21._dekabr_2009_g./panchenko.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

Ряд китайских ученых отмечают, что взаимодействие России, Китая и Индии направлено на сдерживание американских претензий на мировое господство[1]. Так, Хэ Вэйгань называет Россию и Китай крупнейшими соперниками США[2]. Ма Шуфань отмечает, что эти государства могут «служить мощной уравновешивающей силой для предотвращения стремления США к однополюсному миру»[3]. Как следует из этих оценок, большая часть российских, индийских и китайских политологов с той или иной степенью жесткости высказались по поводу партнерства РИК с позиций неореализма и реализма, рассматривая его как фактор сохранения баланса сил в мире и создания мирового порядка на основе «многополярности».

Широкое распространение имеет неконфронтационная трактовка «стратегического треугольника», которая не рассматривает РИК в качестве альтернативного антизападного объединения или военно-политического союза. Сторонники такой позиции определяют отношения между РИК как «трехстороннее взаимодействие», «трехстороннее сотрудничество», «стратегическое партнерство», «диалог», причем все это не направлено против третьих стран[4].

Стоит отметить, что либеральная и неолиберальная парадигмы исследования «стратегического треугольника» РИК не имели широкого распространения. Их понимание партнерства РИК основывалось на утилитарно-рационалистском подходе, согласно которому международное сотрудничество осуществляется в виде стремления к получению максимальной выгоды, а не к верховенству политического влияния или проталкиванию каких-либо моральных принципов. В связи с этим они высказывались за укрепление трехстороннего взаи-

---

[1] *Чже Сун Хун.* Развитие военного сотрудничества между Россией и Китаем // Социально-гуманитарные знания, 2008, № 5, с. 339-343; *Чэнъ Цзумин*. Возобновление Дохийского раунда переговоров и углубление экономического сотрудничества между Китаем, Индией и Россией // Проблемы Дальнего Востока, 2007, № 1, с. 28-32.

[2] *Мареева Ю.А.* Указ. статья // Вестник МГИМО, 2012, № 5 (26), с. 240-249. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/mareeva.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

[3] Цит. по: *Панченко М.Ю*. Управление АТР на примере «стратегического треугольника Россия – Индия – Китай»: межпарадигмальный подход. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2009/vipusk__21._dekabr_2009_g./panchenko.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

[4] *Титаренко М.Л*. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/Titarenko_Dalnii_Vostok.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

мовыгодного сотрудничества, не препятствующее при этом развитию финансовых и торгово-экономических связей с международными партнерами[1].

В современных условиях особое значение для глобальной безопасности приобретает китайско-российской сотрудничество. Китай и Россия совместно, уже практически синхронно, пропагандируют и практикуют новую концепцию безопасности – так называемый Шанхайский дух, благодаря которому путем мирных переговоров они окончательно решили территориальные вопросы. Страны проводят совместные учения на суше, в Желтом и Японском, Черном и Средиземном морях.

Как отметил Президент В.В. Путин, «25 лет назад мы объявили о строительстве новых отношений, отношений стратегического партнерства, и 15 лет назад подписали договор о дружбе и сотрудничестве. За это время проделана огромная работа, которая привела нас к беспрецедентному уровню взаимного доверия, которое лежит в основе нашего взаимодействия»[2].

Китай и Россия проводят на самом высоком уровне интенсивные консультации по проблемам, затрагивающим безопасность обеих стран и сопредельных регионов, а также формируют по отношению друг к другу все более важные по приоритетности элементы в своей внешнеполитической стратегии.

Вышеуказанные позитивные тенденции, безусловно, имеют корни в общих подходах двух стран, среди которых мы можем отметить следующие:

- выступление против разделяющей военно-блоковой системы под предлогом поддержания мира в регионе, за всеобщее участие в решении вопросов региональной безопасности;

- выступление против размещения систем ПРО любого рода и под всяким предлогом, за паритетную и всеобщую безопасность;

---

[1] Китайский фактор в новой структуре международных отношений и стратегия России. М., 2004. URL: http://nikitskyclub.ru/wp-content/uploads/2015/04/20.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

[2] Владимир Путин: сам факт взаимодействия Китая и РФ – фактор стабильности в мировых делах. URL: http://tass.ru/opinions/interviews/3389739 (дата обращения: 01.10.2018).

- выступление против появления ядерного оружия на Корейском полуострове, за политические переговоры с учетом интересов обеих стран;

- выступление против фальсификации истории Второй мировой войны, против ремилитаризации побежденного агрессора.

В то же время нельзя не обратить внимания на текущие тенденции, отражающие несходство позиций двух стран.

1. Для России разговоры о развитии Дальнего Востока прежде всего затрагивают вопросы, связанные с опасениями в области безопасности, что прямо или косвенно связано с эффективностью реализации многих экономических и инфраструктурных проектов. Между тем для Китая принципиально, чтобы торгово-экономические отношения развивались успешно и дали импульс развитию его северо-восточных провинций.

2. Разные преимущества у двух стран, в особенности, когда речь идет о территориальных вопросах. Нетрудно заметить, что Россия обладает самой выгодной позицией, Япония находится посередине, а у Китая наиболее неблагоприятная комбинация факторов.

3. Неполное совпадение в оценке степени серьезности корейской ядерной проблемы, что можно объяснить жизненной приоритетностью Восточной Азии для обеих стран. В частности, в России сложилось мнение о том, что действия Северной Кореи в целом понятны, поскольку политику, подобную той, что проводили американцы в Югославии, Ливии или Сирии, можно предотвратить только имея в наличии ядерное оружие.

4. Южно-Китайское море. Россия, не имея жесткой позиции в этих спорах, довольно активно осуществляет практические действия в военной и энергетической областях, тогда как в китайском обществе уже достаточно давно идут бурные дискуссии по этому поводу.

Наконец, нередко можно услышать рассуждения российских экспертов о необходимости усилить сотрудничество с соседями Китая, чтобы было чем ответить в случае начала наступательной китайской политики.

В заключение хотелось бы поделиться предложениями, которые, на наш взгляд, могут способствовать нейтрализации вышеперечисленных негативных моментов.

Китаю предстоит представить более четкое, прозрачное, аргументированное толкование плана в отношении своего стратегического партнера, т.е. России.

России следует проводить более объективное, всестороннее исследование различных сторон жизни Китая. При этом необходимо подчеркнуть, что применительно к двум указанным выше моментам существует значительная доля обязательств у специалистов и ученых обеих стран.

Представляется необходимым и разумным более тщательно изучать озабоченность по тем или иным проблемам, исходящую от другой стороны, не увеличивая несходство во мнениях, избегая конфликтов между собой и не давая третьей стороне шансов на разыгрывание выгодной «карты».

Го Чанчао. Современные подходы к исследованию глобальной безопасности. В данной статье рассматриваются существующие современные подходы к исследованию проблем глобальной безопасности на основе работ российских, китайских и западных ученых. В рамках политического взаимодействия Россия – Индия – Китай автор определяет основные направления исследований трехстороннего формата в контексте становления новой системы глобальной безопасности.

Ключевые слова: Россия, Китай, Индия, глобальная безопасность, политическое взаимодействие.

Guo Changchao. Modern approaches to the study of global security. This article examines modern approaches to the study of international security issues based on the works of Russian, Chinese and Western scientists. The author, using the example of political interaction between Russia, China and India, determines the main areas of research of the trilateral format problems within the framework of the emergence of a new system of global security.

Keywords: Russia, China, India, global security, political interaction.

Г.Р. БАЙТУРИНА
аспирант кафедры гуманитарных и общественных наук Института инновационных технологий и государственного управления, МИРЭА – Российского технологического университета*

Новый класс как главный участник управленческого процесса

Изменения в структуре занятости развитых стран вызвали к жизни появление «нового среднего класса», в который вошли «белые воротнички»[1], составившие с начала XX в. значительную конкуренцию работникам физического труда в структуре занятости. Сегодня «новый класс» позиционируется в качестве главного участника управленческого процесса. Рассмотрим путь осознания этого обстоятельства социальными мыслителями.

В 70-е гг. общественная мысль начинает проявлять интерес к классу (страте) технократии. Значительное место здесь принадлежит Д. Беллу, который представляет развитие технократии как закономерный результат перехода к постиндустриальному обществу. Данный переход Белл характеризует следующим образом: теоретическое знание определяет политические ориентиры и становится источником общественных изменений; ключевая роль в профессиональной структуре общества принадлежит специалистам и техническим работникам; основные решения принимаются с учетом внедрения новых «интеллектуальных технологий».

Д. Белл считал, что «постиндустриальное общество... предполагает возникновение нового класса как фактически господствующего. Его представители «на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов»[2].

* Байтурина Гулия Рифкатовна, e-mail: baiturina@gmail.com

[1] *Mills C.W.* White collar: The American middle classes. L.: Oxford University Press, 1956, p. 64.

[2] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999, с. 124.

Технократическая элита «нового общества» в условиях влияния науки на все сферы общественной жизни заняла доминирующую роль не только в профессиональной структуре общества, но и в сфере правящих элит. Изменения, по Д. Беллу, касаются одновременно и экономической, и политической сфер общества по той причине, что частично сдвигается центр власти в сторону носителей знаний и интеллектуальных технологий в лице ученых и менеджеров, которые выступают в качестве неотъемлемой части в системе принятия решений[1].

Американский экономист и социолог Д. Бернхем развивает технократическую концепцию государства, теорию управленческой революции менеджеров, рассматривает акционерную форму компаний и определяет новую роль управленческих и организационно-технических наук в капиталистическом производстве. Он выдвигает следующий тезис: государственное управление в современном обществе переходит к новому господствующему классу специалистов – управляющих (менеджеров) и технократов, которые не только выступают фактическими собственниками средств производства и выполняют ревизионную функцию, но также смогли сосредоточить в своих руках политическую власть, монополизируя систему образования. В перспективе, по мысли Д. Бернхема, необходимо ожидать установления в мире системного технократического государства, возглавлять которое будет комитет из директоров-технократов.

Ч.Р. Миллс, американский социолог, высказал предположение, что данное событие обусловливают внутренняя логика развития индустриального общества и логика процесса рационализации и экспансии капиталистического производства: появились новые функции, требующие применения профессиональных знаний и управления расширяющимися сферами маркетинга, банковской деятельности, страхования, сферы услуг и пр.[2]

Одним из первых к концепции «нового класса» обратился А. Гоулднер, который в 50-е гг. XX в. исследовал бюрократические организации и поддерживал структурно-

[1] *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества [Электронный ресурс] // URL: http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-...=2 (дата обращения 15.10.2018).

[2] Mills C.W. (1956) White collar :The American middle classes, p. 64.

функциональное направление в социологии, основателем и признанным лидером которого был Т. Парсонс.

В своей концепции Парсонс косвенно отмечал значимость «нового класса», который позиционирует профессиональные и научные достижения как структурный элемент современного общества. Основатель структурного функционализма также считал, что интеллектуалы не бескорыстны: они не обязательно используют свои компетенции в интересах всей социальной си, темы[1] напротив, приобретая некий властный ресурс, они склоняются к извлечению частной выгоды.

В 60-70-е гг. прошлого века Гоулднер отходит от структурно-функционального направления и резко критикует современную западную – парсоновскую по преимуществу, социологию за ее неизбежно апологетическое отношение к существующей системе. В 70-е гг. социолог выступил с концепцией «критически-рефлексивной» социологии. Обосновывая необходимость ее появления, он утверждал, что современное ему капиталистическое общество в действительности находится в кризисном состоянии, когда вместо демократических свобод торжествует власть элиты, устанавливающей «правила игры». В результате у большинства управляемых людей разрушается целостный взгляд на мир, они деперсонализируются, превращаются в безликих функционеров, не способных к активной политической борьбе и даже к артикуляции своих действительных интересов.

Гоулднер утверждал, что «парсонская гегемония»[2] являлась консервативной социальной теорией, фактически представляющей собой определенную форму идеологии. Поэтому, по Гоулднеру, структурно-функциональная социология в своем стремлении способствовать установлению баланса в обществе отходит от ценностного нейтралитета и ориентируется как на норму на положение дел, устраивающее элиту, и оправдывает его. Вместо этого социологическое знание должно обратиться к своему фундаменту и давать критическую оценку существующей власти, а социолог должен применять критическую рефлексию не только к социологической теории, но и к самому себе, отк-

[1] *Parsons T.* Professions. // International Encyclopedia of the Social Sciences. The Macmillan Company & The Free Press, 1968., p. 536.

[2] *Ellsworth R. Furman.* Reflexivity and Alvin Gouldner: The Coming Crisis in 1990 // The American Sociologist. 1989, vol. 20, №4, Winter, p. 359.

рыто признавая, что отношения его как носителя знания и власти являются антиномически-противоречивыми[1].

А. Гоулднер полагал, что если социальному познанию свойствен критический элемент, оно может выступить в качестве главного фактора трансформации социального бытия. По сути он рассматривал критически настроенного социолога как представителя «нового класса», без деятельности которого невозможно преобразовать все общество к лучшему.

А. Гоулднер выделил в социальной структуре современного западного общества три класса с разной системой ценностных ориентаций: капиталисты, пролетариат и новый класс интеллектуалов. Новый зародившийся класс, по словам Гоулднера, состоял из двух социальных групп с существенными отличиями в этосе: научно-техническая интеллигенция и интеллектуалы (гуманитарная интеллигенция).

Новизна позиции Гоулднера состоит в том, что среди основных характеристик нового класса образованных людей, ученых и интеллектуалов Гоулднер выделил монополию на культурный капитал[2], культуру критического дискурса, а также определенную власть, которая исходит из политической свободы, доступа к знаниям и свободы выражения мыслей.

Интеллектуалы и интеллигенция выделяются грамотной, богатой по своему содержанию литературно оформленной речью и могут позиционироваться как самостоятельная речевая общность. Культурный капитал в виде знаний и квалификации и речь становятся мощным оружием, с помощью которого интеллектуалами и интеллигенцией отвоевываются у старой власти привилегированные позиции на рынке труда, а также осуществляется защита своих социальных и экономических прав. В целом имеет место конфликт между старой элитой, тяготеющей к сохранению существующего порядка и привычных методов управления, и «новым классом», претендующим стать новой элитой, изменять общество к лучшему и управлять по-новому. Выражая собственные ам-

[1] *Gouldner A*. The future of the intellectuals and the rise of new class. London: Macmillan, 1979, p. 88.

[2] *Gouldner A.W*. The future of intellectuals and the rise of the new class. Oxford, 1982, p. 128.

биции, новый класс становится авангардом, ставит своей целью модернизировать все общество[1].

Умение вести открытый диалог с властью делает новый класс перспективным социальным агентом развития, предоставляет возможности для вертикальной и горизонтальной мобильности и социального позиционирования[2].

На сегодняшний день исследователи отмечают появление экспертократии, которая предполагает формулирование мнения глубоко образованными людьми, использующими комплекс своих интеллектуальных ресурсов и творческих способностей в профессиональной деятельности. Именно экспертам и их новому влиянию на совокупность всех социальных процессов отводится в обществе ведущая роль[3].

Экспертократия является течением, закономерно следующим за технократией, опирающейся на НТР и технический прогресс. Технократией не предполагается творчество, так как в науке господствует строгий расчет и производство знания. Экспертократией же предполагается формулирование мнения и делается акцент на гуманитаризацию культуры. Соответственно если технократией предполагается власть технических специалистов, то экспертократию считают властью широкого круга экспертов, которых интересуют не только технические, но и по большей части гуманитарные вопросы[4].

Концепция экспертократии основывается на теории «нового класса», так как подразумевает группу высокообразованных специалистов, на доход которых влияет не собственность, а личный интеллектуально-творческий потенциал. Суть ее в том, что менеджеров и технических специалистов заменяют эксперты в узких областях знания, умеющие не только составить заключение, но оказать влияние на экономические и политические отношения как в масштабе одной фирмы, так и в рамках всей страны.

При этом специалист-ученый гуманитарного профиля может играть ведущую роль в развитии ряда экономических и

---

[1] *Бычков С.Ю.* Представление об элите в технократических концепциях XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2011, № 2(22), с. 27.

[2] *Gouldner A.* The future of the intellectuals and the rise of new class, p. 89.

[3] *Полякова В.* Изменение социальной роли экспертного знания // Социальная реальность, 2007, № 5, с. 17.

[4] *Филиппов А.* Участь эксперта // Отечественные записки, 2003, № 1, с. 42

политических процессов. За счет экспертного знания происходят социальные и политические изменения, создаются организации, использующие результаты новых разработок, возникают возможности реализовать интересы различных социальных групп. Экспертиза выступает в качестве нового механизма институционализации знания.

Таким образом, «новый класс» прошел достаточно долгий путь в своем становлении и рассматривается социологами как реалия, начиная с последней третьи XX в. Основной характеристикой нового класса следует считать культурный капитал, проявляющийся в наличии специального образования. Новый класс претендует быть новой элитой, а необходимое условие его существования – рост значимости общественного мнения.

Байтурина Г.Р. Новый класс как главный участник управленческого процесса. В статье рассмотрен «новый класс» в качестве главного участника управленческого процесса, обладающий культурным капиталом и претендующий стать элитой общества. Его появление обусловлено возникновением новой стадии развития общества и необходимостью применения правящим классом профессиональных знаний.

Ключевые слова: новый класс, управленческий процесс, культурный капитал, культура критического дискурса, Алвин У. Гоулднер.

Bayturina G.R. New class as the main participant management process. The article describes the "new class" as the main participant in the management process, which has cultural capital and claims to become the elite of society. Its appearance is due to the emergence of a new stage of development of society and the need to apply professional knowledge for the ruling class.

Keywords: new class, management process, cultural capital, culture of critical discourse, Alvin W. Gouldner.

И.В. КОРНУТА
магистрант кафедры политологии
Института истории и политики МПГУ*

Постмодернистская парадигма как составляющая современной эпистемологии политической науки

В научной литературе дано немало определений феномена «постмодерн». Впервые этот термин был введен в научный оборот А. Тойнби, который связывал постмодерн с событиями, произошедшими после Первой мировой войны. Ему удалось рассмотреть этот феномен как новый историко-цивилизационный этап. Связав упадок цивилизации с наступлением культуры постмодернизма, он полагал, что с окончанием Великой войны в 1918 г. в странах Запада началось исчезновение «модернистских» представлений (легитимность институтов государства, страны-нации, единство общества и семьи и пр.). В его работах под «упадком» понималось скорее начало явного гражданского неповиновения, вызванного индивидуальной моральной аберрацией и ярко выраженным иррационализмом. Одним из следствий подобных процессов автор считал размывание западных смыслов и авторитетов на мировой арене, ведущее к падению западной науки. Исчезновение науки неминуемо приводит к ликвидации всяких стандартов и критериев в познании истинных смыслов вещей и всей реальности. Основой для сложившейся ситуации исследователь считал увеличение роли «культуры посредственностей», ставшей основой массовой культуры. В дальнейшем эта позиция была проанализирована в работах Ж.Ф. Лиотара, Ж. Делёза, М. Фуко, Ж. Бодрийяра и Ж. Дерриды.

Еще в бытность А. Тойнби Ж.Ф. Лиотар выдвинул идею о том, что с падением «модерна» в постмодернистской парадигме разрушается концепция «проекта». Причем к ней Ж.Ф. Лиотар относил самые разные проекты, в том числе и на

* Корнута Игорь Васильевич, e-mail: kornuta2004@mail.ru

макроуровне, например, крупные государственные объединения на планетарном уровне или борьбу человечества за космос. В данном логическом ключе Ж.Ф. Лиотар косвенно указывает на то, что исчезновение последнего великого проектного государства СССР стало настоящим началом глобального постмодерна. В «модерне» же философ видел скрытую культурную матрицу, постоянно меняющуюся под давлением прогресса. «Постмодерн», таким образом, превращался в кульминацию этого процесса, делая прогресс отжившим явлением. Соглашаясь с критикой концепции «абсолютного знания» Л. Витгенштейна, считавшего невозможным его достижение, Ж.Ф. Лиотар видел в метанарративах (повестке дня) структурализма душителя реального прогресса. Он был убежден в том, что различные научные школы и даже векторы науки вообще не могут коммуницировать. Тем самым индивид больше не в состоянии быть абсолютно уверенным в статическом состоянии «реальности» и своих представлений о ней через продуцируемые в научном сообществе смыслы.

Это в свою очередь создает беспрецедентную ситуацию, когда начинает рушиться концепция реальности, заложенная в эпоху Просвещения, когда субъективные представления получили возможность доминировать над объективными. Фактически философ предлагает читателям ответить на вопрос – а в чем смысл того, чтобы просто верить научным авторитетам?[1]. Как результат Ж.Ф. Лиотар проводит параллель между Священным Писанием и научными школами. Если в «премодерне» религия и ее служители были господствующим фактором, то в «модерне» – наука и ее авторитеты, а легитимация открытия в научном сообществе происходит только при посредничестве определенной авторитетной в обществе группы ученых.

«Постмодерн», таким образом, начинает формировать своё собственное понимание мира. Это происходит при помощи самых разных точек зрения на мир. Разные точки зрения на события – вот основа свободы и ликвидация нужды в фантомном прогрессе. Появление в науке и культуре самых

[1] См.: The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Trans. Geoffrey Bennington and Brian Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984 [La Condition postmoderne: Rapport sur le savoir. Paris: Éditions de Minuit, 1979.

разных представлений, таким образом, целиком связано с феноменом постмодернизма. Взглядов на мир становится настолько много, что все они получают право существовать с одинаковой достоверностью. Их смешение приводит к исчезновению единых, внешних и навязанных «метанарративов», используемых подавляющим классом для своего господства. «Правды» как таковой больше не существует: многие СМИ после работ Ж.Ф. Лиотара констатировали начало эпохи «постправды»[1]. В этом смысле смешение образов и позиций может вообще лишиться смысловой нагрузки в постмодерне. Однако даже с учетом существенных парадоксов, которые захватывают постмодерн, в нем все же присутствует истина, так как у любого исследователя есть своя привязка ко времени и пространству.

Особым путем в анализе постмодерна пошел Ж. Бодрийяр. Он был убежден в том, что есть только совокупности различных «симулякров» – имитаций несуществующего. Ж. Бодрийяр считал, что симулякры нужны не для того, чтобы скрывать истину, а для того, чтобы показать, что «истина» скрывает то, чего нет. Поэтому, по мнению философа, симулякр и есть истина – истина, наполненная собственными смыслами. Таким образом, любая симуляция сводится к желанию притворяться тем, чем ты не являешься, думать, что у тебя есть то, чего нет в действительности. В работах Ж. Бодрийяра подчеркивается исчезновение (разрушение) границ между реальностью и продуктом фантазии. Симулякры больше ни на что не ссылаются, когда общаются между собой, а сама реальность зачастую подменяется лишь знаками реального. Типичным примером симулякра в массовой культуре можно считать «meme» (от греч. mimēma – то, что имитируется) – короткий отрезок информации с ярко выраженной эмоциональной окраской. Такой процесс Ж. Бодрийяр называл «гиперреальностью», т.е. процессом лишенным, всякого содержания, который в отличие от привычной для XX в. стройной концепции «реальности» всегда обновляется новыми симулякрами и информационными суррогатами. Именно это мы и наблюдаем сегодня в ходе политической борьбы, ведущейся за власть.

[1] Are we living in a post-truth era? // The Guardian, 12.07.2017. https://membership.theguardian.com/event/are-we-living-in-a-posttruth-era-34826634401 (Дата обращения: 13.03.2018).

В данном логическом ключе нельзя назвать «постмодерн» стройной теорией или системным знанием. Ведь само это явление тотально отрицает любую жесткую систему иерархических отношений, в том числе в науке. Одна из самых ярких точек постмодерна связана с критикой любой системности в оформлении и формировании научного знания и представлений о нем. Ж. Бодрийяр называл это «дискурсом» – специфическим видом формирования повестки дня через язык. Используя язык, люди фактически запирают себя в его рамках, следуя нарративам тех, кто жил до них и формирует лингвистические конструкции сегодня. Как результат постмодерн выступает за ликвидацию любых различий в ценности всякой информации. В этом смысле любой аналитик превращается в простого сочинителя и приравнивается к художнику.

Важнейший вклад в понимание постмодерна был внесен создателем завершенной концепции «деконструкции» Ж. Дерридой. Под «деконструкцией» или «деконструированием» он понимал критический подход к самому явлению аналитического мышления «модернистского» типа, считая некорректным «двоичное противопоставление» и сомнительным любое «застывание» смыслов и суждений. Он полагал, что само понятие «смысла» в любом его виде нужно немедленно «разобрать» или произвести «деконструкцию», ведь каждый текст в постмодерне, будь то научный труд или литературное произведение, носит закрытый характер, но всегда открыт для интерпретации. По этой причине Ж. Деррида был уверен, что реальные политические институты будущего нам просто неизвестны. Он также полагал, что любая власть, основанная на «логоцентризме» (где центральное место занимает логос, или нарратив) и «метафизике», подлежит разрушению (деконструкции). Философ видел в таких понятиях, как «суверенность», «национальное государство» и «закон», порождение метафизики, не имеющее фактического представительства в бытии. Это означает, что каждый из терминов может подвергаться иным трактовкам и перегружаться смыслами. Следовательно, сам феномен демократии может поддаться трактовке и создать «демократию будущего».

Промежуточным этапом между демократией, которая должна быть подвержена деконструкции, и демократией будущего Ж. Деррида считал «отсроченную демократию». Он

рассматривал отсроченную демократию как то, что уже дано или должно неминуемо произойти. По мнению Ж. Дерриды, любые «новые формы» демократии будут связаны с особым гостеприимством, которое будет трансцендировать любые представления из прошлого, включая политические[1]. В реализации «отсроченной демократии» он видел неизбежную реализацию новых принципов справедливости и законности. Неудивительно, что центральным тезисом Ж. Дерриды становится идея о «Новом Просвещении», которое представляется в его работах как некий «квази-идеал», не имеющий стройной и точно сформулированной идеи.

В то же время его выдающийся современник и исследователь постмодерна М. Фуко, изучая природу власти, считал, что ее важнейшим критерием является способность исходить отовсюду. Она представляет собой не «множественного агента», заставляющего других действовать, а встроенную в ткань общества силу. В ней все «властные практики» как субъекты власти используют язык для организации повседневного пространства, перегружаемого полумифологическими представлениями о человеке, что требует деконструировать и само понятие «человек». М. Фуко рассматривал любые формы «субъектности» как пережиток модерна, где разные виды дискурса будут заменены «анонимным шёпотом». Причем, говоря об эволюции политических технологий, он считал, что произошла серьезная подмена реального насилия насилием своеобразных «симулякров». Если в эпоху власти монархов господство осуществлялось путем «видимого насилия», то в «модерне» и цивилизации капитала насилие стало заменяться суррогатными мерами – произошла «гуманизация инструментов насилия». Правонарушения теперь стремятся предотвратить полностью, а среди народа педалируются идеи о «неизбежности наказания». На общество оказывается тяжелое психологическое воздействие.

М. Фуко делает необычный вывод: с развитием научно-технического прогресса, систем сообщения и контроля господство в обществе размывается. Высокий уровень дисциплины и постоянный контроль над ее реализацией сохраняются по сути лишь в самых низких слоях общества. В то

[1] См.: *Derrida J.* Of hospitality // Anne Dufourmantelle invites Jacques Derrida to respond /Translated by Rachanel Bowlby. Stanford, 2000.

же время политическая элита перманентно дистанцируется от контакта с ней и фактически полностью исчезает из вида. Повышая уровень прозрачности в общественных отношениях, общество одновременно увеличивает и уровень несвободы, теряя ее в пользу власти, которая становится полностью невидимой в условиях постмодерна.

С другой стороны, предлагая альтернативу постмодерну, Ю. Хабермас считал, что «постмодерн» как способ описывать бытие, представленный в работах Ж. Дерриды и М. Фуко, слабо отличается от моделей близких к марксизму и уступает модерну. Ю. Хабермас рассматривал процесс перехода от «премодерна» к «модерну» как коммуникативный процесс. Он видел в «постмодерне» некую попытку создать иную коммуникативную среду на базе «модерна». В начале XXI в., по его мнению, произошел переход большинства стран к ориентации на личностное обогащение и потребление товаров глобального производства. Для этого необходимо было изменить суть коммуникативных отношений, однако этого не произошло. Одним из способов описать этот процесс и является «постмодерн». Общество становится все больше несвободным, уступая лидирующую роль в принятии решений узкому кругу лиц в закрытой политической системе[1]. Однако он поддерживает М. Фуко в том, что власть под таким административным управлением трансформируется в закрытую (или даже скрытую) систему, использующую полностью скрытые от общества реальные рычаги управления. Общество больше не может «увидеть» субъекта властных отношений и сопротивляться ему.

В данном логическом ключе огромный интерес представляет концепция «искусственного отбора» и постепенной деградации интеллекта, выдвинутая отечественным исследователем мозга человека С.В. Савельевым[2]. С его точки зрения, современное общество все более видоизменяется под давлением научно-технического прогресса, а социальный процесс становится все более динамичным и энергичным. В исторической ретроспективе можно увидеть, что каждый новый рывок научно-социального развития качественно менял общественные реалии, переводя их на ступень выше. Но происхо-

[1] См.: *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995.
[2] См.: *Савельев С.В.* Изменчивость и гениальность. 3-е изд. М.: Изд. «ВЕДИ», 2018.

дящие в обществе изменения начинают походить на увеличение степени автоматизации. Происходит постепенная роботизация производства, ломаются коммуникационные барьеры, а также совершенствуются методы сокрытия инструментов господства подавляющего класса.

На протяжении всей истории человечества людям нужны были ориентиры в своей деятельности. Этими ориентирами становились религиозные доктрины (премодерн) или идеологические конструкции (модерн). Формировались эти метанарративы посредством реализации идей различных индивидов, стремившихся объяснить мироустройство и цель всего человечества. Здесь можно предположить, что центральным вопросом в любой идеологической конструкции был вопрос властных отношений. Ведь основой идеологии является предложение новой модели управления обществом и распределения его ресурсов. Различные религиозные и политические доктрины предлагали свои концепции данных моделей и выступали в качестве некоего эволюционного инструмента. Дело в том, что в теологических учениях впервые встречается идея ограничения архаической лимбической системы. Таким образом, премодерн и исходящие из него религиозные нарративы фактически давали возможность реализовывать принцип контроля над «добром» и «злом» и канализировать энергию общества в сторону самоулучшения[1].

Используя «деконструкцию» классического понятия «зла», несложно сделать вывод о том, что оно представляет собой модели поведения, свойственные наиболее ранним формам человека. В то время как «добро» представляет собой рациональное и взвешенное поведение «человека» как существа, способного к разумной деятельности, которая не зависит от стимулов и факторов влияния изнутри. Тем самым через концепцию «рая» выводит зависимость между желанием населения Земли жить в идеальных условиях своих предков и сложившимися обстоятельствами[2]. Таким образом, нехитрый механизм позволил обществам «премодерна» построить развитые социальные системы, где была попытка ликвидировать животную дикость и эгоизм человека

[1] См.: *Савельев С.В.* Происхождение мозга. М.: Изд. «ВЕДИ», 2005.

[2] См.: *Савельев С.В.* Возникновение мозга человека. М.: Изд. «ВЕДИ», 2010.

при условии отсутствия реальных достижений цивилизации. На этом этапе существования человека религия стала единственным инструментом ограничения влияния лимбической системы на сознание.

Однако теологические учения – далеко не предел. Коммунистическая идеология, являясь формой гражданской религии, отрицая идею существования любого божества, также имеет свои представления «о добре и зле», где есть свой «светлый путь», где в качестве его антагонистов представлялись реакционные капиталистические силы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в СССР произошло наложение коммунистической идеологии на религиозно-политическую доктрину православия, когда при И.В. Сталине «самодержавие возвращалось в СССР в новом виде, сочетая в себе широкую власть партийного лидера с принципом советской соборности»[1]. Таким образом, теологические и идеологические учения дают возможность индивиду добиться создания некоего архаического рая с сохранением относительно стабильной конструкции общества. При этом от человека требуется лишь подчинение лидерам государства, реализующим свою биологическую доминантность.

Концепция С.В. Савельева дает возможность провести широкое политологическое исследование совсем под другим углом зрения. Ведь деградация объема мозга является одной из центральных тем его изучения[2]. Так, наиболее важными причинами этого феномена С.В. Савельев называет два фактора: 1) приспособление населения и увеличение числа «посредственностей», в чем солидаризуется с А. Шопенгауэром, М. Хайдеггером и Л. Гумилевым; 2) негативные последствия научно-технического прогресса и облегчение жизни населения. Все это позволяет рассматривать эволюцию на современном ее этапе как негативный процесс, в результате которого остаются не самые умные и добрые, а те, кто перенес свой геном в следующее поколение – это единственное условие. Интеллектуальная деградация может иметь и качественный характер, ибо различия по отдельным областям мозга разных людей могут достигать 40 раз. Это

[1] *Асонов Н.В.* Успешная контрреволюция 1917 года // Власть, 2017, № 10, с. 172.

[2] См.: *Савельев С.В.* Церебральный сортинг. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. «ВЕДИ», 2018.

катастрофически влияет на любую возможность ликвидировать социальные конфликты и мировые войны. Здесь главная роль принадлежит «ассоциативным полям», именно они отличают нас от животных. Благодаря этим полям происходит создание всего нового в человеческом мире.

В результате постоянной селекции наиболее гениальных и агрессивных представителей социума происходит общее уменьшение массы мозга. К настоящему временем общая масса мозга упала с 1540-1600 г до 1320-1240 г, что является катастрофической потерей для человечества. Ведь крупный мозг, не гарантируя гениальности, может гарантировать большую площадь случайностей для возникновения отдельных крупных полей головного мозга, ведущих к появлению гениев, способных развивать человеческую цивилизацию и создавать новые формы политической жизни. Сокращение объема мозга сопряжено с увеличением роли и представительства в сознании архаичной лимбической системы. Что следует трактовать как проявление «постмодерна». Любые попытки предложить альтернативную научную концепцию либо упираются в строгую «западную» исследовательскую парадигму, либо рассыпаются в «постмодернистской» логике различия взглядов и создания квазиавторитетов.

Таким образом, философы постмодерна фактически являются глашатаями наступающих биологических процессов, описывая причуды интеллектуального упадка. Одной из главных причин непонимания происходящих процессов стала тотальная деградация европейской науки после Второй мировой войны. Четко выраженный мир «модерна», где господствовала концепция реальности, в «постмодерне» отождествляется с виртуальным. В этом виртуальном мире больше нет места для самого человека как активного участника политической жизни, попавшего в капкан образов, имитаций и общественных масок, создаваемых главными участниками властных отношений. Понятие «Проектов» в модерне, которые позволили построить величайшие империи и отправить человека в космос, полностью ликвидируется в пользу абстрактной и нерушимой «свободы» (лимбической системы). Кроме того, модерн, разрушая концепцию «Бог – Человек – Мир»[1] и объявляя о «смерти Бога»,

[1] См.: *Асонов Н.В., Талина Г.В.* Генезис российских представлений о власти // Власть. № 8, 2016.

открыл врата для того, чтобы постмодерн возвестил о «смерти и человека» и исчезновении мира, превращенного новейшей политической властью в хитроумный набор симулякров, взятый на вооружение антигуманными политическими силами, к которым можно отнести масонство.

Значит, **постмодерн** – это *цивилизационная парадигма*, включающая в себя всю совокупность социально-политических идей, которые господствуют в обществе на современном этапе, ведя к упадку, ликвидации смыслов и сути существования земной цивилизации.

Корнута И.В. Постмодернистская парадигма как составляющая современной эпистемологии политической науки. В статье анализируется разноплановый характер постмодернистского понимания особенностей диалектики жизни мирового сообщества, что позволяет видеть в нём прямую связь с идеями «деконструкции».

Ключевые слова: постмодерн, политика, политическая наука, С.В. Савельев.

Kornuta I.V. Postmodern paradigm as a component of epistemology of contemporary political science. The article analyzes the diverse nature of the postmodern understanding of the characteristics and the dialectics of the global community, which makes it possible to see in it a direct connection with the ideas of “deconstruction”.

Keywords: postmodern, politics, political science, S.V. Saveliev.

СУН ИФАНЬ
аспирант кафедры политологии Востока
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Современная политическая система и БРИКС

Позади десятилетие успешного развития международного сотрудничества в рамках БРИКС по таким ключевым направлениям взаимодействия, как политика и безопасность, экономика, торговля и инвестиции, сельское хозяйство, наука и инновации, образование, здравоохранение, культура и др. В этой связи есть повод проанализировать пройденный странами-участницами путь и наметить перспективы дальнейшего взимодействия.

Первый саммит глав государств Бразилии, России, Индии и Китая (БРИК) прошел по инициативе России в 2009 г. в Екатеринбурге. Формат признали успешным, и встречи на высшем уровне стали проводиться ежегодно. В 2011 г. с целью расширения сотрудничества по линии «Юг-Юг» на саммите в городе Санья (КНР) статус официального члена объединения получило наиболее экономически развитое государство Африки – Южно-Африканская Республика, что означало официальное оформление диалога пяти развивающихся государств под названием «БРИКС». Впервые возникла межрегиональная союзная группа «больших экономик» с потенциалом открытого терминала в Африку, Азию, Европу и Латинскую Америку.

Создание БРИКС стало по большому счету ответом на недостаточность традиционных для XX в. экономических и геополитических обоснований и мотиваций при определении приоритетов развития человечества[1]. В этой связи главной задачей объединения является не экономическая интеграция, а переформатирование международных отношений с целью повысить влияние новых центров силы – «восходящих» стран. Однако нельзя утверждать, что развитие БРИКС проходит беспроблемно. Это касается не

* Сун Ифань, e-mail: 285720420@qq.com
[1] *Roberts C*. Russia's BRICs Diplomacy: Rising Outsider with Dreams of an Insider // Polity, 2010, vol. 42, no. 1, p. 38-73. DOI: 10.1057/pol.2009.18.

только позиционирования БРИКС в мире, но и отношений между самими участниками объединения.

Создание БРИКС отразило эти две тенденции – увеличение роли новых субъектов в мировых делах и кризис системы международных отношений, что, безусловно, стало значительным шагом в направлении формирования новых принципов мирового порядка[1]. Очевидно, именно по этой причине в отношении к БРИКС существует ярко выраженная незаинтересованность и даже враждебность в лагере «коллективного Запада»[2]. С момента перехода от теоретической возможности создания подобной организации к практической реализации этого амбициозного проекта БРИКС подвергался острой критике. Западные специалисты находили и продолжают искать множество причин, почему этот клуб не может и не должен существовать: указывают на конъюнктурный характер целей объединения, отсутствие крепких исторических взаимосвязей между участниками, низкий товарооборот между отдельными государствами-членами, цивилизационную неоднородность, высокую зависимость стран БРИКС от западных рынков и т.д. Так, «Financial Times» и вовсе представляет группировку БРИКС как совокупность аномалий: «У каждого из ее членов есть нечто такое, благодаря чему он не вписывается в группу»[3].

Однако знаменательно то, что объединение БРИКС неожиданно играет роль, о которой ученые раньше лишь рассуждали, – оно помогло консолидировать страны группы и решить проблемы, периодически возникающие между ними. Мир с большим напряжением следил за развитием застарелого конфликта между Индией и Китаем в Гималаях. Возможно, именно необходимость для премьер-министра Индии Нарендры Моди приехать на саммит БРИКС поз-

---

[1] *Виноградов А.В.* Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты / Под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. М.: РУДН, 2013, с. 8-18. URL: http://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/53c7/b39f/676c/7631/4009/0000/original/strategiya-rossii-v-briks-tseli-i-instrumenty.pdf?1408705835 (дата обращения: 01.10.2018).

[2] *Арапова Е.Я., Окунева Л.С.* Позиционирование объединения БРИКС в новой системе международных отношений (материалы круглого стола в МГИМО) // Международная аналитика, 2017, № 3 (21), с. 66-87.

[3] *Бондарь В.* Отчего вдруг так много критики? // Международная жизнь. URL: http://interaffairs.ru/print.php?item=9303 (дата обращения: 01.10.2018 г.)

волила «остудить» накалившуюся обстановку. Именно в рамках БРИКС советникам по национальной безопасности удалось найти точки соприкосновения и выработать договоренности, а накануне саммита вопрос был урегулирован. Обе стороны проявили политическую волю, чтобы не сорвать саммит и не нарушить единство стран БРИКС. В данном случае формат БРИКС сыграл значимую роль в урегулировании регионального конфликта.

На саммите БРИКС вопросы политической повестки всегда занимают довольно серьезное место. Это и американская политика в отношении Китая и России, и взаимоотношения США с другими центрами силы, региональные конфликты, ситуация на Корейском полуострове. Саммиты БРИКС дают возможность лучше понять друг друга и скоординировать свои позиции.

Стратегической целью усилий всех партнеров по БРИКС является «поэтапное превращение БРИКС в механизм координации действий как по стратегическим вопросам, так и по текущим вопросам мировой политики и экономики. На этой основе станет возможным превращение БРИКС в реально действующий элемент системы глобального управления»[1].

Стоит также отметить, что страны БРИКС не стремятся к прямой конфронтации с США[2].

Помимо политических вопросов между странами-участницами активизируются многочисленные отрасли сотрудничества, такие как взаимодействие между регионами, в области международной информационной безопасности, туризма, энергетики и др. Государства-члены ШОС и БРИКС прикладывают усилия к консолидации своих позиций по конкретным ключевым вопросам и проблемам[3]. Особое внимание уделяется укреплению роли БРИКС и в контексте взаимодействия на уровне основных международных организаций (ООН, ВТО) и площадок (G20). В совокупности участие в таком формате, как БРИКС создает мультипликационный

[1] Российский су-шерпа: БРИКС — это альянс реформаторов в международных отношениях. 30 марта 2015 г. URL: http://brics2015.ru/transcripts/20150330/29159-print.html (дата обращения: 01.10.2018).

[2] *Ли С.* К вопросу о политике и дипломатии стран БРИКС // Сравнительная политика, 2015, т. 6, № 1 (18), с. 54-64. URL: https://doi.org/10.18611/-2221-3279-2015-6-1(18)-54-64 (дата обращения: 01.10.2018).

[3] *Лексютина Я.* Отсутствие единой позиции – не помеха для БРИКС. НКИ БРИКС. URL: www.nkibrics.ru/posts/show/5849faa86272693114270000 (дата обращения: 01.10.2018).

эффект и позволяет расширить возможности пяти стран в решении не только внешних, но и внутренних проблем и задач по самым разным направлениям – от укрепления и обеспечения безопасности и в собственных границах, и в глобальном масштабе до создания благоприятного инвестиционного климата с целью реализовать инфраструктурные проекты стратегического значения.

Тем не менее, как справедливо отметил А.В. Виноградов, «БРИКС не может превратиться в аналог G7 и создать однополярную или воссоздать биполярную структуру мира»[1].

Россия и Китай являются ключевыми участниками БРИКС, и что важно – их интересы во многом совпадают. Задачи и подходы Китая к построению нового миропорядка вполне отвечают российским интересам. В частности, основными целями названы поддержание мира и стабильности в международных отношениях, улучшение системы глобального управления мировой экономикой, взаимодополняемое развитие стран БРИКС, расширение гуманитарных обменов.

Прочно инкорпорировавшись в международную систему, Китай стал одним из крупнейших ее бенефициаров. Однако, как показывает исторический опыт, в процессе «возвышения» любой страны к статусу великой державы с глобальным влиянием всегда есть исторический рубеж, переступив который данная страна при определении своего внешнеполитического курса начинает руководствоваться целью переформатирования существующей международной системы в соответствии с собственными интересами и потребностями развития. Этим рубежом стал мировой экономический кризис 2008-2009 гг.

В посткризисный период Китай применительно к существующему международному порядку встал перед выбором: с одной стороны, КНР являлась крупным бенефициаром существующей международной системы, но с другой – начала предпринимать меры по ее реформированию. Стоит отметить, что когда в Китае была инициирована политика «реформ и открытости», Пекином был взят курс на инкорпо-

[1] *Виноградов А.В.* Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты / Под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. М.: РУДН, 2013, с. 13. URL: http://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/53c7/b39f/676c/7631/4009/0000/original/strategiya-rossii-v-briks-tseli-i-instrumenty.pdf?1408705835 (дата обращения: 01.10.2018).

рирование в международную систему и расширение взаимодействия с международными организациями. Так, в апреле 1980 г. Китай восстановил свое членство во Всемирном банке и МВФ, в марте 1986 г. стал членом Азиатского банка развития. Уже в роли инвестора Китай присоединился к целому ряду других многосторонних банков развития: в 1985 г. – к Африканскому банку развития, в 1997 г. – к Карибскому банку развития, в 2000 г. – к Банку торговли и развития Восточной и Южной Африки, в 2004 г. – к Восточноафриканскому банку развития (точнее, акционером категории «B» стал Народный банк Китая), в 2008 г. – к Межамериканскому банку развития, в 2016 г. – к Европейскому банку реконструкции и развития. После длительного и сложного подготовительного периода, потребовавшего 15 лет переговоров и консультаций относительно условий вступления Китая в ВТО, в декабре 2001 г. Китай стал полноправным членом этой организации. И наконец, после начала мирового финансово-экономического кризиса Китай вошел в G20 – расширенную версию элитарного клуба мировых держав G7.

По мнению председателя Центра развития инновационного бизнеса А. Михеева, для Китая БРИКС всегда была концепцией, которую можно было использовать как базу для расширения своего экономического влияния. Новый формат БРИКС отлично встраивается в стратегию «один пояс – один путь», которую Пекин сейчас активно продвигает. В долгосрочной перспективе этот формат будет рассматриваться китайской стороной как звено в глобальной экономической экспансии Китая[1].

Для России БРИКС остается одним из главных направлений внешней политики с учетом ее курса на развитие сетевой дипломатии и необходимости укреплять отношения с растущими центрами силы в тот момент, когда отношения с Западом находятся на историческом минимуме. Согласно Концепции внешней политики России (2016 г.) БРИКС воспринимается как кратчайший путь для России в приобретении новой степени влияния в глобальном управлении и

[1] См.: *Соловьева О.* Китай расширяет БРИКС в своих интересах. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-07-20/1_7033_china.html (дата обращения: 01.10.2018).

участии в строительстве многополярного мирового порядка совместно с другими развивающимися странами.

В рамках X саммита БРИКС в Йоханнесбурге лидеры Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР провели встречи в узком и расширенном форматах, подписали ряд соглашений и приняли совместную итоговую декларацию. Президент России Владимир Путин, Президент ЮАР Сирил Рамафоза, Президент Бразилии Мишел Темер, Председатель КНР Си Цзиньпин и премьер-министр Индии Нарендра Моди провели заседание в узком составе. Перед заседанием лидеры БРИКС неформально пообщались в кулуарах саммита. Встречи на столь высоком уровне подтверждают политическую значимость деятельности данной организации.

Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что наряду с уникальной ролью БРИКС в глобальной экономике деятельность объединения направлена на борьбу с вызовами и угрозами миру и стабильности, с терроризмом и экстремизмом, нелегальным наркотрафиком, трансграничной преступностью.

В принятой по итогам X саммита БРИКС Йоханнесбургской декларации дана оценка современной международной ситуации и в более чем 100 ее пунктах определены основные направления дальнейшего сотрудничества стран БРИКС. Декларация в очередной раз подтвердила стремление лидеров Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР к формированию «более честного, справедливого и представительного многополярного мирового порядка в целях процветания всего человечества». Отдельный пункт посвящен приверженности нормам международного права и универсальной системе коллективной безопасности, закрепленной в Уставе ООН. Также подчеркивается необходимость работы над форматированием международной системы, способствующей укреплению сотрудничества и стабильности в условиях многополярного мирового порядка. Декларация зафиксировала необходимость расширения представительства стран в ООН, особенно применительно к решению вопросов мира и безопасности.

Несмотря на некоторые расхождения между участниками объединения, у государств-членов есть общие долгосрочные интересы, которые они намерены реализовывать совместно.

Таким образом, площадка БРИКС – необходимый формат для мирного взаимодействия стран-участниц, создающий ту дипломатическую атмосферу, которая так важна для урегу-

лирования даже самых долгосрочных конфликтов, а также для реализации взаимовыгодных проектов во всех сферах деятельности, что существенно влияет на формирование современной мировой политической системы.

Сун Ифань. Современная политическая система и БРИКС. В данной статье рассматривается положение стран-участниц БРИКС в системе международных отношений. Особое внимание уделено оценке роли стран БРИКС в решении вопросов мировой политики и экономики и глобальной безопасности. Предметом авторского анализа является определение роли объединения БРИКС в условиях формирующегося миропорядка.

Ключевые слова: БРИКС, Россия, Китай, взаимодействие, международные отношения, политическая система.

Sun Yifan. Modern political system and BRICS. This article examines the position of the BRICS countries in the system of international relations. Particular attention is paid to assessing the role of the BRICS countries in addressing issues of world politics and economics and global security. The subject of the author's analysis is to determine the role of the BRICS association in the conditions of the emerging world order.

Keywords*:* BRICS, Russia, China, interaction, international relations, political system.

Н.С. ЛУПАЧЕВА
аспирант кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Современные исследования молодежной политики

Любое развитое современное государство уделяет серьезное внимание вопросу социализации молодежи, ее органичной интеграции в социум. Ведь от того, как государство проявляет заботу о молодых людях, их морально-нравственном и профессиональном воспитании, зависит будущее страны, ее экономическое процветание и политический авторитет.

Данная статья посвящена **современным вопросам изучения** молодежной политики в Российской Федерации и за рубежом. Цель статьи – выявление наиболее релевантных исследований в области государственной молодежной политики настоящего времени. На основе этих трудов может быть сделан вывод о состоянии изученности выбранной темы. Для достижения поставленной цели были проанализированы материалы отечественных и зарубежных исследований по обозначенной проблематике.

Монографии, посвященные изучению российской модели молодежной политики. При анализе первой группы трудов было выяснено, что монографий и статей, которые содержат информацию о российской модели молодежной политики, существует достаточно много и они в большинстве своем носят системный характер.

К.В. Харченко, М.С. Прошин и А.Ю. Нестеров, Б.Л. Рудник и В.В. Романова, С.Г. Кара-Мурза, Т.К. Ростовская, П.А. Меркулов, И.Н. Литвинова, А.А. Зеленин и М.С. Яницкий, Б.А. Дейч[1] и другие в своих трудах обозначают совокупность теоретического и практического материала по концептуаль-

* Лупачева Нина Сергеевна, e-mail: nina-lupacheva@yandex.ru

[1] См., например: *Харченко К.В.* Настольная книга специалиста по молодежной политике: Учеб.-практ. пособие. М.: Национальная гильдия Профессиональных консультантов, 2013; *Кара-Мурза С.Г.* Сложные проблемы молодежной политики. М.: «Когито-Центр», 2016; и др.

ным основам и инструментам реализации молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В них дается подробный анализ отличительных признаков, целей молодежной политики, общего логического основания задач и их связи с конкретными мероприятиями, исполнителями, ресурсами и оценочными показателями, перечисляются основные проблемы, с которыми сталкивается государство при реализации молодежной политики.

Труды О.Ю. Межиной и О.А. Васильевой, А.В. Терентьевой, Т.А. Ромма и Е.В. Богдановой, А.Я. Кибанова, М.В. Ловчевой и Т.В. Лукьяновой, В.В. Ткаченко, Т.А. Нигматуллиной[1] и других содержат авторское видение современных проблем реализации молодежной политики и поиска эффективных путей ее осуществления. Исследователи обосновывают необходимость рассмотрения отечественной государственной политики в молодежной сфере в сравнении с моделями других стран, отмечают, что многократная смена управленческих структур в этой области за последние десятилетия отражает несовершенство органов управления и поиск наиболее оптимальных путей реализации молодежной политики. Авторами позитивно оценивается одна из важнейших социальных технологий работы с молодежью в современном обществе – вовлечение в волонтерскую деятельность, которая способствует социализации молодежи, ее самореализации, усвоению определенных ценностей и морально-поведенческих норм.

Сборники материалов и коллективные монографии[2] (П.П. Ловкова, С.Г. Миронова, Т.М. Гурина, М.В. Юдина, Г.В. Морозова, П.А. Меркулов и другие) содержат важную и объемную информацию о молодежи России, ее правовом и социальном положении, ценностных ориентирах, социально-трудовых проблемах и информационном обеспечении. Особое внима-

[1] *Терентьева А.В., Михайловская С.А., Шапиева А.В.* Государственная молодежная политика в Российской Федерации: Учеб.пособие. Чита: ЗабГУ, 2015;. *Ткаченко В.В.* Исторический опыт формирования и реализации государственной молодежной политики (1991-2009 годы): Монография. Кострома: «Авантитул», 2010; и др.

[2] *Лесконог Н.Ю., Рейзвих М.В.* Технологии воспитания подростков и молодежи, подготовки кадрового резерва молодежной политики: Коллективная монография. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014; Ловкова *П.П., Миронова С.Г., Гурина Т.М.* Молодежь России: Сборник рефератов статей из периодических изданий за 2008 г. М.: Российская государственная библиотека для молодежи, 2009; и др.

ние уделяется проблемам патриотического воспитания молодежи, ее политической социализации и интеграции в социальную практику через общественные молодежные объединения и организации.

Исследования, дающие представление о зарубежных моделях государственной политики в молодежной сфере. Второй блок исследований затрагивает проблемы государственной молодежной политики за рубежом, ее сравнение с российской моделью. Работ по данной проблематике не так много, они дают общее понимание вопроса, но не формируют полноценное представление о плюсах и минусах каждой из моделей, не предлагают конкретных мер по использованию опыта других государств.

О.В. Степанищенко, Н.Д. Бобкова, Д.В. Чернов, Н.В. Коурдакова, Б.А. Дейч, М.В. Чельцов и А.И. Тетерина[1] рассматривают эволюцию восприятия молодежи как социальной группы, опыт формирования молодежной политики в России и за рубежом, а также анализируют нормативную базу и институты, реализующие молодежную политику в РФ. На основе приводимого материала предлагаются шаги по оптимизации этого направления государственной политики.

Реализация молодежной политики в Российской Федерации и за рубежом исследуется А.Я. Кибановым, Т.В. Лукьяновой и М.В. Ловчевой[2]. При этом учитывается распределение сфер ответственности между государством, бизнесом и некоммерческим сектором. Кроме того, рассматривается проблема будущего молодежной политики и актуализируется поиск путей наиболее рациональных и продуктивных вариантов ее осуществления.

Коллективная монография «Молодежная социокультурная среда: кросс-культурный анализ на материале России и США»[3], написанная на английском языке, посвящена характеристике различных категорий молодежи, проблемам социально-педагогической работы с ней, а также молодежной

---

[1] См., например: *Степанищенко О.В*. Молодежь как субъект государственной политики: Монография. Краснодар, 2011; *Бобкова Н.Д.* Подготовка специалистов для молодежной сферы в условиях глобализации: историко-методологический аспект. Курган: Из-во Курганского гос. ун-та, 2009; и др.

[2] *Кибанов А.Я., Лукьянова Т.В., Ловчева М.В*. Молодежная политика в России и зарубежных странах: Монография. М.: ГУУ, 2011.

[3] Молодежная социокультурная среда: кросс-культурный анализ на материале России и США: Коллективная монография. М.: Изд-во РГСУ, 2013.

политике государств. Материалы данного труда позволяют сформировать представление о моделях молодежной политики России и США, провести сравнительный анализ, выявив сильные и слабые стороны каждой из них.

Труды, касающиеся нормативно-правового регулирования молодежной политики. Третий тематический блок историографического обзора посвящен трудам, тематика которых неразрывно связана с нормативно-правовым регулированием государственной молодежной политики. Несмотря на то, что основными источниками исследования являются государственные документы, представленные в большом количестве, системных монографий, которые бы обобщали всю эту законодательную базу не так много и появились такие исследования относительно недавно.

Р.И. Зинурова, Э.Б. Гаязова, А.Р. Тузиков[1], а также Р.И. Тимофеева[2] определяют основы, субъекты и объекты государственной молодежной политики, рассматривают перспективы совершенствования ее реализации. Авторы отмечают, что сложность исследования заключается в незавершенности реформирования федеративного устройства и модели государственной молодежной политики России как таковой в условиях изменения роли муниципальных образований в процессе ее осуществления. Помимо этого, труды перечисленных авторов содержат сравнительный анализ нормативно-правовой базы регулирования молодежной политики в Российской Федерации и за рубежом.

В данном случае источниковая база выглядит внушительно, дает возможность посмотреть на изучаемую проблему под широким углом зрения. Однако историографическая база представляет собой достаточно скудный набор исследований, основной темой которых является отечественная модель молодежной политики. Она не позволяет читателю взглянуть на проблему полномасштабно ввиду однообразности подхода к изучению материала. Большинство представленных материалов носят описательный характер и не предлагают глубокого анализа реалий и перспектив молодежной политики.

---

[1] *Зинурова Р.И., Гаязова Э.Б., Тузиков А.Р.* Нормативно-правовое регулирование молодежной политики: Учебное пособие. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013.

[2] *Тимофеева Р.И.* Правовые основы государственной молодежной политики: Монография. Стерлитамак: Стерлитимакский филиал БашГУ, 2013.

Необходимо отметить, что в исследованной литературе не представлен в должной мере опыт западных коллег, которые достигли определенных успехов в области молодежной политики, в то время как при качественном анализе зарубежной политики в молодежной сфере можно составить действенные рекомендации по усовершенствованию российского образца.

Современная российская историографическая база молодежной политики отличается широтой подходов к предмету анализа и достаточной фундаментальностью исследований. Количество трудов по данной теме велико, авторы считают ее актуальной и перспективной.

Лупачева Н.С. Современные исследования молодежной политики. В статье рассматриваются современные исследования молодежной политики в России и за рубежом. Автор делает вывод о том, что историографическая база по выбранной теме является достаточно широкой и позволяет получить общее представление о предмете, однако некоторые аспекты темы остались неизученными.

Ключевые слова: молодёжь, молодёжная политика, государственная молодёжная политика, исследования молодежной политики.

Lupacheva N.S. Modern studies of youth policy. The article discusses modern studies of youth policy in Russia and abroad. The author concludes that the historiographic base on the chosen topic is wide enough and allows to get a general idea of the subject but some aspects have remained unexplored.

Keywords: youth, youth policy, state youth policy, youth policy research.

Ж.В. АХМАДУЛЛИНА
аспирант кафедры «Философия» факультета
«Социальные и гуманитарные науки»
МГТУ им. Н.Э. Баумана*

Культура коренных народов в контексте культурной политики Австралии (социально-философский анализ)

Актуальность исследования определена стремительными изменениями демографической картины, складывающейся под влиянием миграционных потоков, которая наблюдается во многих странах мира, в том числе в Австралии и России. Эти изменения требуют своевременного реагирования со стороны образовательной и воспитательной системы государств, получающих постоянный мощный приток иностранцев. Отмечая реалии России, мы считаем необходимым остановиться на данных официальной статистики. В 2012-2017 гг. гражданство Российской Федерации приняли более 1 млн. человек, суммарный миграционный прирост за этот период составил 1,6 млн человек, среднегодовая численность трудящихся-мигрантов – около 3 млн. человек. На территории России ежегодно пребывают около 10 млн иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно или временно проживают более 1 млн иностранных граждан[1].

Безусловно, у России с её многовековой историей есть опыт, когда государство постепенно раздвигало свои границы и адаптировало к новым реалиям большие массы людей, прививая им навыки уважения к культуре соседних народов. Но в современных условиях становится всё более актуальным опыт государств, активно вбирающих в себя потоки трудовых мигрантов, значительная часть которых со

* Ахмадуллина Жанна Вячеславовна, e-mail: lintuvvvv@mail.ru

[1] Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 N 622 "О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы" // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 1.11.2018).

временем приобретает гражданство стран, предоставивших им работу и другие социальные блага. В этом отношении для Российской Федерации представляет интерес пример образовательной и воспитательной системы Австралийского Союза, как положительный, так и отрицательный.

Несмотря на более чем двухсотлетнюю историю сосуществования аборигенов, жителей островов Торресова пролива, с переселенцами, в современном австралийском обществе все же существует социальная напряжённость между этими стратами. В связи с этим правительство Австралийского Союза разработало и проводит культурную политику, направленную на развитие механизмов обеспечения солидарности и нивелирования социальной напряженности, на единение австралийского социума и его успешное развитие. Поэтому важнейшими событиями для населения Австралии, в особенности для представителей аборигенов и жителей островов Торресова пролива, являются празднования, которые называются Неделя НАИДОК (НАИДОК – Национальный комитет по соблюдению Дня аборигенов и островитян; неделя празднования получила то же название). В ходе проведения этой недели по всей стране проходят торжественные мероприятия, популяризирующие культуру аборигенов и жителей островов Торресова пролива.

В 1957 г. на основе объединения нескольких общественных организаций, которые отстаивали права коренного населения Австралии, при поддержке правительств штатов и федерального правительства, а также ряда религиозных организаций был создан Национальный комитет по соблюдению Дня аборигенов (НАДОК). Именно этот Комитет впоследствии стал главным организатором и координатором проведения Дня аборигенов. Его плодотворная деятельность помогла изменить в лучшую сторону отношение многих австралийских граждан к своим соотечественникам, принадлежащим к многочисленным общинам коренных жителей Зелёного континента.

Поэтому в 1975 г. было решено проводить мероприятия, посвященные культуре коренных жителей, в течение не одного дня, а целой недели – с первого по второе воскресенье июля. В 1991 г. НАДОК был переименован в Национальный комитет по соблюдению Дня аборигенов и ост-

ровитян, и праздничная неделя получила официальное название Неделя НАИДОК[1].

По нашему мнению, такие изменения стали не просто сменой формы, а наполнили деятельность Комитета новым содержанием, связанным с необходимостью сохранения и развития культуры коренных жителей островов Торресова пролива, их полноценной интеграцией в австралийский социум. Существенное расширение полномочий организации стало возможным благодаря пониманию большей частью австралийского общества, прежде всего публичными деятелями, известными политиками, самобытности и ценности культуры Первых народов, её важности для обеспечения единства и развития австралийского социума, а также для повышения авторитета Австралийского Союза в современном мире.

Особого внимания заслуживает то, что в состав НАИДОК входят представители большинства штатов и территорий Австралии. Это существенно повышает эффективность деятельности Комитета по адаптации общин коренного населения к новой социальной действительности и их интеграции в австралийское общество без размывания национальной идентичности. В итоге это способствует сплочению австралийской нации и подтверждает значимый вклад Национального комитета в защиту прав коренного населения и единение общества.

Национальный комитет по соблюдению Дня аборигенов и островитян, имеющий представительства во всех регионах страны, ежегодно организует празднование Недели НАИДОК. Её мероприятия посвящаются пропаганде истории, культуры и современных достижений коренных народов. В праздничных событиях, как правило, принимают активное участие не только коренные жители, но и многочисленные представители всех социальных слоёв австралийского общества. За время празднования Недели австралийцы фактически сформировали новую традицию. Одно из главных событий Недели – торжественная церемония вручения официальных наград, подтверждающих признание выдающегося вклада в улучшение жизни коренных народов Австралии. Они объявляются в

[1] National weeks // Australian Government URL: http://www.australia.gov.au/-about-australia/special-dates-and-events/national-weeks (дата обращения: 08.03.2018).

следующих номинациях*:* «За заботу о стране», «За профессиональные достижения», «Человек года», «Мужчина-старейшина года», «Женщина-старейшина года», «Молодой человек года», «Творческий человек года», **«**Исследователь года», «Ученик года», «Спортсмен года»[1].

Следует отметить социальную значимость процедуры выдвижения претендентов на награды, поскольку она достаточно демократична: практически любой гражданин может предложить своего кандидата из представителей коренного населения. Для этого нужно всего лишь заполнить специальную заявку в соответствии с разработанными критериями отбора и отправить её в НАИДОК. Более того, социальный престиж и значимость наград обеспечивается ещё и тем, что в организации и проведении Недели активно участвуют не только общины, но и правительственные учреждения, местные советы, общеобразовательные школы и т.д.

В последующем с целью ознакомления с культурой коренных народов Австралии и сплочения всей нации на официальном сайте Комитета представляются портфолио обладателей наград, а сама Неделя широко освещается наиболее авторитетными австралийскими СМИ. Мощная и системная пропагандистская кампания по празднованию Недели проводится и через социальные сети: популяризируются её основные мероприятия и граждане, внёсшие наибольший вклад в развитие культуры коренных народов. Например, на YouTube было размещено большое количество роликов о деятельности Комитета, а по состоянию на 6 апреля 2017 г. на его официальной странице в Фейсбуке было зарегистрировано около 30 тыс. подписчиков[2].

По нашему мнению, активное участие в этих мероприятиях представителей всех слоёв австралийского общества, а также вручение наград – объективный показатель признания большей частью австралийцев социальной значимости культуры коренных народов, подтверждающий, что они все – органич-

[1] Winners Profiles // NAIDOC URL: http://www.naidoc.org.au/winners-profiles/ (дата обращения: 05.02.2018).

[2] APCS COMM SCHOOL Naidoc 2017 - Our Languages Matter. 29.07.2017 // YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ir369vdazgo (дата обращения 11.08.2018); NAIDOC // National Indigenous Television (NITV) URL: http://www.sbs.com.au/nitv/search?search_api_multi_fulltext=naidoc (дата обращения: 05.01.2018); National NAIDOC // Facebook URL: https://www.facebook.com/NAIDOC/ (дата обращения: 27.02.2018)

ная и неотъемлемая часть австралийского социума. Такие глубинные изменения в австралийском обществе, достигнутые в том числе и благодаря повседневной деятельности НАИДОК, а также результаты, полученные в ходе празднования ежегодной Недели, свидетельствуют об эффективности процессов демократизации общества и как следствие социальном сплочении австралийской нации, росте её престижа в современном мире.

Ещё одним важным и объективным показателем социальной значимости деятельности Комитета стало отражение празднования Недели НАИДОК и её мероприятий в социальных сетях: этой информацией обмениваются многие австралийцы. Тем самым они по собственной инициативе популяризируют деятельность и достижения Комитета, делают информацию о его работе доступной не только для официальных органов власти и своих сограждан, но также и для иностранцев, интересующихся социальными процессами, происходящими в современной Австралии. Социокультурный феномен этой Недели и достигаемые в ходе ее проведения результаты регулярно анализируются правительством Австралии. Именно поэтому уже многие годы оно разносторонне поддерживает мероприятия Недели, включая предоставление субсидий для финансирования местных торжеств.

По решению Национального комитета столицей праздничной Недели ежегодно выбирается новый город и назначается оригинальная тема. На 2017 г., например, НАИДОК определил следующую тему Недели: «Наши языки имеют значение». Организаторы мероприятий сосредоточили внимание на необходимости сохранения всех диалектов аборигенов и жителей островов Торресова пролива, обосновав это тем, что языки коренных народов играют исключительно важную роль в их культуре и остаются одним из главных каналов передачи исторической информации новым поколениям[1].

Кроме этого, важным средством популяризации культуры коренного населения стал ежегодно проводимый конкурс плакатов, который отражает тематику Недели НАИДОК. В этом конкурсе участвуют художники только из числа аборигенов и жителей островов Торресова пролива; в 2017 г.

[1] NAIDOC 2017 Activity pack // Queensland Government. Department of Aboriginal and Torres Strait Islander Partnerships URL: https://www.datsip.qld.gov.au/resources/datsima/involved/naidoc/naidoc-activity-pack.pdf. P. 1 (дата обращения: 15.02.2018).

было подано более 150 заявок. В итоге лучшим был признан плакат художницы Джоанны Кэссэди «Ваше племя, мое племя, наша нация»[1].

Важно отметить, что в последние годы значительно возрос социальный запрос на такие плакаты. Поэтому власти Австралии и НАИДОК способствуют их бесплатному массовому распространению. Тем самым не только популяризируется культура коренных народов Австралии, но и укрепляются процессы демократизации и интернационализации австралийского социума. По сути это объективный показатель повышения социального статуса коренных жителей в австралийском обществе. Наш вывод подтверждается также тем, что уже почти 20 лет главной идеей плакатов НАИДОК остаётся счастливое будущее коренных народов, построенное на фундаменте многостороннего развития детей и самих общин, хотя первые тиражи этих плакатов два десятилетия назад выражали идеи преимущественно протестного характера.

Как мы уже отмечали, темой Недели НАИДОК в 2017 г. были языки коренных народов Австралии. Это совпадает с важным направлением современной культурной политики Австралийского Союза – включением в школьные программы языков аборигенов и жителей островов Торресова пролива. Такая деятельность властей стала ответом на социальный запрос – значительное количество респондентов, отвечая на вопросы Второго национального исследования языков коренных народов, заявили о необходимости их преподавания в учебных заведениях и отметили, что использование этих языков помогает обучаемым из числа аборигенов и жителей островов Торресова пролива успешно адаптироваться к реалиям современной жизни[2].

По нашему мнению, удовлетворение государством такого социального запроса, выражающего мнение большинства членов общества, способствует массовому появлению

[1] Winner announced for the 2017 National NAIDOC Poster Competition // NAIDOC. 15.05.2017. URL: http://www.naidoc.org.au/news/winner-announced-2017-national-naidoc-poster-competition (дата обращения: 03.06.2018).

[2] *Marmion D., Obata K., Troy J.* Community, identity, wellbeing: the report of the Second National Indigenous Languages Survey // The Australian Institute of Aboriginal and Torres Strait Islander Studies (AIATSIS) URL: https://aiatsis.gov.au/sites/default/files/products/report_research_outputs/2014-report-of-the-2nd-national-indigenous-languages-survey.pdf. P. 33-34 (дата обращения: 05.03.2018).

носителей самобытной культуры, способных транслировать её новым поколениям коренных жителей, что создаёт и творчески развивает оригинальное культурное пространство Австралийского Союза.

Наш анализ показывает, что многочисленные мероприятия в сфере культурной политики Австралии нацелены на консолидацию австралийского общества. Неделя НАИДОК – яркий пример готовности власти и общества к социальным переменам, желание сохранить культурное наследие коренных народов и улучшить социальную динамику. Такой подход со стороны руководства Австралии, авторитетных политиков и деятелей культуры, многочисленных общественных организаций способствует развитию общих духовных ценностей и социально значимых ориентиров, объединяет австралийцев независимо от их расовой, национальной, конфессиональной и социальной принадлежности, показывая пример мировому сообществу.

Подводя итоги, считаем необходимым отметить, что процессы интернационализации и демократизации культурной политики Австралии могут показаться незначительными в масштабе исторического времени, но они уже дали весомые положительные результаты. С одной стороны, в сообществе аборигенов и островитян Торресова пролива усилилась потребность людей в этнической самоидентификации, укрепилось желание возродить свою культуру и передать её будущим поколениям. С другой стороны, граждане готовы органично встроить свои традиции в культурную палитру всего современного австралийского общества, не потеряв при этом собственный колорит и сохранив возможность донести его до мирового сообщества как неотъемлемую часть всей культуры Австралии.

Таким образом, проведённое исследование показало, что изучение культурной политики Австралийского Союза, направленной на обеспечение бесконфликтного существования различных социумов, их культурного развития и интеграции значительных потоков иностранцев в новую культурную среду на условиях уважения культурной идентичности коренного населения может быть полезно для других государств, в том числе и для Российской Федерации.

Поэтому анализ австралийского опыта совершенствования культурной политики, частью которой являются сохранение и популяризация культуры коренных народов, имеет важное

значение для нашей страны, ставшей в последнее время привлекательной для значительного числа мигрантов, особенно из стран постсоветского пространства. При этом в силу самых разных причин Российская Федерация испытывает заметный дефицит в людях трудоспособного возраста. Отсюда особую актуальность имеет вывод, который сделан в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы: «Целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны ‹…› поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода»[1].

Поэтому самого тщательного изучения заслуживает опыт миграционной политики тех стран, которые на протяжении длительного периода успешно адаптируют значительное количество мигрантов, предоставляя им не только работу, но и гражданство. В этом отношении требует самого внимательного анализа и последующего применения, с учетом российских реалий, опыт Австралии по сохранению, развитию и популяризации культурного наследия коренных народов, в значительной мере способствующий развитию социальной солидарности внутри австралийского общества. Более того, в условиях рыночной экономики эта проблема имеет не только духовное и социально-политическое значение, но и финансово-экономическое наполнение. Как показывает мировой опыт, популяризация культурного наследия коренных народов помогает развитию внутреннего туризма и притягивает зарубежных гостей, что укрепляет авторитет государства и повышает его возможности в решении многих проблем.

[1] Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 N 622 "О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы" // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 1.11.2018).

Ахмадуллина Ж.В. Культура коренных народов в контексте культурной политики Австралии (социально-философский анализ). В статье анализируется культурная политика Австралийского Союза, направленная на возрождение и популяризацию культурного наследия аборигенов и жителей островов Торресова пролива.

Ключевые слова: аборигены; жители островов Торресова пролива; права коренного населения; торжества; культурная политика; НАИДОК; языки коренных народов.

Akhmadullina Z.V. Indigenous culture in the context of Australian cultural policy (social-philosophical analysis). The article analyzes the cultural policy of the Commonwealth of Australia aimed at reviving and popularizing cultural heritage of the indigenous population of the country.

Keywords: aboriginal people, the inhabitants of the Torres Strait Islands; indigenous rights, celebrations, daily activities, cultural policy, NAIDOC, social dynamics, indigenous languages.

СУНЬ ЮЭХУАЦЮ
аспирант кафедры политологии Востока
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Глобальная безопасность и китайский подход

Представляется целесообразным в рамках предложенной темы проанализировать позицию Китая относительно вопросов мировой геополитики и его места как страны в иерархии мировых держав ввиду того, что в XXI веке геополитическая роль Китая распространяется далеко за пределы государства, что обусловлено его активной экономической и политической деятельностью, и эта держава теперь оказывает значительное воздействие на перераспределение сфер влияния мировых центров силы (США, Европа) в свою пользу.

Понимая под международной безопасностью систему международных отношений, в основе которой лежит соблюдение государствами общепризнанных принципов и норм международного права и которая исключает решение спорных вопросов и конфликтов с помощью силы, КНР выстраивает свою внешнеполитическую позицию, охватывающую национальный, региональный и глобальный уровни.

Стоит остановиться на некоторых положениях китайских стратегий и теорий, в которых затрагивается тема многополярности. Одной из первых точек зрения, появившихся в геополитической науке Китая, стала концепция директора Центра стратегических исследований Института международных отношений Пекинского университета профессора Е. Цзычэна. Позиция эта, по словам автора, является самобытной, сформированной на собственных китайских исторических, культурных и философских источниках, а не на базе западной геополитической мысли. Он полагает, что Китай как государство восточной части Евразии должен развивать стратегические партнерские отношения с державами пространства суши Евразии. Китай может иметь всестороннее сотрудничество только с такими тремя центрами

* Сунь Юэхуацю, e-mail: zoezoesun@icloud.com

силы Евразии, как Европа, Россия и Индия. Сотрудничество с ними создает для Китая хорошие перспективы. Только при мирной окружающей обстановке Китай сможет создать гармоничный мир. Многие идеи Е. Цзычэна прямо перекликаются с положениями о Евразии, артикулированными основателем русской школы геополитики А.Г. Дугиным еще в середине 90-х гг.[1].

Другая точка зрения высказана китайским ученым, директором Института США Китайской академии современных международных отношений Юань Пэн. Суть ее заключается в том, что Китай, как и другие страны в современной, часто меняющейся международной обстановке пребывает в состоянии трансформации. Но при этом Китай является важной движущей силой изменения мировой системы. Китайские исследователи, обращает наше внимание Юань Пэн, пришли к выводу, что Китай сейчас представляет из себя государство, отражающее четыре неодинаковые по своей природе сущности, которые можно условно назвать «четыре в одном»: это развивающаяся страна, это поднимающаяся держава, это глобальная держава и, наконец, это квази-сверхдержава, которая занимает второе место в мире после США. Все остальные страны далеко позади. Такая самооценка Китая для нас очень важна, так как позволяет, с одной стороны, понять сложность положения Китая в мировой политике, его амбиции, а с другой – дает возможность другим странам правильно выстраивать взаимоотношения с Китаем.

Юань Пэн также говорит о новой тенденции в мировой политике – существовании различных моделей социально-политического развития стран и их соревновании между собой. Акцент китайского ученого на многообразие мирового развития полностью совпадает с идеей А.Г. Дугина о том, что многополярность – это многообразие во всем: в развитии, идеологических течениях, пространствах[2].

Аналитик Китайской академии современных международных отношений Ван Хунган, оценивая мировую ситуацию, тоже приходит к мысли, что США потеряли свою значимость и

[1] *Грачиков Е.Н.* Взгляд Китая на современное мироустройство и многополярность. URL: http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/vzglyad-kitaya-na-sovremennoe-miroustrojstvo-i-mnogopolyarnost-3575 (дата обращения: 01.10.2018).

[2] Там же.

их мнение уже не является непререкаемым. Новые поднимающиеся державы, такие как Россия, Китай, Индия, играют все более важную роль на глобальном уровне. Хотя управление в международных организациях остается пока за западными странами, но оно уже становится неэффективным.

Правительство КНР определяет свою позицию по устройству мира как противоречащую любой силовой основе и формированию вокруг нее силовых альянсов. Так, Ли Кэцян отмечает, что «китайская сторона не желает, чтобы какое-либо государство было вынуждено выбирать себе сторону в духе мышления эпохи холодной войны», и что «китайская экономика продолжит выступать в качестве мощного движителя глобальной экономики»[1].

Так, например, мы отмечаем, что деятельность «стратегического треугольника» – Россия, Китай и Индия – достигла практических результатов как в создании стабильных и конструктивных отношений между ними, так и в поддержании глобальной безопасности на региональном и глобальном уровнях. Однако остается нерешенным вопрос, сможет ли «стратегический треугольник» стать примером нового прочного международного порядка с новой системой управления, какова степень прочности взаимодействия трех стран.

В целом нынешнее состояние нестабильности и конфликтности в Евразии чревато непредсказуемыми последствиями для судеб мира и требует от ведущих евразийских стран объединения усилий, большей консолидации и солидарности в деле противодействия вмешательству извне, обеспечения международной безопасности. В современных условиях Россия, Китай и Индия должны исходить из необходимости сформировать собственную структуру обеспечения системы коллективной глобальной безопасности, которая могла бы стать важной частью международной системы безопасности.

Сегодня США сохраняют большинство инструментов глобальной власти в экономической, финансовой, технологической, военной сферах. Но совершенно очевидно, что роль США в современной архитектуре международных отношений меняется. В ответ на проводимую США политику экспансии и ли-

[1] Китай намерен содействовать глобальной интеграции, миру и стабильности URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4097205 (дата обращения: 01.10.2018).

дерства мы наблюдаем у стран и международных организаций попытки поиска новой модели мироустройства. Активная роль России на международной арене, возросшее экономическое влияние Китая, усиление роли стран БРИКС, появление новых игроков, это прежде всего Иран, – все это свидетельствует о необходимости нового многополярного мироустройства, новых правил для поддержания стабильности и мира, что актуально для всей современной мировой политики.

Вероятно, что процесс формирования нового миропорядка окажется продолжительным, нелинейным, отчасти хаотичным, поскольку принципы международного права перестают главенствовать, и будет сопряжен с большими рисками. Современные политические условия развития позволяют предполагать, что ключевую роль в обеспечении глобальной стабильности будут играть Россия, Китай и Индия.

В современных условиях эти и другие ведущие государства Евразии должны исходить из необходимости сформировать структуру обеспечения системы коллективной безопасности на материке, которая могла бы стать важной составной частью международной системы безопасности.

Россия, Китай и Индия, занимающие значительную территорию Евразии, обладающие огромными природными ресурсами и немалым потенциалом геостратегических коммуникаций, могут сыграть определяющую роль в предотвращении конфликтов на материке, формировании всеобъемлющей системы обеспечения стабильности и безопасности. Участие стран во многих евразийский объединениях, в частности в ШОС, БРИКС, позволяет продвигать и воплощать глобальные инициативы в интересах укрепления мира и сотрудничества на континенте и в мире в целом.

При этом важно подчеркнуть, что Пекину, Москве и Дели жизненно необходимо координировать свои действия во внешнеполитической деятельности, в урегулировании конфликтных ситуаций на материке, формировании основ справедливого мироустройства в мире. Такое тесное взаимодействие позволит нейтрализовать попытки дестабилизировать обстановку в мире извне, стремление третьих стран вмешиваться во внутренние дела России, Китая и Индии и сталкивать интересы этих дружественных друг другу стран.

Таким образом, Китай демонстрирует многополярную модель системы международных отношений. Китай проводит собственный курс в международных делах, который часто

противоречит американским интересам. Экономическое, научно-техническое, культурное и информационное сотрудничество положено сегодня в основу взаимодействия стран, а вовсе не их военное сотрудничество. Хотя военная сфера продолжает играть важную роль.

Экономическая мощь Китая, его стратегии по взаимодействию стран, обеспечению безопасности на национальном, региональном и глобальном уровнях способствуют формированию вокруг КНР центра силы, чему также способствует и меняющееся содержание международных отношений.

Сунь Юэхуацю. Глобальная безопасность и китайский подход. Данная статья посвящена проблеме глобальной безопасности и подходу китайского государства к данной проблеме. Используя системный подход, автор на примере политического взаимодействия России – Китая – Индии выделяет направления сотрудничества и исследований проблем трехстороннего формата взаимодействия с целью становления новой системы глобальной безопасности.

Ключевые слова: глобальная безопасность, системный подход, Китай, политическое взаимодействие, система безопасности.

Sun Yuehuatsyu. Global security and Chinese approach. This article is devoted to the problem of global security and the approach of the Chinese state to this problem. Using a systematic approach, the author, on the example of Russia-China-India political interaction, highlights the directions of both cooperation and research on the problems of the tripartite format of interaction in order to establish a new global security system.

Keywords: global security, system approach, China, political interaction, security system.

В.О. КУПАЕВ
аспирант кафедры ЮНЕСКО
РАНХиГС при Президенте РФ*

Трансформация современной мир-системы: проблема единых наций, стран, государств

В школе мир-системного анализа И. Валлерстайна существует определенная социально-эпистемологическая и онтологическая трактовка таких понятий, как «нация», «государство», «культура», «цивилизация», «легитимность», «суверенитет»[1]. Это стандартный набор терминов социальных и гуманитарных наук (также международного права и повседневного языка) для описания мира. И. Валлерстайн и представители школы мир-системного анализа считают, что язык описания реальности и наша форма рациональности крайне историчны и становятся все менее пригодны для адекватного отображения меняющегося мира. Более того, социальные и гуманитарные науки появились сравнительно недавно и обладают инструментарием прошлых эпох (во многом являются частью культуры прошлого): устоявшаяся политическая карта, межгосударственная система, организация людей в некие экономические и социальные структуры очень часто были созданы в рамках колониального порядка (в его разных фазах) и выражали прошедшее состояние мир-системы[2]. При переменах в отношении ядра и периферии мирового капитализма, в торговых балансах, в цепочках добавленной стоимости, в технологиях происходят социальные сдвиги, создающие условия для пересмотра принятого языка описания реальности, так как люди реорганизуются по-новому, создавая новый мир.

Для иллюстрации своего тезиса И. Валлерстайн взял пример Индии: С одной стороны, можно вообразить, что в

* Купаев Владимир Олегович, e-mail: hellohalo@yandex.ru

[1] *Wallerstein I.* World-Systems Analysis: An Introduction. N.Y.: Penguin Press, 2004, 210 p.

[2] *Wallerstein I.* Race, Nation, Class: Ambiguous Identities. L.: Macmillan, 1991, 406 p.

эпоху колониальных завоеваний полуостров был бы поделен между Парижем и Лондоном: было бы слово Индия сейчас? Скорее всего, существовал бы слой историков, философов, культурологов, доказывающих, что страны полуострова являются исконно древними независимыми образованиями, культурами, народами, цивилизациями, нациями. Возможно, между новыми странами (насколько они могут называться странами) случались войны и взаимные претензии, а также споры вокруг исторического наследия. История Индии написана небольшим «классом» исторических ученых, которые выражали властный заказ и собственный субъективный «вкус», концептуализируя социальный нарратив в заданных рамках. Последняя завершающая мысль о современной мир-системе (на примере Индии) И. Валлерстайна – никто не может однозначно сказать о будущем территории под названием Индия[1].

Великий мыслитель не стал развивать свой тезис в статье об Индии, отметив, что его позиция может быть распространена на другие страны, государства, нации, культуры.

Для проверки этого тезиса обратимся к примерам из разных стран.

Возьмем пример Бельгии: существует проблема двух стран внутри формально единой нации. Фландрия – это территория с экстенсивным сельским населением, которое резко отстает в продвижении лёгкой промышленности и новых высокотехнологичных отраслей, Валлония – это городская и богатая часть Бельгии. Население Бельгии также поделено этнически на две группы: валлоны (40%) и фламандцы(60%), между которыми существует напряженность:после последних выборов в 2007 г. Бельгия жила без правительства в течение шести месяцев из-за разногласий и скандалов между голландскоязычной Фландрией на севере и франкоязычной Валлонией на юге. Будущее Бельгии не ясно: «развод возможен»[2]. Бельгия отлично иллюстрирует правоту И. Валлерстайна о сложности современной социальной жизни, большой социальной инерции прошлого, трудности в определении

[1] Электронная библиотека статей. Режим доступа https://www.scribd.com/document/2923057/Does-India-exist(дата обращения: 1.12.2018).

[2] Financial Times. Режим доступаhttps://www.ft.com/content/c45dfbd4-7349-11e5-bdb1-e6e4767162cc(дата обращения: 1.12.2018).

нации, государства, общества в современном мире, большом потенциале перемен в будущем.

Другой пример – Индонезия, которая формально признана независимой страной после серии восстаний против управления монархии Нидерландов. Эта бывшая колония была административно организована внешней силой, которая объединила острова будущей страны под свои нужды в рамках колониальной мир-системы. Эта страна существует на 18 000 обособленных островов (из которых 1000 имеет постоянное население), население Индонезии говорит на более чем 700 языках, не понимая друг друга (индонезийский язык не очень популярен), в разных частях Индонезии распространен разный хозяйственный уклад, адаптивный к средовой особенности проживания[1]. Проблема сепаратизма актуальна для Индонезии с момента признания ее единой и суверенной страной: предпосылки для новых границ заложены в географию и социально-культурную жизнь людей. Назвать Индонезию нацией, культурой, цивилизацией, страной можно, но с огромными допущениями и оговоркой (о чем пишет И. Валлерстайн на примере Индии).

Можно привести пример из Ближнего Востока и вспомнить сложную социальную структуру Ливана. Страна состоит из религиозных общин, которые внутри себя могут иметь этническое разделение (так же как один этнос может иметь социально важное разделение по религиозному признаку). Все общины Ливана имеют свою территорию компактного проживания, что делает невозможным поиск единства «нации», «общества», «государства» даже в физической предметной реальности, а не только в культурных, спекулятивных, абстрактных, философских вещах: «Общины Ливана имеют территориальную привязку. Наибольшая концентрация суннитского населения была на севере страны (42%), шиитов на юге (51%), друзы и мароните в горном Ливане (16,8% и 66,5% соответственно), греки-ортодоксы на севере (24%), греки-католики и армяне в Бейруте и его пригородах (21,6%) и на юге (17,1%)»[2].

[1] Энциклопедия Кругосвет. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/INDONEZIYA.html?page=0,4 (дата обращения: 1.12.2018).

[2] «Ислам сегодня». Режим доступа https://islam-today.ru/politika/religioznye_obshhiny_livana_i_ix_vliyanie_na_politicheskuyu_zhizn_strany/ (дата обращения: 1.12.2018).

В условиях отсутствия единой культуры, доминирующего этноса, гражданской нации и дисфункции институтов государства, права, экономики Ливан стал удобной площадкой для создания такого нестандартного являения в новейшей истории, как Хезболла – организации, имеющей статус террористической во многих странах мира, при этом владеющей своей долей на мировом рынке алмазов (за счет ливанской диаспоры в Латинской Америке), мандатами в парламенте Ливана, благотворительными и образовательными учреждениями, небольшими вооруженными силами (которые имеют опыт противостояния регулярной армии Израиля). Организация явно выполняет некоторые функции государства наряду с нелегальными деяниями (что опять ставит вопрос о возможности использования стандартного социально-гуманитарного языка описания реальности в современном мире).

Ливан существовал как провинция Османской и Французской империй, территория управлялась внешними силами. В современных условиях Ливан сложно представить чем-то единым и неделимым, что также подтвержает правоту И. Валлерстайна о смене межгосударственной системы.

При рассмотрении прочих признанных стран, наций, государств, обществ, культуры мы находим схожие с Индией, Индонезией, Бельгией, Ливаном проблемы[1]. Так, Канада имеет проблему Квебека и собственной канадской идентичности, Италия разделена на несколько частей (север, Сицилия), у Нигерии огромная часть территории фактически «выпала» из правового поля (Боко Харам), Афганистан – это территория с большой общинностью и фрагментированностью социума и т.д. Во всех этих случаях можно найти трудности с употреблением понятий «государство», «нация», «общество», «цивилизация» и все чаще «страна».

Как следствие позиция И. Валлерстайна и школы мир-системного анализа верна, проверяема эмпирически и находится в рамках известных фактов и логики.

В мире назрела необходимость создания нестандартных форм взаимодействия людей. При рассмотрении Ливана была затронута проблема Хезболлы – эта организация являет-

[1] *Page M.* Colonialism. An International Social, Cultural, and Political Encyclopedia. N.Y.: Penguin press, 2003, 1204 p.; *Minahan J.* Encyclopedia of the Stateless Nations. Washington: Viking Press, 2016, 540 p.

ся одним из примеров попытки выхода из социального кризиса и экономической слабости региона[1] (другие примеры – появление анклавов в городах или относительно самостоятельных регион-экономик в странах). Современная ситуация в мире создала предпосылки для других попыток адаптации и улучшения жизни вне рамок единых наций, стран, государств, культур.

Купаев В.О. Трансформация современной мир-системы: проблема единых наций, стран, государств. И. Валлерстайн обратил внимание на трансформацию мир-системы: старые формы объединения людей в страны и нации в некоторых случаях уходят в прошлое, открывая возможности для новых форм социальной солидарности и адаптации к мир-системе. Автор статьи демонстрирует правильность этого тезиса на примере нескольких стран.

Ключевые слова: мир-система, капитализм, государство, нация, колониализм.

Kupaev V.O. Transformation of the modern world-system: the problem of united nations, countries, states. I. Wallerstein drew attention to the transformation of the world-system: the old forms of connecting people into countries and nations in some cases are passing away, opening up opportunities for new forms of social solidarity and adaptation to the world-system. The author of the article demonstrates correctness of this thesis by the example of several countries.

Keywords: world-system, capitalism, state, nation, colonialism.

[1] *Norton A.R.* Hezbollah: A short history. Montreal: Political books, 2018, 240 p.

В.А. КРАСИЛЬНИКОВ
старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»*

Древнегреческие софисты о проблеме небытия

Известно, что ряд представителей философских школ Древней Греции в том или ином виде признавали факт его существования. К таким школам и направлениям относятся пифагорейцы, учения атомистов Левкиппа и Демокрита В своих рассуждениях о Благе трансцендентность бытия демонстрировал Платон, а Аристотель давал небытийственные характеристики различным сферам бытия, отражая их в созданных им специфических терминах. С подобными рассуждениями о различных трансформациях небытия выступали многие другие античные философы. Однако из всех рассматриваемых философских учений по вопросу существования и толкования небытия особое место принадлежит древнегреческой софистике.

Софисты в силу отличий собственного мировоззрения и способов его изложения изначально занимали в данном вопросе крайнюю, радикальную позицию, допускающую трактование рассматриваемого понятия, в корне отличающееся от других. Сама постановка вопроса о небытии являлась весьма удобным орудием в руках софистов в доказательстве своих постулатов. Особое значение небытия для софистов подчеркивал Аристотель, по мнению которого «небытие или ничто» выступало важным предметом рассмотрения софистики в онтологии[1].

Для софистов прнципиальное значение имел вопрос, ради чего нужно что-то утверждать и доказывать. В своих известных рассуждениях они приходят к выводу, что такой целью может быть какая-либо выгода, прежде всего личная. Иначе зачем предпринимать усилия, тратить время и т.п. Все

* Красильников Владимир Анатольевич, e-mail: VAKrasilnikov@kpfu.ru
[1] *Аристотель.* Соч. В 4 т. М.: Мысль, 1976, т. 1, с. 173.

остальное, что может являться целью философского поиска – объективная истина, идеальная субстанция и т.п. в сравнении с личной выгодой оказываются ничем, теряют всякий познавательный смысл. Взяв за основополагающую субстанцию небытие, софисты превращают истину в ничто, однако в вопросе личной выгоды небытийность отсутствует, что в очередной раз определяет обоснование произвольных суждений софистов.

По вопросам отношения к небытию представители софистики не могли не основываться на положениях отдельных учений своих предшественников – представителей ранних древнегреческих философских учений. Эти положения стали базой для формирования мировоззрения софистов. Такими учениями являлись прежде всего онтология элеатов, главным представителем которых выступал Парменид, и учение Гераклита об огненно-динамичной субстанции. Основываясь на данных учениях, наиболее известные представители софистики, «старшие» софисты Протагор и Горгий, утверждали, что на самом деле ничего не существует, а только кажется. Исходя из этого, они делали выводы: «Все есть мнение», «Существует только так, как нам кажется»[1].

Мнение возводится ими в высшую меру вещей, человек становится его мерилом, ибо только он может обладать мнением. Так, Протагор утверждал, что помимо кажимости есть только мнение и только оно может определять суть вещей. Но мнение может меняться, поэтому нет ничего постоянного, постоянно существующего или существующего вообще. В этом проявляется влияние на творчество Протагора учения Гераклита. Из его учения он заимствует постоянно происходящие изменения, которые делает мерилом бытийности, а все остальные вещи определяет как не существующие реально, обращая их в сферу небытия. Отсюда софистом легко делается вывод о несуществовании ничего постоянного. Таким образом, бытийность и небытийность приобретают по отношению друг к другу зеркальное свойство, которое можно повернуть как угодно, в зависимости от того, что в данный момент представляет интерес, а таким интересом для софистов в их изъяснениях всегда выступала личная выгода. Другими словами, данный подход имеет следующее обоснование: «… все есть и одновременно не

[1] *Трубецкой С.Н.* Метафизика в Древней Греции. М.: «Мысль», 2003, с. 390.

есть. Все подлежит противоположным утверждениям, все высказывается обо всем, и ничто ни о чем»[1].

Исходя из несуществования (небытия) объективно сущего, а лишь меняющегося, кажущегося или ощущаемого человеком, софисты отрицают наличие как истины, так и лжи. Более того, они далеки от мысли, что вообще возможно какое-либо движение в сторону познания чего-либо, поскольку это объективно невозможно, в том числе из-за трактуемой ими в рамках собственной позиции фактической небытийности этого мира. По их мнению, каждый отдельно взятый человек воспринимает окружающие вещи по-своему, в силу особенностей своих чувственных органов. Следовательно, для каждого человека воспринимаемые таким образом вещи тоже существуют по-своему. Вещь сама по себе, без восприятия телесными органами человека, либо, по меньшей мере, не имеет постоянных свойств, либо не существует вовсе[2].

На представленных постулатах основывается суть мировоззрения софистов относительно небытия. Утверждение «все относительно, все условно» становится его своеобразной формулой. Несуществование объективной истины заменяется мнением человека, которое хоть и меняется, но существует, в отличие от истины, пусть и в субъективной форме. Тем самым мнение человека становится не просто мерой всех вещей, но и индивидуальной, универсальной мерой, единственной, пусть не постоянной, но объективно существующей действительностью. Окружающий мир и вещи в нем пребывают в небытии, поскольку не существуют, а обладают лишь кажимостью, видимостью. Соответственно объективного знания также не существует и существовать не может.

В данном изложении позиции софистов образуется тезисная связка «мнение-убеждение», так какучение об объективной истине теряет здесь познавательный смысл (зачем говорить о том, чего не существует – здесь прослеживается влияние элеатов (Парменида)). Как известно, убеждение являлось главным орудием софистов, способным влиять на мнение людей. Оно передается через слова, которые способны меняться и менять содержание убеждений и далее

---

[1] *Аристотель.* Метафизика. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006, с. 46.

[2] *Родзинский Д.Л.* Небытие и бытие сознания в ранних формах индийской, китайской и греческой философии. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006, с. 58.

влиять на мнение. В этом заключается бытийная сторона учения софистов, носящая временный, переменчивый, непостоянный характер. Сознавая наличие в нем субъективного начала, говорить о его претензиях на объективность не приходится, тем более, что оно само в представленном изложении того и не требует.

По этой причине подавляющее большинство софистских учений не представляет из себя цельного знания, выгдядит как обрывочное, не связанное, раздробленное мировоззрение[1]. Исключением являются позиции Протагора и Горгия, которые обосновали суть представленной выше позиции софистов относительно бытийных и небытийных характеристик мира опираясь на идеи философских предшественников.

Мировоззрение Протагора, основанное на динамичной субстанции Гераклита, сводилось к универсальному тезису, что относительно всякой вещи могут быть высказаны два противоположных друг другу суждения[2]. Эти суждения согласно логике софистов также могут меняться, в том числе по отношению друг к другу.

Позиция Горгия, во многом основанная на метафизике элеатов, выстраивалась на трех постулатах, первым и основным среди которых было утверждение «ничто не существует», вторым – «если есть нечто сущее, то оно не познаваемо», третьим – «если даже оно познаваемо, то невыразимо и неизъяснимо»[3]. По его мнению, все вокруг является ложным, а кажущееся объективно не существует[4]. Исходя из этого, он приходит к выводу, что бытие и небытие одинаково не существуют: «Все только кажется, на деле же ничего нет».

Отрицающие тезисы Горгия не означали существование небытия. Этим подчеркивалось, что нельзя доказать ни того, что небытие существует, ни того, что бытие не существует, ни того, что бытие и небытие существуют вместе или не существуют вообще как вместе, так и по отдельности. Обозначалась ложность суждения «небытие существует», поскольку оно в предикате утверждает то, что отрицает в субъекте. Противоположное суждение «бытие существует» с

---

[1] *Родзинский Д.Л.* Небытие и бытие сознания в ранних формах индийской, китайской и греческой философии, с. 58.

[2] *Диоген Лаэртский.* О жизни, учении и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979, с. 318.

[3] *Трубецкой С.Н.* Метафизика в Древней Греции, с. 397.

[4] *Чанышев А.Н.* Философия древнего мира. М.: Высшая школа, 2003, с. 307.

точки зрения Горгия также нельзя доказать, однако в его понимании это суждение, в отличие от первого, непротиворечиво. Поэтому ложность данного тезиса доказывалась им опосредованно, путем обозначения неразрешимости проблем, связанных с фактом признания бытия сущным[1]. Подобные постулаты о неразрешенности проблемы либо вопроса в принципе, характерны для всей софистики.

Таким образом, из всего изложенного можно сделать вывод, что наиболее известные древнегреческие софисты и их последователи применяли понятие «небытие» в основном для отрицания всего того, что они считали лично для себя ненужным, т.е. не сущим, не существующим. Рассмотренные толкования «старшими» софистами вопросов о небытии в рамках их учений обладают универсальностью, которая позволяет объяснить любое понятие.

Красильников В.А. Древнегреческие софисты о проблеме небытия. В статье исследуются подходы софистов к толкованию понятия «бытие» на примере отношения к понятию «небытие».

Ключевые слова: бытие, небытие, софистика, мнение, непознаваемость.

Krasilnikov V.A. Ancient greek sophists on the problem of nothingness. The article investigates approaches of sophists to the interpretation of the concept «being» on the example of the attitude to the concept «nothingness».

Keywords: being, nothingness, sophistry, opinion, non-cognizance.

[1] Там же.

Информация для авторов

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

- Необходимые сведения об авторе:

- Фамилия, имя, отчество; ученая степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты; контактные телефоны.

- Аспиранты, в том числе заочной формы обучения, полностью указывают место учебы (работы).

- Объем статей не должен превышать:

- 7 страниц для соискателей степени кандидата наук;

- 17 страниц для соискателей степени доктора наук.

- Статьи должны быть напечатаны в формате MicrosoftWord (2003-2007), интервал 1,5, кегль 14, шрифт «Arial» на одной стороне листа, форматирование по ширине (поля: верхнее и нижнее – 2, левое – 2,5, правое – 1,5);

- ссылки (сноски) даются в конце каждой страницы (кегль 10);

- таблицы, схемы, диаграммы должны быть выполнены в черно-белом изображении и сопровождаться сквозной нумерацией.

- В конце статьи ***обязательно*** прилагаются:

- аннотации на ***русском*** и ***английском языках*** (не более 5 строк); в аннотациях указывать ФИО автора, название статьи и ключевые слова.

- Статьи должны сопровождаться заверенной рецензией (отзывом) специалиста и рекомендацией кафедры (отдела) по месту работы.

- Статьи в редакцию направлять в печатном варианте с приложением CD (диска) ***простой бандеролью***. По электронной почте статьи принимаются по согласованию с редакцией.

- Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации статьи в редакции.

- Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат и других данных. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.

- Редакция оставляет за собой право на научное редактирование статей. Рукописи не возвращаются. Редакция в переписку с авторами не вступает.

Вниманию подписчиков журнала!

Журнал «Социально-гуманитарные знания» является научно-образовательным изданием, предназначенным для преподавателей, студентов и учащихся высших, средних специальных и средних учебных заведений, всех, интересующихся социально-гуманитарными науками и образованием.

Подписка и доставка периодических изданий осуществляется всеми отделениями **Группы компаний "Урал-Пресс"** в офисах агентства в вашем городе. Информацию можно получить на сайте ГК "Урал-Пресс" **www.ural-press.ru** или по телефону **8(499) 700-05-07.**

Подписка осуществляется всеми отделениями связи. Индекс подписки – 70652 (Каталог «Пресса России»), тел. (495) 995-95-70.

Подписная цена за один номер в первом полугодии 2019 г. – 300 руб., в продаже – цена свободная. Подписка на электронную версию журнала осуществляется в Научной электронной библиотеке **www.elibrary.ru**

Information for authors

Articles sent to the magazine should be drawn up according to the following rules:

1. Necessary information about the author:

- Surname, name, patronymic; academic degree; academic rank; the place of work; the post; e-mail address; contact phones.

- Graduate students, including the correspondence form of training, fully indicate the place of work (study).

2. The volume of articles should not exceed:

- 7 pages for candidates degree;

- 17 pages for competitors for Doctor of Science degree.

3. Articles should be printed in Microsoft Word format (2003-2007), space 1.5, point type 14, font "Arial" on the one side of the worksheet, the align block (fields: top and bottom-2, left-2.5, right-1.5);

- references (footnotes) are given at the end of each page (point type 10);

- tables, charts, diagrams should be in black and white and accompanied by continuous numbering.

4. At the end of the article are necessarily attached:

- annotations in English and Russian (no more than 5 lines); with indicating the author's name, the title of the article, main content and key words.

5. Articles should be accompanied by specialist's certified reviews and the recommendation of the Department (Office) at the place of work.

6. The articles should be sent in the printed version with the application CD (disk) by common book-post. Articles sent by e-mail are accepted only in agreement with the editorial office.

7. The decision to publish is made within 30 days from the date of the articles registration by the editors.

8. The authors are responsible for accuracy of the facts, quotes and other data. Editorial opinion may not coincide with the position of the authors of publications.

9. The Editorial board reserves the right to scientific editing of the articles.

10. Manuscripts will not be returned.

11. The Editorial board does not enter in correspondence with the authors.

To the subscribers of the magazine attention!

Journal "Socio-humanitarian knowledge" is a scientific and educational edition, designed for teachers, students and pupils in higher, specialized secondary and secondary schools, all with an interest in social and humane sciences, and education.

Subscription and delivery of periodicals is realized by all the chapters of the **Group of companies "Ural-Press"** in agency offices in your city. Information can be obtained on the website **www.ural-press.ru** or by phone **8 (499) 700-05-07.**

Subscription is available in all post-offices. Subscription index – 70652 (catalogue **"Press of Russia").**

The subscription price for one issue in the 1-half of 2019 − 300 rubles, free of control price for sale..

Subscribtion to the electronic version of the magazine is carried out in the Scientific Electronic Library **www.elibrary.ru**

Подписано в печать 25.03.2019 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Объем 22,0 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с готовых оригинал-макетов ……